

ТИТЪ ЛИВІЙ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. ТЭНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Е. И. Герье.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

В. И. ГЕРЬЕ.

Съ очеркомъ научной дѣятельности Тэна.

Издание К. М. Солдатенкова.

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДЪ
ИНСТИТУТА

МОСКВА.

Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1900.

6192

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый русскимъ читателямъ переводъ долженъ восполнить собой значительный пробѣлъ нашей ученой и педагогической литературы. Исслѣдованіе Тэна о Титѣ Ливіѣ, безспорно одно изъ самыхъ талантливыхъ произведеній извѣстнаго французскаго писателя, даетъ гораздо больше, чѣмъ указываетъ его заглавіе и представляетъ собой драгоцѣнное пособіе для римской исторіи. Твореніе Тита Ливія, конечно, всегда останется главнымъ источникомъ для исторіи Рима, и ужь потому серьезное знакомство съ этимъ историкомъ есть первое условіе для успѣшнаго изученія римской исторіи. Но Тэнъ не ограничился изученіемъ и характеристикой Тита Ливія, какъ историка; объясняя методъ и взглядъ Тита Ливія на исторію Рима, Тэнъ оцѣниваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и труды новыхъ ученыхъ и мыслителей—Макиавели, Монтескьё, Нибура, разрабо-

вавшихъ исторію Рима, и съ своей стороны изображаетъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ общій ходъ и смыслъ римской исторіи, какъ ее понимаетъ современная наука. Такимъ образомъ, книга Тэна даетъ читателямъ возможность подъ руководствомъ самого Тита Ливія глубже проникнуть въ судьбы вѣчнаго города, которыя такъ краснорѣчиво изображены великимъ римскимъ историкомъ, и въ то же время познакомиться съ однимъ изъ образцовыхъ художественно-литературныхъ произведеній классическаго міра. Отрывки, приведенные Тэномъ изъ Тита Ливія, переведены по русски непосредственно съ латинскаго оригинала Е. Н. Щепкинымъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ бѣльшей полнотою.

И П П О Л И Т Ъ Т Э Н Ъ

(1828—1893).

A-t-il atteint une grande conception d'ensemble? A-t-il une idée personnelle et complète de la nature et de l'esprit?—Oui.—A-t-il rassemblé les opérations et les découvertes de l'intelligence sous un principe unique qui leur donne à toutes un tour nouveau?—Oui; seulement il faut démêler ce principe.

Taine.

Старинные біографы, желая выяснитъ себѣ жизнь человѣка, справлялись прежде всего о томъ, подъ какимъ знаменіемъ онъ родился. И современные біографы поступаютъ такъ же, но только знаменіемъ служитъ для нихъ не созвѣздіе, а тѣ задачи и вопросы, которые время ставило нарождавшемуся и слагавшемуся умственно поколѣнію. Совершеннолѣтіе Тэна совпало съ переломомъ въ исторіи его отечества—съ революціей 1848 года и быстро замѣнившей ее второй имперіей. Высокій подъемъ духовнаго напряженія и

политическихъ страстей въ 40-хъ годахъ круто порвался. Молодое поколѣніе отнеслось скептически къ наслѣдію своихъ отцовъ. Одни стали искать выхода на службѣ имперіи, другіе—на службѣ науки. Самая наука стала представляться въ иной формѣ—съ другими идеалами. Къ ней были предъявлены строгія требованія—подъ вліяніемъ точныхъ наукъ стали требовать безошибочнаго метода и отъ наукъ духовныхъ, отъ исторіи, психологіи и философіи. То, что прежде было сдѣлано въ этой области, казалось безплоднымъ резонерствомъ, ораторствомъ. Этотъ упрекъ въ особенности относился къ исторіи. Чѣмъ же были знаменитые историки 40-хъ годовъ, Мишле, Кине, какъ не горячими ораторами, страстными проповѣдниками извѣстнаго политическаго идеала? И чѣмъ же были французскіе философы, какъ не краснорѣчивыми проповѣдниками извѣстной доктрины—спиритуализма и эклектизма. Молодой Тэнъ круто повернулся къ нимъ спиной. Въ 1854 году, въ „Опытѣ“ надъ Титомъ Ливіемъ, изобразивъ типъ историка-оратора, Тэнъ противопоставилъ ему программу будущей научной исторіографіи. Еще въ 1852 году—въ своихъ „Philosophes classiques“,—самое сочиненіе вышло позднѣе,—Тэнъ бросилъ перчатку „оратору“ Кузену и начерталъ методъ *научной философіи*. Въ точномъ научномъ методѣ онъ сталъ искать средства обновленія для

философiи, для литературной критики и для исторiи. Въ этомъ заключалась его жизненная задача.

Но Тэнъ широко заложилъ основанiе для своего научнаго зданiя. Французы, какъ извѣстно, мало склонны искать науки и, въ особенности *мысли* у другихъ народовъ. Тэнъ представляетъ собою въ этомъ отношенiи замѣчательное исключенiе и блестящее олицетворенiе умственной солидарности великихъ культурныхъ народовъ. Онъ съ дѣтства былъ знакомъ съ англiйскимъ языкомъ; онъ выучился по-нѣмецки и свое приготовленiе къ научному подвигу началъ съ изученiя нѣмецкой философiи.

„Я читалъ Гегеля, — говоритъ онъ, — ежедневно въ теченiе цѣлаго года въ провинци; вѣроятно, я никогда не буду испытывать впечатлѣнiй равносильныхъ тѣмъ, которыя я изъ него выносилъ“. Почему же Тэнъ такъ зачитывался, такъ наслаждался Гегелемъ? Онъ былъ для него откровенiемъ великаго, цѣльнаго мировоззрѣнiя, цѣлой культурной эпохи въ исторiи человѣческаго духа. „Съ 1780 по 1830 г. Германiя создала всѣ идеи нашей исторической эпохи и въ теченiе еще полувѣка, а можетъ быть и цѣлаго вѣка, наша великая задача будетъ въ томъ, чтобы усвоить и пересоздать (*repenser*) эти идеи“. Подобно тому,

какъ въ свое время проявилась самобытная культура „возрожденія“, какъ потомъ установился духъ классицизма, такъ въ концѣ прошлаго вѣка „философскій духъ Германіи, создавъ метафизику, богословіе, поэзію, литературу, лингвистику, экзегетику, въ настоящее время проникаетъ въ точныя науки и продолжаетъ свою эволюцію. За триста лѣтъ не было духа болѣе оригинальнаго, болѣе универсальнаго, болѣе плодотворнаго послѣдствіями, болѣе способнаго все пересоздать и передѣлать. Въ чемъ заключается сила этого духа? Въ способности раскрывать общія идеи. Благодаря этой способности, умъ соединяетъ подъ главной идеей всѣ разрозненные части предмета; въ группѣ явленій видитъ соединяющую ихъ связь. примиряетъ противорѣчія, возводитъ мнимыя противоположности къ глубокому единству“. А надъ всѣмъ этимъ царитъ идея *развитія* (Entwicklung). Въ примѣненіи къ природѣ эта идея представляетъ намъ міръ, какъ лѣстницу формъ и какъ рядъ состояній, заключающихъ въ самихъ себѣ— свою причину и свою *очередь*, необходимость своей непрочности и ограниченности и составляющихъ со всѣми другими недѣлимое, самодовлѣющее цѣлое. Въ примѣненіи къ человѣку эта идея научаетъ смотрѣть на чувства и мысли, какъ на естественные и необходимые продукты, связанные между собою, какъ метаморфозы животнаго или

растенія, что побуждаетъ разсматривать религіи, философіи, литературы—всѣ понятія и всѣ ощущенія человѣческія,—какъ неизбѣжныя послѣдствія извѣстнаго состоянія духа, которое уноситъ ихъ за собою и, возвращаясь, снова ихъ порождаетъ и которое, если мы въ состояніи его воспроизвести, даетъ намъ возможность воспроизвести ихъ вновь... Вотъ тѣ двѣ доктрины, которыми проникнуты сочиненія двухъ первоклассныхъ мыслителей вѣка, Гегеля и Гёте. Они повсюду пользовались ими какъ методомъ,—Гегель, чтобы установить формулу всего существующаго, Гёте—чтобы создать въ себѣ образы всего существующаго. Ихъ можно признать двумя философскими дарами, которые современная Германія оставила въ наслѣдство человѣческому роду“.

Однако это наслѣдство требовало передѣлки— „у всякой націи свой самобытный складъ ума, подъ вліяніемъ котораго она пересоздаетъ заимствованныя ею идеи“. Не въ свойствахъ французовъ, — говоритъ Тэнъ, — овладѣвать сразу цѣльными воззрѣніями. Они подвигаются впередъ лишь шагъ за шагомъ, исходя отъ идей конкретныхъ и восходя къ отвлеченнымъ съ помощью метода и постепеннаго анализа Кондильяка и Декарта. Этими идеями имъ надлежитъ исправлять идеи Гегеля и Гёте. Къ тому же *позитивизмъ*, опираясь на всю массу современнаго опыта, и

со смертю своею основателя освобожденный отъ своихъ соціальныхъ и религіозныхъ фантазій, зажилъ новою жизнью, ограничиваясь установленіемъ связи между группами явленій и сцѣпленіемъ между установившимися науками... „Природа оказалась рядомъ фактовъ, а человекъ—*продолженіемъ* природы“.

Но не французскій или контовскій позитивизмъ послужилъ Тэну почвою для обновленія философской мысли, а логика Стюарта Милля. Въ немъ Тэнъ привѣтствовалъ великаго учителя, который приближался „среди всеобщаго молчанія“ по сценѣ, занятой безжизненными и безцвѣтными статистами. „Ничего подобнаго не являлось послѣ Гегеля“.

Подъ вліяніемъ этого новаго учителя взглядъ на міръ долженъ былъ кореннымъ образомъ измѣниться и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и задача философскаго мышленія. Для „экспериментальной философіи“ всякій предметъ не что иное, какъ „груда явленій“. Эти явленія — единственные элементы нашего знанія; такимъ образомъ все усиліе нашей науки должно заключаться въ томъ, чтобы къ однимъ фактамъ прибавить другіе или одинъ фактъ связать съ другимъ. „Во всѣхъ областяхъ знанія операція та же. Вездѣ дѣло должно сводиться къ тому, чтобы понять и научиться, т. е. возвратиться къ фактамъ и свя-

зывать *факты*“. Но въ этой системѣ есть своя Ахиллесова пята. Мастерски охарактеризовавъ сущность системы, такъ-что самъ Милль призналъ, „что невозможно было въ нѣсколькихъ страницахъ дать болѣе точное и полное изложеніе философской доктрины его книги“, Тэнъ слѣдующимъ образомъ резюмировалъ свою критику Милля: „Онъ описалъ англійскій духъ, полагая, что изображаетъ духъ человѣческій. Въ этомъ его слава, въ этомъ также его слабость“. „Посмотрите, что изъ этого выходитъ,—говоритъ Тэнъ приверженцу Милля:—оспаривая у науки возможность знать первыя причины, т. е. божественныя явленія (*les choses divines*), вы вынуждаете человека сдѣлаться скептическимъ, позитивнымъ, утилитарнымъ, если у него умъ сухой, или же мистическимъ, экзальтированнымъ методистомъ, если у него живое воображеніе. Въ этой великой, невѣдомой пустотѣ, которую вы полагаете за предѣлами нашего маленькаго міра (доступнаго опыту), люди съ горячей головой и удрученной совѣстью могутъ помѣстить всѣ свои мечтанія, а людямъ съ холоднымъ разсудкомъ, отчаявшимся тамъ найти что-нибудь, остается лишь предаться изученію практическихъ мѣръ, способныхъ улучшить ихъ положеніе. „...Мнѣ кажется, что чаще всего оба эти расположенія соединяются въ головѣ англичанина. Религіозный духъ и духъ пози-

тивистическій живутъ въ немъ бокъ-о-бокъ и раздѣльно. Это даетъ въ результатѣ странную смѣсь и, признаюсь, я предпочитаю способъ, съ помощью котораго нѣмцы примирили науку съ вѣрою“.

„Но вѣдь ихъ философія не что иное, какъ плохо написанная поэзія! — Можетъ быть и такъ. Вѣдь то, что они называютъ — разумомъ или интуиціей принциповъ, не что иное, какъ способность строить гипотезы!—Можетъ быть. Но система, ими построенная, не выдержала предъ лицомъ опыта. Я вамъ предоставляю все, что ими сдѣлано. Но ихъ абсолютъ, ихъ субъектъ и объектъ и все прочее—не что иное, какъ громкія слова. Я не стою за ихъ слогъ. Но что же вы удерживаете?—Ихъ идею причины. Такъ вы полагаете, подобно имъ, что можно доискиваться причинъ посредствомъ откровенія разума?—Нисколько. Значитъ, вы полагаете, какъ и мы, что причины устанавливаются путемъ простаго опыта?—И этого нѣтъ. Такъ вы развѣ думаете, что помимо опыта и разума существуетъ другая способность для открытія причинъ? *Именно*“.

Изложивъ точнѣе свою мысль, свою великую *поправку* къ системѣ Милля, Тэнъ заключаетъ:

„Вотъ почему, несмотря на узость нашего опыта, метафизика, т. е. изученіе первыхъ причинъ, возможна, подъ условіемъ, чтобы оставаться на большой высотѣ, чтобы не спускаться въ

детали, чтобы разсматривать только самые простые элементы бытія и самыя общія теченія въ природѣ“. Такъ пролагалъ себѣ дорогу Тэнъ между двумя воззрѣніями, между двумя направле-ніями, практическимъ и спекулятивнымъ: „Первое ведетъ насъ къ тому, чтобы смотрѣть на природу, какъ на грудѣ фактовъ, второе—какъ на системе законовъ. Отрѣшенное отъ другаго, первое является англійскимъ; отрѣшенное отъ перваго, второе является нѣмецкимъ. Если есть мѣсто между этими двумя націями, то это наше мѣсто. Мы расширили англійскія идеи въ XVIII вѣкѣ; мы можемъ въ XIX придать точность нѣмецкимъ. Наша миссія—въ томъ, чтобы умѣрить, исправить, пополнить эти два духа—одинъ съ помощью другаго, слить ихъ во-едино и выразить ихъ языкомъ, который понятенъ всему міру, и сдѣлать изъ него обще-человѣческой духъ“.

Такова цѣль, поставленная себѣ Тэномъ. Какой же къ ней ведетъ путь? *Первый шагъ* на этомъ пути заключается въ *анализъ понятій*,— всѣ они должны быть сведены къ фактамъ или взаимнымъ *отношеніямъ фактовъ*. При такомъ анализѣ понятіе *функции* окажется группой фактовъ, содѣйствующихъ общей цѣли, *природа* какого-нибудь существа—группой главныхъ и отличитель-

ныхъ фактовъ, его составляющихъ, *индивидуумъ*—опредѣленная система взаимно-зависящихъ другъ отъ друга фактовъ. То же самое должно быть сдѣлано какъ въ области наукъ физическихъ, такъ и въ области наукъ нравственныхъ. Такимъ образомъ наука освободится отъ всякаго мистическаго и метафизическаго элемента. „Это—немалое дѣло и это доброе дѣло“. Второй шагъ заключается въ анализѣ фактовъ ради *умноженія* ихъ. Издали фактъ казался единымъ; разсмотрѣнный вблизи, онъ размножается. Въ этой замѣнѣ одного общаго, неопредѣленнаго факта многими точными фактами заключается настоящій прогрессъ позитивныхъ наукъ: „вся ихъ работа и весь ихъ успѣхъ за триста лѣтъ заключаются въ преобразованіи крупныхъ массъ, которыя усматриваетъ внѣшній опытъ, въ точный и обстоятельный *каталогъ* фактовъ, каждый день болѣе разлагаемыхъ и многочисленныхъ“. Въ наукахъ нравственныхъ, какъ и въ наукахъ физическихъ, прогрессъ заключается въ примѣненіи анализа, и все усиліе анализа направлено къ умноженію фактовъ, обозначаемыхъ извѣстнымъ терминомъ. *Tout l'effort de l'analyse est de multiplier les faits que désigne un nom.* Но это лишь первые шаги, лишь начало науки: не сдѣлавъ перваго изъ нихъ, изслѣдователь пускается въ погоню за метафизическими сущностями; безъ втораго изъ нихъ

онъ долженъ будетъ остановиться въ своемъ изслѣдованіи. Но все-таки это лишь начало, которое должно имѣть продолженіе. Продолженіе это заключается въ синтезѣ, въ подведеніи каждой группы фактовъ подъ ихъ причину; эта причина сама не что иное какъ *фактъ*. Это „фактъ, изъ котораго можно вывести природу, отношеніе и измѣненіе другихъ фактовъ“.

Тэнъ поясняетъ свою мысль анализомъ того, что представляетъ собою типъ животнаго. Типъ какого-нибудь животнаго есть его прочная и опредѣленная форма, идущая изъ поколѣнія въ поколѣніе. Онъ существенъ, ибо если онъ нарушенъ, животное погибаетъ или его воспроизводятъ вновь. Онъ отличителенъ, ибо, въ противоположность ему, не-живое тѣло можетъ безконечно измѣняться въ своей величинѣ и въ своей формѣ, не воспроизводя себя и не погибая.

Типъ такимъ образомъ—причина всего остальнаго. Изъ него могутъ быть выведены всѣ данныя, составляющія взрослое животное. Каждая группа этихъ данныхъ выводится при этомъ изъ одного какого-нибудь господствующаго факта. А всѣ эти господствующіе факты должны быть выведены изъ типа. „Тогда передъ нами будетъ лишь одна единая формула, изъ которой чрезъ цѣлую систему прогрессирующихъ выводовъ выльется вся организованная масса прочихъ фактовъ.“

„Когда то, что здѣсь показано на одномъ примѣрѣ, будетъ сдѣлано во всѣхъ областяхъ и для всѣхъ наукъ,—вселенная, въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь постигаемъ, исчезнетъ; факты сократятся, ихъ замѣнятъ формулы. И въ нихъ мы раскроемъ единство вселенной и поймемъ то, что ее создало. Она произошла отъ общаго факта, подобнаго другимъ, отъ творческаго закона (*loi g n ratrice*), изъ котораго другіе вытекаютъ. Конечная цѣль науки этотъ верховный законъ—и тотъ, кто могъ бы перенестись въ его нѣдра, увидѣлъ бы вытекающимъ изъ него—какъ изъ верховнаго источника—вѣчный потокъ событій и безбрежное море явленій...

„Въ такія мгновенія человѣкъ сознаетъ, какъ въ немъ зарождается понятіе *природы*. Посредствомъ этой іерархіи необходимыхъ законовъ міръ составляетъ единое существо, нераздѣльное; на высокой вершинѣ явленій, въ выси лучезарнаго и недоступнаго ээира изрекается (*se prononce*) вѣчная аксіома и продолжительный отзвукъ этой творческой формулы составляетъ своими неисчерпаемыми волнами безконечность вселенной... Всякая форма, всякая переменна, всякое движеніе, всякая идея—одинъ изъ ея актовъ. Матерія и мысль, планета и человѣкъ, нагроможденіе солнечныхъ системъ и трепетаніе насѣкомаго, жизнь и смерть, горе и радость, нѣтъ ничего, что бы

его не выражало, и нѣтъ ничего, что бы его вполне выразило... Безучастность, неподвижность, вѣчность, всемогущество и творчество, ни одно понятие его не исчерпываетъ, и когда раскрывается его чистый и возвышенный ликъ, нѣтъ человѣческаго духа который бы не преклонился, смущенный удивленіемъ и ужасомъ. Но въ то же мгновеніе этотъ духъ воспрянетъ; онъ забываетъ о своей скоротечности и мелочности; онъ наслаждается въ своей симпатіи этой безконечностью, которую охватываетъ его мысль, и участвуетъ въ ея величіи“.

8619
Таково міровоззрѣніе Тэна и таковъ методъ изслѣдованія міровыхъ явленій, который служилъ подспорьемъ этому міровоззрѣнію. Это свое міровоззрѣніе Тэнъ высказывалъ лишь изрѣдка, какъ бы въ особенно торжественныя минуты, и оно осталось мало извѣстнымъ: свой же методъ онъ примѣнялъ всю жизнь къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ и рано обратилъ на себя вниманіе рѣзкими диссонансами съ господствовавшимъ настроеніемъ.

Сорокъ лѣтъ провелъ Тэнъ въ неутомимой научной работѣ; приемы его метода были вездѣ тѣ же, вездѣ была та же вѣра въ самый методъ. Многочисленные, появившіяся за эти 40 лѣтъ сочи-

ненія Тэна, тѣсно связанныя между собою общностью метода, распадаются, кромѣ философскихъ, на четыре группы: психологія, литература, искусство и исторія. Начнемъ съ психологіи, — ей посвящено двухтомное сочиненіе „L'Intelligence“. Психологія въ особенности нуждалась въ обновленіи, — это былъ старый инструментъ, настроенный еще Рейдомъ и уже не издававшій звуковъ. „Если психологія — наука, заявилъ Тэнъ, — ея предметъ заключается въ томъ, чтобы открывать новые факты, и если ею пренебрегаютъ, то это потому, что она ничего не открываетъ“. Она была основана на внутреннемъ или самонаблюденіи; чтобы сдѣлать ее способною открывать *новые факты*, Тэнъ счелъ нужнымъ „замѣнить орудіе наблюденія и видоизмѣнить наблюдаемый предметъ“. Первая цѣль была достигнута тѣмъ, что „непосредственное наблюденіе“ онъ замѣнилъ анализомъ психологическихъ „знаковъ“, бывшихъ въ обиходѣ для обозначенія извѣстныхъ группъ представленій. „Надо оставить въ сторонѣ, — говорилъ онъ, — такія слова, какъ разумъ, воля, сила личности (*raisonnement*) и даже самое слово я, подобно тому, какъ были оставлены слова — жизненная сила, цѣлительная сила (*vis medicatrix*), растительная душа; это не что иное какъ литературныя метафоры; все значеніе ихъ — въ томъ, что они представ-

ляютъ нѣкоторое удобство въ качествѣ выраженной сокращающихъ и выражающихъ итоги для обозначенія общаго состоянія“. Научная задача въ томъ, чтобы перевести въ психологіи всѣ темныя, неопредѣленныя, отвлеченныя, сложныя и сомнительныя слова—на факты, на частицы фактовъ, на отношенія и комбинаціи фактовъ. „Это былъ первый шагъ—вы уничтожили метафизическія сущности; теперь приступайте ко второму,—умножайте реальные факты“. Для этого Тэнъ ввелъ въ свою психологію экспериментальную психологію, съ безчисленными установленными ею фактами, и что особенно характерно, „измѣнилъ наблюдаемый предметъ“, т. е. обратился къ области, которую съ такимъ успѣхомъ разрабатываютъ въ послѣднее время французы,—къ области патологическихъ явленій въ душевномъ мірѣ, къ раздвоенію сознанія и наблюденію надъ идеями и чувствами, видоизмѣненными душевною болѣзнью.

Съ благоговѣніемъ ожидаетъ Тэнъ результатовъ примѣненія новой науки къ изученію человѣческой души. „Она приближается наконецъ, эта наука,—воскликаетъ онъ,—и приближается къ человѣку. Она перешла черезъ грань видимаго и осязаемаго міра:—звѣздъ, камней, растеній,—которымъ ее пренебрежительно ограничивали. Она беретъ за человѣческую душу, снабженная орудіями точными и острыми, точность которыхъ до-

казана и провѣрена трехсотлѣтнимъ опытомъ. Результатъ былъ *тотъ, котораго* онъ ожидалъ: „открытіе мелкихъ фактовъ, хорошо подобранныхъ, важныхъ, значительныхъ, обдуманно обставленныхъ и точнѣйшимъ образомъ отмѣченныхъ“. Предъ напоромъ этихъ фактовъ не выдержало центральное понятіе. Человѣческое я оказалось „вереницей совершающихся въ немъ фактовъ“. *Il n'y a rien de réel dans le moi, sauf la file de ses événements.* Такова *формула*, къ которой пришелъ научный анализъ. Но Тэнъ любитъ облекать свои научныя формулы въ образы. Тогда вереница фактовъ становится „лучезарнымъ снопомъ“ — *une gerbe lumineuse*. „На ряду съ лучезарнымъ снопомъ, который мы сами представляемъ, поднимаются ряды другихъ аналогическихъ явленій, составляющихъ тѣлесный міръ, различныхъ по виду, но тождественныхъ по-существу и кругами расположенныхъ другъ надъ другомъ; игрою своихъ лучей они наполняютъ безпредѣльную бездну пространства. Безконечная масса ракетъ одного и того же вида, которыя на различной высотѣ непрерывно и вѣчно поднимаются въ полную мрака пучину,—вотъ что такое всѣ физическія и нравственныя существа: всѣ они ничто иное какъ рядъ событій, отъ которыхъ остается только форма, и природу можно представлять себѣ какимъ-то великимъ сѣвернымъ сіяніемъ.

Какой-то все-объемлющій потокъ, какая-то непрерывная преемственность метеоровъ, которые зажигаются лишь чтобы потухнуть и снова зардѣть и потухнуть, безъ устали и конца, — таковъ видъ міра; таковъ, по крайней мѣрѣ, его видъ при первомъ взглядѣ на него, когда онъ отражается въ крошечномъ метеорѣ, который мы собою представляемъ и когда мы для пониманія вещей прилагаемъ къ нимъ только многообразныя (multiples) представленія, неопредѣленно накопляющіяся въ насъ одно за другимъ“.

Отъ человѣка перейдемъ къ его твореніямъ — въ области художественнаго слова и искусства. Сюда относится главная дѣятельность Тэна, по крайней мѣрѣ та, которой онъ наиболѣе обязанъ былъ своей извѣстностью въ большой публикѣ, — его исторія англійской литературы въ 4 т., его критическія статьи по французской литературѣ, его философія искусства (2 т.), заключающая въ себѣ обзоръ итальянской живописи времени возрожденія и нидерландской. И здѣсь научный методъ исходитъ изъ тѣхъ же предположеній, приходитъ къ тѣмъ же требованіямъ. „Великое призваніе (la grande affaire) человѣческаго духа, какою дорогою онъ бы ни шель, — это повсюду изученіе законовъ и причинъ; онъ не можетъ успокоиться,

пока не распознаетъ въ массѣ разнообразныхъ событій постоянныя и творческія силы, которыя производятъ и возобновляютъ измѣнчивую пестроту явленій, со всѣхъ сторонъ на него наступающихъ“. Для этого необходимо прежде всего убѣжденіе, что художественныя и литературныя произведенія создаются по опредѣленнымъ законамъ, которые можно наблюдать. „Среди человѣческихъ твореній художественное произведеніе кажется самымъ случайнымъ; невольно поддаешься мысли, что оно зарождается наугадъ, безъ правилъ и основанія, что оно предоставлено на жертву случаю, неожиданности, произволу; дѣйствительно, когда художникъ творитъ, онъ слѣдуетъ своей чисто личной фантазіи; когда публика одобряетъ, она руководится своимъ вкусомъ, а этотъ вкусъ преходящій, — вымыслы художника и симпатіи публики, все это произвольно, свободно и, повидимому, столь же капризно, какъ налетѣвшій вѣтеръ. А между тѣмъ, какъ и налетѣвшій на насъ вѣтеръ, все это происходитъ при опредѣленныхъ условіяхъ и по установленнымъ законамъ“.

Но въ творческой дѣятельности человѣка, кромѣ художественнаго элемента, есть еще элементъ нравственный, который, повидимому, стоитъ внѣ предѣловъ научнаго метода. Въ чемъ же, однако, заключается научный методъ, какъ не въ анализѣ, который вездѣ видитъ факты и сводитъ ихъ

на причину, ихъ породившую. Въ этомъ отношеніи и явленія нравственнаго міра не составляютъ исключенія. „Физическіе ли предъ нами факты, — говоритъ Тэнъ, — нравственные ли, все равно, они всегда имѣютъ свои причины. Есть своя причина для честолюбія, для храбрости и для правдивости, какъ и для пищеваренія, для мускульнаго движенія и для животной теплоты. Порокъ и добродѣтель представляютъ собою *продукты* или результаты, какъ и купоросъ и сахаръ“.

И такъ историкъ и критикъ въ области литературы и искусства продолжаютъ дѣло изслѣдователя природы. Картинныя галлерей представляютъ собою такой же складъ фактовъ, какъ „гербаріи и зоологическіе музеи“. Научный анализъ можетъ быть одинаково приложимъ какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. „Въ первомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ во второмъ, не представляется никакой надобности выходить изъ предѣловъ опыта. Отсюда выводъ, что въ обоихъ случаяхъ наблюдатель долженъ относиться совершенно одинаково къ явленіямъ природы и къ произведеніямъ человѣческаго духа. Новый методъ поступаетъ подобно ботанику, изучающему съ одинаковымъ интересомъ апельсинное дерево или лавръ, какъ и сосну и березу, — новый методъ изученія духовныхъ произведеній самъ не что иное, какъ

своего рода ботаника, приложенная не къ растеніямъ, а къ твореніямъ челоѣка. „Для натуралиста, — говоритъ Тэнъ въ другомъ мѣстѣ, — добродѣтель — продуктъ, какъ и вино или уксусъ, продуктъ, правда, отличный, котораго нужно имѣть у себя въ изобиліи, но фабрикуемый, подобно всѣмъ другимъ, посредствомъ цѣлаго ряда извѣстныхъ операцій, подлежащихъ измѣренію и опредѣленію“.

Указанной здѣсь точки зрѣнія на предметъ, которую Тэнъ еще выразилъ въ афоризмѣ, что не дѣло литературнаго критика „миловать или осуждать“, (*proscire*) — онъ не счелъ возможнымъ держаться до конца. Потребности преподаванія, — онъ читалъ исторію искусства въ академіи художествъ, — сдѣлали необходимымъ дать слушателямъ извѣстную мѣрку для *оцѣнки* художественныхъ произведеній, и въ сочиненіи объ идеалѣ въ искусствѣ Тэнъ выступилъ съ классификаціей, художественныхъ произведеній по достоинству ихъ. Эта классификація, хотя Тэнъ и постарался построить ее на объективныхъ, научныхъ признакахъ — на господствующемъ характерѣ, лежащемъ въ основаніи типа, — отвела его далеко отъ того нравственнаго индифферентизма, которымъ какъ будто отзывалась его „научная формула“. Онъ сталъ оцѣнивать художественныя произведенія не только согласно требованіямъ его научной

теоріи, но ввелъ въ эту оцѣнку и этическій элементъ. *Цѣнность* художественнаго произведенія стала обуславливаться у Тэна не только важно-стью сюжета—значеніемъ изображаемаго характера—и не только художественной фформой—полнымъ господствомъ т. е. рельефностью проявленія изображеннаго характера — но и степенью *благотворности* характера или сюжета художественнаго произведенія.

Что же касается до самого примѣненія „научнаго метода“ въ исторіи литературы и искусства, то оно было главнымъ образомъ сведено къ объясненію *происхожденія* разбираемаго явленія. Тремя элементами объяснялъ Тэнъ это происхожденіе—духовнымъ складомъ народа или племени (*la race*), средой, въ которой возникало извѣстное произведеніе, и историческимъ моментомъ. Такова та простая канва, на которой художественное воображеніе Тэна соткало столько богатыхъ узоровъ. Третій изъ упомянутыхъ факторовъ остался у него неразработаннымъ, но зато его живое чутье превращало каждый литературный памятникъ въ средство характеристики народнаго духа и указывало опять-таки вліяніе этого духа при разборѣ памятника.

Еще болѣе богатые плоды давало изображеніе среды,—т. е. общества съ его культурными условіями, — породившей памятникъ. Всего болѣе

отъ этого выиграла *исторія*. Широкимъ потокомъ вошли въ нее—какъ историческіе источники—литературные и художественные памятники разныхъ эпохъ и народовъ. Краткій разборъ напр. эпической поэмы Рено де-Монтобана далъ подъ перомъ Тэна живую психологическую исторію феодальнаго общества ранней эпохи, о которомъ тамъ мало прямыхъ свидѣтельствъ,—точно заговорили живымъ языкомъ мертвые іероглифы, еще никѣмъ не прочитанные! А разборъ театра Расина становится такою полною характеристикой общества салоновъ при Людовикѣ XIV, что ее не могло бы превзойти никакое историческое изображеніе, основанное на прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ.

На-ряду съ этимъ приѣмомъ литературной критики—объяснять памятникъ средою, его создавшей—у Тэна существуетъ другой: выводить его изъ его внутренней причины. Что такое причина? „Фактъ, изъ котораго можно вывести природу, отношеніе и измѣненіе другихъ фактовъ“.

Такой внутренней причиной является для Тэна „господствующее свойство“ которое лежитъ въ основаніи *типа* и служитъ главнымъ его выраженіемъ какъ въ мірѣ органическомъ, такъ и въ духовномъ, соединяя такимъ образомъ оба эти міра. Классическимъ образцомъ объясненія памятника теоріей господствующаго свойства—являет-

ся у Тэна его изслѣдованіе о Титѣ Ливіи (Essai sur Tite-Live). Здѣсь все, какъ бы само собою, непринужденно вытекаетъ изъ положеннаго въ основаніе господствующаго свойства, такъ - что можно думать, что и самая теорія возникла или окрѣпла подѣ вліяніемъ удавшагося опыта. Дѣйствительно, какою-то неподражаемою свѣжестью и цѣльностью вѣетъ отъ этого юношескаго труда Тэна, и эти свойства обѣщаютъ ему вѣчность, какіе бы успѣхи ни сдѣлало изученіе исторіографіи.

Господствующимъ свойствомъ, подѣ вліяніемъ котораго находятся всѣ другія черты творчества Ливіа, Тэнъ признаетъ его *ораторскую* способность. Ораторомъ дѣлали его наслѣдственныя свойства его племени и его сословія. Ораторомъ сдѣлали его—вѣкъ и господствовавшее направленіе въ современной ему литературѣ. Историческія обстоятельства, т. е. установленіе имперіи, положили однако предѣль свободному проявленію ораторскаго таланта. Ливій перешелъ поэтому къ исторіи, но на это поприще перенесъ свои ораторскія наклонности,—Ливій и въ исторіи остался ораторомъ. Это положеніе Тэнъ и проводитъ въ своей книгѣ, наблюдая, какъ ораторство Ливіа отражается на его исторической работѣ, т. е. на подборѣ матеріала, на способѣ связывать факты и опредѣлять ихъ значеніе, на его изобра-

женіи лицъ и характеровъ, на самомъ повѣствованіи, на рѣчахъ, влагаемыхъ въ уста историческимъ лицамъ, наконецъ, на самомъ слогѣ.

Все, что новая историческая наука ставила въ упрекъ Ливію, — отсутствіе разработки первоначальныхъ источниковъ, недостаточный интересъ къ „документу“, — оказывается неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ораторскаго отношенія къ дѣлу. Ливій очень добросовѣстенъ, онъ сравниваетъ и взвѣшиваетъ свидѣтельства своихъ предшественниковъ, — но это не источники; почему же онъ не проникаетъ глубже? Тэнъ отвѣчаетъ на вопросъ картиной: „какъ вообразить себѣ нашего благороднаго оратора закопавшимся на цѣлый день среди покрытыхъ плѣсенью памятниковъ, съ лампочкой въ рукѣ, въ углу какого-нибудь древняго храма?“ Подводя итоги, Тэнъ доказываетъ, что римскому историку-оратору, — въ силу того, что онъ лишь ораторъ, недостаетъ критической страсти: онъ пренебрегаетъ подлинными памятниками, помѣщаетъ въ своемъ повѣствованіи лишь факты ораторскаго пошиба и ступшевываетъ грубыя черты первобытнаго римскаго варварства подъ образомъ своего благороднаго слога.

Если преобладающее ораторство обуславливаетъ собою нѣкоторые недостатки Ливія, то ему онъ обязанъ и нѣкоторыми достоинствами, напр., тѣмъ, что у него есть философія исторіи. Ливій,

какъ лѣтописецъ, не признавалъ необходимости сводить излагаемые имъ факты къ ихъ причинамъ, группировать въ одно однородные факты, управляемые одной причиной, и отыскивать общій законъ, лежавшій въ основаніи описываемаго имъ историческаго процесса. И однако Ливій выяснилъ основную идею, которая управляетъ римскою исторіей, а именно, что поврежденіе нравовъ было причиной паденія Рима. Ливій обрѣлъ эту идею какъ моралистъ, и Тэнъ эту заслугу приписываетъ ораторскому генію Ливія: Ливій сталъ моралистомъ, потому что—согласно глубоко-вѣрному замѣчанію французскаго критика—изъ всѣхъ отдѣловъ философіи этика наиболѣе *ораторскаго* свойства.

Такъ предъ читателемъ постепенно складывается вокругъ „господствующаго свойства“ оратора цѣльный образъ историка Ливія и его произведенія. Но у читателя вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ точное и опредѣленное понятіе объ особомъ видѣ исторіографіи—ораторской и въ противоположность ей образъ совершенно иной исторіографіи *научной*. Указавъ новый путь, Тэнъ самъ пошелъ по немъ.

Предъ Тэномъ сложились черты новаго исторіографическаго идеала, когда онъ со всѣмъ пы-

ломъ юношескаго убѣжденія разбиралъ римскаго оратора-историка. Двадцать лѣтъ спустя онъ началъ прилагать методъ новой исторіографіи къ новѣйшей исторіи Франціи— „Les origines de la France contemporaine“, — сочиненіе, которое осталось недоконченнымъ. Главная его часть— исторія французской революціи 1789 г. въ трехъ томахъ— представляетъ самостоятельное и законченное цѣлое, принципиально порвавшее съ господствовавшимъ преданіемъ. Никогда не было въ исторіи предмета, такъ напрашивавшагося на ораторскую исторіографію, такъ для нея созданнаго, какъ „великая революція“; никогда у историковъ не было столько побужденій впасть въ ораторство, какъ въ этомъ случаѣ,— грандіозность событія, всеобщее сочувствіе современниковъ, важность разрѣшавшихся вопросовъ, трагическая судьба главныхъ дѣятелей и, наконецъ, патріотическая гордость по причинѣ небывалыхъ побѣдъ революціонной Франціи надъ старой Европой! Правда, позитивизмъ однажды уже коснулся французской революціи,— въ лицѣ Огюста Конта,— но крайне непослѣдовательно. Осудивъ съ точки зрѣнія позитивизма — „какъ метафизику“ — рационализмъ XVIII вѣка со всѣми принципами, изъ него вытекавшими, — свободой, равенствомъ, народовластіемъ,— Контъ въ то же время признавалъ революцію поворотомъ къ возрожденію и

обновленію человѣчества. Чтобы провести въ исторіи революціи свой внутренно-противорѣчивый взглядъ, онъ раскололъ ее на двое—дѣятельность Конституціоннаго собранія призналъ эпохой метафизики, якобинцевъ же возвеличилъ какъ національныхъ героевъ. Притомъ вся эта позитивистическая критика сама была ни чѣмъ инымъ, какъ ораторскимъ упражненіемъ, лишеннымъ всякаго *фактическаго* содержанія. Въ лицѣ Тэна позитивизмъ коснулся революціи во всеоружіи научнаго метода. Оба приема новаго метода—разложеніе (анализъ) понятія на факты и размноженіе фактовъ—нашли себѣ полное осуществленіе. Весь громадный трудъ Тэна, знаменующій собою переломъ въ разработкѣ и оцѣнкѣ французской революціи, есть буквальное исполненіе программы, формулированной имъ въ 1852 г., при установленіи научнаго метода—*Tout l'effort de l'analyse est de multiplier les faits que désigne un nom.* Революція! это магическое слово, въ которомъ заключался цѣлый міръ понятій и чувствъ, рассыпалось въ безконечную „вереницу фактовъ“—*une file d'événements.* Ораторскіе историки ея видѣли лишь происходившее въ Парижѣ ораторское состязаніе лицъ и партій; если историкъ выходилъ изъ Парижа, то лишь для того, чтобы изображать побѣды революціонныхъ батальоновъ надъ вандей-

цами или надъ войсками коалиціи. Къ лицу ли было „благородному оратору“ копаться въ пыли покрытыхъ плѣсенью архивныхъ документовъ? Теперь, какъ будто прорвавши долго задерживавшія ихъ плотины, *факты* ринулись на историческую сцену со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ архивовъ Франціи. И они ринулись не нестройной массой, а искусно построенные въ роты, батальоны и полки. т. е. въ параграфы, главы и книги, какъ на ученомъ смотру. Нельзя не удивляться замѣчательной архитектоникѣ, которую обнаружилъ Тэнъ въ своей исторіи революціи. Во главѣ каждой книги или главы идетъ „господствующій фактъ“ и все слѣдующее ея изложеніе служитъ ему подтвержденіемъ и объясненіемъ. И если несмотря на эту архитектонику, читатель чувствуетъ себя подавленнымъ, то это потому, что *фактъ* имѣетъ значеніе лишь для изслѣдователя, читатель же спѣшитъ къ „слову“, его характеризующему.

Но еще поразительнѣе, чѣмъ контрастъ между ораторскимъ способомъ писать исторію и научнымъ,—другой контрастъ: между самимъ историкомъ и людьми, идеи и дѣйствія которыхъ онъ взялся изобразить. Они—дѣти XVIII вѣка, послѣдній, такъ сказать, самый зрѣлый выпускъ *старой* французской школы, воспитывавшей ихъ въ классическомъ духѣ (*l'esprit classique*), онѣ—

сынъ XIX вѣка, піонеръ позитивизма, воспитавшій себя въ научномъ духѣ — *l'esprit scientifique*. Это люди противоположныхъ міровоззрѣній, — ихъ точки отправления такъ же противорѣчивы, какъ ихъ цѣли. Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами. Когда „старый порядокъ“ палъ неожиданно, какъ бы самъ собою, потому что его приверженцы такъ же извѣрились въ него, какъ и его противники, тогдашніе представители Франціи были поставлены передъ задачей дать своему отечеству новую государственную и соціальную организацію, какъ тогда выражались — конституцію. Ничего не могло быть легче и проще этого. Надо было лишь открыть Монтескьё и найти тамъ теорію равновѣсія властей; или надо было открыть Руссо и найти тамъ опредѣленіе власти державнаго народа съ ея атрибутами — нераздѣльностью, неотчуждаемостью, непогрѣшимостью и т. д. Сіэсъ, котораго, правда, Мирабо называлъ метафизикомъ, говорилъ, что конституція есть отвлеченная проблема политической механики. Для Тэна „конституція“ есть послѣдній выводъ изъ цѣлаго ряда научныхъ изысканій. „Если есть на свѣтѣ дѣло трудное, такъ это конституція, особенно полная. Замѣнить старыя рамки, въ которыхъ жила великая нація, другими кадрами, приноровленными къ ней и прочными, приложить механизмъ изъ ста тысячъ колесъ къ жизни двад-

цати шести милліоновъ людей и устроить его такъ гармонично, приладить его такъ хорошо. такъ кстати, съ такою вѣрною оцѣнкою ихъ потребностей и ихъ способностей, чтобы они вошли въ него, какъ бы сами собою, двигаясь въ немъ безъ толчковъ, и чтобы ихъ импровизованная дѣятельность проявлялась тотчасъ съ легкостью старинной рутины, — такое предпріятіе изумительно и вѣроятно превышаетъ силы человеческого духа“.

Французскіе законодатели, приступая къ своему дѣлу, начали его съ „декларациі правъ человека и гражданина“. Это значило, что въ ихъ глазахъ эти два понятія были тождественны, что они не дѣлали различія между французами и людьми вообще, что, имѣя въ виду людей, они исходили изъ понятія о человекѣ, какъ о разумномъ существѣ. Въ отличіе отъ нихъ современный историкъ смотритъ иначе на человека. Онъ антропологъ и въ своемъ опредѣленіи человека беретъ въ расчетъ его происхожденіе, фізіологическую почву, которая связываетъ его съ животнымъ міромъ. „Человекъ — плотоядное существо, — говоритъ Тэнъ, — онъ таковъ по природѣ и по физическому строенію, и никогда, ни въ природѣ ни въ строеніи его, не исчезнетъ этотъ первоначальный складъ. У человека клыки (*il a des canines*), какъ у собаки и у лисицы, и по-

добно собакѣ и лисицѣ онъ искони вонзалъ ихъ въ мясо другихъ существъ. Потомки его терзали другъ-друга съ каменными орудіями въ рукахъ изъ-за куска сырой рыбы. Въ настоящее время онъ все еще тотъ же: нравы его смягчились, но природа не преобразилась. Война царствуетъ какъ прежде, только она ограничена мѣстомъ и временемъ“.

Этотъ историкъ—психологъ и онъ не даромъ производилъ свои психологическія наблюденія въ Сальпетріерѣ, въ домѣ умалишенныхъ. „Безуміе,—говоритъ онъ,—всегда сторожитъ насъ на межѣ здраваго разсудка, подобно тому какъ недугъ всегда стоитъ на межѣ здоровья, ибо та комбинаціи элементовъ, которую мы называемъ здоровьемъ тѣла или нормальнымъ состояніемъ сознанія, ни что иное, какъ счастливый случай, который наступаетъ и повторяется только благодаря постоянной побѣдѣ надъ противными силами. Но эти послѣднія всегда на лицо; простая случайность можетъ дать имъ перевѣсъ; имъ немногого недостаетъ для побѣды. Въ моральномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи, та форма, которую мы называемъ нормальной, какъ бы часто она ни встрѣчалась въ дѣйствительности, все-таки возникаетъ въ жизни только среди безконечнаго числа возможныхъ искаженій“... „Можно сравнить темную для насъ работу природы,

слѣдствіемъ которой является (нормальное) сознание, съ шествіемъ того раба, который послѣ зрѣлищъ цирка проходилъ по аренѣ съ яйцомъ въ рукѣ, среди утомленныхъ львовъ и насыщенныхъ тигровъ; если онъ достигалъ цѣли—его отпускали на волю. Подобнымъ образомъ подвигается впередъ жизнь духа среди сутолокъ уродливыхъ стремленій и дикаго безумія“.

Сколько разъ такой историкъ-психологъ былъ склоненъ искать въ исторіи революціи подтвержденія своимъ патологическимъ наблюденіямъ!

Наконецъ, этотъ историкъ—психологъ въ другомъ еще смыслѣ: онъ пріучилъ себя чутко относиться къ проявленіямъ народнаго духа. Онъ мѣтко отличаетъ между собою породы людей и народы по ихъ индивидуальному складу. Въ вопросѣ о политическихъ формахъ онъ справляется не съ политическими теоріями и не съ политическими идеалами, а съ народнымъ характеромъ, который стоитъ въ органической связи съ политической формой, создаетъ ее, такъ сказать, надъ собою.

Въ 1789 г. законодатели Франціи исходили изъ мысли, что французы—народъ монархическій и, не замѣчая того, дали имъ республиканскую конституцію. Три года спустя ихъ объявили въ республикѣ и наложили на нихъ диктатуру.

Въ началѣ второй имперіи молодому Тэну снова говорили: у французовъ монархическій духъ—le

génie des Français est monarchique. Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ: „Какъ вамъ угодно, дай Богъ намъ счастья!“—*grand bien nous fasse.* „Во всякомъ случаѣ переведемъ эту фразу на научный языкъ. Это значить, что въ теченіе пяти сотъ лѣтъ у французовъ почти всегда было почти абсолютное правительство; что, будучи тщеславны и общительны, они не умѣютъ быть самостоятельны въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ; что, будучи теоретиками и насмѣшниками, они плохо пишутъ и еще хуже соблюдаютъ законы; что, будучи живы и опрометчивы, они увлекаются энтузіазмомъ или опасеніемъ слишкомъ скоро, слишкомъ сильно и некстати какъ въ своихъ резолюціяхъ, такъ и въ своихъ революціяхъ. Фаталистическая аксіома сведена къ *факту* политической исторіи и къ известной группѣ нравственныхъ привычекъ. *Теперь* мы ее понимаемъ и можемъ ее обсуждать, провѣрять, доказывать и ограничивать“.

Въ цѣломъ „научный методъ“ въ приложеніи къ такому сюжету проявилъ подъ рукою Тэна всѣ свои достоинства и недостатки. Громадный холстъ исторической картины, на которой были набросаны лишь центральныя фигуры, переполнился до самыхъ угловъ. Зданіе, надъ крышей котораго и надъ орнаментами работали прежніе историки, было заложено теперь на крѣпкомъ фундаментѣ, въ который вошли безчисленные кирпичи. У прежнихъ

историковъ между шумными событіями 1789 г. и потрясеніями 1792 г., которыя дали исторіи Франціи иное направленіе, былъ пробѣлъ, который дѣлалъ непонятнымъ ходъ дѣла. Тэнъ своими терпѣливыми изысканіями наглядно показалъ, какое значеніе имѣло для Франціи упраздненіе власти, и его мастерское изображеніе „безначалія“ (*de l'anarchie spontanée*), установившагося во Франціи, объясняетъ не только происшедшій хаосъ, но и то, какой новый порядокъ долженъ былъ изъ него родиться. Точно также собранные по лицу всей Франціи факты якобинской эпохи выяснили истинный смыслъ „террора“. Изъ „драматическаго“ явленія, которое разыгрывалось въ залѣ засѣданій конвента, въ тюрьмахъ и на площади гильотины, онъ превратился, въ изложеніи Тэна, въ явленіе экономическое, соціальное, въ народное бѣдствіе, которое показываетъ, почему Франція искала спасенія подъ знаменами корсиканскаго „кондотьера“. Но за то другія стороны остались въ тѣни; напр., великая законодательная работа Учредительнаго Собранія, основанная на проведеніи въ жизнь принциповъ свободы и равенства, — которая въ два года превратила „феодальную“ Францію въ „современную“.

Въ заключеніе можно сказать, что научный методъ Тэна далъ въ исторіи тѣ же результаты, какъ въ психологіи. Какъ основное понятіе психологін,

человѣческое я—превратилось въ „вереницу событий“, une file d'événements,—такъ и событие 1789 г. превратилось въ мириаду событий и изъ него отлетѣла душа, оно утратило то, что ему придавало индивидуальный характеръ, обояніе и вліяніе, такъ сказать, исторической личности. Примѣненіе „научнаго метода“ къ исторіи революціи оставитъ глубокій слѣдъ въ исторіографіи. Оно не только обогатило и углубило наши свѣдѣнія объ этомъ событіи, но оно сдѣлало невозможными прежніе приемы ораторской исторіографіи. Что же касается до оцѣнки событія и его дѣятелей, то замѣчательно, что въ этомъ отношеніи „позитивная исторіографія“ совпала во многомъ съ „идеалистической“ въ своей отрицательной критикѣ. Задолго до появленія исторіи революціи Тэна одинъ изъ яркихъ представителей идеалистической исторіографіи, апостоль культа героевъ Карлейль, формулировалъ въ своей исторіи революціи какъ бы напередъ всѣ положенія Тэна. Философія, которая произвела революцію и руководила ею, имѣла, по словамъ Карлейля, чисто разрушительный характеръ. Теорія „правъ человѣка“, заимствованная у Руссо, представляла лишь „игру логики, педантическую затѣю, столь же неумѣстную, какъ теорія неправильныхъ глаголовъ“. Господствовавшая мораль была основана на эпикуреизмѣ и заключала въ себѣ обѣщаніе

всесобщаго блаженства. Невѣріе, пустая болтовня, чувственность — вотъ пружины этой реформы. Она разнуздала инстинкты и опрокинула всѣ преграды. Развращенная власть была замѣнена безстыжей анархіей. Къ чему могла привести жакерія одичавшихъ крестьянъ, направленныхъ резонерами-атеистами! Когда разрушеніе было завершено, на сценѣ остались ненасыщенные пять чувствъ и *шестое*, ненасытимое — тщеславіе; вся демоническая природа человѣка проявилась на распашку и вмѣстѣ съ нею „каннибализмъ“. Изложивъ эту суть карлейлевской критики, Тэнъ, становясь ея критикомъ, продолжалъ: „Прибавьте, однако, хорошую сторону къ дурной и укажите достоинства на ряду съ пороками. Эти скептики вѣрили въ демонстрированную правду и хотѣли только ей подчиняться. Эти логики основывали общество на справедливости и скорѣе рисковали своей жизнью, чѣмъ отрекались отъ установленной теоріи. Эти эпикурейцы обнимали въ своихъ симпатіяхъ все человѣчество. Эти бѣшеные (*furieux*), эти рабочіе, эти жаки безъ хлѣба и безъ одежды дрались на границѣ за гуманитарные интересы и отвлеченные принципы. Великодушіе и энтузіазмъ изобиловали здѣсь, какъ и у васъ; признайте ихъ въ формѣ, отличной отъ вашей. Они были преданы отвлеченной истинѣ, какъ ваши пуритане — божественной истинѣ; они слѣдовали философіи, какъ

ваши пуритане слѣдовали религіи; они ставили себѣ цѣлью всеобщее спасеніе, какъ ваши пуритане—свое личное спасеніе. Они боролись противъ зла въ обществѣ, какъ ваши пуритане—противъ зла въ душѣ. Они были великодушны, какъ ваши пуритане добродѣтельны. У нихъ былъ также свой героизмъ, но симпатичный, общительный и склонный къ пропагандѣ, реформировавшей Европу, тогда какъ вашъ героизмъ послужилъ только вамъ“.

Какъ изъ этого видно, „позитивный“ методъ можетъ совпадать въ выводахъ съ идеалистическимъ и подобно ему не обезпечиваетъ отъ увлеченій. У него есть, такъ сказать, своя риторика и подъ ея вліяніемъ онъ впадаетъ въ преувеличеніе. Отсюда и у Тэна—то, что называли его парадоксами. Но если у другихъ парадоксы обыкновенно вытекаютъ изъ сильнаго самолюбія, изъ страсти сыграть роль, изъ артистическаго тщеславія, то у Тэна они исключительно были слѣдствіемъ страстной любви къ вновь открытой правдѣ, ибо это былъ человекъ съ рѣдкимъ самоабвеніемъ въ служеніи истинѣ. „Во мнѣ два человека,—говорилъ онъ,—житейскій, который ѣстъ, пьетъ, дѣлаетъ свои дѣла, старается быть полезень и избѣгаетъ наносить вредъ другимъ. Этотъ человекъ остается за порогомъ моего кабинета. Носить ли онъ шляпу и перчатки какъ всѣ въ публикѣ,

такія ли у него убѣжденія, такой ли образъ дѣйствія, какъ у всего общества, — дѣло общества! Другой же человекъ во мнѣ, который имѣетъ доступъ къ философіи, не знаетъ о существованіи этой публики“. Это равнодушіе къ мнѣніямъ и сужденіямъ публики о результатахъ и выводахъ его научныхъ работъ отнюдь не происходило у Тэна отъ философской гордыни, но оттого, что вся его личная жизнь была сосредоточена на его дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ контрастъ между нимъ и стоявшимъ близко къ нему Ренаномъ. Ренанъ въ публикѣ всегда позировалъ, всегда думалъ о впечатлѣніи, которое онъ производитъ на собесѣдника, — Тэнъ *выспрашивалъ* своего собесѣдника. Онъ самъ необыкновенно вѣрно нарисовалъ свой портретъ въ изображеніи „Поля“ въ „Классическихъ философахъ“. „Онъ охотно молчитъ и даетъ говорить людямъ, которые съ нимъ; онъ чрезвычайно терпимъ, даже терпѣливъ, не стараясь играть первой роли и не навязывая своихъ идей. Въ немъ, такъ сказать, два лица: человекъ обыденный, самый снисходительный въ мірѣ и почти робкій — и философъ, непреклонный въ своихъ догматахъ, какъ цѣпь теоремъ или какъ полоса стали“. Таковъ былъ въ дѣйствительности Тэнъ. Онъ никогда не заводилъ рѣчи о своемъ дѣлѣ; не смотря на напряженные занятія этимъ дѣломъ, кругъ интересовъ

Тэна былъ очень обширенъ; онъ охотно, напр., спрашивалъ о теченіяхъ идей въ русскомъ обществѣ и о вліяніи на него передовыхъ писателей и особенно Тургенева, котораго онъ лично зналъ. Когда появились въ *Вѣстникъ Европы* „Стихотворенія въ прозѣ“ Тургенева, и Тэнъ узналъ, что нѣкоторыя изъ нихъ не могли быть напечатаны, онъ очень пожелалъ ихъ имѣть. Получивъ ихъ въ французскомъ переводѣ, онъ тотчасъ оставилъ гостей, подошелъ къ окну и, прочитавъ ихъ, сказалъ: „C'est fort, mais c'est très beau“.

Эта оцѣнка въ извѣстномъ смыслѣ характеризуетъ талантъ и самого Тэна. Художественный образъ былъ для него неразлучнымъ спутникомъ идеи. Художественными образами, нерѣдко весьма реалистическими, изобилуютъ сочиненія Тэна и часто ими заканчиваются. Художественные образы дорисовываютъ его мысль и часто ее замѣняютъ. Поэтому его философія и его психологія завершаются художественными образами. Художественный образъ у Тэна не только облакаетъ идею, но иногда служитъ ей оправданіемъ и даже источникомъ. Въ замѣчательной степени въ немъ соединялись сухой анализъ съ пластикой воображенія и страсть къ научной „фактической“ истинѣ съ творчествомъ художника.

В. Герье.

ВВЕДЕНИЕ.

Биографія Тита Ливія.

§ 1. Его родина.—Семья.—Дѣтство.—Зрѣлый возраст.—Другъ Августа,—Республиканецъ.—Философъ.—Историкъ.— Все содѣйствовало тому, чтобъ сдѣлать изъ него оратора.

Одно хронологическое указаніе у Евсевія ¹⁾, нѣсколько отрывочныхъ подробностей у Сенеки и Квинтиліана, два случайно брошенныхъ слова въ Декадахъ ²⁾,—вотъ все, что осталось у насъ о жизни Тита Ливія. Историкъ Рима самъ не имѣетъ исторіи. Да и эти немногіе обломки всплыли въ общемъ крушеніи древней письменности лишь благодаря литературной случайности, тамъ, гдѣ какойнибудь коментарій, или какаянибудь ссылка остановились на нихъ и сохранили ихъ намъ. Они

1) Въ греческой хроникѣ Евсевія отмѣчены годъ рожденія и смерти Ливія. *Прим. ред.*

2) Подъ Декадами авторъ разумѣетъ самое сочиненіе Ливія, такъ какъ оно состояло изъ 142 книгъ, распределенныхъ на отдѣлы по 10 книгъ, откуда названіе декадъ.

Прим. ред.

то и руководятъ теперь нашими предположеніями; но по прошествіи столькихъ вѣковъ и при такихъ слабыхъ указаніяхъ, самый внимательный глазъ съ трудомъ распознаетъ то, что поглощено временемъ.

А между тѣмъ факты эти, столь сухіе и съ виду лишенные всякаго интереса, получаютъ для насъ жизнь и нѣкоторый смыслъ, когда мы узнаемъ изъ Декады характеръ и свойства ума Тита Ливія. Впослѣдствіи мы, какъ я полагаю, убѣдимся, что недостатки его и достоинства выходятъ изъ одного преобладающаго въ немъ качества — краснорѣчія; мы найдемъ у него свойственные оратору даръ и любовь къ стилистической обработкѣ, послѣдовательность и ясность мысли, талантъ объяснить, доказать и сдѣлать заключеніе, способность ощущать и пробуждать всѣ страсти, мыслить и чувствовать лишь въ пользу защищаемаго дѣла, облечь свои доводы самымъ обильнымъ и благороднымъ слогомъ, какъ подобаешь человѣку, который ежедневно говоритъ передъ народнымъ собраніемъ о высокихъ интересахъ государства; наконецъ, прямота, правдивость, искренность, любовь къ отечеству, всѣ достоинства, безъ которыхъ ораторъ не болѣе, какъ адвокатъ, питаютъ его мысль и даютъ силу его рѣчи. Слѣдуетъ разсмотрѣть, насколько обстоятельства наравнѣ съ его природой способствовали тому, чтобы сдѣлать изъ него честнаго человѣка и краснорѣчиваго оратора.

Ливій родился въ Падуѣ, главномъ городѣ Венеціанской области. Нибуръ находилъ въ его слогѣ роскошный колоритъ венеціанскихъ живописцевъ.

Во всякомъ случаѣ родина оставила глубокой слѣдъ въ его душѣ. Полліонъ обвинялъ его въ патавинизмѣ, и въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ своей исторіи Ливій не преминулъ упомянуть объ Атенорѣ, основателѣ Падуи. Въ десятой книгѣ ¹⁾, забывая принятое имъ правило избѣгать отступлений, онъ не безъ удовольствія напоминаетъ о побѣдѣ своихъ согражданъ Падуанцевъ надъ Лакедемонскимъ пиратомъ Клеонимомъ. „Многіе изъ тѣхъ, кто видѣлъ въ Падуѣ носы кораблей и доспѣхи Лаконцевъ, висящими въ древнемъ храмѣ Юноны, еще живы. Память о морской битвѣ ежегодно справляется въ тотъ самый день, когда сразились, торжественнымъ состязаніемъ кораблей по срединѣ городской рѣки“. Ливій падуанецъ душой, какъ и происхожденіемъ; поэтому не даромъ было обращено вниманіе на то, что сограждане его славились добрыми нравами; среди широко распространенной римской испорченности, провинціальныя города лучше хранили старинныя завѣты италійскаго духа ²⁾. Впрочемъ Падуя была крупнымъ муниципіемъ, „самымъ важнымъ въ западныхъ провинціяхъ“; она ставила 20.000 ратниковъ, имѣла 500 всадниковъ, свою курію, дуумвировъ; имѣла гражданское право и религіозныя учрежденія Рима ³⁾. Будучи подобіемъ города-владыки, муниципіи также внушали къ себѣ любовь и потреб-

¹⁾ Титъ Ливій, X. 2.

²⁾ Duguy, Thèse sur l'état de l'empire romain (d'après Strabon) p. 103. Дюрюи, Диссертація о состояніи римской Имперіи (по Страбону).

³⁾ Гай, I. 96.

ность краснорѣчія; и не разъ случалось, что маленькій Римъ посылалъ большому своихъ ораторовъ. А это важное обстоятельство, что мы находимъ Ливія чуть не съ самаго его рожденія среди политическихъ преній. Первыя впечатлѣнія часто обуславливаютъ позднѣйшія склонности; въ ребенкѣ мы уже видимъ будущаго взрослого, и въ сущности человекъ всегда остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ съ самаго начала. Возросшій среди полей, Виргилій любилъ необъятную душу живой природы, и стихъ его имѣлъ томную нѣгу и упоительную сладость, какую мы вдыхаемъ съ привольнымъ и ароматнымъ воздухомъ лѣсовъ! Рожденный въ городѣ, выросшій среди людей и дѣлъ, занятый тѣмъ, чтобы ясно представить себѣ страсти и интересы, а не краски и формы, — Титъ Ливій сдѣлался ораторомъ, а не поэтомъ; онъ зналъ человека лучше, чѣмъ природу; онъ рассказывалъ намъ дѣянія людей, не описывая странъ; еслибы онъ жилъ въ сельской обстановкѣ, можетъ быть онъ почувствовалъ бы, что почва и климатъ вліяютъ на образованіе характера, и что исторія должна заключать въ себѣ рядомъ съ рассказомъ событій и изображеніе страны.

Судя по нѣсколькимъ надписямъ¹⁾, семья его была благороднаго происхожденія. Знать провинціаль-ныхъ муниципій занимала мѣстныя должности, гос-

¹⁾ Томазини, р. 10. (Тѣмъ разумѣетъ здѣсь епископа Я. Ф. Томазини, автора написанной по латыни біографіи Ливія (XVII в.). Она перепечатана въ VII томѣ извѣстнаго изданія Ливія, составленнаго Дракенборхомъ. (Первое изд. 1746).

подставала въ куріи, отправлялась въ Римъ для подачи голоса. Такимъ образомъ Титъ Ливій получилъ какъ отъ семьи своей, такъ и отъ родины, политическое и ораторское образованіе. По всей вѣроятности онъ обязанъ своему происхожденію тѣми аристократическими чувствами, которыя просвѣчиваютъ въ его Анналахъ. Онъ былъ родственникомъ К. Корнелія, „человѣка, посвященнаго въ науку авгуровъ, который наблюдалъ (въ Падуѣ) ауспиціи во время Фарсальской битвы“. Титъ Ливій рассказываетъ, что этотъ авгуръ узналъ, что начинается битва, и немного спустя въ пророческомъ восторгѣ вскочилъ съ восклицаніемъ: „Ты побѣждаешь, Цезарь!“¹⁾—Безъ сомнѣнія и Ливій былъ воспитанъ подобно древнимъ патриціямъ въ уваженіи къ авгурамъ: отсюда, можетъ быть, его религіозное чувство, которое, вопреки философіи и насмѣшкамъ современниковъ, проглядываетъ во всей его исторіи; отсюда же торжественность и серьезность, съ какою онъ приводитъ священныя легенды и признаетъ волю боговъ въ римскихъ дѣлахъ; отсюда подробный рассказъ объ искупительныхъ обрядахъ и знаменіяхъ: „Когда я повѣствую о давнемъ прошломъ, духъ мой, не знаю какимъ образомъ, самъ проникается стариною; а когда я вижу, что мудрѣйшіе мужи принимали на себя обязанность предотвращать знаменія общественными жертвами, моя совѣсть побуждаетъ меня не считать ихъ недостойными того, чтобы занести ихъ въ мою лѣтопись“²⁾. Если онъ такъ

1) Плутархъ. Жизнеоп. Цезаря гл. 47.

2) Титъ Ливій, XLIII, 13.

легко· входитъ въ чувства старины, это потому, что они были внушены ему съ дѣтства; родственникъ авгура, потомокъ благороднаго рода до конца сохранилъ патриціанскій и религіозный духъ.

Титъ Ливій родился въ 58 г., въ томъ году, когда Цезарю было поручено управленіе Галліи. Впродолженіе десяти лѣтъ дѣла Рима рѣшались болѣе въ Цизальпинской провинціи, чѣмъ въ самомъ Римѣ. Зимой половина Сената собиралась вокругъ Цезаря, который подкупалъ совѣсть сенаторовъ и подготавливалъ имперію. Титу Ливію минуло 14 лѣтъ, когда Цезарь былъ убитъ и когда филиппики Цицерона обошли всю Италію. Онъ видѣлъ, чуть не у самыхъ воротъ Падуи, Антонія, побѣжденнаго при Моденѣ, и второй тріумвиратъ былъ заключенъ на его глазахъ. Онъ жилъ среди переворотовъ и проскрипцій, былъ свидѣтелемъ послѣднихъ битвъ за свободу и послѣднихъ проблесковъ краснорѣчія. Подобное зрѣлище могло образовать республиканца: человекъ, который только что пробуждается къ чувствамъ и мыслямъ, охотно отдается правому, но проигранному дѣлу; оно могло образовать и оратора: политическія страсти, источникъ краснорѣчія, всемогущи, когда онѣ овладѣваютъ свѣжей душой. Къ тому же римское воспитаніе приносило на помощь страстямъ оратора искусство слова. Рѣчи Тита Ливія показываютъ, что по обычаю того времени онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ ученіи у ритора. Въ этихъ школахъ краснорѣчія произносились, часто въ присутствіи публики, настоящія рѣчи въ защиту какого нибудь закона или юридическаго вопроса, съ жестами и

выраженіемъ, даже со слезами, однимъ словомъ, со всѣми ухищреніями ораторской комедіи¹⁾). Однако уже въ то время рѣчи, произносимыя въ школахъ, сильно отличались отъ тѣхъ, какія говорились на форумѣ. Слишкомъ ученая, обремененная противоположеніями, переполненная общими мѣстами, онѣ портили вкусъ учениковъ, и мы въ послѣдствіи найдемъ кое-гдѣ у Тита Ливія не вполне сгладившіеся слѣды прежнихъ декламаторскихъ упражненій.

Очень вѣроятно, что онъ впервые попалъ въ Римъ послѣ битвы при Акціумѣ²⁾). По крайней мѣрѣ онъ былъ въ Римѣ, когда нѣсколько времени спустя онъ началъ писать свою исторію, потому что только тамъ онъ могъ найти нужные для того источники. Августъ, который искалъ общества литераторовъ ради удовольствія и изъ политики, былъ его другомъ; однажды императоръ самъ принесъ Ливію надпись съ полотняной брони—даръ Корн. Косса, хранившійся въ храмѣ Юпитера Феретрійскаго. Титъ Ливій совѣтовалъ юному Клавдію, внуку Августа, приняться писать исторію; по всему видно, что онъ былъ своимъ человѣкомъ во дворцѣ Цезаря. Дѣйствительно, если полагаться на точность Дополненій³⁾, то Ливій порицалъ Сенатъ за то,

1) Сенека, Квинтильянъ.

2) Титъ Ливій, I, 19.

3) Тѣмъ разумѣетъ здѣсь такъ называемые *Supplementa Liviana* (Дополненія къ Ливію), составленные въ XVII в. ученымъ Фрейнгеймомъ. Полагая въ основаніе дошедшее до насъ извлеченіе изъ исторіи Ливія (*Epitome*) и подобравъ изъ древнихъ писателей соотвѣтствующій каждой книгѣ

что тотъ плохо отплатилъ Октавію за его заслуги; и будто бы оправдывалъ убійство Цицерона, говоря, что съ нимъ поступили такъ, какъ тотъ самъ поступилъ бы съ своими врагами. Тѣмъ не менѣе Ливій всегда оставался независимымъ и искреннимъ. Въ то время, какъ Горацій и Виргилій величали Цезаря наравнѣ съ богами, Ливій едва упомянулъ о немъ въ своей исторіи, одинъ разъ для того, чтобы отмѣтить дату, другой—для того, чтобы доказать фактъ. Онъ хвалилъ Брута и Кассія¹⁾ и осмѣлился сказать о великомъ Цезарѣ, что неизвѣстно еще, не принесъ ли онъ

матеріаль. Фрейнсгеймъ сдѣлалъ попытку какъ-бы возстановить утраченныя книги Ливія. Работа Фрейнсгейма сдѣлана наскоро; онъ самъ признается, что написалъ 45 книгъ въ 14 мѣсяцевъ; поэтому оговорка Тэна насчетъ достовѣрности и точности „Дополненій“ весьма не лишняя. Въ данномъ случаѣ однако эта оговорка несовсѣмъ умѣстна, ибо Тэнъ не принялъ во вниманіе тѣ болѣе важныя свидѣтельства самихъ источниковъ, на основаніи которыхъ Фрейнсгеймъ составилъ свое сужденіе. А именно въ первомъ случаѣ онъ руководился тѣмъ мѣстомъ *извлеченія* (Epitome) изъ 119 книги Ливія, гдѣ ему приписываются слова: что сенатъ поступилъ неблагодарно относительно Октавіана (ragum gratius), такъ какъ, предоставивъ честь триумфа Децію Бруту, который былъ освобожденъ изъ осады Октавіаномъ, въ своемъ декретѣ онъ съ недостаточною признательностью упомянулъ о заслугахъ Октавіана и его войска. Сужденіе-же Ливія о смерти Цицерона приведено Сенекой (риторомъ, отцомъ философа) въ сочиненіи *Suasoria* (L. 6, 22); при чемъ можно усомниться, заключается ли въ словахъ Ливія, приведенныхъ Сенекой, оправданіе убійства Цицерона.

Прим. ред.

¹⁾ Тацитъ, *Анналы*, IV, 34.

болѣе вреда, чѣмъ пользы своему отечеству¹⁾. Августъ называлъ Ливіа Помпеянцемъ. Если его исторія и не сатира на новую имперію, она открыто восхваляетъ старую республику, свободный образъ правленія и честные нравы. Ливій съ любовью рассказываетъ о доблестныхъ подвигахъ древности и рисуешь геройскіе характеры, какъ человѣкъ, который самъ могъ бы имъ подражать. Онъ бросаетъ лишь нѣсколько словъ мимоходомъ, съ грустью говоря о современной ему испорченности, „объ этой безумной страсти къ играмъ, на которыя едва ли хватило бы самыхъ богатѣйшихъ царствъ; о страсти губить себя и терять все въ роскоши и развратѣ“²⁾; но онъ не впадаетъ въ декламацію, подобно Саллюстію, который хочетъ казаться достойнымъ человѣкомъ, не будучи такимъ на самомъ дѣлѣ. Титъ Ливій охотно отворачивается отъ этого зрѣлища и живетъ памятью среди великихъ людей древности, на которыхъ самъ походить. Насколько можно дѣлать предположенія, онъ жилъ согласно съ своими правилами; въ эпоху, когда семья считалась тягостью, когда оказалось нужнымъ издавать законы противъ холостяковъ, Ливій былъ два раза женатъ и имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей³⁾; исторія его—есть трудъ гражданина, и онъ всю жизнь провелъ за работой.

Эти добрыя качества у Ливіа, какъ и у всѣхъ

1) Сенека, Nat. Quaest., V, 18.

2) Ливій, Предисловіе.

3) Tomasini., p. 21.

замѣчательныхъ людей того времени, были украшены и поддерживались философией. По словамъ Сенеки, Титъ Ливій написалъ нѣсколько діалоговъ, относившихся къ философіи и исторіи и нѣсколько трактатовъ, чисто философскихъ, которые слыли, послѣ сочиненій Полліона и Цицерона, за самые краснорѣчивые образцы въ этомъ родѣ на латинскомъ языкѣ ¹⁾.

И такъ, подобно Цицерону, Титъ Ливій былъ во всемъ ораторомъ. Мы находимъ еще двѣ подробности о его жизни, и обѣ онѣ указываютъ на его любовь къ краснорѣчію. По словамъ Квинтиліана, Титъ Ливій совѣтовалъ своему сыну читать прежде всего Цицерона и Демосѣена, а потомъ другихъ писателей на столько, на сколько они походятъ на Демосѣена и Цицерона. Дочь его вышла замужъ за ритора Магія. Впрочемъ не удивительно, что онъ такъ любилъ это искусство, чисто римское, единственное, въ которомъ Римъ былъ дѣйствительно самобытенъ, потому что оно представляетъ политическое орудіе и средство дѣйствія; Полліонъ, современникъ Ливія, хвалился тѣмъ, что онъ произнесъ рѣчь, съ полнымъ самообладаніемъ, черезъ четыре дня послѣ смерти сына; до такой степени Римляне придавали цѣну призраку краснорѣчія, оторваннаго отъ жизни:

*Simulataque magnis
Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum* ²⁾.

1) Сенека, Посланія, 100.

2) „Малый Пергамъ, подобіе великому, и пересохшій ручей, величаемый именемъ Ксанѳа“.—Изъ *Виргилія*, III кн.

Тоже было и съ Титомъ Ливіемъ. Одно его замѣчаніе, переданное Плиніемъ старшимъ ¹⁾, бросаетъ яркій свѣтъ на его жизнь: „Я пріобрѣлъ уже довольно славы, говорилъ онъ въ одной изъ книгъ своей исторіи, и могъ-бы остановиться, еслибъ безпокойный духъ мой не упивался этой работой“. Краснорѣчіе его, какъ переполненный источникъ, требовало исхода. Въмѣсто настоящаго, онъ обратилъ его на прошлое. Онъ сдѣлался современникомъ разрушенной республики и сталъ ораторствовать въ древней исторіи; когда краснорѣчіе было усмирено, т. е. воспрещено, — Ливій сдѣлался историкомъ, чтобы остаться ораторомъ. Когда же наконецъ стало почитаться преступнымъ даже вспоминать о старинной свободѣ, онъ пересталъ писать и покинулъ Римъ, чтобъ докончить свои дни въ Падуѣ ²⁾, вдали отъ подлостей сената и отъ взоровъ Тиберія (18 лѣтъ по Р. Х.). Характеръ и талантъ Ливія требовали публичной трибуны и свободаго отечества. Обстоятельства отклонили его

Энеиды, слова Энея, рассказывающаго о своемъ посѣщеніи Троянцевъ въ Эпирѣ, гдѣ сынъ Пріама, Геленъ, построилъ городокъ въ память Трои. Тэнъ сравниваетъ съ этими Троянцами Римлянъ императорскаго періода, искавшихъ замѣны свободаго политическаго краснорѣчія республиканской эпохи въ жалкомъ его подобіи, какое представляли произносимыя передъ избранной публикой риторическія рѣчи. Азиній Полліонъ былъ первый, который сталъ устраивать у себя въ домѣ подобныя литературныя собранія и приглашалъ къ себѣ общество слушать его ораторскія произведенія.

Прим. ред.

1) Плиній, предисловіе.

2) Евсевій, хроника № 2033.

отъ его истиннаго призванія, — но это послужило въ пользу исторіи, въ пользу и въ ущербъ самого историка.

Свобода и литература при Августѣ.

§ 2. Интересъ къ отечественной исторіи. — Государь еще допускаетъ ее. — Ни малѣйшаго понятія о дикости древнихъ временъ. — Ученые того времени не болѣе, какъ компиляторы. — Нелѣпости у Діонисія. — Философія не вошла еще въ исторію. — Римское воображеніе. — Риторскія упражненія въ школахъ. — Великія преданія краснорѣчія. — Обаятельное величіе Рима и имперіи.

Какъ-бы ни былъ изобрѣтателемъ человѣческій умъ, въ сущности онъ изобрѣтаетъ мало новаго; понятія его принадлежатъ его времени, и то, что самобытный геній измѣняетъ или добавляетъ къ этимъ понятіямъ, очень ничтожно. Какую-бы силу ни признать за самостоятельнымъ размышленіемъ, оно безсильно передъ множествомъ понятій, которыя со всѣхъ сторонъ ежечасно осаждаютъ насъ посредствомъ чтенія и разговоровъ, и которыя въ добавокъ возобновляются постоянно и поддерживаются учрежденіями, привычками, видомъ мѣстностей, всѣмъ, что можетъ обольстить и покорить нашу душу. Да и какъ-бы мы отвергли эти понятія, когда мы сами сложились по образу и подобию своихъ современниковъ, получили отъ одинаковыхъ обстоятельствъ одинаковое воспитаніе и одинаковыя склонности? Подобно волнамъ большой рѣки,

каждый изъ насъ имѣетъ собственное незначительное движеніе и каждый изъ насъ производитъ немного шума въ широкомъ общемъ теченіи, увлекающемъ насъ; но мы идемъ вмѣстѣ съ другими и подвигаемся впередъ лишь подъ ихъ напоромъ. Знаніе, критика, философія, искусство писать, все, что мы найдемъ у Ливія, все это мы увидимъ отчасти и заранѣе въ наукѣ и литературѣ его времени.

I. Этотъ великій умственный трудъ не представлялъ въ то время ничего страннаго. Съ тѣхъ поръ, какъ имперія стала пользоваться миромъ, и общественныя дѣла были сосредоточены въ рукахъ одного человѣка, въ Римѣ всѣ принялись писать.

Scribimus, indocti doctique poemata passim ¹⁾.

Агриппа, Августъ, Полліонъ основали бібліотеки ²⁾. Филологи стекались сюда изъ Тарса и Александріи. Во время голода они получали содержаніе отъ государства, „и самыя сановитыя лица присутвовали на ихъ лекціяхъ“. Устроивали публичныя чтенія; самъ Августъ являлся на нихъ слушать не только поэмы и исторію, но діалоги и рѣчи ³⁾. Онъ жаловался Горацію, что тотъ въ своихъ стихахъ не упоминалъ его имени; спрашивалъ поэта, ужь не стыдится-ли онъ признать его своимъ другомъ; самъ онъ былъ настолько посвященъ въ литературу, что писалъ трагедіи, однако

¹⁾ И ученые и невѣжды, всѣ мы пишемъ стихи. Горацій, Посланіе къ Августу, II. 1.

²⁾ Egger, Examen des historiens du siècle d'Auguste.

³⁾ Светоній, жизнь Августа.

имѣлъ достаточно вкуса и пониманія, чтобъ уничтожить ихъ. Но большая часть изслѣдованій были направлены на древнюю исторію. Рабирій, К. Северъ, Педо Албинованъ писали поэмы на послѣднія войны, а Виргилій, въ своей римской Иліадѣ, обратился къ тѣмъ временамъ, когда Римъ былъ пустыннымъ холмомъ, но какой-то богъ, — неизвѣстно какой именно богъ, — уже обиталъ на его отмѣченныхъ судьбой холмахъ. Овидій написалъ поэму о Фастахъ (римскіе праздники), Проперцій о героическихъ римскихъ преданіяхъ. Двѣ новыхъ школы — Лабеона и Капитона — складывали въ стройное ученіе отвѣты старыхъ юрисконсультовъ, эдикты преторовъ и старинные законы страны. Страбонъ путешествовалъ по всей имперіи, чтобъ дать исторіи свою обширную географію. Со всѣхъ сторонъ возникали памятные записки. Среди заботъ объ общественныхъ дѣлахъ Августъ писалъ свои мемуары. Трогъ Помпей, Діодоръ, Діонисій Галикарнасскій, Юба, Полліонъ, Тимагенъ, Лабіенъ, писали сочиненія по исторіи. Умы съ охотою и любовью обращались къ этой старинѣ, чьи завѣты были столь мудры, нравы столь чисты, а дѣянія — такъ мощны. Августъ реставрировалъ древніе храмы, возстановлялъ забытые обычаи, заставлялъ читать въ сенатѣ, для подкрѣпленія издаваемыхъ имъ законовъ, рѣчи Рутилія и цензора Метелла. Досугъ, гордость гражданина, любовь къ литературѣ, развитіе наукъ, поощреніе государя, накопленіе документовъ, — все манило римлянина писать исторію Рима. Написанная ранѣе, она осталась-бы безъ развязки; позднѣе — она должна-бы заключать въ себѣ начало

новой драмы; только написанная въ это время, она могла представить единство и полноту дѣйствія. Титъ Ливій повѣствуетъ, какъ міръ сдѣлался достояніемъ Рима, а Римъ и міръ стали собственностью императора.

Въ это время допускалось еще право быть искреннимъ, хотя уже надо было спѣшить имъ пользоваться. Августъ еще терпѣлъ сатиру. Какъ гражданинъ и какъ умный человѣкъ, онъ долго сносилъ насмѣшки надъ собой. Тимагенъ, его порицатель, долго былъ привѣтливо принимаемъ въ скромномъ дворцѣ на Палатинѣ; Августъ допустилъ въ библиотеки бранныя стихотворенія Катуллы и Бибакула; онъ пощадилъ въ Миланѣ статую Брута, осыпалъ должностями и почестями Мессалу, который въ первый день при Филиппахъ выбилъ его изъ его лагеря и назначилъ сына Цицерона авгуромъ и консуломъ ¹⁾. Титъ Ливій могъ восхвалять Брута и Кассія и сохранять при этомъ расположеніе Августа. Но свобода, которая только терпится, не прочна; и что за гарантія — умѣренность властителя! Рабство — проказа, которая естественно распространяется на здоровыя части организма. Послѣ смерти Горация и литература подпала общей системѣ управленія: Тимагенъ былъ изгнанъ изъ дворца, Овидій сосланъ въ Томы; законъ объ оскорбле-

¹⁾ Извѣстенъ анекдотъ, приведенный у Плутарха. Августъ засталъ однажды одного изъ своихъ внуковъ за чтеніемъ Цицерона; испуганный мальчикъ спряталъ было книгу. Августъ взялъ ее въ руки и немного спустя сказалъ: „Это былъ краснорѣчивый человѣкъ, дитя мое; онъ былъ краснорѣчивъ и любилъ свое отечество“.

ніи величества распространень на всѣ произведенія, въ которыхъ заключались личныя нападки ¹⁾. Исторія Лабіена была сожжена, и Августъ въ сенатѣ высказалъ свое раздраженіе противъ пасквилей, тайно ходившихъ по рукамъ. К. Северъ подвергся изгнанію; Албуцій Силонъ, который слишкомъ громко и слишкомъ рѣзко выразилъ сожалѣніе о республикѣ, боясь казни, самъ лишилъ себя жизни. Предполагаютъ, что эта переменна сдѣлала Ливіа, къ концу его исторіи, болѣе осторожнымъ и заставила его остановиться на смерти Друза. Другіе, болѣе податливые писатели, вскорѣ стали лгать, сколько было угодно государю. Появилась книга Веллея Патеркула, превозносившая тріумvirатъ Октавіа и гдѣ, въ рассказѣ о его смерти, говорилось, что онъ отдалъ небу свою божественную душу. Затѣмъ Тиберій сдѣлалъ обязательной крайнюю лезть и въ теченіе пятидесяти лѣтъ появлялись только пасквили или панегирики, настоящей-же исторіи не было ²⁾. Къ счастью Ливіа, ему выпало на долю краткое, но драгоцѣнное мгновеніе, когда свобода рѣчи способствовала независимости образа дѣйствій.

Но при охотѣ и при возможности писать исторію, въ достаточной-ли степени обладали римляне того времени ученой критикой, философскимъ пониманіемъ и особаго рода воображеніемъ—свойствами, безъ которыхъ нѣтъ настоящей исторіи? Въ этомъ можно усомниться.

II. Римская исторіографія въ началѣ была ничто

¹⁾ Egger, Examen des historiens du siècle d'Auguste.

²⁾ Тацитъ, Анналы, I.

6199

иное, какъ административная вѣдомость, которая велась первосвященникомъ, и рядъ записокъ, составляемыхъ изъ родовой гордости; позднѣе — сборникъ высокихъ примѣровъ гражданской добродѣтели и матеріаль для упражненія въ краснорѣчіи. *Opus hoc unum maxime oratorium*, говоритъ Цицеронъ ¹⁾. Катонъ писалъ свое сочиненіе о „Началахъ“ Рима и италійскихъ городовъ крупными буквами для того, чтобы сынъ его могъ вычитать въ немъ примѣры гражданской доблести. Саллюстій заставлялъ грамматика Аттея собирать старинныя выраженія и смотрѣлъ на исторію, какъ на упражненіе въ стилистикѣ ²⁾. Въ этомъ видѣ она служила отдыхомъ для зрѣлыхъ людей и входила въ воспитаніе юношей; Клавдій усердно занимался ею по совѣту самого Ливія. Совершенно поглощенный интересомъ пользы, не зная другого искусства, кромѣ краснорѣчія, римлянинъ не обладалъ ни подвижнымъ воображеніемъ, ни терпѣливой пытливостью, ни способностью къ безкорыстному философскому размышленію, которыя образуютъ историка.

Въ то время не имѣли никакого понятія о дикости и грубости древнихъ временъ. Цицеронъ, величайшій умъ Рима, думалъ, что уже при Ромулѣ литература давно процвѣтала и не терпѣлъ, когда называли Ромула варваромъ ³⁾. Правда, онъ питалъ нѣкоторое сомнѣніе относительно бесѣдъ Ну-

¹⁾ Цицеронъ, о Законахъ, I, 2. „Исторія есть произведеніе литературы наиболѣе ораторскаго свойства“. *Прим. ред.*

²⁾ Светоній, приведенный у Мишле въ его римской исторіи.

³⁾ Цицеронъ, въ разныхъ мѣстахъ сочиненія о *Государствѣ*.

мы съ Эгеріей, ножа авгура ¹⁾, нѣкоторыхъ слишкомъ поэтическихъ легендъ и, не смотря на свой патріотизмъ, становился, благодаря здравому смыслу, скептикомъ и критикомъ. Но онъ пространно восхвалялъ благоразуміе первыхъ царей и развивалъ глубокія соображенія ихъ политики. Съ его словъ можно подумать, что законодатели Рима были греческими мудрецами, политическими теоретиками, занимавшимися тѣмъ, чтобы устроить и согласовать учрежденія, подобно частямъ механизма. Въ прошломъ вѣкѣ мы точно также судили о законодательствѣ Ликурга, забывая о томъ, что если и существовалъ Ликургъ, то онъ только облекъ въ форму законовъ обычаи дорійцевъ. Что можетъ быть фальшивѣе и вмѣстѣ привлекательнѣе того, какъ Катонъ представленъ въ Трактатѣ о старости ²⁾? Сколько граціи и благовоспитанности въ суровомъ сельчанинѣ! Съ какимъ изяществомъ онъ описываетъ прелести цвѣтущихъ полей, гибкихъ зеленѣющихъ злаковъ, зрѣющихъ колосьевъ,

1) Тѣмъ имѣеть въ виду преданіе объ авгурѣ Аттѣ Навіѣ, который препятствовалъ царю Тарквинію старшему увеличить число центурій всадниковъ, не испросивши соизволенія боговъ. Разсерженный царь началъ глумиться надъ его авгурской наукой и пригласилъ его узнать съ помощью аугурій, сбыточно ли то, что у него, царя, на умѣ. Когда Навій, спросивши боговъ, отвѣтилъ утвердительно, Тарквиній предложилъ ему разрѣзать своимъ ножомъ точильный камень. Навій это исполнилъ, и въ память этого событія въ комиціяхъ была поставлена его статуя. См. Ливій I, 36.

Прим. ред.

2) Сочиненіе Цицерона, въ которомъ Катонъ, въ разговорѣ съ Леліемъ и Сципіономъ, защищаетъ старость. *Прим. ред.*

въ которыхъ молочное зерно наливается и твердѣетъ! Съ какимъ восторгомъ онъ ожидаетъ смерти, которая освободитъ его отъ тѣла и дастъ ему безсмертіе! Довольно прочесть послѣднія шесть книгъ Энеиды, чтобъ узнать, каковы были, въ глазахъ тогдашнихъ ученыхъ и поэтовъ, древніе римляне. Что они были бѣдны, просты и суровы нравами, неутомимы въ трудѣ, — національная гордость и философская мысль готовы были это признать. Но подѣ одеждой земледѣльца и охотника искали душу современнаго человѣка, развитого, исполненнаго тонкихъ чувствъ, привыкшаго къ размышленію, искуснаго въ бесѣдахъ и разсужденіяхъ, которыя достойны учениковъ Цицерона и Виргилія; однимъ словомъ такого, какъ французы воображали себѣ франковъ, прежде чѣмъ прочитали „Мучениковъ“ Шатобріана. Ни одна книга не доказываетъ лучше *Метаморфозъ*, какъ мало понимали тогда героическую и религіозную старину. Эти чудныя легенды, полныя жизни, благодаря философскимъ идеямъ и вдохновенію самой возвышенной и чистой поэзіи, превращаются подѣ рукой Овидія въ хорошенькія сказки, украшенныя удачными антитезами, пересыпанныя самымъ изысканнымъ остроуміемъ и которыя могли служить пріятнымъ чтеніемъ для римлянки во время ея туалета. Римляне стали слишкомъ изнѣжены и слишкомъ надмѣнны, чтобъ понять своего рода величіе, какое заключалось въ первобытной грубости ихъ предковъ, и громадная заслуга Ливія заключается въ томъ, что онъ почувялъ старину и истину.

Правда въ Римѣ были ученые. Когда такіе рим-

ляне, какъ Варронъ и Плиній, добивались что-нибудь узнать, — ненасытные завоеватели, какъ и ихъ предки, — они накопили груды документовъ. „Ты открылъ намъ, говоритъ Цицеронъ, обращаясь къ Варрону“¹⁾, точныя лѣта нашего отечества, періоды нашей исторіи, военную науку, религіозное и жреческое право; ты указалъ древніе предѣлы округовъ и мѣстность урочищъ; ты объяснилъ названія, разряды, значеніе и причины всѣхъ вещей божескихъ и человѣческихъ. Насъ, блуждающихъ, какъ-бы чужестранцевъ въ нашемъ городѣ, — твои книги словно привели домой, чтобъ мы могли наконецъ узнать, кто мы и гдѣ мы нѣкогда были“. Правда, что Варронъ продиктовалъ болѣе 500 томовъ, что заглавія его Менипей²⁾ очень остроумно придуманы; а то, что Бл. Августинъ сохранилъ

1) Эти слова Цицерона приведены изъ сочиненія, извѣстнаго подъ заглавіемъ *Academiae posteiora* (гл. 3), въ которомъ авторъ излагаетъ ученіе философовъ древней и новой Академіи. *Прим. ред.*

2) Маркъ Теренцій Варронъ, родившійся въ 116 г. до Р. Х. въ сабинскомъ городкѣ Реате, дожилъ въ постоянныхъ ученыхъ трудахъ почти до 90 лѣтъ; онъ написалъ около 620 свитковъ, принадлежащихъ къ 74 различнымъ сочиненіямъ. Тэнъ упоминаетъ здѣсь о его 150 книгахъ Менипейскихъ Сатиръ. Названіе это идетъ отъ Мениппа, философа-циника, ученика Діогена, который сдѣлался извѣстенъ, какъ авторъ сочиненія, гдѣ онъ трактовалъ серьезные вопросы практической философіи въ шуточномъ тонѣ. Заглавія Варроновскихъ Менипей болѣею частью очень причудливы; наприм. *Sesulixes* (полтора Улисса, въ смыслѣ архицлута); *Нуррокуон* (собака-лошадь); *Нудрокуон* (водяная собака). О Варронѣ есть на русскомъ языкѣ изслѣдованіе Помяловскаго. Пет. 1869.

Прим. ред.

изъ его богословія, очень практично; правда, что его книга о земледѣліи написана легко и пріятно, что онъ вращался среди общественныхъ дѣлъ и не имѣлъ никакого педантизма. Но подобно Аттику онъ любилъ изобрѣтать генеалогіи, и кромѣ неудачной попытки написать исторію троянскихъ родовъ,— онъ имѣлъ несчастье придумать неудачныя словопроизводства. Въ его легковѣрности столько же ребячества, сколько въ его знаніи глубины, и сочиненія его могутъ служить новымъ доказательствомъ того, что ученость не есть еще критика. Титъ Ливій могъ найти у него древніе тексты, могъ найти факты, но не истолкованіе ихъ.

Не могли ли однако греки, наставники римлянъ, просвѣтить ихъ въ исторіи? Вотъ другой ученый, Діонисій, который въ теченіе 20 лѣтъ находится въ близкомъ умственномъ общеніи съ самыми образованными людьми Рима, разбираетъ всѣ надписи, осматриваетъ памятники, пишетъ громадное сочиненіе, которое самъ хвалитъ за точность, и приходитъ къ заключенію, что крайне несправедливо смотрѣть на Ромула, какъ на пастуха и разбойника. Древніе римляне были честные люди, которые мирно основали городъ и даровали себѣ законы по зрѣлому размышленію и послѣ длинныхъ словопреній. Такъ наприм., когда стѣны были возведены, Ромуль предлагаетъ своимъ товарищамъ сдѣлать выборъ между олигархіей и монархіей и перечисляетъ преимущества обоихъ образцовъ правленія. Товарищи его, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ людямъ, назначаютъ его царемъ и развиваютъ ему подробно свои доводы.

Ромуль, чтобы утѣшить похищенныхъ сабинянокъ (счетомъ 683, Діонисій знаетъ это въ точности), объявляетъ имъ, что таковъ былъ древній обычай у грековъ; мыслитель, историкъ, философъ, — Ромуль рассуждаетъ такъ, какъ будто только-что вышелъ изъ школы ритора и въ искусной рѣчи въ трехъ частяхъ по правиламъ риторики объясняетъ плѣнницамъ, какъ благоразумно и человѣчно онъ поступилъ, давши право гражданства ихъ отцамъ. Я уже не говорю о моралистѣ Валеріѣ Максимѣ, объ авторѣ сокращенной исторіи, Патеркулѣ, и о другихъ писателяхъ. — Вотъ какова была тогда исторія Рима. Что ученые компилировали многочисленныя матеріалы, это несомнѣнно; что политическіе дѣятели правдиво рассказывали свои дѣянія или близкія имъ событія, это доказываютъ намъ Цезарь и Саллюстій. Но критика не имѣла ни опытности, ни руководящихъ правилъ, ни проницательности; никто не понималъ ни нравовъ, ни духа старины. Далѣе увидимъ, что и Ливій въ этомъ отношеніи часто раздѣлялъ недостатки своего времени.

Философія исторіи у древнихъ была такъ-же не совершенна, какъ и критика; и не только у римлянъ, но и у грековъ. Когда Платонъ описываетъ послѣдовательность четырехъ образовъ правленія, онъ лишь изображаетъ въ поэтической формѣ различныя состоянія человѣческой души. Когда Аристотель отмѣчаетъ преимущества и неудобства каждой формы государственнаго строя, онъ пишетъ политическій трактатъ, (не дѣлая никакихъ философско-историческихъ обобщеній). У Фукидида разсѣяно въ

рѣчахъ не мало глубокихъ мыслей; но онъ не подводитъ описываемые имъ факты подъ общія идеи, и его лѣтопись событій заключаетъ въ себѣ только 20 лѣтъ войны. Можно-ли найти какую нибудь философскую мысль въ основаніи всеобщей исторіи Эфора, который склеилъ одну съ другой исторіи разныхъ странъ, какъ простой географъ, идя отъ востока къ западу? — Полибій первый изъ разсѣянныхъ фактовъ образуетъ систему, указываетъ на ихъ причины, объясняетъ покореніе міра слабостью и ошибками побѣжденныхъ, силою и мудростью побѣдителей. Но исторія его обнимаетъ лишь одинъ вѣкъ и заключаетъ въ себѣ одни только политическія событія. Да и кто-же слѣдовалъ его примѣру? Никто изъ грековъ не догадывался, что исторія составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, и что родъ человѣческій идетъ правильнымъ поступательнымъ движеніемъ къ опредѣленной цѣли. Въ ихъ глазахъ міръ — обширная неподвижная арена, на которой разыгрывается вѣчная драма жизни и смерти, гдѣ слѣпой рокъ передвигаетъ, въ ограниченномъ кругѣ неизбѣжныхъ переворотовъ, государства, подобно человѣку, обреченнаго на смерть; при чемъ человечество не становится ни сильнѣе, ни лучше. Заключенные въ слишкомъ узкихъ предѣлахъ своихъ воспоминаній, древніе греки не могли, подобно намъ, обнять однимъ взглядомъ длинный рядъ фактовъ и связать разсѣянные звенья безконечной цѣпи, проходящей черезъ всѣ вѣка. Такимъ образомъ и Римъ, обладавшій лишь науками, пересаженными съ иноземной почвы, не имѣлъ философіи исторіи. Его философъ, Цицеронъ, требовалъ отъ историковъ

только, чтобы они украшали истинные факты изящнымъ слогомъ ¹⁾). Если въ своихъ Законахъ или въ Республикѣ онъ объясняетъ римскія учрежденія, то дѣлаетъ это, какъ политическій дѣятель, какъ гражданинъ римскій и какъ моралистъ, съ цѣлью выставить на видъ мудрость предковъ и указать всему міру образецъ. Философія римлянина заключается въ увѣренности, что Римъ, въ силу своей доблести и опредѣленія боговъ, долженъ былъ завоевать міръ. Такія чувства благопріятствуютъ развитію краснорѣчія, но не создаютъ науки. Философія не имѣетъ отечества; національное пристрастіе оживляетъ слогъ, но суживаетъ мысль; оно побуждаетъ защищать извѣстный интересъ, а не построить общую теорію. Современники Ливія научаютъ его тому, какъ сдѣлаться ораторомъ въ исторіографіи болѣе, чѣмъ историкомъ.

III. Фантазія, какъ и наука, сотрудница исторіи; а для оцѣнки этой способности у Ливія, надо рассмотреть, какимъ воображеніемъ обладали его современники. То была великая эпоха въ римской литературѣ, безъ сомнѣнія; а это значитъ, что никогда эта литература не была богаче, слогъ — изящнѣе, вкусъ — чище. Но создало-ли когда-либо римское воображеніе, или хотя изобразило-ли живые характеры? Что такое Эней? — Образецъ добродѣтели, мудрецъ, прекрасное лицо въ какомъ-нибудь сочиненіи о нравственности, а не въ поэмѣ и не въ исторіи. Троянцы и рутулы не имѣютъ ни одной

¹⁾ См. упреки, которые онъ дѣлаетъ древнимъ историкамъ (анналистамъ) Рима.

оригинальной или своеобразной черты. Возьмемъ Эвандра, Мезенція, Палланта, Турна, — всѣ они одинаково цивилизованы и отличаются другъ отъ друга не болѣе, какъ герои французскихъ классическихъ драмъ. Виргилій, какъ и Расинъ, болѣе занятъ развитіемъ страстей, чѣмъ созданіемъ живыхъ лицъ. Талантъ его главнымъ образомъ выражается въ нѣжной и задумчивой чувствительности, уже близкой къ христіанской, въ глубокомъ чувствѣ къ святой и всемогущей природѣ, достойномъ александрійцевъ. Но значить-ли это, что онъ придалъ жизнь изображаемымъ лицамъ и создалъ, какъ Гомеръ, дѣйствительныхъ людей?— Ни Виргилій, ни Горацій, а еще менѣе Овидій, Тибуль или Проперцій, — ни одинъ изъ нихъ не начертилъ твердой рукой точнаго и поражающаго своею рельефностью изображенія народовъ и лицъ, какихъ мы требуемъ отъ историка, и которыя составляютъ лучшее изъ того, что даетъ исторія. Они не обладаютъ богатымъ вдохновеніемъ, которое населяетъ всѣ области образами, порожденными поэтической фантазіей. Они говорятъ болѣе о томъ, что у нихъ самихъ на душѣ, чѣмъ о томъ, что у другихъ. Никто изъ нихъ не представилъ Ливію образца того сильнаго творчества, когда авторъ забываетъ о самомъ себѣ, какъ-бы охваченный и одержимый воскрешенными имъ лицами, которыя самостоятельно живутъ и дѣйствуютъ въ его умѣ.

Литературныя эпохи по своему возникновенію подобны эпохамъ въ природѣ ¹⁾. Какъ въ длинные

1) Cuvier.

промежутки времени перевороты на земной поверхности вызывали на свѣтъ новыя породы, не имѣвшія предковъ, такъ обновленная мысль породила литературныя поколѣнія безъ предшественниковъ; потомъ уже духъ, подобно природѣ, сталъ повторять свои созданія и продолжалъ жить, лишь подражая самому себѣ. Но въ Римѣ даже не умѣли отличать оригинала отъ копіи! Вѣдь сравнивали-же римляне трагедіи Овидія и Варія съ греческими образцами! Однимъ словомъ, литература эта, столь художественная, впадала въ вычурность и изысканность; по крайней мѣрѣ уже Горацій искалъ удачнаго подбора словъ ¹⁾ и придавалъ своему слогу ту чрезмѣрную отдѣлку, которая служитъ признакомъ оскудѣвшаго творчества. А вокругъ него какъ много другихъ, которые были не болѣе, какъ простые кователи фразъ! Извѣстенъ случай съ пуристомъ Марцелломъ Помпоніемъ, который во время одного процесса два или три раза останавливалъ своего противника изъ за солецизма ²⁾ и помѣшалъ ему продолжать рѣчь; Августъ постановляетъ приговоръ объ отсрочкѣ дѣла; Марцеллъ заявляетъ, что въ приговорѣ есть одно слово, неупотребительное въ хорошей латыни.

За что Горацій такъ безпощадно нападаетъ на древнихъ поэтовъ римскихъ, обладавшихъ, по его

¹⁾ „Ты прекрасно выразишься, если знакомое слово, благодаря искусному соединенію, сдѣлается новымъ“. (De art. poet. 46—47. *Dixeris egregie, notum si callida verbum reddideris junctura novum*).

Прим. ред.

²⁾ Сolecизмъ—грамматически неправильное сочетаніе словъ.

Прим. ред.

собственному признанію, вдохновеннымъ трагическимъ паѳосомъ и удачной смѣлостью? — Въ своемъ обвиненіи онъ ссылается на то, что ихъ языкъ недостаточно гладокъ, очищенъ, искусенъ; онъ держится того правила, что нужно безпрестанно вычеркивать, исправлять, отдѣлывать; онъ своимъ примѣромъ учитъ подѣскивать тонкіе оттѣнки мысли, скрывать за каждымъ словомъ нѣсколько смысловъ, оттѣнять удачныя выраженія, придавать идеямъ занимательность съ помощью новыхъ оборотовъ, украшать каждый періодъ всѣми богатствами ума и искусства. Какое желаніе нравиться замѣтно въ слогѣ Овидія! Какое стараніе и какая способность казаться милымъ! Какая игра словъ, какія изящныя противоположенія и ухищренія въ остроуміи, просто смѣшныя! Надо признаться, что вкусъ начинаетъ портиться вслѣдствіе излишняго знанія литературныхъ приемовъ; вѣдь это истинное бѣдствіе, когда всякій можетъ, съ помощью нѣкотораго усилія, овладѣть запасомъ избранныхъ выраженій, остроумныхъ оборотовъ, мѣологическихъ намековъ, ораторскихъ разглагольствованій и общихъ мѣстъ. Это избавляетъ отъ настоящаго творчества, которое бьетъ непрерывнымъ ключемъ. Тогда память замѣняетъ поэтическій вымыселъ. Мы встрѣчаемъ все-гдѣ у Проперція проблески живой страсти; у Тибулла прорываются иногда черты тонкой и чуть не женственной чувствительности; вотъ и все, что у нихъ встрѣчается естественнаго; остальное — одно искусство.

Обычай публично читать литературныя произведенія побуждалъ писать напыщенно, съ поражаю-

щими эффектами, съ усиліями слога; при этомъ утрачивалась естественность; а публичныя декламациі, устроенныя Полліономъ, еще ухудшали зло. По рѣчамъ Аякса и Улисса у Овидія, можно уже судить о томъ, какъ много ложнаго и сколько фальши было внесено этими декламациями; Пренія ¹⁾ Сенеки отца еще сильнѣе свидѣтельствуя о томъ же; сюжеты, аргументы, выраженія, — все было условное, все было внѣ общаго употребленія и здраваго смысла. Можетъ ли быть что-либо смѣшнѣе преній, на тему очахлыхъ близнецахъ, о съѣденныхъ трупахъ, о заколдованныхъ могилахъ и т. п. Однажды Кв. Гатерій, говорившій рѣчь въ пользу отца ²⁾, котораго силой увели

¹⁾ Пренія — *Controversiae*; такъ называется сочиненіе Аннея Сенеки, ритора, въ которомъ онъ излагаетъ темы для преній и краткую программу самыхъ преній на различные вымышленные случаи, какіе придумывались въ риторическихъ школахъ для упражненія. Наприм., во время сраженія храбрый воинъ, потерявшій свое оружіе, снимаетъ и уноситъ съ гробницы оружіе погребеннаго по близости воина. Послѣ побѣды его награждаютъ за побѣду и обвиняютъ въ святотатствѣ. Или еще: законъ запрещаетъ ночью отворять ворота крѣпости; ночью къ воротамъ являются триста плѣнныхъ, которымъ удалось бѣжать отъ непріятеля и требуютъ, чтобъ ихъ впустили. Комендантъ не отпираетъ воротъ: они всѣ перебиты непріятелемъ и коменданта обвиняютъ въ государственномъ преступленіи. Многія изъ сохраненныхъ Сенекою темъ для преній до крайности вычурны и неестественны.

Прим. ред.

²⁾ У Тэна сказано с в о е г о о т ц а. Это описка или недоразумѣніе съ его стороны. Сенека (*Controv. lib IV* praef.) говоритъ, что помнитъ рѣчь, произнесенную Гатеріемъ на тему, что нѣкто привлекъ къ суду за оскорбленіе людей, которые увлекли его съ могилы его трехъ сыновей. *Прим. ред.*

съ могилы его троихъ дѣтей, вспомнилъ, что онъ самъ потерялъ сына и на минуту оставилъ изысканный тонъ и декламаторскія фразы. Присутствовавшіе переглянулись, они не понимали его болѣе: искренность и правда сдѣлались какимъ-то уродствомъ. Въ такой нездоровой атмосферѣ даже для современника Горація и Виргилія трудно было, чтобы сквозь истинное краснорѣчіе не вкралась риторика, когда онъ сочинялъ рѣчи; самъ Цицеронъ не обходится безъ нея.

Но Титъ Ливій, современникъ Цицерона, жилъ среди междоусобныхъ войнъ, постоянно волнуемый политическими страстями, окруженный цѣлымъ поколѣніемъ ораторовъ; оно было послѣднее, которое породилъ Римъ, но самое совершенное потому, что оно получило отъ грековъ это искусство почти въ чистотѣ, а толчекъ великихъ событій далъ имъ истинное вдохновеніе. Миръ былъ еще недавній и умы были еще слишкомъ возбуждены, чтобы краснорѣчіе могло угаснуть или извратиться; а утонченное искусство наставниковъ поддерживало и направляло его. Это искусство учило оратора, если не сильно чувствовать самому, то по крайней мѣрѣ сообщать свое чувство другимъ; не находить, но развивать доказательства; оно не давало ему новыхъ силъ, но научало пользоваться тѣми, какія онъ имѣлъ; оно вооружало страсти и разумъ изученіемъ и упражненіемъ, и его равномѣрное совершенство скрывало неровности и недостатокъ самобытнаго духа. Это рѣдкое соединеніе вдохновенія и науки встрѣчается въ Цицеронѣ; оно проявилось въ послѣдній разъ у Тита Ливія.

Такова доля вліяння, какое имѣлъ на достоинства и недостатки Ливія его вѣкъ, когда пониманіе исторіи было несовершенное; воспроизведеніе оригинальныхъ и истинныхъ характеровъ слабое, а слогъ слишкомъ ученый; когда не было ни одного удовлетворительнаго образца по философіи исторіи или критикѣ; но за то существовали многочисленныя матеріалы, подготовленные для науки, великія преданія краснорѣчія, политическое воспитаніе, искусство рѣчи, доведенное до совершенства, свобода для искренняго убѣжденія: среди такихъ условій хорошихъ и дурныхъ поставила Ливія судьба. Надо прибавить еще одно условіе, которому онъ можетъ быть обязанъ спокойной величавостью своего слога, — это видъ державнаго и замиреннаго Рима, какимъ его сдѣлалъ Августъ, — того Рима, который *Виргилій* называлъ „прекраснѣйшей вещью въ мірѣ“. То было время, когда „Кесарь, трижды ¹⁾ въѣхавши съ триумфомъ въ стѣны Рима, посвящалъ италійскимъ богамъ свой безсмертный обѣтъ — триста величайшихъ храмовъ по всему городу. Улицы шумѣли отъ радости, игръ и одобреній. Во всѣхъ храмахъ — толпы женщинъ ²⁾, передъ всѣми храмами — алтари; у алтарей закланные тельцы покрывали землю. Онъ самъ, сидя въ мраморномъ храмѣ сіяющаго Феба, осматриваетъ дары народовъ и располагаетъ ихъ

1) Триумфъ надъ Далмаціей, за побѣду при Акціумѣ и за покореніе Египта. *Прим. ред.*

2) *Виргилій* хочетъ сказать, что и женщины наполняли храмы, вознося къ богамъ благодарственныя молитвы за дарованный Риму миръ. *Прим. ред.*

по высокимъ карнизамъ; длиннымъ рядомъ выступаютъ побѣжденные народы, разнообразные какъ по языку, такъ и по виду одежды и оружія. Здѣсь и племена кочевниковъ и распоясанные африканцы; тамъ лелеги, карійцы и носящіе стрѣлы гелоны. Евфратъ уже мягче катилъ свои волны, а скованный мостомъ Араксъ, негодуя, бушевалъ“¹⁾.

Въ этомъ громадномъ городѣ, которому народы воздвигали храмы, среди этой толпы статуй, среди всѣхъ этихъ памятниковъ побѣды, въ воображеніи римлянина могъ возникнуть величественный образъ отечества, и онъ могъ подняться силою своего краснорѣчія до величія римскаго народа.

¹⁾ Virgilij, Энеида, VIII, 710.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія какъ наука.

ГЛАВА I.

Критикъ разбираетъ—потомъ собираетъ—сомнѣвается—приводитъ доводы—доказываетъ свои доводы.

Всякая наука заключаетъ въ себѣ частные факты, которые она устанавливаетъ, и болѣе общіе факты, которые она приводитъ въ связь; исторія сортируетъ матеріаль и собираетъ посредствомъ критики частныя истины; съ помощью философскаго разумѣнія она извлекаетъ общія мысли и группируетъ ихъ. Надо взглянуть на эту двойную работу у Тита Ливія и у новыхъ историковъ, которые исправляли или дополняли его трудъ; надо измѣрить его достоинства по тому, что онъ сдѣлалъ, а его недостатки—по тому, что онъ оставилъ другимъ додѣлывать,—и найти въ его недостаткахъ и достоинствахъ красоты и несовершенства, кото-

рыя мы уже предчувствовали при изученіи его жизни, его отечества и его вѣка.

Что такое критика?—Но сравнимъ прежде всего Тита Ливія съ идеальнымъ образцомъ критика. Когда мы узнаемъ, чѣмъ-бы онъ долженъ быть, мы оцѣнимъ то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Критика подбираетъ все достовѣрное и только достовѣрное. Это легко сказать; но какія важныя послѣдствія вытекаютъ отсюда! Возьмите историка, который относится къ исторіи, какъ она того заслуживаетъ, т. е. какъ къ наукѣ. Онъ не думаетъ ни хвалить, ни хулить; онъ не хочетъ ни обращать своихъ слушателей на путь добродѣтели, ни поучать ихъ политикѣ. Не его дѣло возбуждать любовь или ненависть, улучшать умъ или сердце; хороши-ли, дурны-ли факты, что ему до того; онъ не призванъ спасать души; у него нѣтъ иного долга, иного желанія, какъ уничтожить разстояніе времени, поставить читателя лицомъ къ лицу съ самыми предметами, сдѣлать его согражданиномъ описываемыхъ имъ лицъ и современникомъ событій, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Пусть вслѣдъ за нимъ идутъ моралисты и обсуждаютъ представленную имъ картину; его задача кончена; онъ уступаетъ имъ мѣсто и удаляется. Оттого, что онъ любитъ только абсолютно истинное, его раздражаетъ полу-истина, — она тоже, что полу-ложь; его раздражаютъ авторы, которые хотя и не измѣняютъ ни хронологіи, ни генеалогіи, но превратно изображаютъ чувства и нравы; которые сохраняютъ лишь очертанія событій и совершенно измѣняютъ ихъ окраску; которые списываютъ факты и искажаютъ смыслъ;

онъ-же среди варваровъ хочетъ чувствовать, какъ варваръ; среди древнихъ, какъ древніе. И вотъ онъ уходитъ изъ своего вѣка и своей націи, чтобъ воскресить въ себѣ своеобразныя страсти, причудливыя вѣрованія, забытый характеръ другихъ народовъ и другихъ вѣковъ. На всемъ протяженіи времени онъ слѣдитъ за малѣйшими его измѣненіями, и въ результатѣ оказывается, что онъ собралъ и развилъ, въ узкихъ предѣлахъ своего ума, ощущенія и всю жизнь извѣстной націи. Онъ менѣе возмущенъ вымышленной битвой, чѣмъ какимъ-нибудь даже незначительнымъ извращеніемъ чувствъ и духа этой націи. Здѣсь онъ гонится за всѣми подробностями и собираетъ ихъ, какъ живѣйшій и драгоцѣннѣйшій цвѣтъ истины. Но онъ не довольствуется этимъ. Не думайте, что вы его удовлетворили, перечисливши тѣ факты, которые, повидимому, исключительно занимаютъ людей: смѣны правительствъ, козни партій, войны, паденіе государствъ. Онъ будетъ еще допрашивать васъ о распредѣленіи богатства, о занятіяхъ гражданъ, объ устройствѣ семьи, о религіи, объ искусствѣ, о философіи. Въ его глазахъ всѣ составныя части учрежденій и всѣ стороны человѣческихъ идей находятся во взаимной связи; ни одной изъ нихъ нельзя понять, если не знаешь всѣхъ остальныхъ; это зданіе, изъ котораго нельзя вынуть ни одного камня безъ того, чтобы все оно не пошатнулось. И вотъ онъ по инстинкту и по влеченію переходитъ отъ одного факта къ другому, постоянно накопляя ихъ, безпокойный и недовольный, пока не собралъ всего; преслѣдуемый потребностью ясныхъ и пол-

ныхъ понятій, замѣчая все новые пробѣлы въ томъ внутреннемъ изображеніи, которое онъ созерцаетъ, неутомимый, пока не наполнить ихъ.

А какъ наполнить ихъ иначе, какъ не удостовѣренными фактами? Для зданія необходимы поэтому безчисленные подмости. Любовь къ истинѣ порождаетъ любовь къ доказательству, и вотъ нашъ критикъ преслѣдуетъ его, не съ спокойнымъ усердіемъ безпристрастнаго судьи, но съ упорствомъ и проицательностью страстнаго изслѣдователя. Онъ спѣшитъ обратиться къ самымъ отдаленнымъ источникамъ, потому что они самые чистые; чѣмъ грубѣе текстъ, тѣмъ онъ ему драгоцѣннѣе; охотно промѣнялъ бы онъ самый лучшій образецъ ораторскаго искусства на какую-нибудь старинную книгу съ неуклюжимъ слогомъ, грубымъ какъ и самъ авторъ и своею шероховатостью невыносимымъ для утонченнаго литератора; для него сокровище въ этомъ родѣ — сельчанинъ Катонъ съ его руководствомъ для сельскаго хозяина — этимъ сборникомъ корявыхъ деревенскихъ наставленій. Онъ отправляется въ архивъ отрывать законы, рѣчи, трактаты, прокладывая себѣ тропинку въ неудобочитаемой тарабарщинѣ забытыхъ письменъ сквозь неизвѣстныя слова и нескладныя фразы; ибо здѣсь онъ прикасается къ самымъ фактамъ, цѣльнымъ и нетронутымъ, безъ посредства третьяго лица; здѣсь онъ внимааетъ гласу самой старины, безъ помощи истолкователя, измѣняющаго его звуки: это само прошедшее, которое, не будучи искажено другими руками, прямо попало въ его руки. Онъ поясняетъ эти тексты, столь внушительные, другими памят-

никами, еще болѣе выразительными; онъ знаетъ, что природа остается неизмѣнна въ то время, какъ духъ человѣка измѣняется; что среди общественныхъ переворотовъ она сохраняетъ свойства климата и очертанія почвы и что, окружая людей неизмѣняющимися предметами, она питаетъ въ нихъ незыблемыя представленія. Онъ обращается за этими думами къ странѣ, породившей ихъ, и понимаетъ ихъ потому, что самъ пережилъ ихъ. Но перебирая всѣ памятники, чтобы добраться до непочатыхъ источниковъ древности, онъ однако не пропуститъ ни одного свидѣтельства новаго или древняго, полнаго или искаженнаго, — ни одной формулы, монеты, обряда или преданія; самый неблагоприятный текстъ часто обнаруживаетъ какую-нибудь характерную черту или обломокъ учрежденія. Только обозрѣвши все, можно уловить подлинную истину и ее доказать.

Но и самыя доказательства должны быть проверены. Критикъ знаетъ, что люди имѣютъ способность лгать и пользуются ею; что люди лгутъ не только завѣдомо и намѣренно, но часто по невольному пристрастію и безъ яснаго сознанія лжи: иногда авторъ, вовсе не желая обманывать, искажаетъ факты, потому ли, что онъ взглянулъ на нихъ невѣрно, или потому, что не понялъ ихъ; что рѣже всего встрѣчается умъ настолько прямой, чтобы все сказать, настолько гибкій, чтобы все постигнуть; и что наконецъ истина, переходя черезъ столько невѣрныхъ или грубыхъ рукъ, ежедневно искажаемая, доходитъ до насъ похожая на заблужденіе.

Вотъ почему критикъ хочетъ, чтобы каждый авторъ самъ явился передъ нимъ для оправданія своего свидѣтельства, чтобы онъ сказалъ ему, въ какую эпоху, въ какой странѣ онъ жилъ, какъ собиралъ факты и провѣрялъ-ли онъ источники. Критикъ требуетъ, чтобы авторъ былъ въ согласіи самъ съ собой и съ другими; потомъ онъ слѣдуетъ за нимъ, провѣряя его съ помощью географіи и хронологіи; ежеминутно поправляетъ его на основаніи законовъ человѣческой природы и достовѣрной исторіи; онъ взвѣшиваетъ его проницательность и его благонадежность; онъ принимаетъ въ расчетъ, какіе образы приняла факты, отражаясь въ этомъ несовершенномъ зеркалѣ; онъ расправляетъ эти образы, какъ-бы они ни были искривлены, и воскрешаетъ силой своихъ предположеній самыя истертые и искаженные изъ нихъ, догадываясь сквозь сказанное о томъ, чего авторъ не могъ и не хотѣлъ сказать, и противъ его воли придавая ему точность и полноту. Такъ подвигается онъ впередъ по этому скользкому пути съ мелочными предосторожностями, съ тонкимъ чутьемъ, добросовѣстной отзывчивостью, съ пламенной рѣшимостью человѣка, который не уступитъ ничего заблужденію или недостовѣрности изъ того, что могутъ у нихъ отвоевать истинктивное чутье истины, терпѣніе и страстная преданность къ дѣлу.

Подходить-ли къ Титу Ливію такое изображеніе критика? Съ какой цѣлью, по какимъ правиламъ, съ какимъ вниманіемъ прилагалъ онъ къ дѣлу критику? Онъ самъ отвѣтитъ намъ на эти вопросы, и намъ остается только выслушать его признанія.

ГЛАВА II.

Критика у Тита Ливія.

§ 1. Его введеніе.

„Создалъ-ли я трудъ, достойный приложенныхъ къ нему усилій для описанія подвиговъ римскаго народа съ перваго появленія города, — навѣрное не знаю, а, еслибы и зналъ, то не рѣшился бы сказать, видя, что предметъ старъ и избитъ, коль скоро все новые и новые писатели увлекаются надеждой то сообщить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, то превзойти грубую древность искусствомъ изложенія. Но, что-бы ни вышло, отрадно будетъ чувство, что я самъ по мѣрѣ силъ поддержалъ память о подвигахъ народа, перваго на землѣ; а если въ этой толпѣ писателей и заглохнетъ слухъ обо мнѣ, я могу утѣшиться славой и достоинствомъ тѣхъ, кто затмитъ мое имя. При томъ-же самый предметъ требуетъ неизмѣримаго труда, такъ какъ память о Римѣ живетъ болѣе семи столѣтій, и, незначительный при своемъ возникновеніи, онъ разросся до того, что страждетъ отъ собственныхъ размѣровъ. Не сомнѣваюсь, что для большинства чита-

телей самое начало и событія, близкія къ нему, доставятъ мало удовольствія, потому что они спѣшатъ къ новымъ временамъ, когда силы народа, уже давно достигшаго главенства, начинаютъ подрывать сами себя. Я-же съ своей стороны ищу еще одной награды за мой трудъ—отвернуться отъ зрѣлища всѣхъ золъ, которыя видѣлъ нашъ вѣкъ, отвернуться по крайней мѣрѣ на время, пока я мыслью уношусь ко всему древнему, вполне чуждый заботы дня, способной если и не уклонить духъ писателя отъ истины, то все-же взволновать его.

Всего того, что — какъ гласитъ преданіе, болѣе сообразное съ поэтическимъ вымысломъ, чѣмъ съ подлинными памятниками минувшихъ дѣлъ, — произошло до основанія города, или въ связи съ нимъ, я не намѣренъ ни утверждать, ни отвергать. Старинѣ оказываютъ то снисхожденіе, что предоставляютъ ей, смѣшеніемъ человѣческаго съ божественнымъ, придавать болѣе святости возникновенію городовъ. А если за какимъ-либо народомъ можно признать право освящать свое происхожденіе и искать ему виновниковъ среди боговъ, то военная слава за римскимъ, его такова, что, когда онъ Марса называетъ отцемъ своимъ и отцемъ своего основателя, то съ той-же покорностью могутъ выносить это людскія племена, съ какой они выносятъ его господство. Впрочемъ какъ-бы ни оцѣнили всѣ эти преданія и имъ подобныя, какъ-бы на нихъ ни взглянули, я по крайней мѣрѣ не придамъ этому большаго значенія. По мнѣ пусть каждый съ своей стороны наблюдаетъ съ напряжен-

нымъ вниманіемъ, какова была жизнь, каковы нравы, кѣмъ именно и благодаря какой дѣятельности въ мирѣ и на войнѣ основано и усилено господство Рима. Пусть онъ слѣдитъ умомъ, какъ впоследствии, когда строгая чинность стала мало по малу ослабѣвать, нравы начали словно клониться книзу, какъ потомъ понижались все болѣе и болѣе и наконецъ стали стремительно падать, пока не дошло до нынѣшняго времени, когда мы не можемъ выносить ни своихъ порочныхъ немощей, ни цѣлительныхъ средствъ. Вѣдь то преимущественно и полезно, и плодотворно въ изученіи событій, что видишь всевозможные поучительные примѣры, воплощенные въ славномъ памятникѣ, что отсюда извлекаешь для себя и для своего государства, чему подражать, — чего избѣгать, какъ негоднаго и по исходу. Впрочемъ, обманываетъ-ли меня пристрастіе къ предпринятому труду, или же дѣйствительно никогда еще не было столь великаго государства, или столь святого, или болѣе богатаго хорошими примѣрами? не было ни одной общины гражданъ, куда-бы такъ поздно проникли алчность и роскошь, ни одной, гдѣ-бы въ такомъ почетѣ и такъ долго были бѣдность и бережливость; ибо чѣмъ меньше было средствъ, тѣмъ меньше было потребностей. Въ послѣднее же время богатство внесло съ собой алчность, а изобиліе желаній — стремленіе, путемъ роскоши и излишествъ, губить себя и все погубить. Но — жалобъ, которыя даже тогда будутъ безотрадны, когда, быть можетъ станутъ необходимы, — пусть не будетъ хоть при самомъ началѣ такого великаго дѣла. Если-бы и у насъ то было

въ обычаѣ, какъ у поэтовъ, мы охотнѣе начали бы при добрыхъ предзнаменованіяхъ, обѣтами и мольбами богамъ и богинямъ, чтобы они послали счастливый успѣхъ начинаніямъ столь обширнаго труда.“

Это благородное введеніе показываетъ, съ какою цѣлью и съ какимъ намѣреніемъ Ливій писалъ свою исторію. Это трудъ моралиста, который выставляетъ людямъ примѣры поведенія— и гражданина, который желаетъ прославить доблести своего отечества. Въ его любви къ изящной рѣчи мы узнаемъ образованнаго литератора; въ его обѣщаніи быть безпристрастнымъ и въ его признаніяхъ въ невѣдѣніи видѣнъ честный человекъ, а въ торжественныхъ періодахъ и выраженіяхъ національной гордости слышится голосъ оратора, который открываетъ свой рассказъ о римскихъ побѣдахъ воздвиженіемъ триумфальной арки царственному народу.

§ 2. Ливій ничего не утверждаетъ иначе, какъ на основаніи авторитетовъ—и многочисленныхъ авторитетовъ.—Его признанія, его чувство справедливости; его искренность; его сомнѣнія.—Благородство души даетъ критическое чутье.—Безтолковость Діонисія.—Точность есть даръ критики.—Возрастающая достовѣрность послѣднихъ книгъ Тита Ливія.

Всѣ эти свойства Ливія, какъ писателя, объясняютъ намъ заранѣе достоинства и недостатки его, какъ критика. Ливій приближается къ совершенной истинѣ потому, что любитъ ее, и потому, что понимаетъ величіе Рима, но не достигаетъ ее

вполнѣ потому, что его любовь къ истинному не исключительная и абсолютная, потому что онъ питаетъ къ своей родинѣ невольное пристрастіе, потому что у него слишкомъ сильна склонность къ изящному слогу и краснорѣчію. Онъ точенъ, насколько можетъ быть точенъ прирожденный ораторъ, а не историкъ.

I. Никогда онъ не приводитъ ни одного факта безъ доказательствъ. Для самыхъ мелкихъ подробностей онъ справлялся съ подлинникомъ авторовъ. „Посланные, говоритъ онъ, нашли Цинцината въ полѣ, по однимъ свидѣтельствамъ, въ то время, какъ онъ копалъ ровъ и стоялъ, нагнувшись надъ лопатой; по другимъ, за сохой; но во всякомъ случаѣ за сельской работой, это достоверно ¹⁾.“ Конечно Титъ Ливій не при каждомъ событіи ссылается на свои авторитеты; онъ не начинаетъ своей исторіи съ перечня своихъ источниковъ; это хорошо для какого-нибудь жалкаго грека-ритора, не пользующагося довѣріемъ, какъ на примѣръ Діонисій. Титъ Ливій не имѣетъ нужды доказывать свою правдивость; она сама собою обнаруживается, помимо его; въ каждой его строкѣ замѣтно, что онъ лишь выписываетъ сохранившіяся свидѣтельства. Онъ добросовѣстенъ до щепетильности; въ наше время критики, даже самые строгіе, считаютъ себя въ правѣ прибавлять къ фактамъ ихъ причины; Титъ Ливій не выбираетъ даже между тѣми объясненіями, которыя приводятся разными авторами: „Бѣдствія, говоритъ онъ, начались го-

¹⁾ Титъ Ливій, III, 26.

лодомъ, потому-ли, что годъ былъ неурожайный, или потому, что увлеченіе народными собраніями и городскою жизнью заставили покинуть земледѣліе. Ссылаются обѣ на эти причины¹⁾. Когда римскія матроны рѣшаются обратиться къ Коріолану, Ливій не знаетъ, дѣлаютъ-ли онѣ это сами по себѣ или по совѣту магистратовъ. Когда является недоумѣніе при выборѣ между двумя именами, онъ не осмѣливается рѣшить и не знаетъ, сказать ли ему, на прим. Фурій и Вопискъ, или-же Фузій и Виргиній. Наконецъ позднѣе, когда онъ слѣдуетъ одному Полибію, если сравнивать оба текста строку за строкой, легко убѣдиться, что Ливій не прибавляетъ ни одного факта, напротивъ, онъ опускаетъ иные; единственная вольность, какую онъ себѣ дозволяетъ,—вдохнуть жизнь въ растянутые періоды своихъ сухихъ предшественниковъ. Въ самомъ расположеніи его разсказа находимъ несомнѣнное доказательство его точности. Онъ переходитъ отъ одного года къ другому по плану своихъ лѣтописцевъ, пересказывая, подобно имъ, имена магистратовъ, чудеса, искупительныя жертвы, междоусобія и внѣшнія войны, не выставляя себя нигдѣ, какъ развѣ только признаніемъ своего невѣдѣнія, или рѣчами; не пытаюсь объяснить событія предположеніями, или связать факты общими идеями. Онъ ступаетъ самъ, предоставляя рѣчь авторамъ, которымъ онъ слѣдуетъ. То, что мы теперь читаемъ сквозь строки Ливія,—это Фабій Пикторъ, это Пизонъ, пер-

1) Титъ Ливій, IV, 12.

вые летописцы; только изложение стало правильнее, яснее и красноречивее, но съ тѣмъ-же планомъ, съ тѣми-же подробностями и ошибками; они являются передъ нами такими-же, какими Ливій ихъ читалъ, развертывая ихъ свитки въ библиотекѣ Полліона, среди бронзовыхъ и серебряныхъ бюстовъ, сохранявшихъ ихъ черты и память о нихъ. Ливій обладаетъ рѣдкимъ достоинствомъ никогда не измѣнять свидѣтельствъ и никогда не говорить ничего безъ ссылки на источники.

II. А источники у него многочисленны; въ первыхъ десяти книгахъ—Фабій Пикторъ, древнѣйшій историкъ Рима; Цинцій Аліментъ, который былъ плѣнникомъ Ганнибала и свидѣтелемъ всей второй пунической войны; Калпурній Пизонъ, Валерій Антій, Лициній Мацеръ, который черпалъ свѣдѣнія изъ такъ называемыхъ *Libri lintei*¹⁾ въ храмѣ Монеты; Клавдій Квадригарій, Элій Туберонъ; въ остальныхъ 25 книгахъ, кромѣ указанныхъ выше, Полибій, самый разсудительный и точный изъ древнихъ

¹⁾ Въ древнемъ Римѣ велись изстари списки ежегодныхъ магистратовъ; одинъ изъ такихъ списковъ былъ написанъ на полотнѣ, откуда названіе *libri lintei* (полотняныя книги). Онъ хранился въ Капитоліѣ въ храмѣ Юноны-Монеты (богини памяти), и имъ впервые воспользовался для исторіи Лициній Мацеръ, народный трибунъ 73-го г. (до Р. Х.). Заслуга этого историка заключается въ томъ, что онъ сдѣлалъ извѣстными нѣкоторые изъ древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, наприм. договоръ римлянъ съ городомъ Ардеей (444-го г. до Р. Х.) и эти полотняные списки. Ливій упоминаетъ о нихъ только въ четырехъ случаяхъ, которые всѣ относятся къ одному десятилѣтію. (См. Beaufort, 99).

историковъ; сициліецъ Силенъ, другъ Ганнибала, Целій Антипатеръ, Цецилій, П. Рутилій, Клодій Лициній, нѣсколько сочиненій Катона Цензора; и наконецъ Фасты и книги Магистратовъ, которыя служатъ ему для провѣрки и исправленія датъ ¹⁾).

Титъ Ливій читаетъ всѣхъ этихъ авторовъ вмѣстѣ и иногда приводитъ три, четыре мнѣнія по поводу одного факта. Когда позднѣе онъ встрѣчаетъ Полибія, столь ученаго и добросовѣстнаго, котораго онъ цѣнитъ по достоинству и съ которымъ постоянно справляется, онъ присоединяетъ еще къ нему и современниковъ пунической войны, Фабія Пиктора, Цинція и другихъ, не пренебрегая даже Вал. Антиемъ, котораго онъ справедливо презираетъ. Среди размѣренныхъ періодовъ его разсказа, вдругъ неожиданно сверкнетъ такое блестящее описаніе, какъ взятіе Сагунта; или такое краснорѣчивое изложеніе, какъ, на примѣръ, битва Тразименская. Это значитъ, что грекъ-политикъ и резонеръ отложенъ въ сторону и что роясь между источниками, Ливій попалъ на какое-нибудь богатое живописаніе, остававшееся доселѣ подъ спудомъ. Въ другомъ мѣстѣ, сразу напавши на живописный разсказъ, онъ слѣдуетъ ему до конца, еще болѣе оживляя его, не думая ни о чемъ иномъ, и довольный такой находкой ²⁾. Но дописавши страницу, онъ видитъ передъ собой, на столѣ, другихъ аналистовъ, оставленныхъ имъ въ сторонѣ; онъ

1) Lachmann. De font. hist. Livii 1822. Объ источникахъ исторіи Ливія.

2) Титъ Ливій, VII, 42.

останавливается и приводит ихъ разнорѣчивыя версіи въ слѣдующей главѣ. Слѣдовательно, онъ перечиталъ множество писателей, многихъ разъ и съ тщательнымъ вниманіемъ. Этого достаточно, если не для критика, ненасытнаго изслѣдователя, то по крайней мѣрѣ для честнаго ученаго во всѣхъ отношеніяхъ добросовѣстнаго.

III. При этомъ чтеніи Ливій безпристрастенъ, насколько можетъ быть римлянинъ, всегда гордый, но никогда не льстивый намѣренно и корыстно, какъ Діонисій. Онъ предоставляетъ греку основать Римъ съ колоніей благонамѣренныхъ людей и признается, что притонъ разбойниковъ былъ колыбелью римскаго народа.

Изъ двухъ рассказовъ онъ не всегда выбираетъ самый почетный, но самый правдоподобный; такъ, наприм., за начальникомъ всадниковъ ¹⁾, Фабіемъ, сражавшимся противъ самнитовъ, онъ признаетъ лишь одну побѣду, тогда какъ нѣсколько авторовъ приписывали ему двѣ побѣды. Онъ очень не довѣряетъ Валерію Антію, который преувеличиваетъ число непріятелей, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ. Часто онъ принимаетъ меньшую цыфру, а въ слишкомъ древнія времена онъ не рѣшается вовсе опредѣлить ея. Во многихъ мѣстахъ онъ свободно рассказываетъ о пораженіяхъ и жестокостяхъ римлянъ ²⁾. Спустя нѣсколько времени послѣ бѣгства Тарквинія, войско было разбито аурунками, и одинъ изъ кон-

1) Magister equitum. Помощникъ диктатора имѣлъ званіе начальника всадниковъ.

Прим. ред.

2) Титъ Ливій, III, 17.

суловъ палъ на полѣ битвы. „Затѣмъ послѣ небольшого промежутка, котораго было довольно для исцѣленія ранъ и пополненія войска, еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ и съ увеличившимися силами направили оружіе на Помецію. Но когда, по исправленіи оборонительныхъ кровель и другихъ сооруженій войны, дѣло уже близилось къ тому, чтобы солдату взбираться на стѣны, произошла сдача. Впрочемъ и по сдачѣ города, не менѣе ужасно, чѣмъ еслибы онъ былъ взятъ, знатнѣйшіе аурунки безъ разбора были казнены сѣкирой, остальные жители проданы въ рабство; городъ разрушенъ, поля проданы“. Случается, что, признавши дурные поступки, Титъ Ливій осуждаетъ ихъ; онъ чело-вѣкъ, не только гражданинъ, и возмущается коварствомъ Рима такъ же, какъ и пораженіями. Если онъ самъ прямо не порицаетъ прикрытое соблюденіемъ законныхъ формъ нарушеніе клятвы при Кавдинскихъ Ущельяхъ, за то рѣчь самнитскаго вождя достаточно краснорѣчива. Чувствуется, что эти сильныя выраженія истекаютъ изъ любви къ справедливости, а не изъ потребности искусной защиты.

„Всегда ли найдется у васъ достаточная причина, чтобы, будучи побѣжденными, не соблюдать договора? Вы дали заложниковъ Порсеннѣ, и воровскимъ способомъ вы ихъ увели. За золото вы выкупили государство у галловъ: во время пріема золота они были перебиты. Вы заключили съ нами миръ, чтобы мы воротили вамъ плѣнные легіоны: этотъ миръ вы дѣлаете недѣйствительнымъ и всегда свой обманъ вы прикрываете какимъ-то подобіемъ права. Если римскій народъ недоволенъ тѣмъ, что его

легіоны спасены постыднымъ миромъ, то пусть римляне отвергають миръ и возвратятъ побѣдителя плѣнные легіоны; вотъ это было бы согласно съ честностью, съ договорами, съ обрядами феціаловъ. Но нѣтъ, ты хочешь съ помощью договора обезпечить за собой то, чего желалъ, — безопасность столькихъ гражданъ; а я долженъ лишиться мира, который я выговорилъ себѣ, возвративши этихъ людей? Такому-то праву, ты Авль Корнелій, и вы, феціалы, обучаете народы! Но я по крайней мѣрѣ не принимаю тѣхъ, кого вы притворно выдаете, и не считаю выданными; и я не помѣшаю имъ возвратиться въ государство, обязавшееся заключеннымъ съ нами договоромъ и подверженное гнѣву всѣхъ боговъ, оскорбленныхъ этимъ глумленіемъ надъ ихъ высокой волей. Ведите теперь войну, за то, что Сп. Постумій пронзилъ колѣно послу феціалу. Пусть такимъ образомъ боги подумаютъ, что Постумій — самнитянинъ, а не римскій гражданинъ и что самнитянинъ оскорбилъ римскаго посла, и вы поэтому вели противъ насъ справедливую войну. И не стыдно вамъ выводить на свѣтъ эти насмѣшки надъ религіей? Не стыдно старикамъ и бывшимъ консуламъ выдумывать уловки для обхода даннаго слова, не достойныя мальчишекъ“¹⁾).

Ливій такимъ образомъ влагаетъ свои чувства и сужденія въ рѣчи своихъ дѣйствующихъ лицъ и намѣренно устраняется изъ самой исторіи.

Скрываясь за дѣйствующими лицами, онъ можетъ быть вполне искреннимъ, хотя-бы и въ ущербъ

1) Титъ Ливій, IX, 11.

своимъ соотечественникамъ. Но по силѣ выраженія всегда можно узнать, когда въ немъ слѣдуетъ отличать отъ оратора судью, и когда его устами говорить не заинтересованная сторона, а сама истина. Когда Ганнибалъ принимаетъ ядъ: „Освободимъ“, сказалъ онъ: „римскій народъ отъ продолжительной заботы, если уже онъ думаетъ, что слишкомъ долго ожидать смерти старика. Не велика и не достойна памяти будетъ побѣда Фламинина надъ тѣмъ,—кого обезоружили и предали. Насколько однако измѣнились нравы римлянъ, доказательствомъ тому будетъ служить также и нынѣшній день. Ихъ отцы предостерегли царя Пирра, вооруженнаго врага, державшаго войско въ Италіи, чтобы онъ оберегался яда. Они же отправили посла, бывшаго консуломъ, чтобы посовѣтовать Прузію преступнымъ образомъ убить гостя“¹⁾. Этотъ контрастъ отмѣченъ Ливіемъ, а не Ганнибаломъ, и въ то время, какъ изображаемое имъ лицо выставляетъ на видъ коварство римлянъ, историкъ указываетъ на упадокъ ихъ нравовъ. Припомнимъ еще, что сами греки питали менѣе жалости къ несчастной Греціи, чѣмъ Ливій. Діонисій и Полибій расточали хвалу побѣдителямъ; одинъ превозносилъ ихъ доблести, другой — ихъ благородство, мало заботясь о свей родинѣ; очень склонные оправдывать ея порабощеніе, оба пришли къ тому заключенію, что могущество даетъ право, и что обязанность слабаго подчиняться

1) Титъ Ливій, XXXIX, 51.

сильному ¹⁾. Титъ Ливій имѣлъ больше основаній, чѣмъ они, хвалить Римъ; а между тѣмъ, когда у него Ликортъ защищаетъ передъ Аппіемъ бѣдную Ахею, въ его словахъ, гдѣ звучитъ сдержанное негодованіе, въ его порывахъ оскорбленной гордости, чувствуется, что историкъ-римлянинъ внималъ послѣднему вздоху гибнувшей справедливости и что въ это мгновеніе онъ на сторонѣ притѣсненнаго.

IV. Еще болѣе, чѣмъ отъ пристрастія гражданина остерегается Ливій отъ авторскаго тщеславія; онъ прямо сознается въ своихъ недоумѣніяхъ и своемъ незнаніи ²⁾, не желая казаться болѣе знающимъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, или утверждать то, въ чемъ не увѣренъ самъ. Онъ предоставляетъ самому читателю судить о преданіяхъ, предшествовавшихъ возникновенію Рима; онъ едва рѣшается высказаться въ вопросахъ о томъ, были ли Гораціи альбанцы или римляне, кто былъ первымъ диктаторомъ, сколько въ началѣ было трибуновъ; онъ избѣгаетъ навязывать намъ свое сужденіе; когда противоположное мнѣніе имѣетъ хотя нѣкоторое вѣроятіе, онъ приводитъ его вслѣдъ за своимъ. Онъ самъ въ значительной степени лишаетъ свой рассказъ авторитета, говоря, что большая часть памятниковъ погибла во время пожара, и что многіе знатные роды изъ тщеславія исказили данныя, которыя извлекали изъ своихъ фамильныхъ памятниковъ ³⁾; но

1) Діонисій, Предисловіе.

2) Титъ Ливій, III, 23.

3) Титъ Лив. VIII, 40; VI, 1.

это не значитъ, чтобы Ливій жертвовалъ древнею эпохою съ тѣмъ, чтобы лучше отстоять достовѣрность послѣдующей. Даже въ самнитской войнѣ Ливій остается при своихъ сомнѣніяхъ и прерываетъ рассказъ, замѣчаніемъ, что въ Анналахъ за такой то годъ пропущены имена такихъ то консуловъ, а въ другомъ мѣстѣ есть разногласіе въ повѣствованіи; что даты не точны, что въ такой то битвѣ неизвѣстно, на чьей сторонѣ была побѣда¹⁾. Даже по поводу пуническихъ войнъ, наприм. при взятіи Карфагена, онъ объявляетъ, что писатели не согласны ни на счетъ числа солдатъ и кораблей карфагенскихъ, ни на счетъ количества осадныхъ машинъ и взятыхъ заложниковъ, ни на счетъ именъ вождей непріятеля и римскаго флота. Титъ Ливій заботится лишь о приведеніи чужихъ мнѣній; это уже дѣло читателя выбирать между ними. Онъ просвѣщаетъ нашъ разумъ, уважая нашу свободу, и приглашаетъ насъ не вѣрить, а судить. Въ этой сдержанности столько же тонкаго чутья, сколько искренности, и намъ пріятно встрѣтить у Ливія болѣе осторожную критику, чѣмъ подъ часъ встрѣчаемъ у великаго критика, Нибура. А какая разница между этой воздержанностью и наглымъ легковѣріемъ Діонисія! Ливій вмѣщаетъ въ одной книгѣ два съ половиной вѣка царей, тогда какъ Діонисій къ концу перваго тома доходитъ только до смерти Энея. Грекъ-педантъ знаетъ всѣ дѣянія всѣхъ царей Альбы, какъ будто семьсотъ лѣтъ тому назадъ, онъ былъ

¹⁾ Тоже, VIII, 18, 40 и т. д. XI, 44; X, 3, 5.

официальнымъ исторіографомъ Нумитора. Онъ объясняетъ, какими хитростями Амулій открылъ, что племянница его беременна, какіе медики ее свидѣтельствовали, какой трибуналъ судилъ ее. Можно подумать, что онъ читалъ самые судебные протоколы. Ливій остерегается отъ такой смѣлой начитанности; онъ сокращаетъ, чтобы не казаться фантазеромъ и баснямъ предпочитаетъ сомнѣнія. Онъ умѣетъ вѣрить въ мѣру и рассказывать, ничего не утверждая. При всей справедливости, какой можно ожидать отъ римлянина, онъ обладаетъ всей искренностью, какой слѣдуетъ требовать отъ честнаго человѣка. Онъ умѣетъ иногда жертвовать своимъ отечествомъ, а своимъ самолюбіемъ всегда. Честность есть уже начало критики, а искренность — залогъ истины.

V. Но проникательна ли эта искренность? Чтобы внушить довѣріе, нужно самому быть недоувѣрчивымъ, и вѣры мы заслуживаемъ, поскольку сами были доступны сомнѣнію. Для того времени Ливій былъ на-сторожѣ противъ заблужденія. Онъ избралъ между писателями самыхъ древнихъ, самыхъ ученыхъ и серьезныхъ: это Фабій Пикторъ, который первый въ Римѣ сталъ писать исторію, сенаторъ, посвященный въ жреческое право; преторъ Цинцій, ученый юрисконсультъ; Кальпурній Пизонъ, консулъ; точный и тщательный Целій Антипатеръ; Рутилій, неподкупность котораго была причиной его изгнанія; Полибій, наконецъ, который, начиная съ 11-й книги, дѣлается руководителемъ Ливія и даетъ ему планъ ¹⁾. Онъ сличаетъ

¹⁾ Лахманъ, стр. 26.

этихъ избранныхъ имъ авторовъ и дѣлаеть выборъ, руководясь опредѣленными правилами. Когда они несогласны между собой, онъ слѣдуетъ большинству, или тѣмъ, которые признаны наиболее достовѣрными, или же наименѣе отдаленнымъ отъ событій ¹⁾, предпочтительно передъ всѣми Фабію и Пизону, но безъ пристрастія и опредѣленной системы, оставляя дѣло не рѣшеннымъ, когда на-примѣръ Пизонъ имѣеть противъ себя нѣсколько свидѣтельствъ ²⁾. Ливійъ взвѣшиваетъ, насколько каждый изъ нихъ заслуживаетъ довѣрія и, зная, что Валерійъ Антійъ сочиняеть и преувеличиваетъ побѣды, онъ и приводитъ его лишь для того, чтобы выразить свое недовѣріе къ нему: „до такой степени онъ превосходитъ всякую мѣру во лжи“, говоритъ Ливійъ. Онъ принимаетъ въ расчетъ и фамильное тщеславіе: „Лицинійъ въ этомъ случаѣ не авторитетъ, потому что искалъ славы для своего рода“. Правда, Ливійъ не выставляетъ на показъ своихъ изслѣдованій и избавляетъ читателя отъ докучнаго труда критика. Въ немъ слишкомъ сильна ораторская склонность, чтобы часто нарушать плавность разсказа сухими отступленіями. Съ своей эрудиціей историкъ долженъ поступать, какъ при добываніи золотой руды, оставляя шлакъ на днѣ и извлекая лишь чистое золото. Но если мы сравнимъ Ливія съ Полибіемъ, которому онъ слѣдуетъ, или съ Діонисіемъ, черпавшимъ изъ тѣхъ же источниковъ, то передъ

1) Титъ Ливійъ, I, 7; III, 33; XXI, 46.

2) Тамъ же. I, 46; X, 9.

нами обнаружится громадная работа, скрывающаяся за увлекательной полнотою рассказа; а отъ времени до времени, какое нибудь сухое обсужденіе, выступающее изъ плавнаго потока рѣчи, заставляетъ насъ угадывать, что скрывается въ глубинѣ. Не то, чтобы я предполагалъ за каждой подробностью цѣлый томъ разъяснительныхъ разсужденій. Не такому пути слѣдуютъ истинные критики. Они предоставляютъ этотъ медленный и ложный методъ ученымъ засѣдателямъ библиотекъ; разсуждая, можно произвести одни только разсужденія; исторія же зарождается въ головѣ историка также живо и непосредственно, какъ и чувства въ его дѣйствующихъ лицахъ; онъ постигаетъ ее какимъ то особымъ чутьемъ; минуя вялые или искаженные рассказы, безъ всякихъ доказательныхъ разсужденій и объяснительныхъ посылокъ, онъ быстро схватываетъ истинный фактъ, своеобразную подробность, подлинное выраженіе. Глаза машинально пробѣгаютъ безжизненную страницу и вдругъ въ ней выдѣляется какая нибудь одна яркая фраза; событія сами собою возстановляются, лица оживаютъ; каждое изъ нихъ принимаетъ сквозь смутное преданіе свойственныя ему черты.

Критикъ здѣсь вовсе не размышлялъ; помимо мысли его внутреннее чутье само сдѣлало выборъ, и трудно дающаяся эрудиція вдругъ превратилась въ какое то вдохновенное откровеніе ¹⁾. Ливій несомнѣнно обладаетъ этимъ даромъ. Разсказъ его

¹⁾ Augustin Thierry, предисловіе къ Ист. завоеванія Англіи Норманами.

слишкомъ послѣдователенъ, чтобъ онъ могъ быть составленъ изъ подобранныхъ отрывковъ. Страстное отношеніе къ дѣлу не вяжется съ такой прерывистой работой. Видно, что въ душѣ оратора оживаются чувства тѣхъ, кого онъ заставляетъ дѣйствовать и говорить. Таковою именно и должна быть высокая, прозорливая критика; ибо тогда кажется, что самъ историкъ устраняетъ себя, что его дѣйствующія лица, живущія въ немъ, берутъ на себя его задачу и сами собою страстно воссоздаютъ себя, какъ будто спѣша дѣйствовать и насладиться тѣмъ, чѣмъ они когда-то были.

Рядомъ съ этимъ проникновеніемъ истины, что значить какойнибудь промахъ въ числахъ или именахъ! Какъ начинаешь презирать Діонисія, когда прочитаешь Ливія! Сколько лжи въ этой кажущейся точности! Греческій риторъ съ мелочной подробностью объясняетъ учрежденія, войны, переговоры; вы можете слѣдить за каждымъ шагомъ его дѣйствующихъ лицъ; онъ имѣетъ полные планы всѣхъ сраженій; ни одинъ военный совѣтъ не обойдется безъ того, чтобъ онъ не перечислилъ вамъ всѣ высказанныя мнѣнія. Нѣтъ такого переворота, въ побудительныя причины котораго онъ не проникъ, ни одного событія, — происхожденіе коего онъ бы не раскрылъ. Если Сцевола такъ легко проникаетъ въ лагерь Порсенны, — это потому, что кормилица его была этрурянка и научила его языку непріятеля. Къ несчастію Діонисій забываетъ, что онъ изображаетъ людей; его дѣйствующія лица говорятъ, ходятъ, поддѣлываются подъ жизнь, но въ нихъ нѣтъ живой души. Все въ нихъ неестественно:

это автоматы, въ порядкѣ разставленные на хорошо росписанномъ театрѣ, которые, прихрамывая, влачатъ за собой свои плохо связанные члены. Его Брутъ передъ трупомъ Лукреціи, съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ, только что сдѣлавъ воззваніе къ оружію и бѣжить въ лагерь вмѣстѣ съ разъяренной молодежью. Но при этомъ онъ находитъ время спокойно разглагольствовать о томъ, какой образъ правленія лучше всего даровать Риму! Среди обсужденія этихъ вопросовъ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что время не терпитъ; и тѣмъ не менѣе продолжаетъ рассуждать, — совѣтуетъ удержать царскую власть, но только раздѣливъ ее между двумя лицами, „какъ то было въ Лакедемоніи“, но никакъ не предоставлять царямъ золотого вѣнца, скипетра изъ слоновой кости и пурпуровой мантии, шитой золотомъ, — этихъ великолѣпныхъ знаковъ царской власти, которые могутъ оскорблять гражданъ; онъ совѣтуетъ замѣнить названіе царства республикой, „ибо большинство людей стоятъ за названіе“; совѣтуетъ однако-же сохранить царя жертвоприношеній и т. д. Послѣ этого онъ кстати вспоминаетъ, что не дурно бы и приступить къ дѣйствию, и порывисто устремляется противъ тирана.

О жалкій грамматикъ! оставь въ покоѣ исторію; поскорѣй возвращайся къ своимъ періодамъ и займись мелочной отдѣлкой своего сочиненія о правильномъ расположеніи словъ! Конечно, и Ливій въ этомъ отношеніи не вполнѣ безупреченъ; онъ лучше зналъ человѣка вообще, чѣмъ людей; онъ по обыкновенію своему болѣе ораторъ, чѣмъ исто-

рикъ: но въ его разсказѣ есть истина, потому что есть страсть.

„Тѣло Лукреціи, взятое изъ дому, несутъ на форумъ и, какъ всегда бываетъ, необычайность неслыханнаго дѣла и негодованіе привлекаетъ людей. Трогаетъ толпу и печаль отца, и Брутъ, порицающій слезы и безсильныя жалобы и побуждающій, какъ подобаешь мужамъ, подобаешь римлянамъ, взяться за оружіе противъ дерзнувшихъ совершить такое вражеское дѣло. Самые пылкіе юноши по доброй волѣ являются съ оружіемъ; за ними слѣдуетъ и все остальное юношество. Затѣмъ, оставивъ часть людей для охраны Коллаціи и поставивъ сторожей у воротъ, чтобы кто-нибудь не извѣстилъ объ этомъ смятеніи царскую семью, всѣ остальные вооруженные, подъ предводительствомъ Брута, направились въ Римъ. Тамъ появленіе вооруженной толпы сначала вызываетъ страхъ и волненіе; но затѣмъ, когда замѣчаютъ, что во главѣ идутъ первые люди государства, всѣ думаютъ, что тревога, какова-бы ни была причина, происходитъ не попусту. Такой жестокой поступокъ и въ Римѣ вызываетъ не меньшее волненіе умовъ, чѣмъ въ Коллаціи, и со всѣхъ сторонъ города сбѣгаются на форумъ. Какъ только собрались туда, глашатай призвалъ народъ къ трибуну всадниковъ,—эту должность тогда случайно занималъ Брутъ. Послѣдній говоритъ здѣсь рѣчь,—совершенно несогласную съ тѣми свойствами души и ума, которыя онъ притворно выказывалъ до этого дня—о насиліи и сладострастіи Секста Тарквинія, о неслыханномъ насиліи надъ

Лукреціей и ея жалостномъ самоубійствѣ; о сиротливости Триципитина, для котораго возмутительнѣе и больнѣе, чѣмъ самая смерть дочери, причина ея смерти. Онъ говоритъ о гордости самого царя, о бѣдствіяхъ и трудахъ простонародья, согбеннаго надъ работой въ канавахъ и клоакахъ которыя онъ принужденъ копать; Римскіе граждане, побѣдители всѣхъ народовъ въ окружности, изъ воителей превращены въ поденщиковъ и каменотесовъ. Онъ напоминаетъ о недостойномъ убійствѣ царя Сервія Туллія и про его дочь, проѣхавшую по трупу отца въ нечестивой колесницѣ; онъ призываетъ на помощь боговъ, мстящихъ за родителей. Упомянувши объ этомъ и, думаю, о многомъ другомъ, что еще сильнѣе возмущало душу и что подсказывается негодованіемъ очевидцу, но совершенно недоступно для разсказа писателя, Брутъ побудилъ воспламененную толпу отнять у царя высшую власть и повелѣтъ Л. Гарквинію съ женой и дѣтьми идти въ изгнаніе. Самъ онъ, набравши и вооруживши людей изъ младшихъ центурій, которые по доброй волѣ явились на службу, отправился затѣмъ въ лагерь къ Ардеѣ, чтобы возмутить войско противъ царя; высшую власть въ городѣ онъ оставляетъ Лукрецію, который еще раньше царемъ былъ назначенъ въ правители города. Во время этого волненія Туллія бѣжала изъ дому, при чемъ, гдѣ только она ни появлялась, мужи и жены проклинали ее и взывали къ богинямъ-мстительницамъ за родныхъ“¹⁾. Здѣсь событія сжаты, ощущенія

¹⁾ Титъ Ливій, I, 59.

рѣзки; въ разсказѣ слышатся сдержанныя страстные рѣчи и крики мести „брошены на площадь, какъ кинжалы и зажигательные факелы“. Такое чутье истины, можетъ быть не вполне совершенное, составляетъ однако принадлежность критики. Оно раскрываетъ Ливію, если не своеобразныя чувства, свойственныя извѣстной эпохѣ, то по крайней мѣрѣ общечеловѣческія ощущенія, схожія, во всѣ времена; а ораторскій талантъ, который даетъ это чутье, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пониманіе древнихъ преданій. Высоко подъятый этими благородными легендами, Ливій пренебрегаетъ снисходить до обсужденій и сомнѣній; онъ чувствуетъ, что одна только поэзія можетъ повѣствовать о поэтическихъ временахъ, и его краснорѣчіе проникается религіознымъ благоговѣніемъ при созерцаніи набожной старины. Послушайте разсказъ его о кончинѣ Ромула: „Когда, совершивши безсмертныя дѣла, онъ собралъ войско для смотра на полѣ близъ Козьяго болота, внезапно разразившаяся буря съ сильнымъ гуломъ и раскатами грома прикрыла царя такимъ густымъ облакомъ, что собраніе потеряло его изъ виду; съ тѣхъ поръ Ромуль не появлялся болѣе на землѣ“¹⁾.

Не смотря на изящный слогъ, повѣствованіе о царѣ Туллѣ сохраняетъ окраску героическихъ легендъ; здѣсь мы имѣемъ передъ собою внезапныя рѣшенія и звѣрскія убійства варварскаго народа. Горацій убиваетъ сестру свою; Меттій, влачимый лошадьми, растерзанъ на части. Мы слышимъ до мелочей обстоя-

1) Титъ Ливій, I, 16.

тельные формулы, которыя произносились при договорах суевѣрный и искусный въ законовѣдѣніи народъ. Среди гладкихъ періодовъ выдѣляются отрывки изъ источниковъ, грубые и неуклюжіе, словно остатки циклопической стѣны среди новѣйшаго города. „Вотъ каковъ ужасающій гласъ закона: „Пусть дуумвиры осудятъ за измѣну; если отъ дуумвировъ онъ (осужденный) перенесетъ дѣло къ народу, пусть состязаются передъ народомъ; если побѣдятъ, пусть покроютъ ему главу; пусть подвѣсятъ веревкой къ зловѣщему дереву; пусть бьютъ, въ чертѣ ли города, или за чертой“. По этому закону избраны дуумвиры. Они не считали себя въ правѣ въ силу этого закона оправдать даже невиннаго. Когда они осудили, тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: „Публій Горацій, я осуждаю тебя за измѣну. Ликторъ, свяжи руки“. Подошелъ ликторъ и набросилъ петлю. Тогда по совѣту Тулла, снисходительнаго истолкователя закона, Горацій сказалъ: „я обжалываю“, и въ силу его жалобы началось новое судебное состязаніе передъ народомъ“¹⁾.

Слѣдующая затѣмъ рѣчь теряетъ эту потрясающую сжатость; но, послѣ удивительныхъ противоположеній и слишкомъ совершенной (защитительной) рѣчи старика Горація, мы снова находимъ первобытные нравы. Намъ кажется, будто передъ нами обломокъ древняго барельефа: „Принесши извѣстныя очистительныя жертвы, которыя затѣмъ были возложены на родъ Гораціевъ, и утвердивъ

1) Титъ Ливій, I, 26.

поперекъ дороги перекладину, отецъ послалъ подъ нее, словно подъ иго, юношу съ покрытой головой. Эта перекладина цѣла и до сего дня и поддерживается на счетъ государства. Ее зовутъ перекладиной сестры“.

Но вездѣ ли Титъ Ливій понималъ старину и ея грубость?—Мы увидимъ далѣе, въ чемъ онъ ее искажаетъ; но все же мы должны признать, что онъ, какъ ораторъ, сохраняетъ торжественный духъ первобытныхъ преданій и что его талантъ въ полной гармоніи съ его предметомъ. Нельзя не подивиться еще тому, что его краснорѣчіе и патриотизмъ такъ живо воскресили въ немъ политическія страсти и высокія чувства древнихъ римлянъ. Его любовь къ благороднымъ поступкамъ, къ доблести, къ стойкому мужеству—даетъ ему своего рода критическій смыслъ. Нужно имѣть очень возвышенную душу, чтобы понять дѣянія героическаго народа, и рѣчь должна имѣть ораторскую форму, чтобъ быть достойной такихъ гражданъ и такихъ воиновъ. Въ груди Ливія бьется сердце древняго римлянина, а нельзя сказать того же обо всѣхъ тѣхъ, кто передѣлывалъ его трудъ. Прочитайте слѣдующее мѣсто изъ описанія войны съ Веями, и вы увидите, что для того, чтобы выразить извѣстныя чувства, нужно самому быть способнымъ чувствовать извѣстнымъ образомъ: „Втеченіе одного часа пожаръ поглотилъ сразу и ограду, и оборонительныя кровли,—плодъ столь продолжительнаго труда. Много людей, тщетно пытавшихся подать помощь, были истреблены здѣсь огнемъ и мечемъ. Когда вѣсть объ этомъ была принесена

въ Римъ, она вызвала печаль среди всѣхъ, а въ сенатѣ тревогу и боязнь, что теперь безъ сомнѣнія ни въ городѣ, ни въ лагерѣ нельзя уже будетъ сдержать мятежа, и что народные трибуны будутъ глумиться надъ государствомъ, словно одержали надъ нимъ побѣду; какъ вдругъ тѣ, у кого былъ цензъ всадника, но не было лошади, назначенной отъ государства, устроивши сначала между собой совѣщаніе, обращаются къ сенату и, получивъ разрѣшеніе говорить, обѣщаютъ отбывать военную службу на своихъ лошадяхъ. Когда сенатъ въ торжественныхъ словахъ высказалъ имъ благодарность, и слухъ объ этомъ обошелъ форумъ и городъ, простой народъ началъ внезапно сбѣгаться къ куріи. Заговорили въ народѣ, что теперь и его долгъ предложить государству свои услуги внѣ очереди; въ Вей-ли ихъ поведутъ, или въ иное мѣсто; если поведутъ ихъ въ Вей, они утверждаютъ, что возвратятся оттуда не раньше, какъ взявши вражескій городъ. Тогда сенатъ едва могъ сдерживать радость, которая уже лилась черезъ край; толпу уже не благодарили черезъ магистратовъ, какъ это было со всадниками, и не позвали въ курію, чтобы дать имъ отвѣтъ: сенатъ былъ уже не въ состояніи спокойно оставаться за порогомъ куріи, а каждый изъ сенаторовъ съ своей стороны съ возвышеннаго мѣста, передъ толпой, тѣснившейся на мѣстѣ комицій, выражалъ словами и жестами всеобщую радость, говорилъ, что городъ Римъ блаженъ, непобѣдимъ и вѣченъ, благодаря этому согласію; величалъ всадниковъ, величалъ простой народъ, превозносилъ похвалами самый

день, сознавался, что усердіе и преданность отечеству сената превзойдены народомъ“ 1).

VI. По мѣрѣ того, какъ Ливій подвигается впередъ, разсказъ его становится болѣе близкимъ къ правдѣ. Въ исторіи царей люди изображены вѣрно, но слишкомъ обще. Въ первые три вѣка республики чувства имѣютъ уже римскую окраску и уже слышится голосъ политическихъ страстей. Начиная съ пуническихъ войнъ, все болѣе и болѣе обрисовываются своеобразныя черты, принадлежащія исключительно той эпохѣ и странѣ, и картина почти становится портретомъ. Дѣло въ томъ, что Ливій здѣсь имѣетъ современные памятники и съ вѣрностью передаетъ ихъ. При царяхъ ему замѣняло критическій смыслъ его возвышенное краснорѣчіе; въ первую пору республики — его нравственная доблесть и гражданскій духъ; здѣсь же — его точность и правдивость. Всегда какое-нибудь достоинство замѣняетъ или дополняетъ въ немъ тѣ свойства или силу таланта, которыхъ у него нѣтъ или которыхъ въ немъ недостаточно. Изъ туманной дали баснословнаго прошедшаго, сквозь полумракъ искаженной исторіи, онъ вступилъ твердой ногой на порогъ истинной исторіи. Теперь мы присутствуемъ годъ за годъ при томъ, какъ сенатъ, въ тотъ день, когда консулы вступаютъ въ свою должность, собирается на Капитоліѣ, назначаетъ предводителей противъ Ганнибала, предписываетъ очистительныя жертвы, постановляетъ налоги, наборы, дѣлаетъ распоряженія о продо-

1) Титъ Ливій, V, 7.

вольствіи, судить жалобы колоній и муниципій, снаряжаетъ посольства, заботится о Сициліи, Испаніи и Цизальпійской провинціи и опредѣляетъ весь ходъ войны. Событія болѣе сжаты, повѣствованіе короче, рѣчи гораздо рѣже. Теперь мы можемъ отдать себѣ отчетъ въ сложныхъ движеніяхъ этого громаднаго политическаго механизма; мы можемъ проникнуть внутрь его, сосчитать колеса, приводящія его въ движеніе. Мы находимъ еще остатки старинной вражды сословій: когда оба консула выбраны изъ плебеевъ¹⁾, авгуры заявляютъ еще, что предзнаменованія неблагоприятны. Образуются два новыхъ класса: нобилитетъ и граждане, не имѣющіе знатныхъ предковъ²⁾; Варрона избираютъ потому, что онъ изъ новыхъ людей. Множество подробностей, разбросанныхъ тамъ и сямъ втеченіе разказа, раскрываютъ намъ политическое устройство и настроеніе Италіи. Это цѣлое полчище³⁾ свободныхъ городовъ, коихъ предводитель — Римъ. Подъ его верховенствомъ каждый городъ управляется самъ собой, набираетъ для общаго дѣла людей и взимаетъ деньги и, не смотря на свою зависимость, сохраняетъ въ себѣ общественную рознь, ибо знатные граждане благопріятствуютъ Риму, а народъ Ганнибалу. Всѣ

1) Титъ Ливій, XXIII, 31.

2) Тамъ же, XXII, 34.

3) Въ то время въ Италіи подъ властью Рима было 135 союзныхъ городовъ италійскихъ и 30 латинскихъ колоній, не считая колоній римскихъ и муниципій, имѣвшихъ право римскаго гражданства, т. е. входившихъ непосредственно въ составъ Римской общины.

Прим. ред.

эти города представляют мелкія республики, дѣятельныя и дисциплинированныя, которыя строятся въ легіоны по командѣ владычествующаго города. Среди этихъ подробностей касательно администраціи часто встрѣчаются черты величія духа; изъ-за фактовъ вездѣ бьетъ наружу живое чувство.

Въ 214 г. ¹⁾ Сенатъ изгоняетъ изъ ихъ трибъ ²⁾ тѣхъ, которые, будучи плѣнниками Ганнибала и давши ему клятву возвратиться, хотѣли нарушить свое обѣщаніе. Подрядчики, которые ремонтируютъ общественныя зданія и поставляютъ должностнымъ лицамъ лошадей; господа, у которыхъ забрали рабовъ, не хотятъ получать платы за нихъ раньше заключенія мира; вдовы и сироты несутъ свое имущество въ казну; всадники и центуріоны отказываются отъ своего жалованья и называютъ наемниками тѣхъ, кто принимаетъ его; весь городъ сражается, какъ-бы слившись въ одну душу, принося новыя жертвы, выказывая на каждомъ шагу самоотверженіе.

Какъ только римляне вступили въ Азію, ихъ нравы стали измѣняться; переменна эта изображена у Ливія съ поразительной вѣрностью, но безъ всякой рѣзкости; Римъ поддается распущенности, не погружаясь еще въ нее окончательно. Все здѣсь какъ-то смѣшано. Одинъ фактъ напоминаетъ вамъ старинную дисциплину, слѣдующій за нимъ предвѣщаетъ упадокъ; иногда одинъ и тотъ же фактъ

1) Титъ Ливій, XXIV, 18.

2) Т. е. лишаетъ политическихъ правъ.

Прим. ред.

указываетъ на то и на другое вмѣстѣ, какъ при сліяніи двухъ рѣкъ взбаломученная вода окрашивается двумя цвѣтами. Религіозный духъ еще не исчезъ, и сенаторы со страхомъ узнаютъ, что статуя Полленціи повержена на землю. Непрístupная гордость римская существуетъ еще всецѣло; когда войско выступаетъ противъ Антиоха, кажется, „будто ему предстоитъ не то, что сразиться со столькими тысячами враговъ, а истребить такое же число скота“¹⁾. И однакоже древніе уставы колеблются и греческое коварство проникаетъ въ совѣтъ римлянъ. Марцій и посланные въ Македонію легаты хвалятся тѣмъ, что обманули Персея надеждой на миръ, для того, чтобы выиграть нужную отсрочку, между тѣмъ какъ старые сенаторы возмущены этимъ обманомъ и объявляютъ, что если желать полной побѣды, то побѣждать слѣдуетъ силой и открыто²⁾. Администрація превращается въ грабительство, и римскій миръ скоро станетъ постоянной войной противъ людей и боговъ. Ф. Флаккъ снимаетъ мраморныя плитки съ кровли храма Юноны Лакинійской. Одинъ изъ Фламининовъ, въ угоду куртизанки, убиваетъ галла, довѣрившагося ему на слово. Сенатъ негодуетъ и наказываетъ общественныхъ злодѣевъ; но вскорѣ, не смотря на его распоряженія, мы видимъ, что Попилій возобновляетъ войну противъ покоренныхъ статіелатовъ; Гортензій грабитъ халкедонянъ среди полного мира; Манлій, „продажный консулъ“, по до-

1) Титъ Ливій, XXXVII, 39.

2) Титъ Ливій, XLII, 74.

рогъ, принуждаетъ царей платить ему выкупъ и „разбойничаетъ“ по всей Азіи. Солдаты уже перестаютъ повиноваться; они грабятъ Фокею, не смотря на запрещеніе военачальника; они даже утрачиваютъ прежнее мужество; гарнизоны въ Иллиріи передаются Персею безъ боя; въ Усканѣ солдаты Аппія разбѣгаются при первомъ кликѣ непріятеля. Вмѣстѣ съ этимъ въ Римъ проникаютъ кровавыя вакханаліи и неистовыя оргіи востока. Между греками-риторами и раболѣпными азіятами римляне, привыкшіе посягать на все, даютъ себѣ волю дѣлать все, что вздумается; они такъ привыкли презирать людей, что ихъ герои начинаютъ презирать право, и даже строго честный Павлъ Эмилиій продаетъ эфиротовъ, которымъ обѣщаль свободу по приказанію Сената ¹⁾. Здѣсь прерывается рассказъ Ливія: но правдивость его послѣднихъ книгъ ручается намъ за послѣдующія, которыя утрачены; и когда мы высказываемъ о немъ сужденіе, нужно имѣть въ виду, что лучшая часть его исторіи погибла.

Признаемъ же за критикой Тита Ливія достоинства, которыя даются честностью, любовью къ отечеству и ораторскимъ талантомъ; мы имѣемъ въ виду его заботливое стараніе ничего не утверждать безъ доказательствъ и собирать какъ можно больше важныхъ источниковъ; его твердое намѣреніе быть неподкупнымъ судьей, привычку сознаваться въ своемъ невѣдѣніи; его предосторожность

1) Титъ Ливій, XLII, 21; XLIII, 10; XXXVIII, 4; XXXVII 32 XXV 34 и т. д.

провѣрять писателей одного другимъ, осторожный выборъ свидѣтельствъ, вѣрное чутье истины, поэтической стороны преданій, римскаго величія и измѣненія позднѣйшихъ нравовъ; его пониманіе, если не мѣстаго колорита и первобытнаго варварства, за то римскаго духа въ цѣломъ и во всѣ его періоды. Мы чувствуемъ потребность воздать должную похвалу такому человѣку прежде, чѣмъ рѣшимся указать на его слабыя стороны.

§ 3. Ливій вовсе не прибѣгаетъ къ древнимъ источникамъ, ни къ первоначальнымъ сказаніямъ, ни къ географіи.—Геродотъ и Египеть.—Полибій.—Польза нѣкоторыхъ кухонныхъ подробностей.—Титъ Ливій—римлянинъ и патрицій.—Критика его не полна.—Анахронизмы нравовъ въ его исторіи.— Недостаточность его свѣдѣній.

А между тѣмъ можно указать на эти слабыя стороны, ибо при всѣхъ достоинствахъ мы не находимъ у Ливія неустанной любви къ полной научности и абсолютной истинѣ. Онъ имѣетъ къ нимъ только склонность, а не страсть. Но никакое иное качество не можетъ восполнить недостатка послѣдняго.

I. Титъ Ливій не справляется съ источниками болѣе древними, чѣмъ Фабій Пикторъ, писатель VI-го вѣка римской эры. Но возможно-ли было рассказывать о происхожденіи Рима на основаніи свидѣтельствъ, столь отдаленныхъ отъ этого начала? Нужно было, во что бы то ни стало, черпать для новой исторіи изъ тѣхъ же источниковъ, изъ ко-

торыхъ черпалъ Фабій, и по крайней мѣрѣ сравняться съ нимъ въ дѣлѣ изслѣдованія для того, чтобы сдѣлать лучше его. Современный намъ критикъ отправился-бы въ общественную сокровищницу ¹⁾ и въ храмъ Нимфъ, чтобы прочитать на мѣдныхъ доскахъ законы царскіе и трибунскіе, древніе договоры съ Сабинянами, Карфагенцами, Габійцами; декреты Сената, плебисциты. Ливій-же, замкнутый въ кругѣ своихъ книгъ, оставляетъ въ покоѣ забытые въ пыли подлинныя памятники и неподкрашенную исторію ²⁾, столь мало заботясь о подлинныхъ выдержкахъ изъ древнихъ памятниковъ, что позднѣе, когда онъ встрѣчаетъ у Полибія первый договоръ Рима съ Карфагеномъ, онъ не даетъ себѣ труда раскрыть свою вторую книгу, чтобы занести его туда, или хотя бы сдѣлать указаніе на него.

Немного историковъ, у которыхъ такъ мало антикварнаго вкуса, какъ у Ливія. Августъ, у котораго онъ былъ сильно развитъ, нашелъ въ полуразрушенномъ храмѣ Юпитера Феретрійскаго доспѣхи непріятельскіе, добытые К. Коссомъ при побѣдѣ надъ вейтинскимъ царемъ Толумніемъ, и прочелъ на нихъ, что Коссъ былъ въ то время консуломъ. Между тѣмъ у всѣхъ писателей значится, что онъ былъ военнымъ трибуномъ. Кажется, какой счастливый случай, чтобы пойти разобратъ на полотняной бронѣ старинную надпись! Но

¹⁾ Въ храмѣ Сатурна вмѣстѣ съ казной помѣщался и государственный архивъ. *Прим. перев.*

²⁾ Lachmann, I, отд. 1 и 2.

Титъ Ливій лишь приводитъ оба противорѣчивыя свидѣтельства и тѣмъ ограничивается ¹⁾. Не требуйте отъ него, чтобы онъ перерылъ архивъ, какъ какой-нибудь, состоящій на жалованьѣ у правительства, регистраторъ, розыскивающій затерянное дѣло.

Если Ливій иногда помѣщаетъ у себя въ текстѣ юридическую форму или какое-нибудь религіозное заклинаніе, — то онъ навѣрно взялъ ихъ не прямо изъ обрядниковъ, а у Фабія Пиктора. Если онъ случайно приводитъ старинную молитву, напр. ту, которую произнесъ Децій, — это изъ чувства уваженія гражданина, а не изъ любви историка къ точности или къ истинной окраскѣ. Да и то онъ какъ будто оправдывается. „Хотя всякая память объ обрядахъ“, говоритъ онъ, „божественныхъ и житейскихъ, исчезла въ увлеченіи всѣмъ новымъ и въ отчужденіи отъ всего стараго и роднаго, я не счелъ неумѣстнымъ пересказать это, и при томъ въ тѣхъ самыхъ словахъ, какъ оно произносилось и было передано намъ“ ²⁾.

Судя по этимъ словамъ, можно ожидать, что такія ссылки будутъ весьма рѣдки. И вотъ, наприм., когда при вторженіи Газдрубала въ Италію 27 молодыхъ дѣвушекъ поютъ въ честь Юноны царицы

¹⁾ Сравните Тита Ливія III, 31, и Діонисія, X, 31, 32, 35, 40, 45, 47, 55. Титъ Ливій не далъ себѣ труда прочесть законъ Ицилія, вырѣзанный на бронзовой колоннѣ въ храмѣ Діаны. Онъ относится небрежно къ этому закону и искажаетъ его въ своемъ разсказѣ.

²⁾ Титъ Ливій, VIII, 11.

гимнъ Ливіа Андроника ¹⁾, первый опытъ новой литературы, — Ливій оставляетъ его въ сторонѣ ради стилистическаго приличія, стараясь болѣе нравиться, чѣмъ поучать: „Стихъ этотъ“, говоритъ онъ, „для той эпохи заслуживавшій, быть можетъ, похвалы, — такъ какъ умы были неразвиты, — показался бы причудливымъ и нестройнымъ, если-бы его передать теперь“ ³⁾.

Горація тоже отталкиваетъ ужасный сатурнинскій стихъ, „настоящая отравка“, который изгнанъ новѣйшимъ изяществомъ. Эти любители изящной рѣчи вовсе не были поклонниками 12 Таблицъ, и Титъ-Ливій, точно также какъ и Горацій, не повѣрилъ бы, „что онѣ были записаны изъ устъ музъ на Альбанской горѣ“ ³⁾.

Было-бы, значить, излишнимъ требованіемъ заставить Ливіа перелистывать триумфальные списки, записки цензоровъ, акты Сената и множество другихъ неудобочитаемыхъ памятниковъ. Онъ предоставитъ Лицинію Мацеру въ храмѣ Монеты дѣлать справки въ „полотняныхъ книгахъ“ и не станетъ заботиться о старыхъ народныхъ пѣсняхъ, какъ тщательный Діонисій. Пусть другіе портятъ

1) Для того собственно, чтобъ умиловить боговъ и предотвратить случившіяся въ то время дурныя предзнаменованія, которыя очень беспокоили Римлянъ. *Прим. перев.*

2) Титъ Ливій, XXVII, 37.

3) ...tabulas ...quas bis quinque viri sanxerunt...

„Dictitet Albano Musas in monte locutas“.

Horat. Ep. L. II, ep. I, v. 27. Горацій смѣется въ этомъ мѣстѣ надъ пристрастіемъ своихъ современниковъ къ древности и старинному языку. *Прим. перев.*

свой слогъ, вникая въ цифры и административныя мелочи, разбирая варварскія выраженія и тяжеловѣсныя шутки старинной поэзіи. Онъ не хочетъ помрачать пылью эрудиціи свою блестящую и гладкую рѣчь. Довольно уже ему дѣла за тѣмъ, чтобы исправить и украсить вялыхъ и неискusstvenныхъ историковъ, Фабія и Пизона, подавленныхъ и отяжелѣвшихъ отъ варварскаго языка старинныхъ выдержекъ. Ливій находитъ ихъ заслуживающими довѣрія, считаетъ ихъ вѣрными, изучаетъ въ нихъ подробно подвиги Рима. Это удовлетворяетъ его совѣсть и краснорѣчіе. У него есть матеріаль для изящной рѣчи и речательства за точность его разсказа. Ни какъ ораторъ, ни какъ правдивый человекъ, онъ не ощущаетъ потребности въ изслѣдованіи болѣе глубокой старины.

П. И такъ, официальные памятники устранены. Но бросилъ-ли по крайней мѣрѣ Титъ Ливій взглядъ на первоначальныя сказанія? Историкъ Рима слѣдовало-бы прибѣгнуть къ Анналамъ, которые, благодаря древнему обычаю и народному постановленію, Римъ подготовилъ ему. Ибо, тщательно заботясь о томъ, чтобы все регулировать, Римляне и исторіографію, какъ все остальное, сдѣлали предметомъ государственной дѣятельности. Ежегодно верховный понтифексъ выставлялъ доску, на которой имъ записаны были главныя событія; собраніе этихъ досокъ и образовало Большіе Анналы. Отъ взятія Рима Галлами до пуническихъ войнъ они не представляли пробѣловъ. За время отъ учрежденія трибуната до взятія Рима, они также еще существовали, хотя возстановленныя

и измѣненныя. Относительно происхожденія Рима сохранились различныя преданія ¹⁾. Къ сожалѣнiю, Анналы отличались крайней сухостью ²⁾. Верховный понтифексъ, мало искусный въ литературѣ, человекъ дѣла и администраціи, отмѣчалъ въ нихъ повышенія цѣны на хлѣбъ, затменія солнца и луны, нарушеніе ауспицій крикомъ землеройки и другіе факты, очень скудно и сухо изложенные, день за день, говоритъ Сервій ³⁾; и разобрать-то ихъ могъ только самъ понтифексъ, или какой-нибудь ученый по призванію. Такихъ книгъ было 80. Что Фабій ихъ прочелъ, это похвально, даже естественно. Онъ писалъ о жреческомъ правѣ; и между сохранившимися отъ него отрывками, есть одинъ, объ остроконечной шапкѣ фламина, жреца Юпитера. Но требовать, чтобы Ливій перерылъ этотъ ворохъ суевѣрныхъ пустяковъ, торговыхъ подробностей, административныхъ цифръ, для того, чтобы извлечь изъ нихъ черты нравовъ, точныя даты, достовѣрныя свѣдѣнія о порядкѣ военныхъ дѣйствій, о настоящемъ ходѣ войнъ, — это значитъ не понимать его характера и свойствъ его таланта. Можно-ли вообразить себѣ благороднаго оратора, цѣлые, дни углубленнымъ въ покрытыя плѣсенью рукописи, съ свѣтильной въ рукѣ, въ углу стараго храма чтобы провѣрить Фабіа, — подобно стряпчему, растерявшемуся среди подробностей

1) См. далѣе, глава III.

2) Авль Геллій, II, 28.

3) V, 377. Указанное Тэномъ мѣсто находится I, 373.

дѣлопроизводства и преслѣдующему какую нибудь неблагодарную мелочь, сквозь вздоръ и царапанье цѣлой сотни судебныхъ актовъ. Это все равно, какъ если-бы мы заставили Ливіа рыться въ фамильныхъ архивахъ, ощупью пробираться сквозь риторическія преувеличенія, поддѣлки изъ тщеславія, сочиненныя генеалогіи, прибавленные тріумфы и консульства, и все, что было искажено римскимъ высокомѣріемъ и греческимъ подобострастіемъ. Нужно было-бы, чтобы цѣлое поколѣніе ученыхъ явились до него для разъясненія, провѣрки, группировки источниковъ. Но вмѣсто Дюканжа, Мабильона, Фрере, — Римъ имѣлъ лишь Варрона, легковѣрнаго компилятора. Предоставленный самъ себѣ, Титъ Ливій проходитъ свободной и гордой поступью сквозь римскія побѣды, обращаясь съ первоначальными памятниками такъ, какъ-бы ихъ вовсе не было ¹⁾).

III. Не станемъ уже говорить о менѣ древнихъ писателяхъ, которыми онъ также пренебрегъ, какъ-то Сульпицій Гальба, Скрибоній Либонъ, Кассій Гемина, Семпроній Туудитанъ, Лутацій, ученый Варронъ ²⁾). Но по крайней мѣрѣ ему слѣдовало-бы прочитать „Начала“ старшаго Катона ³⁾), послѣд-

¹⁾ См. Leclerc, Journaux chez les Romains.

²⁾ Lachmann, I, 43.

³⁾ Катонъ (отъ 234 до 149 г. до Р. Х.) въ старости написалъ исторію въ семи книгахъ; первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ древнюю исторію Рима; вторая и третья трактуютъ о томъ, „откуда взяла свое начало каждая изъ италійскихъ общинъ“. Отсюда, по мнѣнію Корн. Непота, и названіе всего сочиненія *O r i g i n e s*—начала. Четвертая книга касается 1-й пунической войны, пятая 2-й и т. д. *Прим. перев.*

няго Италийца въ Италиі. Несчастье и ошибка Ливія въ томъ, что онъ оставляетъ въ сторонѣ все, что могло-бы поставить его лицомъ къ лицу съ фактами, прежде всего съ подлинными памятниками и современными произведеніями, затѣмъ съ географіей. Полибій и Діодоръ посѣтили и изучили страны, коихъ исторію они описываютъ; Ливій же ничего не видѣлъ, исключая, можетъ-быть, Альпъ, столь близкихъ къ его родинѣ¹⁾. Отсюда многія его ошибки. Предоставимъ ученымъ укорять его за то, что онъ смѣшалъ походъ на Фуцинское озеро съ другимъ походомъ, противъ Вольсковъ²⁾, Ахрадину³⁾ въ Сиракузахъ, съ Островомъ⁴⁾; что онъ помѣстилъ у Эквовъ городъ Альбу Фуценцію, находившійся въ странѣ Марсовъ⁵⁾, и, это еще важнѣе, что онъ не ясно описываетъ битвы и движеніе войскъ. Эти пятна портятъ отдѣльныя мѣста; но есть и другія, которыя широко расплываются и измѣняютъ колоритъ всей картины. Кромѣ одного замѣчанія о солнцѣ Италиі, котораго не могутъ выносить Галлы, и риторическаго восхваленія мѣстоположенія Рима,

1) Lachmann, I. 105. См. у Тита Ливія переходъ Ганнибала черезъ Альпы.

2) Титъ Ливій, IV.

3) Ахрадиной назывался главный по количеству населенія и по красотѣ общественныхъ зданій кварталъ въ Сиракузахъ; древнѣйшій изъ остальныхъ 4 кварталовъ Сиракузъ былъ островъ Ортигія, называвшійся обыкновенно просто Островомъ (Nasos).

Прим. перев.

4) Титъ Ливій, XXV, 30.

5) Тамъ же, X, 1.

Ливій никогда не обращалъ вниманія на климатъ для объясненія нравовъ. Я знаю, что это методъ новѣйшаго времени; что всего какихъ-нибудь 30 лѣтъ, какъ пытаются воскресить потухшія страсти съ помощью воссозданія окружающей среды, какъ наши современные историки впервые стали всматриваться въ деревья и камни, чтобы разгадать душу людей. Древніе же, менѣе склонные къ созерцанію и мечтательности, повѣствуютъ лишь о войнѣ и политикѣ и предпочитаютъ изложеніе дѣйствій описанію чувствъ. Но не вдаваясь въ мудрствованія и предположенія, Титъ Ливій могъ бы подражать Геродоту и Полибію, а это не значитъ еще, что много требуютъ отъ историка, если ему ставятъ въ образецъ хорошаго рассказчика и резонера.

Любознательный лѣтописецъ ¹⁾ начинаетъ свою исторію Египта описаніемъ почвы, чѣрной и истресканной, — это даръ рѣки, которая прокладываетъ себѣ длинный путь между красноватыми песками Африки и каменистой землей Аравіи, то разливаясь широкимъ моремъ по равнинамъ, гдѣ она усѣяна городами, то неся на своихъ илистыхъ волнахъ праздничныя толпы съ громкими хвалебными пѣснями въ честь рѣки и цѣлый народъ упоенный могуществомъ своего Бога. Созерцая въ его простодушныхъ описаніяхъ однообразный рядъ величественныхъ и безчисленныхъ зданій, которыя изображаютъ собой растительность этой обнаженной почвы, мирные перевороты этой та-

¹⁾ Геродотъ, II, 12, 97, 60.

инственной и безпредѣльной рѣки и вѣчный блескъ этого безоблачнаго неба,—проникаешь въ неподвижную жизнь и въ странную организацію этого исчезнувшаго народа. Геродотъ географъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается и историкомъ.

А какъ понятны стануть нравы и войны галловъ послѣ слѣдующаго описанія у Полибія: „Право, даже не хватаетъ словъ, чтобы описать плодородность этой страны. Ибо случается, что въ этихъ мѣстахъ хлѣбъ родится въ такомъ изобиліи, что въ наши дни Сицилійскій медимнъ пшеницы часто стоитъ четыре обола, а ячменя—два; а метреть вина равенъ по цѣнѣ съ ячменемъ... ¹⁾. Свиньи, которыхъ убиваютъ въ Италиі при жертвоприношеніяхъ, по большей части доставляются исключительно изъ этихъ областей... Обыкновенно хозяева принимаютъ къ себѣ гостей (пріѣзжихъ) за полъ-асса (это четвертая часть обола) съ тѣмъ, чтобы доставить имъ все нужное вдоволь, и рѣдко превышаютъ эту цѣну“ ²⁾.—Вотъ она, та неистощимая почва, откуда выходили все новыя и новыя полчища, какъ рой насѣкомыхъ, которыя кишатъ и жужжатъ въ тепломъ воздухѣ передъ грозой.

Посмотрите на слѣдующей страницѣ, какъ они живутъ въ своихъ поселеніяхъ безъ оградъ, спятъ на соломѣ или на травѣ, питаются однимъ мясомъ,

¹⁾ Медимнъ—греческая мѣра емкости равняется $52\frac{1}{2}$ литрамъ или 16 гарнцамъ. Оболь—греческая мелкая монета равняется приблизительно 4 к. серебра. Метреть равняется тремъ ведрамъ.

Прим. пер.

²⁾ Полибій, II, 15.

умѣютъ только сражаться и немного пахать; а эти подробности о пищѣ и о ночлегѣ, которыми пренебрегаетъ Ливій, наглядно представляютъ вашему взору этотъ безчисленный народъ, на половину кочевой, эту шумную, задорную и прожорливую толпу взрослыхъ дѣтей; избытокъ питанія переполняетъ ихъ крѣпкія тѣла излишней отвагой; сила у нихъ бьетъ черезъ край и тратится въ движеніяхъ и хвастливомъ удалствѣ. Но для того, чтобы такъ изучать почву, климатъ, способъ обработки земли, — необходимо, чтобы явился интересъ и къ самымъ грубымъ сторонамъ народнаго характера. Титъ Ливій паритъ слишкомъ высоко, чтобы входить въ такой анализъ и, такъ какъ онъ стоитъ выше дѣйствительности, часто случается, что онъ ея не можетъ уловить.

IV. Притомъ онъ римлянинъ душой, и патрицій, хотя очень правдивъ. А какъ-бы ни былъ чловѣкъ добросовѣстенъ, преобладающая склонность всегда возьметъ верхъ. Съ помощью воли и разсудка ему удастся нѣкоторое время удерживать равновѣсіе; но при первой оплошности вѣсы сами собою перевѣшиваются въ одну сторону, и самъ того не думая онъ становится пристрастнымъ. Какъ быть всегда насторожѣ противъ самого себя? Мы, конечно, никогда не встрѣтимъ у Ливія лжи; но нужно подумать о томъ, насколько ладовъ невольное пристрастіе можетъ ввести въ соблазнъ. Положимъ, онъ сознаетъ и порицаетъ римскія несправедливости, когда онѣ очевидны: эти признанія во всеуслышаніе успокоиваютъ его совѣсть на счетъ остального и открываютъ при-

страстію тайный доступъ. Пусть онъ отвергаетъ преувеличенныя цыфры и пустыя прикрасы: эта правдивость и разборчивость вкуса не то же, что критическій смыслъ. Можно-ли рассчитывать на него послѣ высокоумнаго предисловія, которое навязываетъ побѣжденнымъ римскія преданія и включаетъ въ завоеваніе право предписывать истину? И можетъ-ли для насъ служить ручательствомъ безпристрастія радость и негодованіе, съ какими онъ объявляетъ о побѣдѣ Камилла? „Боги и люди, говоритъ онъ, не допускали до того, чтобы римляне были обязаны своею жизнью выкупу“. Въ этомъ слышится голосъ воина, который съ торжествомъ рукоплещетъ, а не критика, взвѣшивающаго два противорѣчивыхъ преданія. Можно-ли полагать, что подобныя возвышенныя чувства, столь умѣстныя въ ораторскомъ произведеніи, не помѣшаютъ историку сохранить проницательность необходимую для распознаванія, за цѣлой грудой лживыхъ показаній—римскихъ пораженій,—и мужество лишить свою книгу самыхъ лучшихъ рассказовъ? Титъ Ливій не станетъ сыновней рукой разрывать пурпуровую одежду, которая скрываетъ рану или пятно его отечества. Онъ исполняетъ долгъ оратора, украшая изящнѣйшимъ слогомъ прекрасное преданіе. Поэтому не требуйте отъ него, чтобъ онъ началъ исторію римской свободы признаніемъ порабощенія Рима; если Ливій здѣсь и подозрѣваетъ нѣкоторое затрудненіе, то обратитъ его въ свою пользу; если онъ удивляется, „что римскій народъ, когда былъ въ неволѣ, подъ управленіемъ царей ни въ одну войну, ни отъ

какого врага не подвергался осадѣ, и что тотъ-же народъ, сдѣлавшись свободнымъ, терпитъ осаду отъ тѣхъ же Этрусковъ, чьи войска онъ не разъ разсѣивалъ“¹⁾ — то онъ объясняетъ этимъ соображеніемъ гнѣвъ и самоотверженіе Муція Сцеволы.

Если онъ встрѣчаетъ въ старинныхъ формулахъ слѣды завоеванія²⁾ или мятежа, онъ излагаетъ это съ смущеніемъ, но не пользуется такимъ указаніемъ, чтобы прослѣдить до конца унизительную истину. Гордость у него постоянно беретъ верхъ надъ здравымъ смысломъ; иногда ему стоило-бы сдѣлать еще одинъ шагъ, и онъ исправилъ-бы лживое показаніе: но инстинктъ римлянина останавливаетъ его у предверія истины. Разъ какъ-то ему надоѣли вѣчныя пораженія Вольсковъ: какимъ образомъ этотъ малочисленный народецъ могъ выставлять столько воиновъ? Читатель подсказываетъ здѣсь автору чтобы онъ шелъ далѣе: мнимыя строевыя сраженія были не болѣе какъ стычки, и не мало такихъ побѣдъ красуется только въ однѣхъ лѣтописяхъ. Но Титъ Ливій, лишь вскользь коснувшись сомнѣнія, благосклонно продолжаетъ однообразный пересказъ этихъ мнимыхъ побѣдъ. Онъ принужденъ, конечно, сознаться, что при Алліи Римляне потерпѣли поражение. Но причиной тому, по его словамъ, была непреодолимая воля рока. Римляне были ослѣплены³⁾; столь вѣрныя военной дисциплинѣ, столь

1) Титъ Ливій, II, 12.

2) Напримѣръ поговорку: „продавать пожитки царя Порсенны“. Лив. II, 14. (Это выраженіе обозначало продажу съ аукціона непріятельской добычи. *Прим. ред.*

3) Т. Л. V, 37, 38.

набожные, столь преданные старымъ обычаямъ, — тутъ они пренебрегли предостереженіемъ боговъ; они не съумѣли построиться въ боевой порядокъ; они не спросили ауспицій, не заклали жертвъ“. Тутъ все чудеса, или скорѣе, все только одно краснорѣчіе. А каковъ театральнѣйшій эффектъ, которымъ спасается римская честь: „По какой-то случайности, прежде чѣмъ неслыханная плата была выплачена сполна, — такъ какъ вслѣдствіе спора еще не все золото было отвѣшено, — подоспѣлъ диктаторъ и велѣлъ унести золото съ мѣста и удалить галловъ. Когда тѣ, сопротивляясь, говорили, что они заключили договоръ, онъ сталъ отрицать дѣйствительность того договора, который, уже послѣ того, какъ онъ самъ былъ избранъ диктаторомъ, безъ его вѣдома, заключенъ должностнымъ лицомъ, стоящимъ ниже его по своимъ правамъ. Онъ объявляетъ галламъ, чтобы они снаряжались для сраженія“¹⁾.

Сравните этотъ растянутый романическій рассказъ съ краткимъ и правдивымъ изложеніемъ Полибія: тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; всякій сейчасъ-же увидитъ, на какой сторонѣ вымыселъ, на какой — исторія. Почему-же Титъ Ливій предпочелъ вымыселъ? — Это станетъ совершенно ясно послѣ слѣдующей рѣчи Камилла: „Онъ велитъ своимъ бросить въ кучу поклажу, приготовить оружіе, и желѣзомъ, не золотомъ, вернуть себѣ отечество въ виду святыхъ, боговъ, женъ, дѣтей, родной земли, обезображенной бѣдствіями вой-

¹⁾ Т. Л. V, 49.

ны, и всего, что подобаетъ защищать, возстановлять, и за что слѣдуетъ мстить“.

Историкъ всѣмъ сердцемъ сражался вмѣстѣ съ своими героями; подобно имъ онъ полагалъ, что держать въ рукахъ своихъ честь Рима, и онъ торжествовалъ побѣду въ своемъ разсказѣ, какъ на полѣ брани. „Счастье уже повернулось; уже помощь боговъ и совѣтъ людей поддерживали дѣло Рима. При первомъ-же натискѣ галлы были разсѣяны не съ бѣльшимъ трудомъ, чѣмъ сами побѣдили при Алліи. Затѣмъ они разбиты во второмъ, болѣе правильномъ, сраженіи у восьмого камня по Габійской дорогѣ, куда собрались послѣ бѣгства, подъ предводительствомъ и руководствомъ того-же Камилла. Здѣсь рѣзня распространяется на все; наши берутъ лагерь и не оставляютъ даже вѣстника пораженія“. Къ счастью, въ этихъ повѣствованіяхъ ораторскіе приемы держатъ читателя насторожѣ; вслушиваясь въ горячую защитительную рѣчь, онъ догадывается, что здѣсь прерывается разсказъ событій, и онъ восхищается, вмѣсто того, чтобъ вѣрить. Но это уже заслуга читателя, а не автора; и лучше было-бы для Ливія заслужить нашу вѣру, чѣмъ предостерегать насъ отъ своихъ ошибокъ.

Это пристрастіе представляетъ въ ложномъ свѣтѣ нравы и событія. Ужъ слишкомъ много доблестей и побѣдъ! хотѣлось бы видѣть у изображаемыхъ людей поменьше совершенствъ и удачъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ливію слѣдовало бы объяснить старинные обычаи, а не восхвалять ихъ. „Теперь стоитъ прислушаться тѣмъ, кто ради богатства

презираетъ все человѣческое и думаетъ, что ни для высокой чести, ни для доблести нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ жизненные средства не льются широкимъ потокомъ. Единственная надежда римскаго народа, Л. Квинкцій Цинциннатъ, за Тибромъ обрабатывалъ поле въ четыре югера¹⁾. Прекрасное поученіе, безспорно, и достойное моралиста; но историкъ прибавилъ-бы еще къ этому, что простые нравы эти были грубы, и не вложилъ бы въ уста сенаторовъ, бывшихъ въ то-же время пастухами и пахарями, изысканную и отдѣланную рѣчь литературно образованнаго человѣка. Цинциннатъ не Ксенофонтъ, — человѣкъ образованный, съ развитымъ вкусомъ, философъ, который занимается земледѣліемъ ради забавы; Цинциннатъ поселянинъ и весьма грубый. Легко презирать роскошь, когда ея не знаешь, и быть умѣреннымъ, когда имѣешь передъ собой на столѣ одинъ лукъ

Впродолженіи десяти книгъ вы проходите черезъ длинную галерею великихъ людей; они можетъ быть, нѣсколько горделивы, но всѣ они ораторы, философы, герои. Это назидательные образцы, положимъ; но, не въ обиду будь имъ сказано, вѣдь невольно припоминается, что эти самые мудрецы не гнушались ростовщичествомъ; что они были завоевателями по принципу, т. е. грабителями по ремеслу и закону; что они проводили день, разъясняя формулы судопроизводства, наблюдая за полетомъ ворона, измышляя въ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ разныя каверзы для того, чтобы

¹⁾ Титъ Ливій, III, 26.

обобратить сосѣдей. Еще можно упрекнуть Ливіа, вовсе не будучи радикаломъ, за его предубѣжденіе противъ плебеевъ. Человѣку столь справедливому, какъ Ливій не слѣдовало называть мятежемъ ихъ справедливыя требованія. Справедливо-ли, будто аграрныя законы „ядъ, которымъ трибуны отравляли народъ“¹⁾? Плебеи имѣли право не умирать съ голоду въ виду земель, добытыхъ для государства цѣной ихъ крови и опасностей. Можно-ли называть ихъ „мятежниками“, если они требовали безъ всякаго насилія равноправности и гарантій? Было-ли то „недостойнымъ“ поступкомъ со стороны Лицинія Столона, когда онъ отказывался предложить аграрный законъ, если въ то-же время не будетъ постановлено допущеніе плебеевъ къ консульству? — Для того, чтобы плебеи имѣли заступника, надо было заставить ихъ избирать одного изъ консуловъ въ ихъ сословіи; и можетъ-ли быть что благороднѣе прямоты и твердости этого трибуна? Надо признать, что Титъ Ливій не разъ осуждаетъ „необузданность и жесткость“ патриціевъ; что онъ не скрываетъ, подобно льстивому Діонисію, убійство Генуція; что у него трибуны говорятъ въ пользу плебеевъ съ неподражаемой убѣдительностью и силой; что если онъ и порицалъ Гракховъ, то Цицеронъ, человѣкъ безродный и справедливый, дѣлалъ то же самое прежде его; что авторы, служившіе ему источникомъ, сами были римляне и патриціи; однимъ словомъ, что его честность внѣ всякаго сомнѣнія. Но всѣ эти

¹⁾ Титъ Ливій, II, 52.

доводы извиняютъ человѣка, не оправдывая критика. Панегерикъ, хотя бы и самый искренній не есть исторія. Не довольно любить истину, какъ подобаетъ благородному человѣку, наравнѣ со всѣмъ, что прекрасно; нужно еще любить ее, какъ любить ученый, т. е. болѣе всего на свѣтѣ.

V. Отсюда происходитъ, что Ливій не всегда бываетъ проникателенъ. Страсть къ истинѣ внушаетъ намъ сомнѣніе; а тотъ, у кого нѣтъ потребности удостовѣриться, довольствуется малымъ. Ливій-же едва справился у своихъ авторовъ о ихъ источникахъ; всѣ его свѣдѣнія на этотъ счетъ заключаются въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ: „То, что римляне совершили отъ основанія города Рима до его занятія галлами, слишкомъ темно, какъ по древности, такъ и потому, что письменность, — единственная надежная хранительница памяти о минувшихъ подвигахъ, — въ тѣ времена была незначительна и въ рѣдкомъ употребленіи, и еще потому, что если какія-либо свидѣтельства и были въ записяхъ жрецовъ и въ другихъ общественныхъ и частныхъ памятникахъ, то большая часть ихъ погибла во время пожара города“¹⁾. Со времени-же второй пунической войны Фабій Пикторъ, Цинцій и другіе писатели — уже современники событій, которыя они рассказываютъ²⁾. Ливій довольствуется этимъ краткимъ заключеніемъ и на этомъ основаніи ведетъ свой рассказъ. Какими памятниками руководился Фабій?

1) Титъ Ливій, VI, 1.

2) Титъ Ливій, XXII, 7; XXI, 38.

какого рода и сколько было ихъ? въ какой мѣрѣ заслуживали они довѣрія? были-ли они правдивы, полны? не были-ли они искажены? какъ Фабій читалъ ихъ? былъ-ли онъ безпристрастенъ, способенъ вѣрно судить, привыченъ къ критикѣ? Относительно всего этого — никакого изслѣдованія. Да и какъ бы могъ Ливій предпринять подобную провѣрку, когда онъ самъ не далъ себѣ труда заглянуть въ подлинные источники? Нѣсколько правилъ, установленныхъ здравымъ смысломъ, да общепринятое мнѣнiе—вотъ вся его критика: Фабій самый древнiй изъ историковъ; Фабій и Пизонъ пользуются наибольшимъ авторитетомъ: слѣдовательно они самые правдивые. На основанiи такого разсужденiя, Ливій заимствуетъ изъ ихъ книгъ исторiю, не взвѣсивши того, насколько они заслуживаютъ довѣрія. Но безъ точной оцѣнки добытой достовѣрности нѣтъ настоящей науки. Историкъ, какъ астрономъ, долженъ заранѣе оговорить предвидѣнныя ошибки его несовершенныхъ инструментовъ и указать, насколько то, что онъ считаетъ правдоподобнымъ, приближается къ достовѣрности. Когда проникаешь въ глубину времени или пространства, главная задача въ томъ, чтобы опредѣлить, до какой степени увѣренности можетъ и должна достигнуть наша вѣра. Наука—монета, которая имѣетъ лишь тогда цѣну, когда она носитъ на себѣ знакъ своей цѣнности. Ливій чувствуетъ, что исторiя первыхъ вѣковъ сомнительна; но онъ не говоритъ, до какой степени нужно сомнѣваться. Замѣьте еще, что онъ вноситъ также мало критики въ оцѣнку фактовъ, какъ и памятниковъ. Если онъ знакомъ

съ игрой человѣческихъ страстей, то въ крупныхъ выдающихся событіяхъ: на полѣ битвы, въ совѣтѣ, среди мятежа. Но очень часто онъ не знаетъ странныхъ, давно забытыхъ обычаевъ, породившихъ извѣстныя учрежденія; или темныхъ и медленныхъ переворотовъ, разрушившихъ эти учрежденія; ему невѣдомы многочисленныя, но неосязаемыя явленія, благодаря которымъ возникаютъ и образуются народы.

Согласно-же съ его исторіей, Римъ возникаетъ сразу такимъ, какимъ онъ будетъ втеченіе многихъ столѣтій. Ромулу однажды приходитъ на умъ издать декретъ, и вотъ народъ раздѣленъ на два сословія. Нума заразъ придумываетъ весь культъ, создаетъ жрецовъ. Наставленная на путь истинный его добродѣтелями, эта толпа разбойниковъ становится до того набожной и справедливой, что сосѣди совѣстятся нападать на нихъ. Вслѣдъ за этимъ сейчасъ-же раздается грозная формула Тулла Гостилія. Все устроивается неожиданно и само собой; настроеніе умовъ измѣняется, учрежденія рождаются словно какимъ-то волшебствомъ. Въ этомъ мало правдоподобномъ романѣ забыты двѣ вещи: природа человѣка и эпоха. Что сказать о деликатности добраго Порсенны, который перестаетъ настаивать въ пользу Тарквинія, опасаясь быть назойливымъ? или о пунктуальномъ послушаніи вольсковъ, которые не удерживаютъ ни одного изъ городовъ, завоеванныхъ для нихъ Коріоланомъ? Титъ Ливій недоумѣваетъ передъ баснями черезъ чуръ очевидными; онъ имѣетъ сомнѣніе насчетъ пропасти Курція, насчетъ ворона Валерія.

Но сколько неясностей и ошибокъ въ его описаніяхъ мнимыхъ побѣдъ и смутныхъ междоусобій! Онъ не общественный дѣятель и не воинъ; онъ и не думаетъ провѣрять ходъ кампаніи изученіемъ мѣстностей и сравненіемъ военныхъ передвиженій, или разъяснять междоусобныя распри, доискиваясь происхожденія, состава и положенія партій. Можно-ли сказать, что онъ ясно представлялъ себѣ чувства и нравы, свойственные древнимъ временамъ, и что для изображенія этой грубой эпохи онъ пользовался красками и чертами первобытнаго дикаго состоянія? Нѣтъ, — за исключеніемъ нѣсколькихъ выразительныхъ формулъ, брошенныхъ тамъ и сямъ, какъ-бы случайно, — онъ представляетъ намъ древній Римъ въ такомъ родѣ, какъ Расинъ представлялъ себѣ древнюю Грецію; это какое-то нескладное сочетаніе, гдѣ все находится въ противорѣчій, нравы и языкъ, учрежденія и чувства. Въ промежуткѣ между братоубійствомъ Горація и казнью Меттія, передъ нами разливаются гармоническія и обильныя рѣчи, образецъ искусства и изысканнаго слога, достойныя Мессалы и Полліона.

Посмотрите, какъ много выигралъ Туллъ Гостилій послѣ того, какъ прошелъ черезъ руки Ливія: какъ свирѣпый дикарь сдѣлался искуснымъ говоруномъ! Настоящій ораторъ не съумѣлъ бы лучше его подготовить умы и принять во вниманіе страсти. „Римляне“, сказалъ онъ, „если когда-либо бывали случаи, что вамъ слѣдовало прежде принести благодарность безсмертнымъ богамъ, а затѣмъ уже вашей собственной доблести,

то это именно во вчерашнемъ сраженіи; ибо вамъ пришлось бороться не столько съ врагами, сколько съ измѣной и коварствомъ союзниковъ, а эта борьба труднѣе и опаснѣе. Итакъ, чтобы вамъ не оставаться въ заблужденіи, скажу вамъ, что не по моему распоряженію альбанцы отошли къ горамъ; это было не повелѣніе, а хитрость и притворное приказаніе для того, чтобы вы, видя себя покинутыми, не отвлекались вниманіемъ отъ битвы, и съ другой стороны для того, чтобы въ среду враговъ, при мысли, что ихъ обходятъ сзади, проникли страхъ и смятеніе. Но я обличаю въ этой винѣ не всѣхъ альбанцевъ. Они послѣдовали за вождемъ, какъ послѣдовали-бы и вы, если-бы я захотѣлъ отвести отрядъ съ назначеннаго ему мѣста. Меттій — вождь этого отступленія, Меттій и зачинщикъ этой войны, Меттій нарушитель союза Рима и Альбы. Пожалуй, впослѣдствіи на это отважится ктонибудь другой, если я нынѣ же вамъ не дамъ смертнымъ памятнаго урока. Меттій Фуфетій! если-бы ты могъ научиться блюсти клятву и союзы, ты живымъ прошелъ-бы у меня эту школу. Но такъ какъ твой нравъ неисправимъ, то ты своей смертью научи родъ людской считать святымъ то, что ты нарушилъ. И, какъ ты сейчасъ свою душу раздѣлилъ надвое между Фиденами и Римомъ, такъ ты дашь и свое тѣло растерзать на части¹⁾.

Слишкомъ удачное и остроумное противоположеніе! Мнѣ совѣстно сравнивать Ливіа съ Ме-

¹⁾ Т. Л. I, 28.

зереемъ, но этого требуетъ справедливость, ибо царь Тулль говоритъ у Ливія также хорошо, какъ л е й д ы Хильдерика въ Исторіи Франціи Мезерея ¹⁾. Замѣтите, что Тулль, Сципіонъ, Катонъ, плебеи, патриціи, греки, римляне, варвары, люди всѣхъ временъ и странъ, — всѣ говорятъ у Ливія одинаковымъ отборнымъ языкомъ, съ одинаковымъ ораторскимъ тактомъ и одинаковымъ искусствомъ въ развитіи доводовъ; всѣ они ученики одной школы, образовавшіеся подъ руководствомъ одного наставника, который волей или неволей дѣлаетъ ихъ всѣхъ краснорѣчивыми. Это еще не такъ поражаетъ васъ во время греческихъ и пуническихъ войнъ, которыя ближе къ образованной эпохѣ; да и то напрасно, ибо такое искусство въ рѣчи вовсе не согласно съ неуклюжими отрывками изъ Эннія и Катона. Такого рода непониманіе у Ливія имѣетъ лишь одно оправданіе: въ то время оно было всеобщее. А между тѣмъ, какъ-же возможно было въ теченіе разсказа, обнимающаго 700 лѣтъ, не обратить вниманія на то, что состояніе умовъ и рѣчи мѣняются? Иногда и десяти лѣтъ бываетъ достаточно, чтобы замѣтить совершенный переворотъ

1) Mézerai Hist. de France I, 21, 22. Мезерей написалъ свою Исторію Франціи въ 1643—50 г., т. е. въ эпоху фронды, во время сильнаго политическаго возбужденія. Онъ сдѣлалъ изъ исторіи политическую трибуну и украсилъ свой поверхностный и невѣрный разсказъ энергическими разсужденіями. Онъ былъ болѣе моралистъ, чѣмъ историкъ и откровенно признавался, что изученіе источниковъ доставило - бы ему слишкомъ много труда и мало славы. См. о немъ Aug. Thierry Lettres sur l'Hist. de France. L. IV. Прим. ред.

въ слогѣ и во взглядахъ. Неужели Ливій могъ думать, что исторія состоитъ изъ перечня сражений и декретовъ, и что главное дѣло не въ томъ, чтобъ изображать людей, а въ томъ, чтобы излагать факты? При такомъ невѣдѣніи, что же станется съ критическимъ смысломъ?

Какимъ образомъ рѣшить, правдоподобно - ли такое-то событіе, когда не представляешь себѣ ясно нравовъ и понятій, породившихъ его? Какъ понять страсти, когда воображеніе рисуетъ себѣ все однѣ и тѣ-же фізіономіи и когда оно блуждаетъ среди сотни копій одного и того-же портрета? Можно смѣло сказать, что исторія тогда остается неподвижной и безжизненной. Начиная съ 1-ой и до 32-ой книги Ливія, передъ нами все тѣ-же доблести, та-же мудрость, та-же умѣренность, то-же постоянство; мы видимъ, что завоеванія расширяются и устанавливается равноправность: все измѣнилось, кромѣ людей; а въ дѣйствительности все измѣняется лишь вслѣдствіе переменъ въ людяхъ. Такое укоренившееся заблужденіе притупляетъ остріе критики; а притупленное орудіе можетъ лишь грубо блуждать среди тонкихъ очертаній истины.

VI. Если Титъ Ливій мало проникателенъ, это оттого, что у него недостаточно познаній. Чтобы схватить хотя долю истины, нужно всю ее обнять; каждый отдѣльный фактъ освѣщается свѣтомъ другихъ фактовъ, и только полное, всестороннее освѣщеніе показываетъ ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Недовольно знать всѣ сраженія, договоры, возстанія и все то, что приведено у анналистовъ. Ливію слѣ-

довало-бы съ помощью религіозныхъ обрядниковъ и сохранившихся между сельчанами преданій отыскать древнюю религію подъ новѣйшей мифологіей, украсившей и исказившей эту религію; нужно было отдѣлать италійскихъ боговъ, — которые представляютъ чистыя абстракціи, неподвижныя и таинственныя, которымъ поклонялись изъ страха и корысти, — отъ блестящихъ греческихъ божествъ, этихъ идеализованныхъ обликовъ чловѣка, подобно ему живыхъ и реальныхъ. Онъ долженъ былъ усмотрѣть въ Двѣнадцати Таблицахъ и въ Папірійскомъ правѣ¹⁾ древній семейный бытъ, съ тѣхъ поръ преобразованный стоической этикой и интерпретаціями преторовъ. Было-бы желательно, чтобы онъ ближе зналъ жизнь римскихъ земледѣльцевъ, эту борьбу съ почвой, съ Тибромъ, съ голодомъ; чтобы онъ указалъ ихъ бережливость и ихъ скупость. Но эти факты такъ мало интересуютъ его, что онъ приводитъ законъ Двѣнадцати Таблицъ, какъ будто не понимая его вполнѣ, или не признавая его важности. Его поражаютъ лишь тѣ событія, кото-

1) Такъ называвшійся юридическій памятникъ слылъ у римлянъ сборникомъ древне-царскихъ законовъ. Ни о составителѣ этого сборника, ни о содержаніи его мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. По Діонисію Папірій былъ Верховнымъ Понтифексомъ; Помпоній-же называетъ его юристомъ, жившимъ при Тарквиніѣ Гордомъ. По мнѣнію однихъ изъ современныхъ ученыхъ, этотъ сборникъ заключалъ въ себѣ постановленія юридическаго характера; по мнѣнію другихъ, это былъ обрядникъ. Во время Цезаря юристъ Граній Флаккъ написалъ комментарий на Папірійскій сборникъ; отсюда впрочемъ отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ заключалъ въ себѣ подлинныя постановленія царской эпохи. *Прим. ред.*

рыя упоминаются анналистами; его гораздо болѣе интересуеть исторія Виргиніи, чѣмъ новое законодательство.

Какъ усердно онъ изыскиваетъ случаи выказать краснорѣчіе, такъ онъ тщательно избѣгаетъ ученыхъ разсужденій; въ немъ прежде всего пробуждается страсть, но никогда любознательность. Ему нѣтъ дѣла ни до государственнаго устройства, ни до религіи, ни до домашнихъ обычаевъ, ни до чего, однимъ словомъ, что составляетъ основу характера и руководитъ жизнью цѣлаго народа. Событія, дѣйствіе, особенно драматическое дѣйствіе, — вотъ что ему нравится и что онъ охотно развиваетъ; и если послѣ 20-й книги мы поняли изъ его разсказа учрежденія Рима и Италіи, то его намѣреніе здѣсь ни причемъ; факты сами говорятъ за него; онъ-же потому все говоритъ, что выписываетъ подрядъ все, что нашель у другихъ. Для того, чтобы совершенно ясно видѣть, нужно было-бы гораздо болѣе знать.

Признаемъ-же за критикой Ливія ея недостатки, какъ передъ этимъ мы признали ея достоинства. Онъ вовсе не пользуется подлинными документами: для первыхъ вѣковъ онъ пренебрегаетъ современными извѣстіями; мы замѣчаемъ у него невольное пристрастіе къ Риму и къ патриціямъ; мы не находимъ у него никакого изслѣдованія объ анналистахъ, которыми онъ пользовался; у него болѣе пониманія выдающихся событій, чѣмъ медленныхъ и глубокихъ измѣненій; ни малѣйшаго понятія о первобытной дикости; никакого изученія, какъ развѣ случайно, того, что идетъ далѣе сраже-

ній, декретовъ сената или распрей на форумѣ. Образованный ораторъ и гражданинъ избѣгаетъ ученыхъ изслѣдованій, изучаетъ лишь то, что можетъ служить матеріаломъ для краснорѣчія, все украшая своимъ изящнымъ слогомъ, восхваляя передъ потомствомъ свое отечество и свое сословіе. Достоинства Тита Ливія выходятъ изъ того-же источника, какъ и его недостатки.

ГЛАВА III.

Критика новаго времени.

БОФОРЪ.

Французскій ученый XVIII-го вѣка. — Разсужденіе его противъ памятниковъ римской исторіи, противъ самыхъ событій римской исторіи. — Критика критики. — Авторитетность Большихъ Анналовъ. — Оффиціальныя документы. — Авторитетность первыхъ историковъ. — Въ исторіи вѣроятное представляетъ собой истинное.

Въ то время, какъ Ливій торжественной поступью шествуетъ между мифами и римскими побѣдами, два слѣдователя идутъ за нимъ, мрачные и недовѣрчивые, считая мертвыхъ, провѣряя его свидѣтельства, вопрошая его о доказательствахъ. Начиная съ двадцать первой книги, они одобряютъ его; что-же касается первыхъ, то одинъ говоритъ, что въ нихъ ни чему не слѣдуетъ вѣрить, другой исправляетъ рассказъ историка. Разумѣется, скандалъ великій, въ родѣ того, когда впервые ¹⁾ трибунъ Генуцій или Консидій поднялъ руку на консула, сходявшаго съ колесницы и призвалъ его къ суду, чтобы оправдать

¹⁾ Титъ Ливій, II, 52.

свой походъ передъ лицомъ народа. Между тѣмъ и тотъ и другой до нѣкоторой степени были правы; и если въ своей патриціанской гордости, военачальникъ подвергъ не нужной опасности своихъ солдатъ, то историкъ на своихъ „ораторскихъ ристалищахъ“, не всегда щадитъ истину. Но критику, какъ и трибуну, не слѣдовало съ такимъ ожесточеніемъ предаваться преслѣдованію, а изгнаніе Ливія за это изъ области исторіи было столь-же несправедливо, какъ изгнаніе консула изъ Рима.

„Разсужденіе“ Бофора (1738) не было первой нападкой на Тита Ливія. Другъ Еразма, Глареанъ, и голландецъ Перицоній, еще ранѣе усомнились въ немъ; затѣмъ, споръ между академиками Пульи и Саллье поколебалъ общую вѣру¹⁾. Но книга Бофора была первымъ систематическимъ и популярнымъ изложеніемъ вопроса. Бофоръ былъ французъ изъ Голландіи, членъ Лондонскаго ученаго Общества, свободный мыслитель, какихъ тогда было не мало въ протестантскихъ странахъ, съ живымъ и яснымъ умомъ, очень ученый, но безъ неуклюжести, безъ педантизма; онъ оставлялъ за наукой

1) Глареанъ (1540) былъ одинъ изъ первыхъ комментаторовъ Ливія и въ своихъ примѣчаніяхъ уже указывалъ на встрѣчающіяся у него противорѣчія. Перицоній положилъ основаніе научной исторической критикѣ своимъ латинскимъ сочиненіемъ „Историческія Замѣчанія“ 1685 г. Пульи былъ предшественникомъ Бофора: его „Разсужденіе о недостоверности первыхъ четырехъ вѣковъ Рима“, весьма впрочемъ краткое и поверхностное, было напечатано въ мемуарахъ Академіи Надписей (1723). Противъ него аббатъ Саллье выступилъ защитникомъ римской традиціонной исторіи въ трехъ еще болѣе слабыхъ разсужденіяхъ 1723—5. *Прим. ред.*

ея серьёзный видъ, но безъ угрюмости; благовоспитанный, при томъ, и настолько вѣжливый относительно своихъ предшественникомъ, что побивалъ ихъ безъ раздраженія; его ученость вдвое выигрываетъ отъ того, что онъ былъ методиченъ и ясенъ, какъ французъ; слогъ у него гладкій и правильный; онъ не даромъ принадлежитъ къ XVIII вѣку;—часто онъ даже остроуменъ, насмѣшливъ; когда, на примѣръ, какой то нѣмецъ, Христофоръ Саксъ, попытался сокрушить его цѣлымъ томомъ *in quarto*, наполненнымъ цитатами. Кромѣ критики, онъ написалъ римскую исторію, состоящую изъ основательныхъ разсужденій, ясныхъ и большею частью очень вѣрныхъ, о религіи, учрежденіяхъ, о разныхъ общественныхъ классахъ Рима—разсужденій во вкусѣ политиковъ и философовъ-резонеровъ того времени. Читатель охотно поддается привлекательнымъ свойствамъ этого ума, который вездѣ сохраняетъ ясность, никогда не впадая въ напыщенный тонъ; производитъ цѣлый переворотъ, не облакаясь въ роль призваннаго къ тому реформатора; высказываетъ совершенно просто очень важныя вещи и, обремененный многочисленными пыльными фоліантами, среди комментаріевъ, хронологій, провѣрочныхъ ислѣдованій, сохраняетъ свободные приемы и непринужденный видъ порядочнаго человѣка и хорошаго писателя.

Всѣ его усилія направлены на разрушеніе. Событія, памятники, вся исторія римская, когда его прочтаете, представляются развалиной. Но этотъ крайній критикъ вооруженъ истиннымъ методомъ. Станемъ на сторону Тита Ливія и вник-

немъ въ это гоненіе, поднятое противъ него черезъ семнадцать вѣковъ. Посмотримъ, что должно сохранить изъ зданія, воздвигнутаго его набожной рукой и постараемся отнестись къ этому вопросу безпристрастно, не какъ Римляне, но и не какъ варвары. Вотъ къ чему сводится вкратцѣ рѣчь, какую держитъ Ливію Бофоръ ¹⁾: „На какихъ свидѣтельствахъ основана ваша исторія въ первые пять вѣковъ? Первый римскій историкъ принадлежитъ къ шестому вѣку. Какимъ образомъ ваши предки, мало грамотные, сохранили память о пяти предшествовавшихъ вѣкахъ? Вы сознаетесь, что въ то время письмена были въ маломъ употребленіи; что для отмѣтки годовъ вбивали въ храмъ гвозди; что даже и это обыкновеніе на долгій промежутокъ времени было оставлено. Странная хронологія и весьма достойная вѣры! Но можетъ быть слѣдуетъ болѣе вѣрить Анналамъ вашихъ верховныхъ жрецовъ? Клодій, на котораго ссылается Плутархъ, говоритъ, что все было сожжено галлами, а то, что замѣнило утраченные памятники, было вымышлено. Даже легковѣрный Діонисій, и тотъ жалуется на мракъ, застилающій первыя времена Рима, а Цицеронъ называетъ легендой исторію его основателей. Вы сами часто сожалеете о путаницѣ именъ, фактовъ, чиселъ и признаете, что большая часть памятниковъ погибла въ пожарѣ. А изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ что же было собрано и восстановлено? По вашимъ собственнымъ словамъ, только законы,

¹⁾ Beaufort. Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de Rome, p. 3. Разсужденіе о недостоверности исторіи римской въ первые пять вѣковъ.

договоры о мирѣ, да нѣсколько книгъ жрецовъ и прорицателей. Но вѣдь эти обрядники имѣютъ такое-же отношеніе къ исторіи, какъ наши молитвенники и требники. Да и они вдобавокъ подозрительны, такъ какъ послѣ возстановленія Анналовъ ихъ стали держать въ тайнѣ; они подверглись измѣненію, ибо позднѣе ихъ нашли несогласными съ книгами Нумы, только-что найденными ¹⁾. Что же касается Анналовъ, то еслибы они сохранились, вы не встрѣтили-бы у своихъ авторовъ столько затрудненій и противорѣчій. Допустимъ, что кое-какіе отрывки нашлись потомъ. Но басни, заимствованныя изъ нихъ Авломъ-Гелліемъ, показываютъ, какого довѣрія они заслуживаютъ ²⁾. Если отложить въ сторону Анналы, то какой-же памятникъ ручается за повѣствованіе о старинѣ? — Статуи, трофеи, зданія, построенныя въ память великихъ событій? — Но они погибли въ пожарѣ, а тѣ, которыя уцѣлѣли или были возстановлены, до того мало достовѣрны ³⁾, что потомъ не знали, представля-

¹⁾ Въ 181 г. до Р. Х. былъ найденъ въ землѣ каменный саркофагъ, въ которомъ заключались латинскія и греческія рукописи религіознаго и философскаго содержанія. Ихъ стали приписывать царю Нумѣ, несмотря на несообразность такого предположенія. Преторъ Петилій, разсмотрѣвъ ихъ содержаніе и признавъ его опаснымъ, приказалъ съ согласія Сената предать книги публичному сожженію. Такъ какъ эти книги всѣми признаются подложными, то Бофоръ, очевидно, не имѣлъ основанія изъ противорѣчія этихъ мнимыхъ книгъ Нумы съ жреческими книгами выводить заключеніе, что послѣднія были измѣнены или искажены..., Beaufort, p. 51. Изд. 1750. *Прим. ред.*

²⁾ Авль-Геллій, Аттическія ночи, IV, 5.

³⁾ Beaufort, p. 70,

ла-ли одна статуя Клевию или Валерию, дочь Публиколы; Сципионъ Метелль принималъ статую Сципиона Эмилиана за Сципиона Серапиона; надпись, для васъ снятая Августомъ со щита ¹⁾ Юсса, опровергается всѣми писателями. Надписи?—Да ихъ вовсе не было ранѣе надписи Дуилия ²⁾. Записки или аста?—Тѣ, которыя приведены у Додуеля ³⁾, очевидно, подложныя; во всякомъ случаѣ ихъ вовсе не было ранѣе шестого вѣка. Списки на полотнѣ?—Но они были очень незначительнаго объема, такъ какъ заключали въ себѣ документы лишь за одно десятилѣтіе; они очень неточны, ибо Цинцій и Туберонъ, основываясь на нихъ, противорѣчатъ другъ другу; имъ мало вѣрили, ибо Туберонъ, который ссылается на нихъ, самъ сомнѣвается въ ихъ достовѣрности. И такъ, въ результатѣ остаются лишь вѣдомости цензоровъ,

1) У Ливія сказано in thorace linteo IV, 20. *Прим. ред.*

2) Периционій, которому слѣдуетъ Бофоръ, утверждалъ, что древнѣйшею надписью въ Римѣ слѣдуетъ считать надпись на колоннѣ, украшенной носами кораблей (Columna rostrata) и воздвигнутой въ честь Дуилия, одержавшаго первую морскую побѣду надъ Карфагенянами въ 261 г. до Р. Х. *Прим. ред.*

3) Додуель, знаменитый англійскій ученый, умершій въ 1711 г.—богословъ, хронологъ и филологъ. Для древней исторіи особенно важны его хронологическіе труды. Додуель написалъ между прочимъ очень ученое изслѣдованіе, въ которомъ старался доказать, что у римлянъ издавна существовалъ обычай вести ежедневныя вѣдомости всѣмъ происшествіямъ, случавшимся въ городѣ, протоколомъ сенатскихъ засѣданій, постановленіямъ Сената, Народнаго Собранія и т. д. Онъ-же издалъ два мнимыхъ отрывка изъ этихъ вѣдомостей, изъ которыхъ одинъ относился къ 169, а другой къ 163 году, до Р. Х. *Прим. ред.*

откуда заимствованы нѣкоторыя цыфры, да фамильныя архивы. А вы сами признаетесь, что они искажены и исполнены лжи. Можно-ли питать къ нимъ довѣріе, когда знаешь, какія нелѣпыя генеалогіи они изобрѣтали въ ваше время? Брута производили отъ перваго консула ¹⁾; родъ Помпоніевъ присвоилъ себѣ въ родоначальники Нуму Помпилія; плебейскій родъ Гостиліевъ захотѣлъ возвести свое начало до царя Гостилія; Ацилій Глабріонъ въ шестомъ вѣкѣ не получилъ цензорства, потому-что былъ новымъ человекомъ, а немного позднѣе оказался потомкомъ Анхиза и Венеры ²⁾. Записки эти составлялись, исправлялись на досугѣ и по произволу, въ продолженіе пяти вѣковъ, тщеславіемъ родовъ, согласно интересамъ минуты, въ эпоху суевѣрія и невѣжества; они хранились втайнѣ, подновленные или, можетъ-быть, вновь сочиненныя цѣликомъ послѣ пожара, — и вотъ эти-то записки были единственнымъ источникомъ, которымъ пользовался Фабій,

1) Т. е. Марка Брута, убійцу Цезаря, выдавали за потомка Луція Брута, изгнавшаго Тарквинія Гордаго, хотя Маркъ Брутъ былъ плебейскаго происхожденія; Луцій-же Брутъ, какъ племянникъ царскій, былъ патриціемъ. *Прим. ред.*

2) Родъ Ациліевъ обязанъ своею знатностью (*nobilitas*) Манію Ацилію Глабріону, побѣдителю царя Антиоха въ 191 г. до Р. Х., первому консулу въ его родѣ. Въ послѣдствіи-же этотъ родъ сталъ выводить свое происхожденіе отъ Аквиліна, предполагаемаго сына или внука Энея. Когда Сенатъ, послѣ убійства Коммода въ 193 г. послѣ Р. Х., провозгласилъ императоромъ Пертинакса, послѣдній сталъ отказываться и убѣждалъ Сенатъ предпочесть ему Глабріона, указывая, между прочимъ, на его царственное и божественное происхожденіе. *Beaufort p. 139.* *Прим. ред.*

вашъ первый историкъ, и другіе, слѣдовавшіе за нимъ. Прибавьте къ этому, если хотите, нѣсколько нескладныхъ гимновъ и надгробныхъ словъ, всегда фальшивыхъ по своему внутреннему содержанию. Какъ же полагаться послѣ этого на историковъ, которые имѣли лишь подобные источники? Какъ вѣрить имъ, когда къ тому же еще знаешь, какимъ способомъ они писали? По словамъ Діонисія ¹⁾, который сравнивалъ всѣхъ этихъ историковъ, — Цинцій, Катонъ, Пизонъ, и самые основательные, всѣ они слѣдуютъ Фабію Пиктору; такъ хорошо слѣдуютъ, что списываютъ у него величайшія нелѣпости, приводя, наприм., читателя къ заключенію, что Танаквиль имѣла дѣтей въ 75-лѣтнемъ возрастѣ. Что же касается Геллія и Лицинія, то мѣркой ихъ точности можетъ служить слѣдующее: не замѣтивъ анахронизма въ 85 лѣтъ, они помѣстили Діонисія, тирана Сиракузскаго, на мѣсто Гелона, въ 262 г. римской эры. И такъ, намъ остается только одинъ Фабій. Но по словамъ самого Діонисія онъ „подробно повѣствуетъ только о томъ, что самъ видѣлъ, а относительно всего, что случилось съ основанія Рима до его времени, онъ дѣлаетъ лишь бѣглый перечень“. Онъ заимствовалъ всѣ свои рассказы изъ преданій; онъ небреженъ въ хронологіи; Полибій считаетъ нелѣпостью то, что говорится у него объ одномъ современномъ ему фактѣ; онъ легковѣренъ до того, что заимствуетъ у чужеземнаго писателя, совершенно неизвѣстнаго, Діокла,

1) Beaufort, Dissertation, p. 173.

разсказъ объ основаніи Рима. Вотъ писатели, которые служили вамъ руководителями. Между тѣмъ какова цѣнность источниковъ, такова цѣнность и исторіи. Послѣ этого много-ли достовѣрнаго во всемъ, что вы намъ повѣствуете?

Если памятники не заслуживаютъ довѣрія, то событія не имѣютъ за себя вѣроятности ¹⁾. Да и вы сами твердо-ли вѣруете въ то, что приводите объ основаніи Рима? Діонисій, который на вѣру Фабія и Діокла принимаетъ ваше толкованіе, приводитъ еще нѣсколько другихъ, совершенно различныхъ. Уже Цицеронъ подсмѣивался надъ этимъ преданіемъ. Что же касается альбанскихъ царей и пришествія Энея въ Италію, то ученые, какъ Додуель, Клуверій, Бошаръ ²⁾, уже давно покончили съ ними. Болѣе-ли достовѣрна дата основанія Рима? — По словамъ Діонисія Катонъ первый сдѣлалъ попытку опредѣлить ее точно ³⁾. Энній помѣщаетъ ее на столѣтъ ранѣе. Сколько возможностей надѣлать ошибки въ хронологіи, основанной на обычаяхъ отмѣчать года именами высшихъ сановниковъ! Вы признаете, что у разныхъ анналистовъ имена эти часто разнятся, и что обычай отмѣчать года гвоздями не былъ постояннымъ и иногда прерывался на долгое время.

¹⁾ Beaufort, p. 209.

²⁾ Ф. Клуверій, авторъ ученѣйшаго сочиненія *Italia antiqua* 1624, первый чрезвычайно рѣшительно высказывался противъ достовѣрности древнѣйшей исторіи Рима. С. Бошаръ (у Тэна по опечаткѣ стоитъ Брошаръ), остроумный французскій филологъ, убѣдительно доказалъ (1672) недостовѣрность преданія о приходѣ Энея въ Италію. *Прим. ред.*

³⁾ Beaufort. 225.

Слѣдовательно, мы не знаемъ, ни когда, ни какъ былъ основанъ Римъ. Въ дальнѣйшихъ событіяхъ столько же невѣроятностей и противорѣчій. Діонисій ¹⁾ представляетъ Римлянъ колоніей честныхъ, добропорядочныхъ людей, которыхъ разныя невзгоды вынудили покинуть родину; въ такомъ случаѣ отчего же сосѣдніе города отказываютъ имъ въ женахъ?— „Вѣроятно ли, чтобы юноша знатнаго происхожденія и красивой внѣшности, исполненный прекрасныхъ качествъ, какимъ историки представляютъ намъ Ромула, былъ вынужденъ жить въ безбрачїи, если бы не прибѣгнулъ къ насилію для того, чтобы добыть себѣ жену? Иные говорятъ, будто похищенная имъ Герсилія ушла къ своему мужу, Госту Гостилю. Такимъ образомъ бѣдный царь остался безъ жены, или по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно, имѣлъ ли онъ жену или нѣтъ“. Діонисій рассказываетъ совсѣмъ не такъ, какъ вы, про междуцарствіе, про очередное правленіе сенаторовъ, избраніе Нумы и Сервія.

Исторія добраго и злаго Тарквинія, доброй и злой Тулліи даже не романтическій рассказъ, а просто сказка. Я уже упоминалъ о Танаквили, которая, по вашему исчисленію, имѣла сына, будучи 75 лѣтъ. На каждой страницѣ мы узнаемъ старинныя легенды, заимствованныя или сочиненныя изъ тщеславія, напримѣръ, преданіе о Муціѣ Сцеволѣ. Плебейскій родъ Муціевъ ²⁾ вздумалъ присвоить себѣ патриціанское происхожденіе и объяснить свое проз-

1) Beaufort, 259.

2) Beaufort, 330.

вище Сцевола ¹⁾). Согласно съ Плиніемъ и Тацитомъ Порсенна овладѣлъ Римомъ, и вашимъ соотечественникамъ было воспрещено употреблять въ дѣло желѣзо, исключая въ земледѣліи ²⁾). Всѣ бѣдствія и весь позоръ вашихъ предковъ прикрыты чертами воображаемой доблести. По вашему, Фабіи погибли геройскою смертію, одни предпринявши войну съ врагами отечества; а по Діонисію, они попались въ засаду въ то время, какъ приносили жертву на непріятельской землѣ. Вы думаете, согласно съ вашими анналистами, что побѣдоносные галлы были истреблены Камилломъ въ Римѣ и Габіи; а изъ Полибія видно, что они преспокойно возвратились къ себѣ, чтобы защищать свою страну противъ венетовъ. Стоитъ только составить таблицу гальскихъ войнъ по Полибію и по вашей исторіи, чтобы убѣдиться, сколько вашими авторами скрыто поражений и сколько вымышлено побѣдъ. Уже Цицеронъ жаловался на сочиненные тріумфы, которыми украшаютъ надгробныя похвальные слова, внося въ нихъ ложь. Басни стали плодовиты и столь живучи, что онѣ зарождаются и растутъ на тѣхъ событіяхъ, которыя происходили еще на глазахъ вашихъ первыхъ анналистовъ. Тогда какъ Семпроній Тудитанъ, Цицеронъ, Флоръ, Туберонъ заставляютъ Регула погибнуть, каждый изъ нихъ, различнымъ способомъ истязанія, Полибій, такъ близко стояв-

¹⁾ Сцевола значитъ лѣвшя.

Прим. ред.

²⁾ Бофоръ хочетъ сказать, что это свидѣтельство противорѣчитъ изложенію Ливія, у котораго Порсенна отступаетъ отъ Рима, не побѣдивши его.

Прим. ред.

шій къ событію, столь точный и свѣдущій, такъ хорошо расположенный къ римлянамъ, вовсе не упоминаетъ объ этихъ невѣроятныхъ жестокостяхъ; и еслибы можно было угадать истину подъ этой массой басенъ, можетъ быть, оказалось бы, что истязаніе это вымышлено для оправданія тѣхъ жестокостей, какимъ сыновья Регула подвергли карфагенскихъ плѣнниковъ ¹⁾. Сдѣлаемъ-же такое заключеніе, что памятники римской исторіи были малочисленны и погибли, что лживые памятники, которые уцѣлѣли, передали потомству лишь факты сомнительные, часто неправдоподобные, иногда противорѣчивые, и что исторія, основанная на нихъ, не представляетъ ничего достовѣрнаго“.

II. Но критика сама же исправляетъ свои крайности; и новые писатели, болѣе скептические, но и болѣе ученые, чѣмъ Ливій, принимая то, что Бофоръ внесъ новаго своей исторической критикой, отвергаютъ его преувеличенія ²⁾.

Конечно, ему можно было бы сказать въ отвѣтъ: „Докажемъ прежде всего, что Анналы могли быть написаны, что они должны были и въ самомъ дѣлѣ были написаны. Вѣдь вы безъ основанія предполагаете, будто римляне не умѣли писать. Обычай вбивать гвозди въ храмъ былъ религіознымъ обрядомъ, а не средствомъ опредѣлять даты; къ нему прибѣгали, какъ къ средству заклинанія противъ чумы, а не для того, чтобы отмѣчать года. Полибій самъ видѣлъ въ Капитоліи договоры, заключенные съ карфагенцами въ са-

1) Beaufort, 436.

2) Leclerc, Niebuhr, Lebas.

мыя раннія времена республики; Горацій, какъ и Діонисій, читалъ другіе договоры, заключенные съ габійцами и сабинянами при царяхъ. Извѣстно, впрочемъ, что уже въ эпоху основанія Рима этрусски были цивилизованы и весьма грамотны, что Римъ получилъ отъ нихъ многія учрежденія, что два раза даже, какъ вы сами указали, онъ былъ имъ подчиненъ. Слѣдовательно, въ Римѣ можно было писать исторію.—И патриціи, конечно, должны были ее писать; знать вездѣ черпаетъ свою силу въ прошедшемъ и тщательно сохраняетъ воспоминанія, на которыхъ зиждется ея могущество.— Они и писали исторію рукою своихъ магистратовъ; никакія ссылки на древнихъ писателей, никакія гипотезы не могутъ подорвать силы свидѣтельствъ Сервія и Цицерона, по словамъ которыхъ *Анналы* восходятъ къ самому началу Рима ¹⁾. Вѣрно ли, что они погибли во время пожара?—Этотъ Клодій, на котораго вы ссылаетесь по Плу-тарху, не имѣетъ авторитета, такъ какъ неизвѣстно, ни кто такой онъ былъ, ни когда жилъ; да и противъ него можно выставить Діонисія, который утверждаетъ, что первые историки черпали

¹⁾ Тэнъ имѣетъ въ виду слова Цицерона (*de Oratore*, II, 12), что верховный понтифексъ записывалъ всѣ дѣла cadaго года *ab initio regum romanorum*, съ самаго начала Рима. Что же касается до Сервія, то здѣсь идетъ рѣчь о грамматикѣ Сервіѣ Гоноратѣ, жившемъ въ Римѣ во второй половинѣ IV-го вѣка по Р. Х.: онъ извѣстенъ своими обширными комментаріями къ *Виргилію* съ цѣнными указаніями на древнюю исторію и особенно на религіозныя древности. Свидѣтельство Сервія, на которое ссылается Тэнъ, относится къ 373-му стиху I кн. *Энеиды*.

изъ жреческихъ Анналовъ всѣ свои свидѣтельства ¹⁾).

Признать вмѣстѣ съ Ливіемъ, что часть ихъ погибла, значило бы, что часть ихъ сохранилась въ Капитоліи, или въ тѣхъ храмахъ, которые уцѣлѣли отъ огня, или быть можетъ вмѣстѣ со священными вещами, зарытыми въ землю, или же съ тѣми, которыя были перенесены въ Церу. Можно ли допустить, чтобы при возстановленіи договоровъ, законовъ, священныхъ книгъ, предписанномъ Сенатомъ послѣ побѣды, народъ, столь тщательно охранявшій свои древности, столь занятый славой своихъ предковъ, столь преданный своимъ учрежденіямъ и столь щепетильный, когда рѣчь шла о текстахъ письменныхъ памятниковъ старины, — чтобы этотъ народъ отказался отъ своей исторіи и разомъ стеръ бы слѣды всей своей прошлой жизни?—Безъ сомнѣнія, жрецы возстановили и дополнили Анналы съ помощью договоровъ и законовъ, сохранившихся или снова найденныхъ,—съ помощью преданія, лѣтописаній сосѣднихъ городовъ, которые всѣ имѣли свою исторію ²⁾. А вотъ и доказательства этихъ вѣроятностей. Прежде всего, извѣстно изъ Цицерона ³⁾, что за четырнадцать лѣтъ до пожара (404) ⁴⁾, въ Анналахъ упоминалось о солнечномъ затменіи; слѣдовательно они сохранились. Во вторыхъ, начи-

¹⁾ Діонисій, I, 59.

²⁾ Leclerc, des Journaux chez les Romains, 71 p.

³⁾ Цицеронъ, Республика, I

⁴⁾ У Тэна по ошибкѣ сказано 24 года до пожара.

ная съ трибуната, годъ за годъ, встрѣчаются, рядомъ съ блестящими поэтическими рассказами, опредѣленные факты, столь послѣдовательно и сухо изложенные, что въ нихъ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ передъ собою тѣ лѣтописныя доски, которыя верховный жрецъ выставлялъ у входа своего жилища. Здѣсь основанъ такой-то храмъ, назначены такіе-то консулы, упоминается такое то знаменіе и искупившее его жертвоприношеніе, или осада такого то города ¹⁾. Далѣе, мы узнаемъ суевѣрные Анналы, когда читаемъ въ нихъ, что римляне повторили зрѣлища въ большомъ циркѣ по тому случаю, что рабъ былъ проведенъ своимъ господиномъ по цирку подъ ударами розогъ ²⁾. Вездѣ встрѣчаемъ подобныя же подробности, слишкомъ мелкія, чтобъ ихъ могло сохранить преданіе, слишкомъ сухія, чтобъ онѣ могли быть приписаны художественному вымыслу, слишкомъ незначительныя, чтобъ онѣ могли быть сочинены при восстановленіи текста. Однимъ словомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ басенъ и ораторскаго изложенія ихъ, мы находимъ, отъ трибуната до пожара, тотъ-же порядокъ, того-же рода факты, слѣды одного и

¹⁾ Титъ Ливій, II, 19, 21.

²⁾ Титъ Ливій, II, 36. См. однако по этому поводу критическое изслѣдованіе о Коріоланѣ Момзена, доказавшаго позднее происхожденіе этого рассказа между прочимъ тѣмъ, что онъ могъ возникнуть лишь въ эпоху, когда греческій языкъ сталъ извѣстенъ въ Римѣ, такъ какъ въ этомъ рассказѣ повтореніе игръ — *instauratio ludorum* — мотивировано тѣмъ, что осужденный на казнь рабъ пронесъ по цирку свой крестъ — *stauros* по гречески. *Прим. ред.*

того же источника, какъ и въ подлинномъ разсказѣ о пуническихъ войнахъ. Что послѣ пожара возстановленіе *Анналовъ* было не вполне исполнено, что туда вкрались ошибки и ложь,—достаточно видно изъ отмѣченныхъ вами противорѣчій; и Цицеронъ доказываетъ это, говоря, что пришлось взять исходнымъ пунктомъ затменіе 404 г. для того, чтобы вычислить предшествовавшія. Но при всемъ этомъ остается непоколебимымъ, что Римъ сохранилъ лѣтописный сводъ, который, начиная съ трибуната, заслуживалъ довѣрія. Для періода царей вы признаете, что, кромѣ преданія, сохранилось въ цѣлости нѣсколько важныхъ законовъ и договоровъ; и никто не сомнѣвается, что со времени пожара до Фабія Пиктора *Анналы* правильно велись и сохранялись¹⁾. Затѣмъ, не говоря о монетахъ, изъ коихъ инныя относятся къ эпохѣ Сервія; о старинныхъ надписяхъ, которыя вы напрасно оспариваете, потому-что самъ Плиній видѣлъ нѣсколько надписей, относившихся во времени основанія республики²⁾,—въ книгахъ жрецовъ можно было прочесть формулы договоровъ, въ храмахъ—плебисциты и сенатусъ-консульты, въ *Фастахъ*—перечень должностныхъ лицъ (магистратовъ), а въ фамильныхъ архивахъ подробное изложеніе фактовъ. Много ли найдется народовъ, у которыхъ отъ первыхъ вѣковъ осталось-бы столько памятниковъ? Значить, Фабій Пикторъ

1) Плиній, *Естественная Исторія*, XXXV, 3.

2) См. по этому вопросу въ приложеніи замѣтку о понтификальныхъ *Анналахъ*. *Прим. ред.*

имѣлъ со времени пожара точныя и подробныя свѣдѣнія; онъ имѣлъ точныя-же свѣдѣнія, хотя не столь многочисленныя и съ нѣкоторыми ошибками, начиная съ трибуната; со времени царя Сервія главные факты достовѣрны, хотя съ примѣсью басень; наконецъ отъ возникновенія Рима до Тарквиніевъ—нѣсколько именъ и указаній на крупныя перевороты, скрывавшіеся за преданіями. Если-бы Титъ Ливій изучалъ не историковъ, а самыя памятники, исторія его была-бы настолько-же правдива и вѣрна, насколько она красно-рѣчива.

Мы вполне готовы признать, что историки эти плохо пользовались источниками. Когда они явились, Римъ сталъ уже проникаться греческимъ вліяніемъ; Фабій, Пизонъ, Цинцій не могли въ школѣ утонченныхъ и изящныхъ риторовъ научиться понимать поэзію и первобытную грубость древнихъ временъ, и консулары (бывшіе консулы), которые только что покинули свое мѣсто въ Сенатѣ или своего боеваго коня, не умѣли и не хотѣли углубляться въ мелочныя сомнѣнія критики. Серьезный, основательный Фабій привелъ хронологію альбанскихъ царей; онъ заимствовалъ у какого то неизвѣстнаго греческаго писателя исторію Энея, и съ неумѣстной точностью отнесъ къ 4-му мѣсяцу по основаніи Рима похищеніе сабинянокъ. Это похоже на критику монаховъ аббатства Сень-Дени, которые начинали свою лѣтопись съ исторіи Франка, сына Гектора, основателя французской націи. Разговоръ Ромула

съ пирующими, приведенный Пизономъ ¹⁾, достоинъ короля Дагоберта и Св. Элигія, его министра ²⁾. Ученый Цинцій рассказывалъ подвиги Эвандра, а Валерій Антій посвятилъ цѣлую книгу на разборъ ребяческихъ басенъ, относящихся къ эпохѣ еще болѣе древней, чѣмъ легенда о Нумѣ. Поэтому можно согласиться, что историки эти не распутали исторіи царей и не устранили лжи, которая примѣшивается къ истинѣ за древній періодъ, до пожара. Вы доказали, что основываясь на преданіяхъ, они изъ гордости скрывали пораженія Рима и выписали изъ фамильныхъ архивовъ не мало

1) Отрывокъ изъ Пизона, на который намекаетъ Тэнъ, сохранился у Авла Геллія во II кн., 14-й главѣ; вотъ онъ: „Тотъ-же самый Ромуль во время пирушки, на которую былъ приглашенъ, очень мало пилъ вина, потому-что ему предстояло на другой день рѣшеніе важнаго дѣла. Ему сказали: Ромуль, если бы всѣ поступали такъ, какъ ты, вино понизилось бы въ цѣнѣ.— Напротивъ, возразилъ Ромуль, оно поднялось бы въ цѣнѣ, если бы всякій пилъ, сколько ему хочется: а я именно пью, сколько мнѣ хочется“. *Прим. ред.*

2) Французскій король Дагобертъ (628—638) былъ самымъ могущественнымъ и популярнымъ изъ королей Меровингскаго дома. Онъ былъ великій воитель, усмирялъ бунтовщиковъ, писалъ законы, чинилъ правосудіе; появленіе его поражало „страхомъ епископовъ и вельможъ, а сердца бѣдныхъ наполняло радостью“. Онъ основалъ аббатство Св. Діонисія; поощрялъ художества и окружалъ себя такою роскошью, что былъ прозванъ *Соломономъ* франковъ. Самымъ близкимъ къ нему лицомъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и казначей его, Элигій, причисленный впоследствии къ лику святыхъ. Дагобертъ и его слуга, Св. Элигій, (St-Eloi) перешли въ народное преданіе и стали любимыми образами въ народномъ творчествѣ. Народъ представлялъ себѣ своего доб-

вымышленных побѣдъ. Но берегитесь сами, какъ-бы не измѣнить текстовъ, такъ хорошо извѣстныхъ вамъ; какъ-бы вамъ не перевести невѣрно Діонисія въ интересахъ своего мнѣнія; вы заставляете его называть Фабія не основательнымъ, когда Діонисій находитъ его лишь менѣе пространнымъ, чѣмъ онъ самъ. Ради открытія въ области критики подъ вашей рукою извращается податливая истина. Не забывайте, что вѣдь Цинцій былъ опытнымъ юристомъ, что Пизонъ написалъ нѣсколько сочиненій о жреческомъ правѣ, что всѣ они принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, что никто

раго короля Дагоберта вѣбалмошнымъ и добродушнымъ до смѣшного кутилой, а Св. Элигія — мудрымъ и плутоватымъ совѣтникомъ, всегда умѣющимъ ловко вывернуться изъ щекотливаго положенія, въ которое ставилъ его король. Вотъ два изъ многочисленныхъ куплетовъ народной пѣсни:

Le bon roi Dagobert
Voulait s'embarquer sur la mer;
Le grand saint Eloi:
Lui dit: „O mon roi!
Votre majesté
Se fera noyer.
— C'est vrai, lui dit le roi,
Ou pourra crier: Le roi boit“!

Le bon roi Dagobert,
Ayant bu, allait de travers;
Le grand saint Eloi
Lui dit: „O mon roi!
Votre majesté
Va tout de côté.
— Eh bien, lui dit le roi,
Quand t'es gris, marches tu plus droit“?

Прим. ред.

не сомнѣвается въ ихъ усердіи и искренности ¹⁾, что занимаемая ими почетныя должности и рожденіе давали имъ возможность справляться съ подлинными документами и съ анналами; что зрѣлище Форума и знакомство съ военнымъ дѣломъ помогало имъ понимать раздоры и междоусобія древней республики. Признайте, что если у Ливія и есть вымыселъ, то у него есть и исторія, и что при малой долѣ терпѣнія и большой осторожности можно отдѣлать исторію отъ вымысла.

„Такимъ образомъ можно отчасти спасти авторитетъ источниковъ. Что же касается событій, которыя вы подрываете, то ихъ можно предоста-вить вамъ вполнѣ. По правдѣ сказать, сохранившіеся анекдоты о царяхъ и сомнительныя подробности о ихъ походахъ нисколько не интересны; теперь историки обращаютъ свое вниманіе на болѣе важныя стороны. Существовали-ли вообще Ромуль и Нума, пусть это остается неизвѣстнымъ; но предполагаютъ, что Римъ первоначально представлялъ соединеніе двухъ народовъ — латинянъ и сабинянъ, и что съ самаго возникновенія своего онъ сталъ быстро разрастаться, потому-что служилъ мѣстомъ убѣжища.

Разукрашенные исторійки остальныхъ царей служатъ теперь лишь предметомъ разсказовъ для дѣтей; но мы готовы вмѣстѣ съ вами допустить, что при Тарквиніяхъ Римъ сдѣлался главнымъ городомъ могущественнаго государства, цивилизованнаго, способнаго воздвигнуть великіе памятники;

¹⁾ Lachmann, I ч.

отсюда предположеніе, что онъ былъ тогда завоеванъ этрусками. Мы думаемъ вмѣстѣ съ вами, что самоотверженіе Горація Коклеса и Сцеволы, если не совсѣмъ невѣроятно, то во всякомъ случаѣ вовсе не достовѣрно; что Римъ былъ взятъ Порсенной, что позднѣе онъ откупился у галловъ. Мы стараемся сократить побѣды, прибавленныя фамильнымъ тщеславіемъ въ войнахъ съ вольсками, галлами, самнитами, и далѣе подвигаемся впередъ съ возрастающей увѣренностью, слѣдя за естественнымъ развитіемъ въ Римѣ политической равноправности и за расширеніемъ территоріи, которое стоило столькихъ трудовъ. Но мы боимся, по вашему примѣру, вмѣстѣ съ ложью ниспровергнуть истину; мы не думаемъ, чтобы тамъ, гдѣ есть басни, все басни. Мы отстаиваемъ возможные и вѣроятные факты противъ заразы сомнѣнія; известно, что для отдаленныхъ въ прошломъ событій не можетъ быть геометрическихъ доказательствъ; что за невозможностью полной увѣренности историкъ часто приходится довольствоваться вѣроятностью и считать известное событіе истиннымъ, когда оно не нелѣпо, и когда тотъ, кто о немъ свидѣтельствуетъ имѣлъ возможность имѣть о немъ свѣдѣнія. Намъ думается, что въ критикѣ необходима нѣкоторая сдержанность и часто, желая все доказать, кончаешь тѣмъ, что ничего не узнаешь. Нельзя не одобрить вашего метода; изслѣдованія ваши очень полезны, а возраженія очень поучительны; но все-таки рассказъ Тита Ливія нельзя отвергать. Ваши сомнѣнія можно примѣнять для

того, чтобъ исправлять его, а не подкапывать довѣріе къ нему.

Послѣ васъ явится новый замѣчательный критикъ, столь-же не довѣрчивый, какъ вы, но менѣе скептический, потому-что онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой мыслитель и поэтъ; онъ еще разъ потрясетъ это громадное зданіе, но для того, чтобы его возстановить“.

Н и б у р ь .

§ 2. Нѣмецкій ученый XIX-го в. Исторія начинается эпопеей.—Вѣроятная исторія Рима.—Борьба сословій въ Римѣ есть борьба націй.—Открытія въ исторіи учреждений и законовъ.—Излишнія изысканія подробностей.—Воображеніе ясно-видца.—Въ исторіи частныя истины служатъ лишь для установленія истинъ общихъ.

Безъ большой натяжки можно Нибура найти уже въ Вико. Одни и тѣ же открытія дѣлаются по нѣскольку разъ; и то, что выдуманно только нынѣче,—вы, пожалуй, завтра отыщете у себя въ библіотекѣ. Вдобавокъ, какъ и всѣ новаторы, Нибуръ въ преслѣдованіи истины доходитъ до крайности, до заблужденія; преувеличеніе составляетъ какъ-бы законъ и несчастное свойство человѣческаго ума. Нужно перейти цѣль, чтобы достигнуть ея. Всякій писатель подвергается двойной неприятели: у него всегда есть предшественники, а также и критики, исправляющіе его.

Но великій нѣмецкій мыслитель приближается

къ Ливію своимъ возвышеннымъ краснорѣчіемъ и тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ онъ относится къ своему дѣлу. Римъ дважды удостоился того, что возбудилъ интересъ къ своей исторіи у творческихъ умовъ, равныхъ ему по величію. Надо послушать Нибура, когда онъ говоритъ о филологіи, „посредницѣ между человѣкомъ и вѣчностью“¹⁾, о своемъ тайномъ влеченіи „разгадать то, что давно погибло“²⁾. Въ его предисловіи есть религіозное одушевленіе, какъ и во введеніи у Ливія. „Нашъ вѣкъ говоритъ онъ, получилъ отъ провидѣнія прямое призваніе къ такому изслѣдованію—и Господь благословитъ этотъ трудъ“. Подобно Ливію онъ съ жаромъ говоритъ о высокомъ блаженствѣ, которое доставляетъ человѣку „духовное общеніе съ великими людьми минувшихъ временъ“³⁾. Конечно, сочувствіе его на сторонѣ плебеевъ, и какъ народъ по возвращеніи изъ Вей, такъ и онъ смѣло вторгается со своими научными построеніями въ священныя развалины патриціанскаго города. Но эта нестройная масса памятниковъ, имъ воздвигаемыхъ, и есть настоящій Римъ; подобно понтифексу, онъ обрѣлъ среди развалинъ авгурскій жезлъ Ромула.

Не принимайте его однако за простого разрушителя. Германія вообще болѣе склонна къ гиппо-

1) Нибуръ, предисловіе. Тѣмъ цитуетъ Нибура по французскому переводу его исторіи, изданнымъ Голбери въ 7 томахъ въ 1830 году. Въ нашемъ переводѣ сочиненіе Нибура цитруется по нѣмецкому оригиналу. *Прим. ред.*

2) Тамъ же.

3) Niebuhr III. (2-е изд. 1843 г.) стр. 409.

тезамъ, чѣмъ къ сомнѣніямъ, и Нибуръ разрушаетъ только для того, чтобы вновь воздвигнуть. Въ первую минуту, если вы только-что отложили Бофора и раскрыли Нибура, — какъ тяжело это чтеніе! Предположеніе на предположеніи, подробное обсужденіе разныхъ преданій, безконечныя измѣненія текстовъ и вставки; мельчайшіе факты усердно комментируются, подвергаются провѣркѣ, возстановляются; это нагроможденіе разсужденій, доказательствъ, предположеній — самая тернистая, самая тяжело-вѣсная и отталкивающая эрудиція; слогъ, затуманенный отвлеченными словами, запутанный длинными періодами, безъ ясныхъ подраздѣленій и замѣтнаго движенія; кажется, словно находишься на самомъ днѣ рудника, въ Гарцѣ, при тускломъ свѣтѣ закоптѣлой лампы, возлѣ рудокопа, который съ трудомъ ковыряетъ скалистую породу. Но если попривыкнуть къ тусклой атмосферѣ подземной мастерской, то скоро начинаешь любоваться, какія громадныя массы ворочаетъ эта могучая рука рудокопа и въ какую невѣдомую глубь онъ проникъ. Это уже не то, что у Бофора, — пустыя безплодныя размышленія о политикѣ Порсенны, который не возстановилъ Тарквинія, о просвѣщеніи Нумы, который учитъ свои народы вѣровать безтѣлесному богу, о глупости народа, который позволяетъ себя обмануть учрежденіями Сервія. Современникъ философскаго переворота, волнующаго умы со времени Канта, рожденный въ Германіи, въ этой родинѣ обновленной науки и поэзіи, чей гибкій и глубокий геній лучше всего воспроизводитъ забытый духъ минувшихъ временъ, —

Нибуръ ко всему этому еще юристъ, политикъ, финансистъ, географъ, археологъ, человекъ воображенія и науки; умъ столь-же практическій, сколько отвлеченный, но неумѣренный отъ избытка силы, способный на все, кромѣ ограниченія себя, жадный въ наукѣ до того, что принимаетъ иногда свои собственныя измышленія за самыя предметы и создаетъ воображаемый Римъ тамъ, гдѣ не можетъ возстановить его.

Первое его открытіе достойно поэта. Такъ какъ анналы едва восходятъ до трибуната, а подлинныя памятники — до Сервія, то исторія первыхъ царей не болѣе, какъ преданіе. А во всякомъ преданіи есть поэзія, потому-что дикари и народъ, за недостаткомъ отвлеченныхъ словъ, общають факты символами, изображаютъ, въ былинахъ перевороты государства, точно также, какъ они претворяють въ боговъ законы природы ¹⁾. Обратимся-же прежде всего не къ дѣйствительнымъ фактамъ, а къ поэтическому вымыслу, порожденному ими; сначала возстановимъ въ цѣлости преданія для того, чтобы извлечь событія, которыя въ нихъ скрываются; разгадаемъ народныя былины за текстомъ историковъ, черпавшихъ оттуда

1) Когда Тэнъ говорилъ, что Нибура можно отчасти найти уже въ Вико, онъ имѣлъ преимущественно въ виду глубокую мысль италіанскаго философа, что въ силу „естественнаго закона всѣ первобытныя народы мыслять посредствомъ поэтическихъ образовъ (caratteri poetici)“. Вслѣдствіе этого Вико предполагаетъ, что въ основаніи важнѣйшихъ преданій лежатъ „великія общественныя (историческія) истины“.

свои рассказы. Такимъ способомъ Нибуръ обозрѣваетъ первую эпоху Рима, отдѣляя поэзію отъ прозы, текущія въ одномъ ложѣ. Царствованіе Тулла Гостилія еще представляетъ собою варварскую поэму, но „основаніе рассказа уже вѣрное“¹⁾. Мало-по-малу подлинныя факты, хотя плохо истолкованные или искаженные въ преданіи, приходятъ во взаимную связь и, сплотившись, и образуютъ основу исторіи; затѣмъ, нужно, чтобы глубокой національный интересъ сильно потрясъ народное воображеніе и тогда въ немъ возникаетъ полная жизни поэзія, которая разукрашиваетъ роскошными красками эту безцвѣтную ткань. Такова трагическая повѣсть о Тарквиніяхъ, съ эпизодами самоотверженія Сцевола, Коклеса, Клеліи, гдѣ развязкою служитъ гомерическая битва при озерѣ Регильскомъ. Вожди вызываютъ другъ друга на поединокъ, какъ Аяксъ и Гекторъ; то римляне, то латиняне подаются по-очередно, смотря по тому, побѣждаютъ или уступаютъ ихъ герои. Въ первомъ ряду римскаго войска сражаются два юныхъ воина, исполинскаго роста, на бѣлыхъ коняхъ; это Діоскуры, которые внезапно являются въ Римъ, какъ только непріятель сталъ отступать; омываютъ свое оружіе въ источникъ Ютурны и возвѣщаютъ народу о побѣдѣ. Одинъ изъ этихъ божественныхъ коней оставилъ слѣдъ своего копыта на базальтѣ. — „Начиная съ возмущенія плебейской общины, мы имѣемъ дѣло съ настоящей исторіей, хотя во многихъ мѣстахъ она получила легендар-

¹⁾ Niebuhr, I, 259. (4-е изд. 1833 г.).

ный характер¹⁾“. Во времена Діонисія пѣснь о Коріоланѣ ходила еще въ народѣ. По обычаю былинныхъ героевъ, онъ въ одинъ годъ беретъ всѣ города, подвластные Риму, и располагается лагеремъ передъ этимъ городомъ.—Взятіе Вей стало предметомъ эпоса, какъ и взятіе Трои. Гаруспексъ предвѣщаетъ гибель Вей; Римляне, отвратившіе наводненіе альбанскаго озера, обращаютъ противъ Вей волю боговъ²⁾. Они проникаютъ съ помощью подкопа въ цитадель, вырываютъ изъ рукъ жреца жертву и посвящаютъ ее богамъ. Юнона, которую они вопрошаютъ, подаетъ имъ знакъ, что она согласна переселиться въ Римъ. Въ гальскія и самнитскія войны легенды о В. Корвѣ и Курціѣ доказываютъ, что исторія все еще находится въ области, близкой къ сказочному міру. По мѣрѣ приближенія къ пуническимъ войнамъ, точные факты обрисовываются въ возростающемъ освѣщеніи, и величавыя видѣнія расплываются и исчезаютъ въ сумрачной дали прошлаго, гдѣ они возникли.

Возсоздавши былины, Нибуръ пытается возстановить истину. По его мнѣнію, Римъ въ началѣ былъ покоренъ сабинянами, и двѣ или три общины, изъ которыхъ онъ состоялъ, долго еще ощущали это первоначальное разъединеніе. „Нѣтъ разумнаго основанія сомнѣваться въ существованіи личности царя Тулла Гостилія“³⁾. „Я считаю, гово-

¹⁾ Niebuhr, Römische Geschichte t. II, 1. (3-е Изд. 1836 г.).

²⁾ Т. е. волю боговъ, высказавшуюся въ прорицаніи, что римляне не возьмутъ города Вей, пока не спустятъ воду альбанскаго озера. См. Ливій, V, 15. *Прим. ред.*

³⁾ Niebuhr. I, 267.

ритъ онъ, паденіе города Альбы — исторически вѣрнымъ“¹⁾). При царѣ Анкѣ большое количество латинянъ, переселенныхъ въ Римъ, образовали классъ плебеевъ. Нибуръ признаетъ, что Тарквиній старшій построилъ городскую стѣну, обширные водостоки, осушившіе Велабрумъ и городскую площадь, и предполагаетъ, что около того-же времени этрусскій князь водворился въ Римѣ²⁾). Нибуръ полагаетъ, согласно съ свидѣтельствомъ Клавдія³⁾, что этрускъ, Целій Вибенна, пришелъ въ Римъ съ большимъ войскомъ, и что Сервій, одинъ изъ его подручниковъ, сдѣлавшись царемъ, даровалъ плебсу политическія права, учредивши центурии. „Можно допустить, что заговоръ патриціевъ противъ Сервія — исторически вѣренъ“⁴⁾). Тарквиній Гордый отнимаетъ у плебса эти права; онъ изгнанъ со всѣмъ своимъ родомъ. Но Римъ, покоренный Порсенной, теряетъ все, чѣмъ онъ владѣлъ на сѣверѣ отъ Тибра. Ослабленный, онъ влачитъ ничтожное существованіе и употребляетъ сто лѣтъ на завоеваніе Вей.

Кромѣ первыхъ предположеній Нибура, что - же въ этомъ фантастическаго? И едва-ли-бы сталъ Ливій негодовать за такое отношеніе къ его исторіи. Нибуръ только болѣе поэтъ, чѣмъ Ливій.

1) Niebuhr, I, 367.

2) Niebuhr, I, 378—397.

Въ ссылкахъ Тэна на Нибура на этихъ страницахъ много опечатокъ, исправленныхъ при переводѣ. *Прим. ред.*

3) Т. е. императоръ Клавдій, который, слѣдуя совѣту Ливія, занимался исторіей и древностями. *Прим. ред.*

4) Niebuhr, I, 386.

Признавая крупные факты, какъ они есть, онъ возвращаетъ исторіи древняго періода колоритъ первобытныхъ преданій. Что-же касается походовъ Ромула противъ Фиденъ, и Тарквинія противъ Габіи, я право не знаю, стоитъ-ли ихъ такъ горячо защищать. Впрочемъ великія открытія Нибура не въ этомъ заключаются.

„Исторія государственнаго устройства, говоритъ онъ, вотъ та цѣль, которую я имѣю въ виду“¹⁾. Племенная рознь объясняетъ внутреннюю исторію Рима; патриціи и плебеи—это два разныхъ племени въ одномъ городѣ. Патриціи первоначальные жители, законные хозяева города, раздѣленные на роды (*gentes*), члены которыхъ связаны между собою не такъ узами родства, какъ установленіемъ закона и общимъ культомъ. Они имѣютъ подъ своимъ началомъ чужестранныхъ кліентовъ, своего рода вассаловъ, которые носятъ ихъ имя и живутъ подъ покровительствомъ ихъ боговъ и ихъ оружія. Всѣ вмѣстѣ соединенные они образуютъ собраніе по куріямъ; соединенныя главы родовъ (*gentes*) образуютъ сенатъ. Рядомъ, какъ-бы подъ ними, живетъ особая нація, увеличившаяся еще тѣми кліентами, которые освободились отъ своихъ обязательствъ; она состояла изъ побѣжденныхъ иноземцевъ переселенныхъ въ Римъ, и не только изъ одного простонародья, въ нее входили также семьи благородныя и богатыя. Они имѣютъ право гражданства безъ права голоса и не могутъ заключать браковъ съ членами другой націи. Раздѣленные на трибы, они со

1) Niebuhr, II, 14.

времени Сервія имѣютъ своихъ трибуновъ и судей. Такимъ образомъ различіе племенное и общественное устанавливаетъ и поддерживаетъ неравенство классовъ; внѣшняя война продолжается въ домашней борьбѣ; побѣжденные, сдѣлавшись гражданами, поддерживаютъ побѣдителей и въ то же время ведутъ съ ними борьбу. Патриціи управляютъ городомъ, куда они приняли плебеевъ, и пользуются общественными землями, завоеванными руками плебеевъ; послѣдніе требуютъ правъ, чтобы выйти изъ рабства,—земли, чтобы выйти изъ нищеты; и они добиваются того и другаго, потому что они сами становятся органической частью націи.

Послѣ этого весь рассказъ Ливія дѣлается яснымъ. Оба народа, соединенные въ одно войско и одно собраніе ¹⁾, по уставамъ Сервія, долго еще остаются обособленными. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое особое собраніе, ²⁾ своихъ магистратовъ, свои интересы, свой особый характеръ; и неоднократное удаленіе плебеевъ изъ Рима было ничто иное, какъ разъединеніе двухъ племенъ, соединенныхъ внѣшнимъ образомъ, но не слившихся воедино. И замѣтьте, что сочетаніе двухъ народовъ составляетъ основаніе государственнаго устройства во всей древней Италиі. Со времени договора Сервія латинскій народъ былъ присоединенъ къ римскому народу точно такъ-же, какъ плебсъ къ патриціямъ; какъ прежде плебеи,—латиняне требуютъ равноправности, отдѣляются нѣсколько разъ отъ

1) Собраніе по центуріямъ, центуріатъ—комиціи.

2) Собраніе по куріямъ и собраніе по трибамъ.

господствующей націи, доставляютъ ей солдатъ и кончаютъ тѣмъ, что получаютъ одинаковыя съ нею права. Затѣмъ Италія, какъ Лаціумъ, подчиняется римскому главенству, нарушаетъ союзъ во время войны союзниковъ, какъ Лаціумъ въ самнитскую войну, какъ плебеи, когда удалились на Священную гору. Римскія колоніи также представляютъ подобіе Рима; колонисты изъ Рима образуютъ въ покоренномъ городѣ патриціатъ, а старинные жители — плебсъ. „Самъ Римъ — колонія альбанцевъ и сабинянъ, соединившихся на равныхъ правахъ, а Луцеры ¹⁾ принадлежатъ народу, вступившему въ союзъ съ ними не въ качествѣ равноправнаго, а скорѣе даже на положеніи подвластнаго. Нибуръ, наконецъ, находитъ, государственное устройство Рима и у его сосѣдей. Повсюду, въ древнемъ мірѣ, гражданскія общины, состоящія изъ плебса, т. е. изъ побѣжденныхъ, и изъ родовитой знати, т. е. побѣдителей, — подчиняютъ себѣ другія городскія общины. Спарта имѣла своихъ илотовъ и своихъ переіековъ. Спарта, Аѣины, Карѣагенъ и ихъ колоніи, одержимыя завоевательнымъ духомъ, какъ и Римъ, окружаютъ себя плебсомъ подчиненныхъ городовъ. Этотъ процессъ соединенія и подчиненія много разъ уже начинался вокругъ Средиземнаго моря. Римъ повторилъ его, упрочилъ и расширилъ его.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о трехъ первоначальныхъ римскихъ трибахъ — рамнахъ, тиціяхъ и луцерахъ, въ которыхъ Нибуръ видѣлъ различныя племена, слившіяся въ одинъ народъ.

Нибуръ неподражаемъ еще, когда онъ показываетъ постепенное зарожденіе всѣхъ магистратуръ: трибуны, установленные Сервіемъ, когда плебсъ организуется въ трибы, объявленные неприкосновенными, когда плебеи возвращаются со Священной горы, приобрѣтающіе съ каждымъ днемъ все большее могущество, потому-что плебсъ дѣлается націей, — становятся наконецъ настоящими вождями государства; диктаторы — латинскіе сановники, издавна существуютъ въ Ланувіумѣ и Тускулумѣ; преторы установлены уже при царяхъ; имъ поручена охрана города и право управлять дѣлами въ отсутствіе царя; цензоры, бывшіе сначала военными трибунами и простыми распорядителями общественнаго достоянія, изъ права записывать каждого гражданина въ его классъ, выводятъ свое право наблюдать за нравами. Нибуръ понимаетъ, что въ человѣческихъ учрежденіяхъ ничто не является внезапно; что, подобно ходу вещей въ физическомъ мірѣ, и учрежденія имѣютъ слабые зачатки; что всякая перемѣна, будучи постепенной и подготовленной, является не по случайному мановенію чьей-либо воли, но въ силу обстоятельствъ, и что поэтому нужно отыскать ея темное происхожденіе; что по этой-же причинѣ учрежденія никогда не остаются въ одномъ положеніи; что подъ однимъ и тѣмъ-же именемъ въ каждомъ вѣкѣ находимъ различныя власти; что учрежденія неизбежно и постоянно видоизмѣняются, потому-что самъ человѣкъ каждую минуту измѣняется; и исторія ничто иное, какъ повѣствованіе о движеніи и развитіи. Это проникновеніе

въ человѣческую природу, и это неисчерпаемое знаніе фактовъ выражаютъ собою у Нибура особенность гениальнаго историка новаго времени.

Просмотрите длинный рядъ разъясненій по вопросамъ о должникахъ (*пехі*)¹⁾, о финансахъ Рима, о народонаселеніи, о земляхъ и долгахъ, о муниципіяхъ и колоніяхъ, объ измѣненіяхъ легіона; будь то въ области политической экономіи, государственнаго или гражданскаго права, въ учрежденіяхъ финансовыхъ или военныхъ,—нѣтъ такого вопроса, такой подробности, на которые онъ не пролилъ бы свѣтъ. Правда читатель уже начинаетъ теряться среди множества предположеній. Нибуръ исправляетъ Ливія такъ, какъ будто онъ самъ имѣлъ передъ глазами большіе *Анналы*; угадываетъ на основаніи обгорѣвшей рукописи слѣды заговора *patres minores* противъ *patres majores*²⁾.

1) Такъ назывались въ древнемъ Римѣ должники, заключившіе съ займодавцемъ особаго рода сдѣлку (*per aes et libram*); въ силу которой они давали ему надъ собой право, въ случаѣ неуплаты, налагать на нихъ руку, безъ обращенія къ суду, и подвергнуть заключенію у себя въ домѣ. Обыкновеннымъ послѣдствіемъ такого ареста было поступленіе должника въ кабалу къ займодавцу.

2) Тѣмъ имѣетъ здѣсь въ виду замѣчательную конъектуру Нибура, относящуюся къ одному испорченному мѣсту Феста. Единственная сохранившаяся рукопись этого автора (такъ называемая *фарнезіанская*), обгорѣла на половину, такъ-что въ концѣ каждой изъ одиннадцати строкъ упомянутаго мѣста недостаетъ нѣсколько словъ. Въ уцѣлѣвшей половинѣ, не представляющей никакого смысла, упоминаются, на разныхъ строкахъ, слова:

„девять противниковъ“

„заговоръ“

Онъ вездѣ предаётся до крайности своей маніи къ предположеніямъ; этотъ несговорчивый филологъ-законовѣдъ вперяетъ свои взоры въ подлинныя тексты съ такимъ упорствомъ и такой силой воображенія, что, наконецъ, вычитываетъ въ нихъ то, чего тамъ уже нѣтъ, между тѣмъ какъ читатель, погруженный въ сомнѣнія и утопая въ нихъ, едва можетъ выбраться на берегъ, не будучи въ состояніи распознать, гдѣ-же онъ обрѣтается, въ сказочной области или въ исторіи; онъ едва успѣваетъ уловить нѣсколько крупныхъ истинъ среди всѣхъ вѣроятностей, проскользнувшихъ мимо его рукъ.

Нужно-ли входить въ безконечно мелкія подробности изслѣдованій Нибура о войнахъ Рима? — До-

„римск. народ. живые въ циркѣ“

„и погребены въ томъ мѣстѣ“ и т. д.

Дополнивши по догадкамъ недостающія на концѣ каждой изъ одиннадцати строкъ слова, Нибуръ возстановилъ такимъ образомъ одно изъ древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ Рима, такъ какъ оно касается, по его коньектурѣ, событія, случившагося въ самомъ началѣ республиканской эпохи и имѣетъ значеніе одновременнаго съ самымъ событіемъ источника. Вотъ это мѣсто, какъ его возстановилъ Нибуръ; дополненныя имъ слова напечатаны курсивомъ:

„Девять противниковъ консула *T. Сицинія* заключили заговоръ *противъ него*;

римск. народомъ живые въ циркѣ, *какъ говорятъ, сожжены,*
и погребены въ сторонѣ *близъ цирка*

на мѣстѣ гдѣ лежатъ *каменные плиты*. Имена ихъ слѣдующія...“

(затѣмъ перечисляются имена). Вѣроятно мѣсто, гдѣ ихъ предали сожженію, было выложено плитами, потому-что оно было посвящено душамъ покойниковъ и не должно было

статочно сказать, что онъ первый объясняетъ, какимъ образомъ союзъ, заключенный Сп. Кассіемъ съ латинянами и герниками, удвоилъ силы города и медленно вывелъ его изъ уничиженія, въ какое его повергла побѣда Порсенны; что онъ отнимаетъ у римлянъ и возвращаетъ вольскамъ многія побѣды; передѣлываетъ и отводитъ иное мѣсто исторіи Коріолана; показываетъ намъ Римъ истощеннымъ вторженіемъ галловъ, и обновленнымъ, благодаря новому порядку, введенному въ войскѣ Камилломъ¹⁾; что онъ слѣдитъ за всей самнитской войной и идетъ до конца первой пунической войны, оспаривая, исправляя, высказывая свои предположенія, въ душѣ расположенный къ плебеямъ и сторонникъ побѣжденныхъ; все это съ

быть оскверняемо проходящими. По мнѣнію Нибура, извѣстіе это было записано въ жреческія ритуальныя книги, откуда его почерпнулъ Веррій Флаккъ,— ученый археологъ котораго Августъ назначилъ наставникомъ своихъ внуковъ.— Весьма цѣнный для исторіи Рима археологическій словарь Веррія Флакка дошелъ до насъ только въ извлеченіи Феста. (II в. по Р. X.). Нибуръ самъ сравниваетъ свое возстановленіе неполнаго текста съ реставраціей античной статуи рукою скульптора, постигнувшаго ея смыслъ. Вѣрность реставраціи, говоритъ онъ, основана на цѣльности представленія у художника. Что-же касается до *patres majores* (старшіе) и *minores* (младшіе), то этими названіями обозначались древнѣйшіе патриціанскіе роды и позднѣйшіе, принятые изъ другихъ городовъ. Указаннымъ отрывкомъ изъ Феста Нибуръ воспользовался для того, чтобы на основаніи его возсоздать исторію внутренней борьбы между двумя слоями патриціанства, „слѣды которой, говоритъ Нибуръ, совсѣмъ исчезли въ исторіи“.

Прим. ред.

1) Niebuhr, I, 501.

критическими тонкостями и ухищреніями неподражаемыми, но вызывающими сожалѣніе. Конечно, такая работа еще могла бы быть произведена во время Ливія, хотя съ большимъ трудомъ и съ многими пробѣлами; но когда мы имѣемъ въ качествѣ источниковъ только писателей, отдаленныхъ отъ фактовъ болѣе, чѣмъ на семьсотъ лѣтъ; когда мы знаемъ, что они выписывали, и то не точно, изъ другихъ историковъ, которые были плохими критиками и сами списывали съ искаженныхъ памятниковъ,—не будетъ-ли съ нашей стороны безумнымъ желаніе разыскать малѣйшія подробности?—Въ этомъ заключается главный недостатокъ Нибура; и здравый смыслъ Ливія въ свою очередь обличаетъ опрометчивость того, кто взялся быть надъ нимъ судьей. Достаточно было распознать первобытныя быліны, разыскать основныя черты учрежденій Рима и установить главныя событія въ первыхъ завоеваніяхъ. Слѣдовало бы быть болѣе воздержаннымъ въ этой жадѣ *все* знать, и понять, что сомнительныя вѣроятности, поддерживаемыя шаткими гипотезами, не заслуживаютъ того, чтобы быть принятыми исторіей. Подъ вліяніемъ страсти и творческаго угадыванія можно сдѣлаться, наконецъ, ясновидящимъ. Изъ устъ-ли критика, или-же чело-вѣка во власти видѣній, исходятъ подобныя рѣчи: „Передъ изслѣдователемъ, который втеченіе многихъ лѣтъ предавался постоянно обновляемому и неуклонному созерцанію своего предмета, исторія безвѣстныхъ, искаженныхъ, исчезнувшихъ событій выступаетъ изъ тумана и мрака; она принимаетъ опредѣленную форму и живой образъ,

подобно тому, какъ едва уловимый для взора туманный призракъ русалки въ славянской сказкѣ воплощается въ земную дѣву въ силу страстнаго любовнаго созерцанія“¹⁾.

Откуда взялись эти „совсѣмъ германскіе города“, Луцерумъ, Ремурія, Квиріумъ, основанные только въ наше время? ²⁾ Къ чему разыскивать, какъ сложилось преданіе о Тарквиніѣ Старшемъ? или предполагать напримѣръ, что какой-то коринѣецъ поселился нѣкогда въ Тарквиніяхъ, что ему приписываютъ изобрѣтеніе письменъ и что, подобно тому, какъ привели въ связь съ Пифагоромъ Нуму, такъ его связали съ Тарквиніемъ? ³⁾ Зачѣмъ это толкованіе символическаго смысла годовъ парствования Нумы, этотъ точный перечень угасшихъ родовъ, придуманный для того, чтобы объяснить число центурій, прибавленныхъ Тарквиніемъ? „Все, что представляется правдоподобнымъ, говорите вы сами, можетъ ввести въ заблужденіе при мерцающемъ свѣтѣ этихъ сумерокъ“. Такъ оставьте-же эти смутные

1) Niebuhr, 2, 16.

2) Leclerc, Journaux chez les Romains, стр. 146. Доказывая, что Анналы жрецовъ, не смотря на свою краткость, могли однако служить пособіемъ для послѣдующихъ историковъ. Леклеркъ замѣчаетъ, что конечно они не представляютъ никакихъ данныхъ для призрачныхъ системъ и для фантастическихъ предположеній на подобіе напр. Нибуровской гипотезы объ отдѣльныхъ городахъ Луцерумъ, Ремурія и т. д., изъ слиянія которыхъ нѣкогда образовался древній Римъ. Приписывая иронически основаніе этихъ городовъ самому Нибуру, Леклеркъ называетъ ихъ чисто германскими.

Прим. ред.

3) Niebuhr, I, 393.

призраки; ихъ не можетъ болѣе коснуться рука живущихъ; они походятъ на тѣ неуловимыя тѣни, которыя Улиссъ видѣлъ въ подземномъ царствѣ Гадеса на влажныхъ лугахъ, поросшихъ асфоделомъ ¹⁾, и которыя расплывались въ воздухъ, какъ только кто пытался ихъ уловить. Что остается дѣлать читателю среди столькихъ предположеній и вѣроятностей? Здѣсь вы относите на два года назадъ взятіе такого-то города; вслѣдъ за этимъ угадываете, что тутъ было два перемирія; далѣе вы воображаете себѣ двукратную или даже троекратную ложь анналистовъ; К. Фабій, говорите вы, вовсе не возвратилъ назадъ добычи, захваченной эквами; Цинциннатъ не думалъ освободить Минуція; его назначили диктаторомъ лишь для того, чтобы напугать плебеевъ. Очень вѣроятно, что много латинскихъ городовъ попало въ руки вольсковъ ²⁾; возможно, что нѣкоторые изъ нихъ оградили себя договорами; можно допустить, что Тускулумъ, Ариція, Ланувіумъ стали по отношенію къ Риму въ положеніе подручныхъ городовъ. Но избавьте насъ отъ такого множества предположеній; лучше ничего не знать, чѣмъ ежеминутно спотыкаться на гипотезы и полуистины. Почва ускользаетъ у насъ подъ ногами, и мы тщетно протягиваемъ руки, чтобы ухватиться за какую-нибудь опору. „Если несчастный исходъ войны могъ побудить самнитянъ выдать Папія Брутула, какъ человѣка, вовлекшаго ихъ въ эту войну,

¹⁾ Растеніе изъ семейства лилійныхъ.

Прим. ред.

²⁾ Niebuhr, II, 122.

то можно думать, что политическая оппозиція противъ него (было-ли то дѣломъ партіи или тѣхъ самнитскихъ племенъ, къ которымъ онъ не принадлежалъ непосредственно), — была главной причиной того, что совѣтъ его, именно какъ исходящій отъ него, былъ отвергнутъ ¹⁾“. Это прекрасно, но вы разбираете еще и многое другое. „Рѣшеніе, принятое Понціемъ, было такъ чуждо духу государственныхъ мужей древности, даже самыхъ великодушныхъ, что едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что умъ его образовался подъ вліяніемъ греческихъ философскихъ ученій“ ²⁾. А немного далѣе, вы разыскиваете, много-ли было у самнитянъ серебряныхъ щитовъ, въ первый-ли разъ, и откуда они появились у нихъ. Неосторожно мѣнять глубокую критику въ духѣ Вико на ребяческія тонкости эрудиціи. Конечно, и другіе впадали въ подобныя ошибки, писали цѣлыя сочиненія о кольцахъ и обуви римлянъ. Но вашъ геніальный умъ достоинъ того, чтобы его всецѣло обратить на вопросы болѣе важные и опредѣленные. Титъ Ливій, котораго вы такъ сурово порицаете, могъ бы своей воздержанностью служить вамъ хорошимъ примѣромъ. „Если боги, говорите вы, должны были дать Пелопсу плечо изъ слоновой кости, это еще не значитъ, что они отказывались воскресить его. Наша работа очень похожа на работу естествоиспытателя, который отбрасываетъ въ сторону всѣ найденныя съ ископаемымъ остовомъ, но чуж-

1) Niebuhr, III, 213.

2) Niebuhr, III, 251 52.

дья, ему кости, легкомысленно къ нему прилаженныя, добавляетъ недостающее и на основаніи своего представленія о его строеніи воспроизводитъ въ главныхъ очертаніяхъ нѣкогда живой образъ“¹⁾). Правда, такой естествоиспытатель, какъ Кювье, воссоздаетъ остовъ животнаго, но онъ не тратитъ времени на то, чтобъ отгадать малѣйшія выпуклости на недостающей кости или цвѣтъ кожи, безслѣдно исчезнувшій; и мы не боги, чтобъ возвращать жизнь всѣмъ умершимъ.

Надо умѣть оцѣнивать себя соразмѣрно съ тѣмъ, чего мы стоимъ, и взвѣшивать, что въ нашихъ силахъ. Умъ нашъ слишкомъ ограниченъ, чтобы объять всѣ предметы; слишкомъ благороденъ, чтобъ унизиться до *всякаго* рода изслѣдованія. Въ изгладившейся исторіи нужно возстановлять лишь крупныя черты, потому что остальные нельзя и не стоитъ отыскивать. Не станемъ исправлять всѣ подробности у Тита Ливія, такъ какъ намъ недостаетъ тѣхъ пособій, которыя были у него подъ руками; постараемся только раскрыть въ его рассказѣ поэзію древности и истинный строй первоначальнаго государства сбавимъ кое-что съ патриціанскихъ доблестей и римскихъ побѣдъ; а во всемъ остальномъ послѣдуемъ его умѣренности и сдержанности; припомнимъ, что онъ предпочиталъ незнаніе догадкѣ, и что, если онъ сократилъ всего на десять книгъ, — и то допуская много сомнѣній — исторію первыхъ пятисотъ лѣтъ Рима, то онъ посвятилъ сто тридцать книгъ раз-

¹⁾ Niebuhr, III, 134.

вѣдѣнію достовѣрной исторіи за два послѣдніе вѣка. На столь далекомъ разстояніи мы можемъ разглядѣть въ древнихъ эпохахъ лишь крупныя массы и обширныя движенія. Частные факты исчезли; остаются лишь общіе факты, и критикъ долженъ сдѣлаться философомъ для того, чтобы остаться историкомъ.

ГЛАВА IV.

Ф и л о с о ф і я и с т о р і и.

Она разыскиваетъ законъ явленій и общій законъ частныхъ законовъ.—Связь явленій указываетъ на ихъ законъ.—Сила эпитета.—Поэзія есть своего рода философія.

Во всякой наукѣ, какъ и въ исторіи, познаніе отдѣльныхъ явленій ограничено. Занимая лишь ничтожное мѣсто въ пространствѣ и времени, человекъ находится въ серединѣ очень небольшого освѣщеннаго круга; за этимъ кругомъ полусвѣтъ, далѣе мракъ, который все болѣе сгущается; еще далѣе необъятная тьма, которая окружаетъ и какъ-бы тѣснить его со всѣхъ сторонъ. Только познаніе общихъ явленій поднимаетъ нашъ духъ. Этотъ уголокъ, въ которомъ мы обречены жить, доставляетъ намъ нужный на то матеріалъ, и одного паденія яблока было достаточно Ньютону, чтобы разгадать тотъ законъ тяготѣнія, который опредѣляетъ вращеніе свѣтилъ внѣ предѣла нашихъ инструментовъ и нашихъ гипотезъ. Слѣдовательно, историкъ въ тоже время долженъ быть и филосо-

фомъ; онъ собираетъ факты для того только, чтобы отыскать ихъ законъ.

Это разысканіе измѣняетъ характеръ историка въ силу новой страсти. Съ этой минуты, какое значеніе имѣетъ для него безконечный рядъ событій, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена?—Безплодное удовлетвореніе любопытства превращается теперь для него въ непріятное ощущеніе; онъ ежеминутно пытается остановить событія на пути, простирая руки во всѣ стороны, чтобы уловить невидимую цѣпь, ихъ связующую, и усмотрѣть, какъ повсюду необходимость властвуетъ надъ судьбами людей. Выходя изъ міра матеріи, такъ хорошо организованнаго, что онъ представляется намъ дѣйствующимъ разумомъ,—историкъ постигаетъ, что подобный же разумный строй есть и въ человѣческихъ дѣлахъ; что какая-то тайная власть управляетъ всѣми неожиданными явленіями, что міръ походитъ на поле битвы, гдѣ, среди кажущейся безурядицы и суматохи, все подчиняется волѣ одинаго вождя и направляется къ цѣли, намѣченной имъ заранѣе. Отыскать этотъ сокрытый планъ составляетъ для человѣка счастье и потребность, не потому только, что правильное устройство само по себѣ прекрасно, но потому, что явленіе, причина котораго намъ не ясна, остается смутнымъ, висящимъ въ воздухѣ; оно легко можетъ испариться при малѣйшемъ недоумѣніи, которое предстанетъ. Разыскать причину—то-же, что вновь приобрести доказательство, и такого рода объясненіе стоитъ любого свидѣтельства; нужно, чтобы вся исторія въ своемъ полномъ составѣ предъявила

требованіе на этотъ фактъ и завладѣла-бы имъ въ силу несомнѣнной необходимости для того, чтобы онъ сдѣлался достояніемъ истины. Наконецъ, историкъ знаетъ, что явленіе, оторванное отъ своего закона, не полно, что оно имѣетъ связь съ такими-то явленіями, и еще многими другими, которыя едва можно различить въ дали прошлаго или будущаго; что отнять у явленія его прецеденты или послѣдствія—значить отнять у него частицу его самого. Это все равно, что описать отдѣльные органы растенія, не сказавши, какимъ образомъ они поддерживаютъ и питаютъ другъ друга. Исторія представляетъ единый живой организмъ, который мы искалѣчимъ, какъ только нарушимъ правильное соотношеніе его частей. Представлять же факты по одиночкѣ, какъ они слѣдовали одинъ за другимъ во времени, не значить соблюдать это гармоническое, взаимное отношеніе. Память, которая такимъ образомъ развертываетъ ихъ передъ нами, въ этомъ случаѣ плохой судья, и ея вѣрность не есть истина. Только разумъ, истолкователь законовъ, постигаетъ естественный порядокъ фактовъ, устанавливаемый закономъ причинности; раскрывая общіе законы исторіи, разумъ расширяетъ, подтверждаетъ и завершаетъ дѣло, начатое критикой и эрудиціей.

Въ виду всего этого историкъ разыскиваетъ двухъ родовъ законы. Прежде всего,—каждая группа явленій имѣетъ свою причину. Почему самниты были побѣждены? Почему Римъ сокрушилъ Этрурію,—потомъ галловъ, потомъ Картагенъ, потомъ Македонію? Какимъ образомъ плебеи добились урав

ненія въ правахъ? Вслѣдствіе какой перемѣны власть перешла къ знати? Въ силу какой необходимости установилась имперія?—Чтобы объяснить каждый изъ этихъ переворотовъ и каждую изъ этихъ войнъ, нужно собрать и привести къ одной идеѣ всѣ факты, которые она обнимаетъ. Умъ уже на половину удовлетворенъ этой работой; знаніе его, сосредоточенное и значительно пополненное, складывается въ нѣсколько формулъ и заносится въ сокровищницу законовъ, которые резюмируютъ и организуютъ въ одно цѣлое всю совокупность явленій. Если политическій дѣятель, юристъ, полководецъ довольствуются такимъ изслѣдованіемъ—это вполне естественно, ибо они благодаря этому узнали все, что можетъ быть примѣнено къ ихъ дѣлу; но разумъ болѣе требователенъ; онъ проникаетъ глубже, разъясняетъ эти объясненія и сводитъ эти законы къ болѣе общимъ законамъ. Частныя причины предполагаютъ общія причины. Къ чему эти вѣчныя войны? И какъ на нихъ хватало римскаго народонаселенія? Что значитъ, что ни одинъ народъ не могъ устоять противъ Рима? Откуда эта необычайная способность къ дѣйствию, къ завоеванію, къ администраціи? Откуда этотъ строго-чинный культъ отвлеченныхъ божествъ, эта семья, вся построенная на юридическихъ началахъ, эта необыкновенная любовь къ отечеству, это уваженіе къ буквѣ и къ формулѣ, эта немощь въ искусствѣ и въ высшей философіи? Вслѣдствіе какихъ причинъ затѣмъ исчезаетъ народонаселеніе, старинная доблесть, воинскій духъ? Какъ объяснить, что все истощается и гибнетъ—вѣрованія, дарованія, народъ, нравы?—что все это

медленно и безвозвратно пропадаетъ, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ администраціи и свода законовъ подъ единовластіемъ государя?— Всѣ стороны римскаго характера и римской жизни находятся во взаимной связи, и передъ историкомъ, который сближаетъ ихъ, группируетъ, истолковываетъ, среди множества отдѣльныхъ законовъ, возникаетъ одна преобладающая идея, которая въ сжатой формѣ выражаетъ собою духъ народа и заключаетъ въ себѣ заранѣе его исторію, такъ точно, какъ одно математическое опредѣленіе уже содержитъ въ себѣ всѣ истины, которыя будутъ выведены изъ него. Тогда-то историкъ, достигнувшій своей цѣли, ощущаетъ полное наслажденіе наукой. Эта безчисленная масса фактовъ, разрозненныхъ и темныхъ, разсѣянныхъ на разстояніи двѣнадцати вѣковъ, отъ Африки до Британіи, отъ Лузитаніи до страны пареянъ, образуетъ теперь одно цѣлое, въ которомъ частные законы, распредѣляющіе факты по группамъ, сами группируются подъ общій законъ, съ высоты котораго можно различить ихъ стройный порядокъ и услѣдить за ихъ движеніемъ.

Нужно-ли изъ за этого вовсе отказаться отъ повѣствованія, и, вмѣсто него, составлять каталоги фактовъ, съ приложеніемъ къ нимъ въ концѣ геометрическихъ формулъ? — Сочиненіе можетъ быть написано съ философской мыслью, и все-таки не утратить живости изложенія. Для того, чтобы объяснить событія, достаточно расположить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ; а дать имъ должное мѣсто, — это значитъ указать на ихъ причину; и проводить въ событія философскую мысль

въ сущности ничто иное, какъ искусство писать. Соберемъ всѣ факты, которые являются слѣдствіемъ одной причины, или тѣ, которые клонятся къ одной цѣли. Постараемся сохранить и въ наукѣ то сходство, которое они представляютъ въ природѣ; сдѣлаемъ имъ ту оцѣнку, какой они заслуживаютъ. А что же они такое, какъ не обстоятельства, зависящія отъ великой общей причины и въ то же время предвѣстники важнаго слѣдствія? Такая-то побѣда плебеевъ, раздѣлъ консульской власти или обнародованіе Двѣнадцати Таблицъ, составляютъ лишь ступени въ медленномъ прогрессѣ равенства. Такой-то походъ противъ самнитовъ — не болѣе, какъ шагъ впередъ въ этой непрерывной шестидесятилѣтней битвѣ, которая подчинила Риму горцевъ южной Италіи. Вамъ нѣтъ болѣе надобности разсуждать, если вы изложили въ ихъ послѣдовательности факты одного порядка, которые приводятъ къ одному слѣдствію. Читатель самъ находитъ законъ, связующій ихъ въ одно цѣлое; приводя ихъ въ порядокъ, вы указали ихъ связь и оказались философомъ, не переставая быть историкомъ.

Другой способъ уловить законы заключается въ выборѣ между фактами. Какая вялость въ изложеніи, если рассказывать всѣ факты безъ разбора! Описавши въ какой-нибудь войнѣ двадцать сраженій и грабежей, къ чему еще продолжать однообразный рядъ стычекъ, всегда схожихъ между собой? Все излагать, значитъ рассказывать лишнее; не слѣдуетъ ни утруждать умъ, ни загромождать науку. Одни только лѣтописцы вѣчно повторяютъ о голодныхъ годахъ, о сраженіяхъ, о празднествахъ,

безъ устали принимаясь вновь за свое докучное перечисленіе. Историкъ-же стремительно направляется къ общей идеѣ, захватывая факты, доказывающіе ее, останавливаясь развѣ для того, чтобы разъяснить ее съ помощью характерныхъ подробностей и указать впереди цѣль своего странствія. Слѣдуя за нимъ, вы чувствуете, что вы подвигаетесь и при томъ идете вмѣстѣ съ нимъ впередъ; изложеніе становится интереснымъ, потому что факты хорошо подобраны, какъ передъ этимъ оно было оживлено, потому-что факты были приведены въ стройную связь; оно сжато, потому-что оно плодъ большого знанія, и занимательно, потому-что поучаетъ насъ. Да и много ли, наконецъ, нужно словъ, чтобы выразить законъ или указать причину?—Самыя важныя причины — характеръ климата и народа. Какаянибудь характеристика въ шесть строкъ, если она жива и вѣрна правдѣ, иногда даетъ намъ больше, чѣмъ цѣлый томъ разсужденій. Воображеніе имѣетъ то драгоцѣнное свойство, что одинъ мѣткій эпитетъ рисуетъ цѣлую страну или цѣлую націю. Значить-ли это вдаваться въ сухую теорію, если объяснить слѣдующимъ образомъ гибель Этруріи: „Среди религіозныхъ празднествъ и вѣчныхъ пиршествъ лукумоны (вельможи) этрусскіе сами сознавали свое паденіе и предсказывали скорый конецъ міра. Изъ-за циклопическихъ стѣнъ пелазгическихъ городовъ, они чуяли приближеніе опасности. Лигуры уже подвинулись до Арно; галлы съ рыжими усами и голубыми глазами, столь страшные для жителей юга, съ громкими криками переходили черезъ Аппенины, подобно стаямъ волковъ.

А между тѣмъ съ этого самаго юга тяжелые римскіе легіоны направлялись твердымъ шагомъ къ общей добычѣ варваровъ. По ихъ винѣ уже опустѣло мѣсто, которое занималъ большой городъ Вей въ національномъ сборищѣ при ежегодномъ празднествѣ въ Вульсиніяхъ. Пришлось покинуть священныя игры, роскошныя трапезы и пляски подъ нѣжные звуки лидійской флейты; пришлось снаряжать въ солдаты пахарей этрусской земли и подать руку помощи отважнымъ самнитамъ¹⁾.

Группировать факты съ помощью законовъ, дополняющихъ и подтверждающихъ ихъ, сводить частныя законы къ общимъ всемірнымъ законамъ, располагая изложеніе въ извѣстномъ порядкѣ или подбирая существенныя подробности, или же озаря теорію лучами воображенія, — таковы главныя черты историка-философа. Узнаемъ-ли мы Ливія въ этомъ изображеніи?

¹⁾ Michelet, Hist. romaine, T. I, p. 219.

ГЛАВА V.

Философія історіи у Тита Ливія.

Характеръ и слабости галловъ, самнитовъ, карфагенянъ, афинянъ, Филиппа, Антиоха.—Борьба плебеевъ съ патриціями.—Причины паденія римскаго народа.—Польза ораторской страсти и логики.

Нельзя-ли заранѣе представить себѣ въ общихъ чертахъ и на основаніи отвлеченной аргументаціи, какова будетъ философія історіи у Ливія?

Ораторскій духъ имѣетъ въ себѣ долю философскаго духа, также какъ и критическаго смысла; но самъ по себѣ онъ ни то, ни другое. Онъ раскрываетъ общія явленія точно также, какъ провѣрялъ частные факты, т. е. неполно. Принужденный влагать чувства и аргументы въ рѣчи своихъ дѣйствующихъ лицъ, онъ воскрешаетъ страсти и мысли, которыя вызваны событіями. Будучи моралистомъ,—ибо изъ всѣхъ отдѣловъ философіи ораторская форма всего болѣе свойственна этикѣ,—онъ съ любовью описываетъ древнія доблести, медленное измѣненіе нравовъ, глубокую испорченность,

проникшую въ душу всѣхъ людей, и такимъ образомъ наталкивается на главную идею, которая заключаетъ въ себѣ всю исторію Рима и направляетъ ее; онъ находитъ вѣрныя объясненія, благодаря тому, что сообщаетъ свѣдѣнія и сочиняетъ рѣчи. Но даръ краснорѣчія и любовь къ нему совсѣмъ не то, что любовь къ наукѣ. Занятый тѣмъ, чтобъ заставить говорить дѣйствующихъ лица и восхвалять доблестные поступки, онъ указываетъ на причины явленій лишь мимоходомъ, многія вовсе опускаетъ; не всегда вѣрно группируетъ факты, не умѣетъ сдѣлать между ними выборъ; то, что онъ пишетъ, походитъ не на исторію, а скорѣе на сборникъ матеріаловъ и образцовъ краснорѣчія. Ему даются тѣ общіе факты, которые можно найти, не ища ихъ.

Исторія Рима, съ внѣшней стороны, представляетъ покореніе міра и объясняется слабостью побѣжденныхъ и силой побѣдителей. Это противоположеніе отмѣчено у Ливія въ рѣчахъ чуть-ли не при каждой войнѣ.

Вотъ какъ объясняется устами Манлія причина пораженія галловъ: „Исполинскія тѣла, отпущенные рыжіе волосы, обширные щиты, предолгіе мечи; прибавьте къ этому, при началѣ битвы, пѣніе и вой, пляску и ужасающій шумъ доспѣховъ, когда, по древнему обычаю своихъ отцевъ, они особымъ образомъ ударяютъ въ щиты;—все у нихъ намѣренно рассчитано для внушенія страха. Но пусть они пугаютъ непривычныхъ къ тому грековъ, фригійцевъ и карійцевъ. Римлянамъ знакома вся гальская суматоха и извѣстна ея тщета. Только разъ при первой встрѣчѣ на Алліи, нѣкогда побѣждали титъ ливій—тѣна.

отъ нихъ наши предки; съ этого времени уже втеченіе двухсотъ лѣтъ, они избивали и гнали варваровъ, словно скотъ, поверженный на землю, и, пожалуй, надъ галлами справлено больше триумфовъ, чѣмъ надо всѣмъ остальнымъ міромъ. Извѣстно уже по опыту, что если выдержать первый натискъ, который они дѣлаютъ въ минуту слѣпото гнѣва и душевнаго пыла, то сила ихъ членовъ таетъ отъ пота и усталости, оружіе дрожить въ рукахъ; какъ только гнѣвъ улегся, ихъ дряблыя тѣла, разслабленныя души изнемогаютъ отъ солнца, пыли и жажды, если даже не пускать въ ходъ меча¹⁾. Далѣе живописное изображеніе Камилла дополняетъ разсужденіе Манлія: „Врагъ, говоритъ онъ, приближающійся нестройными полчищами—это племя, которому природа дала тѣла и души, не столь сильныя, сколько высокія. Поэтому въ сраженіе они несутъ съ собой болѣе ужаса, нежели силы. Доказательствомъ пусть служитъ пораженіе римлянъ: они взяли незащищенный городъ; въ крѣпости же Капитолія имъ сопротивляются съ небольшимъ отрядомъ; побѣжденные докучной осадой, они удаляются и вразсыпную блуждаютъ по полямъ. Отягощенныя пищей и виномъ, жадно проглоченными, они, какъ только приближается ночь, безъ укрѣпленія, безъ постовъ и карауловъ, словно дикіе звѣри, растягиваются, гдѣ придется, по берегамъ ручьевъ“²⁾.

Здѣсь мы видимъ, какъ причины фактовъ раскры-

1) Титъ Ливій XXXVIII, 17.

2) Титъ Ливій, V, 44.

ваются въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ; какъ наука превратилась въ краснорѣчіе, и какъ историкъ оказался философомъ вслѣдствіе того, что онъ ораторъ.

Съ этой стороны рѣчи у Ливія составляютъ самую поучительную часть его исторіи. Въ нихъ-то онъ разсуждаетъ и размышляетъ. Сужденія его полководцевъ содержатъ въ себѣ философскія теоріи историка; его наблюденія надъ духовной жизнью людей объясняютъ намъ событія. Римъ побѣдилъ самнитовъ потому, что пастухи гористой мѣстности, искусные въ устройствѣ засадъ, не знали дисциплины массивныхъ легионовъ, и потому, что не всякій человекъ — солдатъ. Трибунъ Децій удивляется, будучи самъ хорошимъ воиномъ, при видѣ рати, которая плохо знаетъ свое дѣло. „Что это за вялость и что за незнаніе войны! и какимъ образомъ такіе люди одержали побѣду надъ сидицинами и кампанцами?—Смотрите, какъ они двигаютъ знамена туда и сюда, то собирая ихъ въ одно мѣсто, то разнося въ разныя стороны, но за земляныя работы никто не принимается, хотя они могли бы уже окружить насъ валомъ“¹⁾. Отрядъ Деція, окруженный самнитами, отважно пробирается ночью сквозь непріятельскій лагерь, объятый сномъ, нагоняетъ войско консула, который возвращается назадъ и окончательно разбиваетъ самнитовъ разсѣянныхъ и большею частью безоружныхъ. И этотъ доблестный и стойкій народъ погибаетъ черезъ отсутствіе дисциплины. Они умѣли только, какъ разбойники, устраивать засады, облекаться въ

1) Титъ Ливій, VII, 34.

блестящее оружіе, какъ дикіе, и дѣлать обѣты, сопровождая ихъ кровавыми обрядами, какъ изувѣры. Римъ систематично опустошалъ ихъ страну, ежегодно избивая молодежь, которая становилась подъ оружіе, и сдерживая своими колоніями эти покоренныя пустоши.

Современные намъ писатели не мало разсуждали о пунійскихъ войнахъ. Но нѣсколько словъ Сципіона и Ганнибала заключаютъ уже въ себѣ всѣ эти разсужденія: „И къ Ганнибалу также пришли послы изъ Карѳагена, отзывая его въ Африку. Со скрежежомъ, вздыхая и едва удерживая слезы, выслушалъ онъ, какъ говорятъ, слова пословъ. Послѣ того, какъ порученіе было передано, онъ сказалъ: „Уже не намеками, а открыто зовутъ меня назадъ тѣ, что еще раньше выживали меня отсюда, запрещая посылать мнѣ рекрутовъ и деньги. Итакъ, побѣдилъ Ганнибала не римскій народъ, столько разъ разбитый и обращаеый въ бѣгство, а карѳагенскій сенатъ своимъ недоброжелательствомъ и завистью. И по поводу моего унижительнаго возвращенія будетъ надменно ликовать не столько П. Сципіонъ, сколько Ганнонъ, который сокрушилъ родъ мой гибелью Карѳагена, такъ какъ не могъ сдѣлать этого ничѣмъ другимъ. Уже предчувствуя все это въ душѣ, Ганнибалъ еще раньше приготовилъ корабли. Затѣмъ, распустивши бесполезную толпу солдатъ подъ видомъ гарнизоновъ по немногимъ городамъ области бруттиевъ, которые сдерживались въ повиновеніи болѣе страхомъ, чѣмъ вѣрностью, Ганнибалъ переправилъ все, что было сильнаго въ войскѣ въ Африку, безславно перебивши въ самой святынѣ многихъ

изъ италиковъ, такъ какъ они, отказываясь слѣдовать въ Африку, искали убѣжища въ храмѣ Юноны лакинійской, до этого дня еще ни разу не подвергавшемся оскверненію. Рѣдко, говорятъ, кто либо другой, покидая отечество вслѣдствіе изгнанія, уходилъ съ такой печалью, какъ Ганнибалъ, покидавшій землю враговъ. Не разъ оглядываясь назадъ на берега Италиі, укоряя людей и боговъ, проклиналъ онъ себя за то, что послѣ побѣды при Каннахъ не повелъ окровавленнаго войска на Римъ: консуль Сципіонъ—такъ сѣтовалъ Ганнибалъ—осмѣлился идти подъ Карѳагенъ, даже не взглянувши въ Италиі на пунійскаго врага; а онъ, разбившій сто тысячъ вооруженныхъ римлянъ при Тразименѣ и Каннахъ, одряхлѣлъ при Казилинѣ, Кумахъ и Нолѣ. Среди этихъ обвиненій и жалобъ онъ былъ увлеченъ изъ Италиі послѣ долгаго обладанія ею¹⁾.

Измѣните одно слово въ этихъ краснорѣчивыхъ проклинаніяхъ; скажите, что Ганнибалъ съ 26,000 войска не могъ послѣ Каннъ сдѣлать нападенія на вооруженный городъ, гдѣ мужество сохранилось во всей цѣлости, и который былъ отъ него на разстояніи восьмидесяти миль; что онъ долженъ былъ истощить свои усилія противъ оборонительнаго вала колоній, ограждавшихъ городъ;—и вы будете имѣть въ краткомъ видѣ исторію войны, которую въ другомъ мѣстѣ Ливій такъ заканчиваетъ:

„А какъ въ Африкѣ все непрочно и неустойчиво у карѳагенянъ, этихъ ненадежныхъ союзни-

1) Титъ Ливій, XXX, 20.

ковъ, тяжелыхъ и гордыхъ господъ! Мы-же, и будучи покинуты союзниками, держались своими силами, римскими солдатами: у Карфагена нѣтъ никакой военной силы изъ гражданъ; онъ имѣетъ солдатъ-наемниковъ, добытыхъ за плату, африканцевъ и нумидійцевъ, людей, крайне легко мѣняющихъ свое слово“¹⁾).

Самъ Монтескьё не сказалъ ничего лучше этого. Я не стану говорить про объясненія, заключающіяся въ самомъ разсказѣ и которыя не нуждаются въ комментаріяхъ историка, какъ на примѣръ черты твердости и великодушія, обнаруженныя Римомъ послѣ Каннъ; престаго изложенія фактовъ здѣсь достаточно, чтобы показать различіе въ силахъ противниковъ и исходъ борьбы; здѣсь восторгъ читателя стоить всякаго разсужденія. Не то важно, въ какой формѣ общая идея проникаетъ въ умъ, въ видѣ ли чувства или отвлеченной мысли; нужно только, чтобы разсѣянные факты сами сгруппировались около своей общей причины; нужно, чтобы умъ нашъ ощущалъ или видѣлъ ихъ взаимную связь; однимъ словомъ, чтобы онъ понималъ. Понимать явленія—это значитъ обнимать ихъ совокупность, постигши ихъ законъ. Если въ концѣ исторіи Ливія мы изумляемся доблестямъ Рима, его дисциплинѣ, его возрастающей предусмотрительности, то сама собою намъ станетъ ясна причина его успѣха.

Въ македонской войнѣ Филиппъ своими жестокостями склонилъ Грецію на сторону римлянъ. А какъ скоро послѣдніе вступили въ страну, народы

1) Титъ Ливій, XXVIII, 44.

Греціи, находившіеся до того въ нерѣшимости, частью добровольно, частью изъ страха, сдѣлались ихъ союзниками. „Въ собраніи этолійцевъ аѳиняне оплакивали разгромъ и жалости достойное опустошеніе ихъ земли. Они жалуются не на то, что отъ врага терпѣли враждебныя дѣйствія, ибо война имѣетъ извѣстныя права, которыя возможно какъ налагать на врага, такъ и терпѣть отъ него. Выжженные посѣвы, разрушенныя жилища, люди и скотъ, угнанные, какъ добыча, — все это скорѣе бѣдствія, чѣмъ насиліе для потерпѣвшаго. Нѣтъ, на то жалуются они, что тотъ, кто римлянъ зоветъ чужеземцами и варварами, въ такой степени осквернилъ заодно всякое человѣческое и божеское право, что въ первый погромъ онъ велъ нечестивую войну противъ боговъ подземныхъ, во второй — даже противъ всевышнихъ. Всѣ гробницы и памятники въ ихъ области разрушены, всѣ останки почившихъ обнажены, кости не прикрыты землей. У нихъ были храмы, которые ихъ предки нѣкогда освятили, еще живя общинами въ небольшихъ укрѣпленіяхъ и селахъ, и которые они не оставили въ небреженіи, даже когда соединились въ одинъ городъ. Всѣ эти храмы Филиппъ предалъ вражескому пламени; обгорѣвшія изуродованныя изображенія боговъ лежатъ между поваленными притолками храмовъ; а то, что онъ сдѣлалъ съ областью Аттики, нѣкогда изукрашенной и великолѣпной, то же, въ случаѣ возможности, сдѣлаетъ онъ съ Этоліей и всей Греціей. Ихъ городъ ¹⁾ также подвергся - бы

¹⁾ Въ переводѣ этой рѣчи у Тэна въ этомъ мѣстѣ по ошибкѣ

подобному обезображенію, если-бы римляне не подошли на помощь; ибо имъ грозило то самое святотатство, съ какимъ онъ устремился на боговъ, хранящихъ аѳинскій городъ, и на Минерву, покровительницу Акрополя; то-же самое, что потерпѣлъ храмъ элевзинской Цереры, потерпѣли храмы Зевса и Минервы въ Пиреѣ. Но силой оружія отброшенный не только отъ ихъ храмовъ, но даже и отъ городскихъ стѣнъ, онъ могъ свирѣпствовать только противъ святынь, которыя были охраняемы одною своею святостью. Итакъ, они просятъ и умоляютъ этолійцевъ, сжалившись надъ аѳинянами, начать войну противъ Филиппа подъ предводительствомъ безсмертныхъ боговъ и римлянъ, которые—всѣхъ сильнѣе послѣ боговъ“¹⁾.

Развѣ этотъ искусный ораторскій оборотъ, столь умѣстный въ устахъ аѳинянь, которые были столько-же риторамъ, какъ ораторамъ,—не довольно ясно даетъ понять, почему этолійцы вошли въ союзъ съ Римомъ? — Эта оживленная рѣчь лучше холодныхъ разсужденій во вкусѣ Полибія; въ такихъ именно патетическихъ выраженіяхъ, съ такимъ порывомъ страсти рѣшено было начать войну; и самая причина отложенія лучше всего объясняется въ рѣчи потому, что оно совершилось съ помощью рѣчи.—Далѣе, и Ахаія, старинная союзница Филиппа, принимаетъ сторону римлянъ. Рѣчь

названы Аѳины; послы аѳинскіе разумѣютъ здѣсь городъ Ѳермъ, гдѣ происходили Пан-этоліи, т. е. общее собраніе этолійцевъ.

Прим. ред.

1) Титъ Ливій, XXXI, 30.

Аристена показываетъ, какой оборотъ приняла эта война и какъ царь сражается уже не изъ за побѣды, а за свое спасеніе; какъ онъ все болѣе теряетъ союзниковъ потому, что потерялъ уже многихъ: „Зачѣмъ Филиппъ просить нашей помощи издали вмѣсто того, чтобы личнымъ присутвіемъ охранять насъ, своихъ старыхъ союзниковъ, сразу и отъ Набиса ¹⁾, и отъ римлянъ? Насъ — говорю я? Да развѣ однихъ насъ? А почему такимъ-же образомъ допустилъ онъ паденіе Эретріи и Кариста, гибель столькихъ городовъ Фессалии и разореніе Локриды и Фокиды? Почему такъ-же допускаетъ онъ теперь осаду Элатей? Почему вышелъ онъ изъ тѣснинъ Эпира и изъ тѣхъ неприступныхъ твердынь надъ рѣкой Аоемъ и, покинувши лѣсистыя горы, которыя занималъ, удалился въ глубину царства? — Пусть будетъ вымышлено, что аѳинскій посоль только что говорилъ о жестокости, алчности и сладострастіи царя: положимъ, что насъ вовсе не касаются преступленія, которыя были допущены въ области Аттики по отношенію къ богамъ всевышнимъ и подземнымъ; еще менѣе то, что перенесли кіанцы и абидосцы, живущіе далеко отъ насъ; забудемте и мы, если вы того хотите, наши собственныя раны, убійства и грабежи имущества, совершенныя въ Мессенѣ, внутри Пелопоннеса; забудемте Гаритена, гостя изъ Кипариссіи, убитаго вопреки всякому человѣческому и божескому праву чуть-ли не во время самой трапезы; забудемъ про Арата отца съ сыномъ изъ Сивіона, умерщвленныхъ, хотя Филиппъ называлъ

1) Набисъ—тиранъ лакедемонскій.

обыкновенно несчастнаго старца своимъ родителемъ и про жену сына, ради удовлетворенія сладострастія царемъ отправленную въ Македонію; пусть будетъ предано забвенію безчестіе всѣхъ остальныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Но, положимъ, что рѣчь идетъ не о царѣ Филиппѣ, передъ жестокостью котораго вы отъ страха онѣмѣли; представимъ себѣ, что мы имѣемъ дѣло съ самымъ кроткимъ и справедливымъ изъ царей, съ Антигономъ, которому мы столь многимъ обязаны; развѣ онъ сталъ бы требовать отъ насъ, чтобы мы сдѣлали то, чего мы не можемъ сдѣлать? Пелопоннесъ — полуостровъ, узкимъ перешейкомъ связанный съ материкомъ, всего болѣе доступный и удобный именно для морской войны. Если сотня крытыхъ судовъ, пятьдесятъ легкихъ некрытыхъ, да тридцать исскихъ барокъ станутъ опустошать морской берегъ и осаждаютъ города, лежащіе почти у самаго побережья, мы конечно, удалимся въ города въ глубь; какъ будто мы не сгораемъ отъ внутренней войны, угнѣздившейся въ самыхъ нѣдрахъ нашей страны! Когда на сушѣ будутъ угнетать насъ Набисъ и лакедемоняне, на морѣ — римскій флотъ, откуда умолять о союзѣ царя и охранѣ македонянъ?“¹⁾

И мы вмѣстѣ съ Аристенемъ приходимъ къ заключенію, что ахейцы должны покинуть Филиппа. Онъ предоставленъ теперь собственнымъ средствамъ и скоро будетъ побѣжденъ. Сынъ его продержится еще нѣкоторое время, благодаря враждебному чувству, которое внушаетъ всемогущій

1) Титъ Ливій, XXXII, 21.

Римъ и благодаря преградѣ горъ, прикрывающихъ Македонію; но какъ скоро оба войска столкнулись, описанія одного боеваго маневра достаточно, чтобы объяснить успѣхъ всей войны. Такимъ образомъ Ливію удастся указать причины событій, не нарушая своего повѣствованія и ораторской рѣчи.

„Второй легіонъ, ударивши въ середину, разстроилъ фалангу и очевидной причиной побѣды было то, что сразу во многихъ мѣстахъ завязались стычки; сначала это разстроило, а наконецъ разбросало ~~за~~ колебавшуюся фалангу, силы которой неудержимы, если она сплочена и щетинится устремленными на врага копьями. Но если нападаютъ на нее въ разныхъ мѣстахъ и ей приходится водить въ разные стороны копьемъ, мало подвижнымъ по длинѣ и тяжести, все сплетается въ нестройной массѣ. Если-же съ фланга или съ тыла раздастся среди сумятицы шумъ, солдаты замечутся, и фаланга распадается подобно развалившемуся зданію; такъ и здѣсь случилось; македоняне были принуждены, разорвавши строй во многихъ мѣстахъ, идти на встрѣчу римлянамъ, нападавшимъ отдѣльными отрядами; а вездѣ, гдѣ только образовались промежутки, римляне вводили свои ряды“¹⁾.

Въ иныхъ случаяхъ, для того, чтобы быть вѣрнымъ правдѣ, изложеніе должно быть краснорѣчиво, и иногда нужно убѣждать посредствомъ живыхъ образовъ и представленій. Такъ слѣдовало представить безсиліе Антіоха, столь неискускаго и легкомысленнаго, исполненнаго вѣры въ свое ро-

1) Титъ Ливій, XLIV, 41.

скошно снаряженное войско и хвастливыя выходки своихъ царедворцевъ.

„Вотъ что можно сказать, говорилъ Т. Квинкцій ахейцамъ, о войскахъ царя, которыя незадолго передъ этимъ такъ хвастались: родъ ихъ вооруженія разнообразенъ и много среди нихъ слышится именъ неслыханныхъ народовъ, — даги, мидяне, кадусіи, элимейцы; но всѣ они сирійцы и по рабскому духу гораздо болѣе походятъ на племя невольниковъ, чѣмъ на воиновъ. О, еслибы я могъ, ахейцы, изобразить передъ вашими глазами, какъ сновалъ великій царь изъ Деметріады то въ Ламію, на совѣтъ этолійцевъ, то въ Халкиду. Вы едва увидали бы въ его лагерьѣ подобіе двухъ далеко неполныхъ легиончиковъ. Вы увидали бы, какъ царь то по-нищенски выпрашиваетъ хлѣба у этолійцевъ, чтобы раздѣлить его солдатамъ, то ищетъ денегъ взаймы за большіе проценты для раздачи жалованья; нынче стоитъ у воротъ Халкиды, а вскорѣ, прогнанный оттуда, возвращается въ Этолію, повидавши всего только Авлиду да Эврипъ“¹⁾. А въ другомъ мѣстѣ Ацилій Глабрионъ прибавляетъ: „Этотъ царь, который, — не говоря уже объ остальной его жизни, — переправился изъ Азіи въ Европу, чтобы начать войну съ римскимъ народомъ, во все время зимовки не совершилъ ничего достойнѣе того, что по любви взялъ себѣ жену изъ простой семьи и рода темнаго даже между единоплеменниками, — и молодымъ супругомъ, откормленнымъ на брачномъ пиру, вышелъ на битву“²⁾.

1) Титъ Ливій, XXXV, 49.

2) Титъ Ливій, XXXVI, 17.

Нѣсколько ранѣе изъ рѣчей Ганнибала видно, какой сильный промахъ сдѣлалъ царь тѣмъ, что оттолкнулъ отъ себя Филиппа и не перенесъ войны въ Италію.

Война эта, какъ ведетъ ее Антиохъ, ничто иное, какъ медленное отступленіе. Онъ теряетъ, или самъ бросаетъ всѣ позиціи, на которыхъ могъ-бы остановить непріятеля. „Слѣдовало вамъ удержатъ за собой Лизимахію, говорилъ послу Антиоха Публий Сципіонъ, чтобы мы не вошли въ Херсонесъ; или оказать намъ сопротивленіе у Геллеспонта, чтобы помѣшать намъ переправиться въ Азію, если вы собирались просить у насъ мира, какъ у людей, еще озабоченныхъ исходомъ войны. Теперь-же, какъ скоро вы допустили переходъ нашъ въ Азію и приняли отъ насъ не только узду, но даже иго, то какіе еще переговоры на равныхъ правахъ вамъ вести, когда остается лишь покориться нашему владычеству?“¹⁾ — Дѣйствительно, сраженіе при Магнезій было настоящей бойней; гроза колесницъ, вооруженныхъ косами, и всадниковъ въ желѣзныхъ латахъ, только ускорила бѣгство. Все это пышное снаряженіе послужило лишь къ увеличенію добычи. „Тогда²⁾ открытъ былъ доступъ

1) Титъ Ливій, XXXVII, 36.

2) Это слова консула Ацилія Глабріона, сказанныя солдатамъ въ началѣ войны съ Антиохомъ, чтобы ободрить ихъ указаніемъ на предстоящую имъ добычу и славу. Тэнъ привелъ ихъ такъ, какъ будто-бы они были сказаны по окончаніи войны—для характеристики достигнутыхъ войною результатовъ—и потому нѣсколько измѣнилъ текстъ Ливія. Это отступленіе отъ подлинника дало Тэну возможность

римскому владычеству въ Азію и Сирію и во всѣ богатѣйшія царства до крайняго востока. А затѣмъ, не много уже оставалось сдѣлать римлянамъ для того, чтобы отъ Кадикса до Краснаго моря границей ихъ державы служилъ океанъ, который омываетъ земной кругъ и ставитъ ему предѣлъ, — и чтобы весь родъ людской послѣ боговъ всего болѣе чтилъ римское имя?“¹⁾

II. Внутренняя исторія Рима представляетъ прогрессивное развитіе средняго класса, который завоевываетъ себѣ права и получаетъ землю. Объ эти идеи мы находимъ выраженными въ рѣчахъ, но воспламененныя страстью, въ такомъ видѣ, какъ онѣ обсуждались среди шума публичной площади.

„Какой-то человекъ преклонныхъ лѣтъ бросился на форумъ со знаками всѣхъ своихъ бѣдствій. Платье его было грязно; изможденное тѣло было еще ужаснѣе отъ блѣдности и худобы: при этомъ запущенные волосы и борода придавали дикій видъ. Все-же, хотя онъ и былъ такъ обезображенъ, его узнавали; говорили, что онъ начальствовалъ центуріями и, сожалѣя о немъ, въ толпѣ передавали другіе военные подвиги его. Онъ-же показывалъ на груди рубцы отъ ранъ, свидѣтелей нѣсколькихъ

эффектно и художественно заключить изображеніе войны римлянъ съ сирійскимъ царствомъ. По этому поводу можно сказать, что Тэнъ прибѣгнулъ здѣсь къ одному изъ тѣхъ приемовъ, которые онъ оправдываетъ у Ливія, когда показываетъ, что римскій историкъ при обращеніи съ историческимъ матеріаломъ иногда жертвовалъ точностью ради потребностей ораторской и художественной формы. *Прим. ред.*

¹⁾ Титъ Ливій, XXXVI, 17.

славныхъ битвъ. Когда у него спрашивали, отчего онъ въ такомъ ужасномъ видѣ, и толпа разрослась кругомъ почти-что до народнаго сборища, онъ сказалъ, что, служа въ войскѣ во время войны съ сабинянами, онъ вошелъ въ долги, потому-что вслѣдствіе опустошенія полей, не только остался безъ урожая, но хижина его была сожжена, все разграблено, скоть угнанъ; налоги потребовали въ затруднительную для него минуту. Этотъ долгъ, выросшій благодаря огромнымъ процентамъ, лишилъ его сначала отцовскаго и дѣдовскаго поля, а затѣмъ и всего остальнаго имущества; наконецъ, словно сокрушительная болѣзнь, обрушился долгъ на его собственное тѣло. Кредиторъ увелъ его не въ кабалу, а скорѣе въ смиренный домъ, или застѣнокъ. Тутъ онъ показывалъ спину съ свѣжими слѣдами плети¹⁾.

Послѣ этого становятся понятны рѣзкія выходки народа: „Они роптали на то, что, сражаясь внѣ предѣловъ отечества за свободу и власть, въ самомъ отечествѣ они находятся какъ въ плѣну и угнетаемы согражданами; что плебеи свободой болѣе пользуются на войнѣ, чѣмъ въ мирѣ, болѣе среди враговъ, чѣмъ между согражданами. Пусть патриціи несутъ военную службу, пусть они берутся за оружіе: чтобы на тѣхъ падали опасности войны, кому достаются ея выгоды“.

Но нищета не такъ оскорбляетъ ихъ свободный духъ, какъ униженіе: „Квириты, говоритъ Канулей, до какой степени васъ презираютъ патриціи, сколь

¹⁾ Титъ Ливій, II, 23.

недостойными считаютъ жить съ вами въ одномъ городѣ, за тѣми же стѣнами,—это я и раньше не разъ уже, кажется, замѣчалъ, но всего яснѣе нынче, когда съ такой яростью они возстали противъ теперешнихъ нашихъ предложеній. Какъ, неужели если римскому народу дать свободное право вручать консульство, кому онъ хочетъ, и не отнимать надежды даже у плебея достигнуть высшей почести, когда онъ ея достоинъ,—то городъ этотъ уже не будетъ въ состояніи существовать? Неужели съ его господствомъ тогда уже покончено, и вопросъ, можно-ли быть плебею консуломъ, равносильнъ тому, какъ еслибы кто сказалъ, что консуломъ будетъ рабъ, или вольноотпущенникъ? Чувствуете ли вы, въ какомъ уничиженіи вы живете? Если-бы было возможно, они отняли-бы у васъ и вашу долю дневнаго свѣта; они негодуютъ на то, что вы дышите, что говорите, что имѣете человѣческій образъ. Неужели можетъ быть наказаніе болѣе сильное или болѣе чувствительное, чѣмъ то, что одну часть гражданъ, словно клейменную, считаютъ недостойной брачнаго союза съ другой? Вѣдь это то-же, что терпѣть изгнаніе, терпѣть ссылку, живя въ предѣлахъ тѣхъ же стѣнъ. Отчего-же тогда не предложить, чтобы не было брачныхъ союзовъ между богатыми и бѣдными? отчего не установить, чтобы плебей не былъ сосѣдомъ съ патриціемъ, чтобы не шелъ по тому-же пути, не участвовалъ въ томъ-же пиршествѣ, не останавливался на той-же площади?—И такъ, консулы, на эту войну,—вымышлена-ли она, или нѣтъ,—плебеи для васъ готовы, если,

давъ право брачныхъ союзовъ, вы сдѣлаете, наконецъ, это государство единымъ; если плебеямъ можно будетъ сростись, соединиться и смѣшаться съ вами путемъ частныхъ родственныхъ узъ; если усерднымъ и храбрымъ людямъ будетъ данъ доступъ къ почестямъ, дана надежда; если имъ будетъ дозволено быть сотоварищами, быть соучастниками въ управленіи государствомъ и, сообразно со справедливой свободой, благодаря ежегодному выбору властей, попеременно повиноваться и повелѣвать. Но если кто-либо воспрепятствуетъ этому, толкуйте о войнахъ въ рѣчахъ и умножайте ихъ молвой; никто не запишетъ своего имени, никто не возьметъ за оружіе, никто не будетъ сражаться за гордыхъ господъ, съ которыми у него нѣтъ общенія, ни въ дѣлахъ государства относительно почестей, ни въ частной жизни путемъ брачнаго союза“¹⁾).

Такимъ образомъ Ливій объясняетъ и возстаніе плебеевъ, отстаивая ихъ чувства, и ихъ успѣхъ, — показывая ихъ силу. Кончается тѣмъ, что они одерживаютъ побѣду, потому что они составляютъ войско и потому, что со времени Сервія они образуютъ организованное сословіе. Поневолѣ придется уступить имъ подъ угрозой, что Римъ удалится изъ Рима, какъ то не разъ повторялось при установленіи трибуновъ, послѣ убійства Виргиніи и по возвращеніи мятежниковъ изъ Капуи, во время диктаторства Гортензія. Тѣснимые вольсками, эквами и многими другими народами, патриции

1) Титъ Ливій, IV, 3.

были принуждены — для того, чтобы сохранить своихъ солдатъ, — сдѣлать ихъ собственниками и гражданами.

III. Отмѣтивши общія причины, соединяющія отдѣльныя событія въ группы, — Ливій не оставилъ безъ общей связи и эту громадную лѣтопись, обнимающую семьсотъ лѣтъ. Сущность его исторіи сводится къ тому, что нравы, сначала безукоризненные, со временемъ испортились; онъ говоритъ это въ первой своей книгѣ, когда совѣтуетъ читателю всмотрѣться внимательно въ древнюю доблесть римскую, прослѣдить за незамѣтнымъ пониженіемъ ея и затѣмъ наблюдать за ея паденіемъ, какъ она все больше и больше погружается въ пороки и крайній развратъ. На каждомъ шагу въ первыхъ книгахъ онъ останавливается, чтобъ похвалить или ярче освѣтить черты римскаго мужества, неподкупной честности, преданности; и онъ является здѣсь историкомъ въ силу того, что онъ моралистъ. Когда плебеи добились права быть военными трибунами, возмущенные и потерявшіе всякую надежду патриціи хотѣли сначала держаться въ сторонѣ отъ дѣлъ. „Но исходъ комицій показалъ, что одно настроеніе господствуетъ во время борьбы за свободу и почетъ, другое послѣ того, какъ борьба прекращена и сужденіе уже не омрачено страстью: ибо народъ всѣхъ (военныхъ) трибуновъ выбралъ изъ патриціевъ, довольный тѣмъ, что плебеи были уважены. Гдѣ можно найти теперь хоть у одного человѣка эту скромность, справедливость и это великодушіе, которыя тогда

были у всего народа въ совокупности“¹⁾. Но эти сѣтованія историка-моралиста заставляютъ его указать на слабость Рима въ то-же время, какъ и на его пороки.

Въ 346 г. (до Р. Х.) латиняне отказались доставить вспомогательные отряды, какъ они обязаны были по договору. Римъ пополнилъ недостатокъ войска отъ союзниковъ—войскомъ изъ гражданъ. „Повсемѣстно, не только среди городской молодежи, но и среди сельской было, говорятъ, набрано десять легионовъ, по четыре тысячи двѣсти пѣхотинцевъ и триста всадниковъ въ каждомъ; такое войско, коему подобное—если бы теперь вторглась къ намъ какая-нибудь чужеземная сила,—съ трудомъ составилось-бы изъ всѣхъ соединенныхъ силъ римскаго народа, которыя едва вмѣщаетъ земной кругъ. До такой степени мы возвеличились только тѣмъ, отъ чего страдаемъ, богатствомъ и роскошью“²⁾.

Таковы причины римскаго величія: сильная гражданская доблесть и огромное количество солдатъ. Вотъ почему Римъ приходитъ въ упадокъ, когда его нравы портятся и народонаселеніе уменьшается. Титъ Ливій отмѣтилъ моментъ и причины этой переменны. Она обнаружилась послѣ грабительства Манлія въ Азіи. „Дошла молва, что онъ испортилъ военную дисциплину необузданностью всякаго рода. Не одно то создавало ему худую славу, что, по рассказамъ, дѣлалось за глазами, далеко

1) Титъ Ливій, IV, 6.

2) Титъ Ливій, VII, 25.

въ провинціи, но еще болѣе то, что ежедневно можно было видѣть на его солдатахъ. Ибо начало чужеземной роскоши было внесено въ городъ азіатскимъ войскомъ. Оно первое привезло въ Римъ кровати, украшенныя бронзой, дорогіе ковры, завѣсы, рѣдкія ткани и то, что тогда считалось роскошной мебелью: столики - одноножки и подставки для вазъ. Тогда появились на пиршествахъ пѣвицы и арфистки, и пантомимы для увеселенія гостей. И самыя пиршества стали готовиться старательнѣе и съ большими издержками. Тогда поваръ, — у древнихъ самый послѣдній рабъ и по стоимости, и по значенію, — вошелъ въ цѣну; и то, что было рабскимъ услуженіемъ, стало считаться искусствомъ¹⁾.

Уже во время самнитской войны гарнизонъ Капуи, подобно гарнизону Регіума, составилъ заговоръ съ цѣлью умертвить жителей и утвердиться въ городѣ. Эти пахари-плебеи, равно какъ и патриціи, — не устояли противъ соблазна при завоеваніи народовъ сластолюбивыхъ и изнѣженныхъ, чьи удовольствія покоряли ихъ чувства, а понятія подчиняли ихъ умы. Точно также германцы, завладевше имперіей, мидяне, персы, арабы, — завоеватели богатой Азіи; монголы, властители ученаго и цивилизованнаго Китая, — всѣ они жадно набрасывались на предлагаемыя имъ наслажденія съ неудержимой стремительностью, потому - что умѣренность и вообще доблести варваровъ держатся

1) Титъ Ливій, XXXIV, 6.

не размышленіемъ и разсудкомъ, а привычкой и бѣдностью ¹⁾).

Мы видимъ у Ливія, какъ нынѣ разграблена провинція; завтра истреблены жители цѣлаго города, послѣ того, какъ онъ сдался на капитуляцію; солдаты не повинуются болѣе военачальникамъ; новая религія приноситъ въ видѣ обряда развратъ и убійство ²⁾). Паденіе это такъ быстро, что Римъ съ трудомъ успѣваетъ докончить свои послѣднія войны; скоро надъ нимъ одерживаютъ побѣды и Персей, и Нуманція; затѣмъ Карѳагенъ, Югурта и кимвры; и онъ каждый разъ для своей защиты принужденъ искать, среди рѣдкихъ хранителей старинныхъ обычаевъ, людей подобныхъ Павлу Эмилию, Сципіону, Марію, которые, съ помощью наказаній и принудительныхъ работъ, снова вызываютъ мужество солдатъ и возстановляютъ военную дисциплину. Между тѣмъ наборы совершаются все съ большимъ затрудненіемъ. Люди съ среднимъ состояніемъ совершенно разоряются или погибаютъ въ далекихъ войнахъ; скоро Марій будетъ вынужденъ забирать въ солдаты пролетаріевъ. Чувствуется причина этого истощенія, когда узнаешь изъ рѣчи стараго центуріона, каковы были опасности и жизнь солдата. „Квириты“ говоритъ онъ: „я Спурій Лигустинъ изъ крустумерійской трибы, родомъ — изъ области сабинянъ. Отецъ оставилъ мнѣ одинъ югеръ земли и хижину, гдѣ я

1) Duruy, Hist. romaine, t. II, ch. I.

2) Тѣмъ разумѣетъ культъ Вакха, такъ называемыя *вакханалии*, о которыхъ говоритъ Ливій, XXXIX, 8. *Прим. ред.*

родился и воспитанъ; тамъ я живу и теперь. Какъ только я вошелъ въ возрастъ, отецъ далъ мнѣ въ жены дочь своего брата, которая не принесла съ собой ничего, кромѣ свободы, непорочности и такого многочисленнаго потомства, что было бы довольно даже въ богатомъ домѣ. Шестъ сыновей у насъ, двѣ дочери, обѣ уже замужемъ. Четверо сыновей уже носятъ тогу взрослога мужа, двое — одѣты еще отроками. Я сдѣлался солдатомъ въ консульство П. Сульпиція и Г. Аврелія. Въ томъ войскѣ, которое было переправлено въ Македонію, я втеченіе двухъ лѣтъ служилъ рядовымъ солдатомъ противъ царя Филиппа; на третій годъ за храбрость Т. Квинкцій Фламининъ назначилъ меня центуріономъ десятаго манипула ¹⁾ перваго отряда. Когда, послѣ пораженія Филиппа и македонянъ, мы были отправлены въ Италію и распущены, я тотчасъ же добровольнымъ солдатомъ отправился въ Испанію съ консуломъ М. Порціемъ. Кто втеченіе долгой военной службы испыталъ и

1) Римскій легіонъ состоялъ въ это время изъ трехъ отрядовъ, различныхъ между собой по вооруженію и по мѣсту, занимаемому въ строѣ. Передній или первый строй былъ вооруженъ копьями, отсюда названіе *hastati*; второй отрядъ, или строй, назывался *principes*; третій отрядъ состоялъ изъ опытныхъ по службѣ и отборныхъ солдатъ — *triarii*. Въ каждомъ отрядѣ было 10 ротъ или манипуловъ, при которыхъ состояло по два офицера или — центуріона, старшій и младшій. Проходя офицерскую службу, центуріоны переходили отъ перваго строя ко второму и третьему, постепенно поднимаясь въ каждомъ отъ десятаго манипула къ первому. Впрочемъ при такомъ передвиженіи по 60 ступенямъ центуріоны обыкновенно повышались сразу на нѣ-

его, и другихъ вождей, тотъ знаетъ, что между всѣми полководцами, которые въ живыхъ, нѣтъ проницательнѣе наблюдателя и судьи для доблести. Этотъ полководецъ счелъ меня достойнымъ того, чтобы назначить старшимъ центуріономъ перваго манипула въ первомъ строю. Въ третій разъ я снова опредѣлился добровольнымъ солдатомъ въ то войско, которое было послано противъ этолійцевъ и царя Антіоха. М. Ацилій назначилъ меня старшимъ центуріономъ перваго манипула въ среднемъ строю ¹⁾. Когда царь Антіохъ былъ изгнанъ, а этолійцы покорены, мы были переправлены обратно въ Италію, и я два раза подрядъ исполнилъ ту службу, которую легионы выслуживали погодно. Затѣмъ я дважды опредѣлялся въ войско въ Испаніи подъ начальствомъ преторовъ; въ первый разъ—Кв. Фульвія Флакка, во второй — Тиб. Семпронія Гракха. Флаккъ увелъ меня вмѣстѣ съ остальными, которыхъ за храбрость захватилъ съ собой изъ провинціи для тріумфа;

сколько чиновъ. Лигустинъ не обозначилъ точно, какимъ центуріономъ онъ былъ назначенъ въ десятый манипулъ, младшимъ или старшимъ. Въ первомъ случаѣ, онъ былъ произведенъ Фламининомъ за храбрость изъ солдатъ въ первый, т. е. низшій офицерскій чинъ: во второмъ случаѣ это было чрезвычайное повышение, такъ какъ онъ былъ бы сразу произведенъ въ 31-й офицерскій чинъ. Первое вѣроятнѣе, такъ какъ иначе Лигустинъ не преминулъ бы прибавить слово *gr̄io*, какъ онъ это дѣлаетъ въ продолженіи рѣчи. См. Marquardt, *Röm. Staatsverf.* II, 359.

Прим. ред.

¹⁾ Т. е. онъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ во второмъ отрядѣ.

Прим. ред.

по призыву Тиб. Гракха я вернулся въ провинцію. Четыре раза въ короткое время я предводительствовалъ старшей центуріей триаріевъ¹⁾; тридцать четыре раза меня одаряли полководцы за храбрость, и я получилъ за отличіе шесть вѣнцовъ. Двадцать два похода я прослужилъ въ войскѣ, а лѣтъ мнѣ уже болѣе пятидесяти. Итакъ, если-бы даже я не выслужилъ всѣхъ обязательныхъ походовъ²⁾, и возрастъ еще не избавлялъ бы меня отъ службы, все-таки было бы справедливо отпустить меня, такъ какъ за себя одного я могъ бы дать вамъ, П. Лициній, четырехъ сыновей солдатъ. Но я желалъ бы, чтобы вы сказанное приняли только, какъ доводъ въ мою пользу; я же-самъ никогда не буду отговариваться, пока хоть кто-нибудь изъ набирающихъ войско будетъ считать меня годнымъ солдатомъ. Какого чина удостоятъ меня военные трибуны—это въ ихъ собственной власти: а чтобы никто не превзошелъ меня въ войскѣ храбростью, объ этомъ постараюсь я. Что я и всегда такъ поступалъ, тому свидѣтели и мои полководцы, и тѣ, что вмѣстѣ несли военную службу. И вамъ товарищи, хотя вы и прибѣгаете къ праву

1) Т. е. Лигустинъ занялъ высшее мѣсто между центурионами легіона. Этимъ кончалась карьера римлянъ, проходившихъ солдатскую службу въ пѣхотѣ. Они, сколько извѣстно, не назначались въ военные трибуны, т. е. командирами легіона, а выходили въ отставку, награждаемые деньгами или земельнымъ надѣломъ. *Прим. ред.*

2) Римляне подлежали военной службѣ въ возрастѣ отъ 17 до 46 лѣтъ и въ это время для пѣхотинца было обязательно совершить 16, самое большее 20 походовъ; кавалеристу же—10 походовъ. *Прим. ред.*

апелляціи, также подобаесть остаться въ повиновеніи у Сената и у консуловъ, такъ какъ вы въ юности никогда и ничего не дѣлали противъ авторитета властей и Сената, — и всякое мѣсто подобаесть считать почетнымъ, гдѣ вы будете въ состояніи защищать государство“¹⁾).

Много-ли нашлось-бы въ томъ войскѣ, которое отказывало Павлу Эмилию въ триумфальномъ торжествѣ, — много-ли нашлось-бы людей, способныхъ сказать такую простую и полную благородства рѣчь? Центуріона ставили солдатамъ въ примѣръ — слѣдовательно они въ томъ нуждались. А многимъ-ли удавалось уцѣлѣть послѣ столькихъ военныхъ кампаній? Многие-ли могли, подобно Лигустину, сохранить свое поле, будучи постоянно въ отсутствіи и притѣсняемые богатыми сосѣдями? Немного позднѣе Гракхи скажутъ, что дикіе звѣри, и тѣ имѣютъ свои берлоги, а покорители міра не имѣютъ ни крова, ни могилы. — Завоеванія уменьшили населеніе Рима и развратили его, и въ этой побѣдѣ погибли какъ люди, такъ и добрые нравы.

Одна основная идея, объясняющая всю исторію; второстепенныя идеи, выражающія суть продолжительныхъ войнъ и политическихъ переворотовъ, — вотъ что явилось у Ливія результатомъ этическихъ размышленій и ораторскихъ рѣчей. Чего-же недостаетъ его философіи исторіи? — ей недостаетъ философскаго духа. Онъ видѣлъ причины, но случайно и какъ бы мимоходомъ, направляясь въ иную сторону.

¹⁾ Титъ Ливій, XLII, 34.

§ 2. I. Хронологическій порядокъ не совпадаетъ съ порядкомъ идей.—Неясности у Ливія въ изложеніи хода войнъ и политики.—II. Многихъ законовъ недостаетъ.—III. Ненужныя подробности.—Крупные факты смѣшаны съ мелкими.—Ораторскій духъ не тоже, что философскій духъ.

Отсюда недостатки Ливія: онъ писалъ анналы, и вслѣдствіе этого расположилъ событія не такъ, какъ-бы слѣдовало. Если мы будемъ при чтеніи слѣдить за нимъ не такъ, какъ мы только-что дѣлали, отмѣчая идеи, отыскивая законы,—но въ качествѣ простыхъ слушателей, пристально вникая въ его мысли,—мы вынесемъ лишь какое-то неопредѣленное чувство, которое всплываетъ надъ безурядицей безчисленныхъ фактовъ. Удрученная такимъ множествомъ сраженій, декретовъ, распрей, мысль наша теряется и не знаетъ, къ какой цѣли она направляется и куда клонятся событія. Если Тацитъ группируетъ ихъ по годамъ, онъ имѣетъ на то право, потому что при первыхъ цезаряхъ переворотъ не чувствителенъ и факты разсѣяны; потому-что среди порабоженія и общественнаго застоя исторія можетъ легко превратиться въ живописаніе нравовъ и въ „записки противъ тирановъ“ Позволительно это и Цезарю, который пишетъ лишь памятные записки, и то объ одной войнѣ,—чистый матеріаль, предлагаемый въ пособіе историкамъ. Но Титъ Ливій, излагающій на протяженіи семисотъ лѣтъ событія и послѣдовательное развитіе государственнаго устройства и владычества Рима, долженъ былъ группировать факты, руководясь ихъ законами, а не хронологіей. Форма анналовъ го-

дится для описанія современныхъ событій, когда ихъ не завершившійся рядъ не даетъ еще возможности ясно усмотрѣть ихъ цѣль, ихъ теченіе и ихъ причины; хроника совершенно умѣстна, когда исторія еще преждевременна. Но когда пишешь послѣ Полибія, когда видишь, что міръ покоренъ, имперія установлена и нравы совершенно измѣнились; когда можно однимъ взглядомъ обнять это законмѣрное и непрерывное развитіе развращенности, порабощенія и могущества, — тогда слѣдуетъ излагать факты согласно съ ихъ внутренней связью и изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ камней воздвигнуть памятникъ. Но Ливій не воздвигъ этого памятника. Очеркъ плана, намѣченный въ его предисловіи, или скрывающійся въ какой-нибудь рѣчи, не есть цѣльное зданіе. Ливію не достаетъ той потребности разъясненій, которая довершаетъ качества историка и дѣлаетъ его мыслителемъ. Достаточно-ли въ какой-нибудь рѣчи вскользь бросить указаніе на причину явленія? — Достаточно, можетъ быть, когда, какъ у Эукидида, рѣчи представляютъ собой разсужденія, предназначенныя болѣе для читателя, чѣмъ для того, къ кому онѣ обращены, и могущія скорѣе осмыслить факты, чѣмъ внушить извѣстное убѣжденіе, и недостаточно, когда потокъ краснорѣчія превращаетъ теорію въ аргументы и затемняетъ заключающіеся въ немъ доводы страстями, которыя онъ вызываетъ. Не довольно-ли однако отмѣтить причину въ концѣ или началѣ извѣстной группы фактовъ, изъ нея вытекающихъ? — Нѣтъ, ибо невозможно исполнять одновременно двѣ роли, быть лѣтописцемъ въ

повѣствованіи и отвлеченнымъ мыслителемъ въ заключеніи или предисловіи. Нужно, чтобы основная причина, или главное слѣдствіе событій, въ каждомъ изъ нихъ были ясно видны; чтобы на каждомъ шагу наша мысль ощущала усиливающееся дѣйствіе причины, оставленной нами за собой, и возрастающую близость слѣдствія, котораго мы сейчасъ коснемся;—чтобы, въ описаніи, напримеръ, какой-нибудь войны, при всякомъ передвиженіи, въ каждой битвѣ, явно обнаруживалась сила и слабость обѣихъ сторонъ, успѣхи одной, неудачи другой; чтобы въ минуту рѣшающаго событія и окончательнаго разъясненія читатель могъ предвидѣть подготовленный исходъ и впередъ угадать неизбежное заключение. При такомъ расположеніи повѣствованіе представляетъ непрерывную ткань, въ которой первые факты влекутъ за собой и непременно обуславливаютъ послѣдніе, гдѣ логическая необходимость, а не случай, управляетъ ходомъ вещей, и гдѣ разумъ находитъ подобіе собственной гармоніи и красоты. У Ливія, наоборотъ, событія выходятъ изъ подъ пера одно за другимъ: сегодня война съ вольсками; въ слѣдующемъ году пораженіе сабинянъ; немного позднѣе взятіе или возстаніе Фиденъ. Безпрестанно при чтеніи у васъ является желаніе дѣлать выписки для того, чтобы собрать въ одно тѣ факты, которые имѣютъ между собою связь. Вамъ хочется сказать Ливію: къ чему эта война? Какіе успѣхи сдѣлалъ Римъ въ описываемое время? Ради Бога, пользуйтесь-же своимъ высокимъ разумомъ, а не одной только памятью и краснорѣчіемъ! Мы об-

ратились къ вамъ не для того, чтобы слушать рядъ приключеній. На то есть Фабій Пикторъ. Исполните, по крайней мѣрѣ то, чего требовалъ Семпроній Азелліо, одинъ изъ вашихъ первыхъ историковъ ¹⁾, у котораго такой грубый слогъ и такъ мало привычки къ разсужденіямъ: съ помощью общей идеи привести въ связь и осмыслить всѣ эти раздоры и экспедиціи, и тѣмъ облегчить намъ трудъ удержать въ памяти мелкія подробности; иначе читатель утомляется и откладываетъ книгу въ сторону; или же, при отсутствіи всякой системы, къ концу книги все забывается. Развѣ вы не замѣчаете, что сами притомились однообразіемъ этихъ безконечныхъ битвъ ²⁾. Хотя бы для чести Рима покажите мудрое предназначеніе его предпріятій и роковую силу его владычества“.

II. Да и между тѣми законами, которые оказываются недостаточными для группировки фактовъ, сколькихъ еще недостаетъ! Нельзя безнаказанно быть любителемъ краснорѣчія. Нужно повсюду упорно розыскивать причины, чтобы найти ихъ всѣ; а если ихъ искать безъ пламеннаго желанія, то многіе упустишь изъ виду. Не будемъ говорить объ исторіи царей, совершенно искаженной и баснословной, которая такъ сжато и поэтично изложена у Ливія. Но начиная съ трибуната, какой-же читатель разберетъ что-нибудь во всѣхъ этихъ

¹⁾ Современникъ Гракховъ. Его замѣчательное сужденіе о различіи между анналами и исторіей см. у Авла Геллія, V, 18. Прим. ред.

²⁾ Титъ Ливій, VI, 12.

передвиженіяхъ войскъ? Только съ величайшимъ трудомъ, имѣя передъ глазами географическія карты и дѣлая собственныя предположенія насчетъ намѣреній воюющихъ сторонъ, можно отыскать признаки успѣха и слѣды какого-нибудь плана; вѣдь надо быть Нибуромъ, чтобы распутать войны съ вольсками. Если держаться одного Ливія, то ничего не узнаешь, какъ и онъ самъ не зналъ ни о тактикѣ предводителей, ни о совѣщаніяхъ Сената. Возможно-ли услѣдить за военными дѣйствіями во время самнитскихъ войнъ? Что сказать объ экспедиціяхъ въ Испанію и Галлію?—Приходится шагать черезъ груды непріятелей совершенно слѣпо, подобно тому, какъ шелъ солдатъ, избившій ихъ. Попытался-ли Титъ Ливій, хотя бы въ одномъ мѣстѣ объяснить тактику Ганнибала, или движенія войскъ въ Македоніи или Азіи?—Если историкъ не знакомъ съ военнымъ искусствомъ, если онъ воздерживается произносить сужденія о планахъ кампаніи и указывать побѣжденнымъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ ихъ смерти, какъ они должны были дѣйствовать,—это вполнѣ извинительно. Но все-же онъ долженъ выяснитъ смыслъ главныхъ движеній; иначе пусть онъ сократитъ свой рассказъ и перестанетъ перечислять намъ факты, которыхъ самъ не понимаетъ. Когда берешься описывать всѣ занятія городовъ, всѣ походы, всѣ сраженія,—нужно ихъ понимать. А превращать въ игру случая расчеты ума,—это значитъ переиначивать событія. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, факты имѣютъ цѣну лишь по той мысли, которую они обнаруживаютъ, а опустить ихъ смыслъ,—зна-

чить лишить ихъ жизни. И могъ-ли знать ихъ смыслъ Титъ Ливій, который такъ мало заботится о географіи, и ни разу не описываетъ ни одной страны, куда его заводитъ война? ¹⁾ Онъ касался этого лишь случайно и развѣ для того, чтобы наполнить свои рѣчи: По той-же самой причинѣ онъ не выяснилъ политики Сената. Онъ приводитъ его рѣшенія, не указывая общихъ правилъ, которыми Сенатъ при этомъ руководился; онъ занесъ въ свою исторію основаніе колоній и условія договоровъ, не доискиваясь при этомъ ни побудительныхъ причинъ, ни ихъ послѣдствій. Да и какъ-бы онъ могъ это сдѣлать, будучи столь-же мало политикомъ, какъ и тактикомъ, столь-же мало вникая въ учрежденія государства, какъ и въ географическое положеніе страны? А тѣхъ перемѣнъ, которыхъ онъ не касается не объясняетъ онъ вовсе. Когда рѣчь идетъ о правѣ, о литературѣ, о наукѣ, о торговлѣ, о промышленности, о семейныхъ обычаяхъ и нравахъ, — мы не находимъ у него ни общихъ идей, или законовъ явленій, ни самыхъ фактовъ. Между тѣмъ всякое явленіе вноситъ свою долю вліянія на каждое отдѣльное событіе; каждое изъ нихъ связано съ другими множествомъ невидимыхъ нитей; чтобы постигнуть его, нужно видѣть дѣйствіе всѣхъ этихъ разсѣянныхъ причинъ, этихъ безчисленныхъ сотрудинокъ, которые неслышно дѣлаютъ свою работу и ткутъ безконечную основу исторіи. Дѣло въ томъ, что послѣ чтенія Тита Ливія остается еще изучить у него и въ другихъ сочиненіяхъ климатъ, почву, учрежденія, руково-

¹⁾ Исключая Британіи, судя по дополненіямъ. (См. прим. на стр. 7).

дѣящіе принципы разныхъ народовъ и многое другое; по его рѣчамъ мы узнаемъ лишь объ извѣстныхъ интересахъ и извѣстныхъ, въ то время господствовавшихъ страстяхъ, — но ничего болѣе, и поэтому мы получаемъ объ авторѣ такое мнѣніе, что онъ болѣе увлекателенъ, чѣмъ поучителенъ. Если онъ размышляетъ, то благодаря счастливой случайности, которая представилась оратору, когда ему нужно выставить какое-нибудь дѣйствующее лицо болѣе искуснымъ политикомъ и полководцемъ, чѣмъ онъ самъ. Есть одно вѣрное средство для историка обойти молчаніемъ причины: дожидаться, чтобъ на его пути встрѣтилось искусное въ краснорѣчіи лицо для изложенія ихъ.

III. Тотъ-же самый недостатокъ заставляетъ Ливія нагромождать ненужныя подробности и оставлять въ тѣни важныя факты. Событія должно не перечислять только, но и взвѣшивать; а удѣлять всѣмъ фактамъ одинаковое мѣсто — значитъ ступать болѣе крупныя. Какая-нибудь битва съ эквами или вольсками можетъ быть упущена безъ большого ущерба. Но союзъ, заключенный съ герниками и латинянами, поддерживающій ослабѣвшій Римъ противъ его сосѣдей, законы Двѣнадцати Таблицъ, установившіе гражданскую свободу, законъ Лицинія, который возстановилъ сословіе мелкихъ собственниковъ, правильное учрежденіе муниципій и колоній, которое дѣлаетъ Италію единственнымъ въ своемъ родѣ государствомъ, стройно организованнымъ и прочнымъ, — вотъ факты, которые нужно выставить на видномъ и ярко выдающемся мѣстѣ, откуда они могли-бы господствовать и освѣщать другіе. Событія образуютъ какъ-бы армію, гдѣ

каждое изъ нихъ занимаетъ не болѣе мѣста, какъ одинъ человекъ. Но нѣкоторыя изъ нихъ—во главѣ и ведутъ за собою другія; можно забыть нѣсколько солдатъ, лишь-бы только не потерять изъ виду предводителя. Титъ Ливій быстро минуетъ выдающіеся факты и останавливается охотно на тѣхъ, которые подаютъ поводъ къ краснорѣчію, считая себя при этомъ очень точнымъ историкомъ, потому что годъ за годъ отмѣчаетъ имена консуловъ, чуму, чудеса, всѣ походы, всѣ осады. Это не болѣе, какъ простой указатель и подробный перечень; ихъ можно было замѣнить нѣсколькими цифрами и однимъ обобщеніемъ, и мы узнали-бы ровно столько-же; пожалуй, даже болѣе, потому-что тогда легче было-бы отмѣтить наиболѣе важные факты; мы не были-бы вынуждены пробиваться сквозь докучную массу однообразныхъ подробностей, чтобы уловить то сраженіе или тотъ договоръ, которые опредѣлили исходъ войны. Для того, чтобы успѣшнѣе поучать, нужно умѣть лучше выбирать.

Таковы свойства, вытекающія изъ ораторскаго духа. Восхваляя доблести и сочиняя рѣчи, Титъ Ливій оставляетъ своимъ преемникамъ указаніе на нѣсколько законовъ, но онъ предоставляетъ имъ трудъ извлечь ихъ изъ рѣчей, добавить къ нимъ тѣ, которые онъ опустилъ, привести факты въ болѣе стройный порядокъ, вычеркнуть многіе изъ нихъ, придать должное значеніе наиболѣе значительнымъ изъ нихъ и превратить краснорѣчивое изложеніе фактовъ, плохо связанныхъ между собой, въ систему стройныхъ законовъ и осмысленныхъ событій.

ГЛАВА VI.

Философія римской исторіи у новыхъ писателей.

МАКІЯВЕЛЛИ.

Политическій писатель въ XVI в.—Сочиненіе его ничто иное, какъ собраніе практическихъ правилъ.—Хирургическій методъ въ политикѣ. — Истинные законы, встрѣчаемые случайно и благодаря точности мысли — Руководство для государственныхъ людей не есть еще философія исторіи.

Древніе не смотрѣли на исторію, какъ на совокупность законовъ. Только въ новое время за ней былъ признанъ подобающій ей смыслъ и указана настоящая ея цѣль; я говорю о новѣйшихъ писателяхъ; а Макіавелли не умѣетъ и не хочетъ еще извлечь изъ нея ничего иного, кромѣ правилъ для управленія государствомъ. Занимавшій сначала должность государственнаго секретаря во Флоренціи, пять разъ назначаемый посланникомъ, затѣмъ, устраненный отъ общественной дѣятельности, онъ написалъ сочиненіе о политикѣ, какъ онъ самъ ее

практиковалъ; онъ наблюдалъ прошедшее съ тѣмъ, чтобы лучше воспользоваться настоящимъ и сдѣлалъ изъ исторіи трактатъ объ искусствѣ обращаться съ людьми; трактатъ замѣчательный, гдѣ общія идеи составляютъ выводы изъ частныхъ наблюденій; плодъ разсудка, руководимаго опытностью, чисто практическаго свойства и какъ-будто нарочно составленный для того, чтобы его читать накануне всякаго важнаго предпріятія. Впрочемъ никто не былъ болѣе способенъ понимать древнихъ, какъ Макіавелли. Странная пора—этотъ XVI-й вѣкъ! „Эта обновленная древность“, почти такая-же языческая, какъ и настоящая древность,—отличалась и такой-же дѣятельностью, героической волей, чувственностью и силой! Развѣ это христіанинъ написалъ слѣдующія строки: „Наша религія поощряетъ скорѣе смиренныя и созерцательныя добродѣтели, нежели дѣятельныя. Она полагаетъ высшее блаженство въ смиреніи, уничиженіи, въ презреніи земныхъ благъ; а прежняя религія, наоборотъ, видѣла высшее добро въ величіи души, силѣ тѣлесной и во всѣхъ качествахъ, которыя дѣлаютъ человека могущественнымъ. Если наша религія требуетъ нѣкоторой душевной силы, то развѣ той, которая заставляетъ насъ смиренно переносить бѣдствія, а не той, которая направляетъ человека на великія дѣянія. Злодѣи увидѣли, что они смѣло могутъ угнетать людей, которые, ради того, чтобы попасть въ рай, готовы скорѣе переносить обиду, чѣмъ мстить за нее“¹⁾. Далѣе, онъ совершенно

¹⁾ Макіавелли. Разсужденіе о Титѣ Ливіѣ. Кн. II, глава 2.

забываетъ, какого культа онъ придерживается. „Боги, говоритъ онъ, не сочли законы Ромула пригодными, чтобы осуществить великія задачи, возложенныя ими на Римъ. Они внушили римскому Сенату дать ему въ наслѣдники Нуму“¹⁾. Онъ думаетъ, согласно съ ученіемъ древнихъ, что судьбы человѣческія необходимо вращаются, до безконечности и безъ прогресса, въ ограниченномъ циклѣ неизмѣнныхъ переворотовъ: монархія, аристократія, демократія, тиранія²⁾. Но онъ любитъ демократическое государство, какъ истый римлянинъ. „Опытъ доказываетъ, говоритъ онъ, что народы никогда не увеличивали своего могущества и богатствъ иначе, какъ только при свободномъ образѣ правленія, потому-что республиканское правленіе стремится къ общей пользѣ, а государь преслѣдуетъ собственный частный интересъ“³⁾. Въ его слогѣ мы находимъ силу, глубину, простоту и суровое мужественное краснорѣчіе, достойное древняго философа.

По замыслу цѣли и композиціи, Разсужденіе Макіавелли очень походитъ на Политику Аристотеля. Онъ поясняетъ безъ опредѣленной системы различныя политическія принципы исторія Рима служитъ ему лишь для примѣра. Не заботясь о связи фактовъ, о времени, мѣстѣ или причинахъ, онъ переходитъ отъ Манлія Капитолина къ Ромулу⁴⁾, потомъ къ Тиберію и Калигулѣ, сравнивая

1) Макіав. Рѣчь о Т. Л., кн. I, гл. 11.

2) Тамъ-же, кн. I, гл. 2.

3) Тамъ-же, гл. I, кв. 58.

4) Мак. Разсужд., кн. I, глава 9.

съ Римомъ Венецію, Спарту и Флоренцію, вводя въ свой разсказъ іудейскихъ царей и константинопольскихъ султановъ, потому-что его цѣль—доказать извѣстный принципъ, а не объяснить исторію. Онъ самъ объявляетъ намъ въ своемъ предисловіи: „Что такое медицина, какъ не опытъ древнихъ врачей, принятый за руководство ихъ послѣдователями? А между тѣмъ, для того, чтобы основать республику, поддержать государство, управлять царствомъ, организовать армію, вести войну, справлять правосудіе, увеличить державу,—для всего этого не найдется ни одного государя, ни одной республики, ни полководца, ни гражданина, которые обратились-бы за примѣрами къ древности ¹⁾. Разсужденіе Макіавелли о Титѣ Ливіѣ содержитъ въ себѣ теорію республиканскаго правленія, какъ сочиненіе его о „Государѣ“ заключаетъ въ себѣ теорію деспотическаго правленія; и если въ нихъ иногда встрѣчаются широкіе взгляды на учрежденія Рима, то случайно и мимоходомъ.

Въ отношеніи нравственности Макіавелли далеко не такъ благороденъ, какъ Ливій, и главное его положеніе состоитъ въ томъ, что всѣ люди по природѣ недобры и склонны творить зло ²⁾.—взглядъ, весьма естественный въ современникѣ Цезаря Борджіи, Фердинанда Католическаго, Людовика Моро; но онъ любитъ Италію, какъ Ливій любилъ Римъ; и если его политическое ученіе представляется намъ безнравственнымъ,—это потому, что

¹⁾ Мак. Разсужд. о Титѣ Ливіѣ, кн. I, гл. 54.

²⁾ Мак. Разсужд., кн. I, гл. 3.

онъ разсуждаетъ, какъ медикъ, внимательно всматриваясь, какое средство требуется при извѣстномъ опасномъ состояніи, когда, и до какой степени жестокія операціи необходимы, — совершенно отрѣшившись отъ понятій справедливости и несправедливости. Передъ вами ученый, который дѣлитъ заговоры на нѣсколько родовъ ¹⁾, различаетъ три разряда личностей, которыя могутъ предпринимать ихъ; три момента, представляемые каждымъ изъ нихъ; два средства, съ помощью которыхъ можно открыть заговоры; четыре рода опасности, сопровождающія ихъ исполненіе; онъ указываетъ далѣе, какія могутъ быть при этомъ разновидности и поясняетъ фактами каждое положеніе своей теоріи. „Нельзя было, говоритъ онъ, привести другой примѣръ, который могъ-бы лучше служить въ пользу заговорщиковъ и тѣхъ, противъ кого замышляется заговоръ“. Это мысль человѣка, который любитъ свое искусство и радуется, что нашелъ поучительный случай. „Если я имѣю намѣреніе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, начать войну съ какимъ-нибудь государемъ, я лучше нападу прежде на его врага, чѣмъ на него самого; потомъ...“ ²⁾. Такъ говоритъ наставникъ, когда онъ становится на мѣсто своего ученика и самъ разрѣшаетъ задачу для того, чтобы яснѣе демонстрировать ее. Таково слѣдствіе долгаго жизненнаго опыта и знанія людей и обстоятельствъ. Является склонность смотрѣть на нихъ, какъ на орудія, и политика пре-

1) Мак. Разсужд. о Титѣ Ливіѣ, кн. II, гл. 6.

2) Мак. Разсужд. о Титѣ Ливіѣ, кн. II, гл. 9.

вращается въ какую-то моральную механику. „Народъ впалъ въ ошибку, говоритъ Макіявелли, — когда потребовалъ выдачи децемвировъ для сожженія ихъ заживо; надо было требовать ихъ выдачи, не говоря зачѣмъ“. Это не пренебреженіе, а забвеніе справедливости, и авторъ вовсе не какой-нибудь злодѣй, а только резонеръ. Сказавши, что вновь водворившійся государь долженъ все обновить, онъ прибавляетъ: Такія средства жестоки и разрушительны не только для христіанства, но и для человѣчества. Всякій человѣкъ долженъ ненавидѣть ихъ, и предпочитать частную жизнь величію властелина, если оно достигается жертвой столькихъ людей. Однако тотъ, кто отказывается отъ благого пути и хочетъ сохранить владычество, долженъ принять на себя бремя всѣхъ этихъ преступленій. Но большею частью люди избираютъ средній путь, который еще зловреднѣе, потому-что они не умѣютъ быть ни вполнѣ добрыми, ни вполнѣ злыми“¹⁾. Благодаря этой точности мысли, Макіявелли, не думая быть историкомъ, понялъ исторію Рима.

„Римскій народъ, говоритъ онъ, завоевалъ міръ, скорѣе благодаря своимъ доблестямъ, чѣмъ счастіемъ“²⁾ И онъ приводитъ на то двѣ причины: одна изъ нихъ — благоразуміе римлянъ, ихъ мужество, ихъ любовь къ свободѣ. Римскіе магистраты всѣ были замѣчательные люди³⁾. „Всякая благо-

1) Мак. Разсужд. о Титѣ Ливіѣ, кн. I, гл. 26.

2) Мак., Разсужд. о Титѣ Ливіѣ, кн. II, гл. 1.

3) Тоже, кн. I, гл. 20.

устроенная республика должна порождать такое непрерывное преемство, потому что среди опасностей магистратуръ достигаютъ самые достойные“ ¹⁾. Войско римское, состоявшее изъ гражданъ, почти все пѣхотное, строившееся въ три линіи, которыя поддерживали одна другую,—было лучшее во всей древности ²⁾. Полководцы, вполне самостоятельные въ военныхъ дѣйствіяхъ, не опасаясь казни въ случаѣ пораженія, — какъ то было въ Кароагенѣ, — могли и дерзали дѣйствовать во-время ³⁾. Сенатъ, который ускорялъ войну и берегъ про запасъ добычу, всегда имѣлъ войско и деньги для новыхъ завоеваній, а колоніи служили охраной прежнихъ; неговорчивый, неумолимый по принципу, онъ внушалъ народамъ такое убѣжденіе, что для того, чтобы побѣдить Римъ, нужно было-бы его разрушить. Внутреннее устройство его — смѣсь аристократіи, монархіи и демократіи, — представляло преимущество всѣхъ этихъ образцовъ правленія безъ ихъ недостатковъ. Трибуны, защитники свободы, защищали и государство; поддерживали права народа, а сановниковъ держали въ послушаніи Сенату. Когда было нужно, Римъ измѣнялъ свои учрежденія, придумывалъ средства противъ своихъ недостатковъ, установлялъ цензуру для сохраненія своихъ добрыхъ нравовъ. Эти честные нравы, устранявшіе опасность отъ самыхъ опасныхъ магистратуръ, воздерживали диктатуру на скло-

1) Тоже, кн. I, гл. 21.

2) Тоже, кн. II, гл. 33.

3) Тоже, кн. II, гл. 6.

нѣ къ тираніи и сами сохранялись вмѣстѣ съ религіей, которая служила имъ опорой. Другая причина величія римлянъ заключалась въ ихъ обращеніи съ побѣжденными. Спарта, подобно Венеціи, сдѣлавшись завоевательницей, погибла потому-что закрыла къ себѣ доступъ побѣжденнымъ; Римъ же усиливался, потому-что дѣлалъ ихъ гражданами, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставался владыкой, такъ какъ держалъ ихъ въ своей зависимости. „Но все на свѣтѣ имѣетъ свой предѣлъ и свой срокъ существованія“. Республика падаетъ, потому-что аграрные законы вносятъ въ нее разладъ и потому-что продленіе полномочій командовавшимъ въ провинціяхъ дѣлаетъ частныя лица слишкомъ могущественными ¹⁾.

Но идеи эти, большею частью высокія и справедливыя, теряются у Макіавелли въ маѣссѣ мелкихъ комментарій и правилъ, полезныхъ для практическаго примѣненія и бесполезныхъ для науки. Гениальность оказываетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ ее примѣняютъ къ дѣлу. Ни Макіавелли, который подбираетъ политическія нравоученія, ни Ливій, который ищетъ матеріала для краснорѣчія, не даютъ философіи римской исторіи. Для объясненія фактовъ нужно желаніе ихъ объяснить. У Макіавелли мы находимъ практическіе совѣты, у Ливія—восторгаемся образцами ораторскаго искусства, а за философіей исторіи обращаемся къ Монтескьё.

¹⁾ Макіавелли, Разсужд. о Титѣ Ливіѣ.

Монтескьё.

§ 2. Его слогъ.—Причины могущества Рима.—Заблужденія на счетъ внутренней его исторіи.—Юридическій духъ.—Рядъ размышленій не есть еще система законовъ.—Построеніе римской исторіи, свойственное новому времени.—Духъ римскаго народа и характеръ его созданія.

Сентъ-Эвремонтъ ¹⁾ написалъ нѣсколько замѣчаній о римской исторіи, очень мѣткихъ, отчасти насмѣшливыхъ, съ точки зрѣнія свѣтскаго человѣка и фрондера. Боссюэ ничего не прибавилъ къ Титу Ливію. Возвышеннымъ слогомъ, онъ обобщалъ исторію съ большимъ смысломъ, руководясь великой идеей и сводя къ одной цѣли всю жизнь человѣчества. Но онъ скользилъ по событіямъ быстрымъ взглядомъ, и та идея, которую онъ выставилъ, какъ руководящій ими законъ,—эта блестящая и спорная идея,—была скорѣе вдохновеніемъ христіанскаго проповѣдника, чѣмъ открытіемъ точнаго историка.

Трудъ Монтескьё ²⁾, какъ - бы глава изъ его

¹⁾ Сентъ-Эвремонтъ—писатель эпохи Людовика XIV (1613—1703), принадлежавшій къ высшему придворному обществу. Его популярности много содѣйствовало то обстоятельство, что сочиненія его ходили по рукамъ въ рукописи и что часть своей жизни онъ провелъ въ изгнаніи въ Англіи. Одно изъ главныхъ его сочиненій, относящихся къ нашему предмету,—*Замѣчанія къ Саллюстію и Тациту*. *Прим. ред.*

²⁾ Монтескьё-*Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*. Это разсужденіе вышло въ 1734 г., за 14 лѣтъ до главнаго сочиненія Монтескьё—*Духъ Законовъ*, въ которомъ тоже значительное мѣсто отведено раз-

„Духа Законовъ“ — представляет отрывочное исследование вполне научнаго свойства. Въ этомъ сочиненіи онъ почти забываетъ обычныя тонкости своего языка, свою заботу привлечь вниманіе, претензію выразить остроумными словами глубокія мысли, укрывать ясныя истины подъ кажушимися парадоксами, желаніе выказать себя свѣтскимъ острякомъ въ то-же время, какъ и великимъ мыслителемъ. Здѣсь онъ обнаруживаетъ одни только достоинства своихъ недостатковъ. Онъ говоритъ о Римѣ болѣе изысканно, чѣмъ Ливій, но съ той-же поэтической торжественностью. Сужденія его звучатъ, какъ изреченія оракула, отрывисто слѣдуя одно за другимъ съ неподражаемой сжатостью и силой, и рѣчь его течетъ величественно и плавно; онъ предоставляетъ читателю трудъ связать ея отдѣльныя части, не заботясь о томъ, чтобъ указать ему на ихъ послѣдовательность и цѣль.

Если исключить нѣсколько мѣстъ, гдѣ простота нѣсколько изыскана, а глубина доходитъ до утонченности, кажется будто внимаешь одному изъ древнихъ юрисконсультовъ; Монтескье обладаетъ тѣмъ-же величавымъ спокойствіемъ и той-же сжатостью рѣчи; и такимъ-же языкомъ, какимъ онъ писалъ законы для народовъ, устанавливаетъ онъ законы и для событій.

Здѣсь мы не имѣемъ нужды, какъ у Макіавелли

сужденіямъ объ исторіи, учрежденіяхъ, законахъ и нравахъ римлянъ. См. особенно VII, XI, XVI, XXI, XXII, XXIII и XXVII книги.

Прим. ред.

и Ливія, подбирать и связывать разбросанныя мысли; здѣсь онѣ изобилуютъ и слѣдуютъ одна за другой. Правда, онѣ объясняетъ первыя царствованія съ слишкомъ легковѣрной самоувѣренностью; уже Вольтеръ упрекалъ его за плохую критику. Но съ самаго начала онѣ угадываетъ, что зарождающійся Римъ былъ лагеремъ разбойниковъ, „на подобіе поселковъ въ Крыму, служащихъ для укрытія добычи, скота и сельскихъ плодовъ“; и послѣ первой-же страницы, онѣ переходитъ къ достовѣрнымъ фактамъ и основательнымъ разсужденіямъ. Онѣ показываетъ, что Римъ завоевалъ себѣ владычество, потому-что превосходилъ всѣхъ силою на войнѣ и искусствомъ въ политикѣ. ¹⁾

Римляне научаются военному искусству потому, что постоянно воюютъ; а воюютъ они постоянно потому, что Сенатъ хочетъ дать занятіе народу, потому что консулы стараются отличиться, потому-что народу нужны земли и добыча. Это не развращаетъ римлянъ, потому-что сосѣди ихъ бѣдны, потому-что неумѣнье вести осады и безвозмездность военной службы затягиваютъ борьбу. Они закаляютъ свое тѣло военными упражненіями на Марсовомъ полѣ, работами въ лагеряхъ и крѣпнеть отъ сопротивленія непріятелей.

Они усвоиваютъ себѣ все, что находятъ хорошаго въ тактикѣ и вооруженіи другихъ народовъ. Они изобрѣтаютъ легіонъ, самый подвижный и самый стойкій изъ всѣхъ боевыхъ отрядовъ, луч-

1) Тамъ-же, стр. 124.

ше всего приспособленный къ нападенію и защитѣ. Поддерживаемые національной гордостью, подчиненные неуклонной суровой дисциплинѣ, они растутъ въ численности, благодаря ровному раздѣлу земель ¹⁾. Ни одна страна не имѣла столь многочисленнаго, или болѣе храбраго и болѣе послушнаго войска. Надо замѣтить здѣсь, какъ Монтескьё противопоставляетъ Риму разные народы, побѣжденные имъ, — галловъ, Пирра, Карфагенъ, Македонію, Грецію, Сирію, Египетъ;—какъ онъ при измѣреніи ихъ силы и ихъ слабости принимаетъ въ расчетъ ихъ климатъ, ихъ политическое устройство, ихъ почву, духъ народный, военное воспитаніе, средства нападенія и обороны, дисциплину ихъ войскъ, согласіе ихъ или раздоры, мужество и дарованія ихъ царей. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ такое мелочно-подробное и полное описаніе, которое, сравнивая двѣ противныя силы, ставитъ на мѣсто игры случая законы механики и вноситъ въ исторію математическій расчетъ.

„Въ то время, какъ римское войско повсюду наводило страхъ, Сенатъ держалъ въ приниженіи тѣхъ, которыхъ онъ находилъ обезсиленными“. Ни Полибій, никто другой не выставилъ, подобно Монтескьё, этой политики. Сенатъ по принципу врагъ свободы въ мірѣ; онъ сѣетъ разладъ, чтобы властвовать; онъ предлагаетъ свой союзъ тѣмъ, которые полезны ему, чтобы поработить ихъ, ко-

¹⁾ Mont. *Considérations*, 130. Монтескьё заблуждался на этотъ счетъ подобно всѣмъ другимъ писателямъ до Гейне и Нибура, относившимъ аграрные законы не къ общественной землѣ, а къ поземельной собственности вообще. *Прим. ред.*

гда перестанетъ въ нихъ нуждаться. Онъ даруетъ перемиріе своимъ врагамъ, чтобы погубить ихъ, какъ скоро у нихъ не будетъ друзей; онъ расторгаетъ федераціи подъ предлогомъ возвращенія свободы ея членамъ. Онъ щадитъ побѣжденныхъ, чтобы употребить ихъ, какъ орудіе, противъ ихъ освободителей; онъ поддерживаеетъ измѣнниковъ, чтобы черезъ нихъ распорядиться у свободныхъ народовъ. Онъ требуетъ въ заложники близкихъ родственниковъ государей для того, чтобы имѣть возможность поднять въ ихъ странѣ мятежъ. Онъ находитъ предлоги къ войнѣ, принимая положеніе посредника между двумя враждующими царями, выставляя себя наслѣдникомъ такой-то страны, навлекая на себя оскорбленія черезъ дерзкія рѣчи своихъ посланниковъ. Побѣжденные, римляне отказываются отъ исполненія договора, говоря что онъ не былъ окончательно принятъ; побѣдители—они злоупотребляютъ двусмысленными словами, чтобы требовать болѣе, чѣмъ было условлено. Они разоряютъ побѣжденнаго миромъ, а не только войной, принуждая уплатить громадную контрибуцію, сжечь корабли, убить слоновъ, не содержать болѣе наемниковъ и не начинать войны иначе, какъ съ ихъ согласія. Они терпятъ у покореннаго народа сомнительную свободу съ тѣмъ, чтобы постепенно довести его до рабства; они держатъ его въ страхѣ, какъ въ оковахъ, чтобы предупредить его нападенія. „Сначала Римъ заставилъ молчать царей и повергъ ихъ въ какое-то отупѣніе; теперь дѣло шло уже не о ихъ власти, но ихъ собственные личности находились въ опасности. Рѣшить-

ся на войну—это значило подвергать себя заключенію, смерти, позору—служить украшеніемъ въ триумфальномъ въздѣ; такимъ образомъ восточные цари, жившіе до того среди удовольствій и роскоши, не смѣли останавливать пристальнаго взора на римскомъ народѣ и, потерявъ всякое мужество они надѣялись лишь своимъ терпѣніемъ и низостями, хоть на нѣкоторое еще время, отсрочить угрожавшія имъ бѣдствія“.

Внутренняя исторія изображена у Монтескьё менѣе удовлетворительно. Въ XVIII в. не знали еще, что вражда двухъ классовъ въ Римѣ была борьбой двухъ соединенныхъ націй, изъ которыхъ одна была покоренная, другая—властительница. Монтескьё объясняетъ возстаніе плебеевъ любовью къ свободѣ, внушенною имъ Сенатомъ для того, чтобы отдѣлаться отъ Тарквинія. Ничтожная причина для объясненія движенія, которое было столь значительно, столь необходимо и столь продолжительно. Но когда нужно показать и взвѣсить средства и политическія орудія патриціевъ и плебеевъ, представить, какъ возникли два класса, нобилитетъ и пролетаріатъ; объяснить, почему новый нобилитетъ, опираясь на свои богатства, успѣшнѣе сопротивляется, чѣмъ патриціи, ненавистные своими привилегіями,—здѣсь Монтескьё снова овладѣваетъ своимъ талантомъ и исторіей.

Тѣ-же ошибки у него и та-же проницательность, когда дѣло идетъ объ упадкѣ. Онъ понимаетъ, какъ и Макіавелли, что республика погибла вслѣдствіе долгосрочныхъ военныхъ командъ и отдаленности войскъ, которыя предаются своему полководцу. Но

онъ едва замѣчаетъ гибельныя послѣдствія завоеванія и ошибочно полагаетъ, что право гражданства, дарованное италикамъ, подкопало любовь къ родинѣ, согласіе гражданъ и „превратило народныя смуты въ междоусобныя войны“. Большая часть новыхъ гражданъ, слишкомъ удаленныхъ отъ центра, не являлись подавать голоса и только носили названіе гражданина. Ихъ зачислили въ восемь новыхъ трибъ, которыя подавали голоса послѣ всѣхъ остальныхъ. Голоса тридцати-пяти римскихъ трибъ уничтожали ихъ голоса. Впрочемъ, до междоусобной войны, государство уже сдѣлалось достояніемъ нѣсколькихъ знатныхъ лицъ ¹⁾. Завоеваніе разрушило свободу. Уничтоживши средній классъ, оно оставило одно простонародье, совершенно безсильное противъ знати; развративши нравы, оно внушило имъ презреніе къ законамъ.

Но Монтескьё по истинѣ достоинъ удивленія, когда разсматриваетъ каждую отдѣльную группу событий: войны Митридата, Суллы, Помпея, Цезаря, правленіе Октавія, нечувствительное развитіе тираниі, установленіе военной монархіи, утверженіе восточнаго деспотизма. Онъ обладаетъ рѣдкимъ талантомъ понимать дѣйствительность съ помощью теоріи. Обыкновенно общія идеи возносятся философа такъ высоко, что частныя истины исчезаютъ у него изъ вида. Философская-же мысль Монтескьё не только не заслоняетъ отъ него подробностей, а еще наводитъ его на нихъ, и эти „крылья духа“, о которыхъ говоритъ Платонъ, вмѣсто того, чтобы

1) Саллюстій, Югурта, гл. 41.

унести въ облака, служатъ ему для того, чтобы легче и быстрѣе обозрѣть всю область, которую онъ долженъ изслѣдовать. Но это хорошее качество не наноситъ-ли ущерба другому?

Онъ слѣдитъ за фактами шагъ за шагомъ и комментируетъ ихъ, поочередно руководясь точными и практическими соображеніями юриста, финансиста, географа; онъ точенъ и добросовѣстенъ до того, что посвящаетъ длинныя главы на то, чтобы объяснить паденіе жалкой византійской имперіи. Методъ его походить на приемы законовѣда, который охотно углубляется въ текстъ закона. Монтескье останавливается на каждой войнѣ, на каждомъ переворотѣ, на всякомъ выдающемся характерѣ, какъ-бы на параграфѣ какого-нибудь уложенія; онъ охотнѣе вставляетъ комментаріи, чѣмъ отыскиваетъ міровые законы; хотя мысли его совершенно послѣдовательно вытекаютъ одна изъ другой, онѣ кажутся отрывочными. Иногда даже недостаетъ связи; это скорѣе „разсужденія“, чѣмъ общая теорія; рядъ замѣтокъ болѣе, чѣмъ опредѣленная система. А собраніе замѣтокъ, хотя-бы хорошо сгруппированныхъ, не есть философія исторіи. Чувствуется, что единая идея должна бы обнять весь трудъ при помощи четырехъ или пяти второстепенныхъ идей, которыя могли-бы пояснить и резюмировать менѣе общія мысли. Эта несовершенная теорія къ тому-же не полна; прибавьте къ ней исторію законодательства и религіи римской, которую авторъ вставилъ въ иномъ мѣстѣ¹⁾, и все же

1) Т. е. въ Духъ Законовъ.

Прим. ред.

пробѣлы не будутъ еще восполнены. Искусства, науки, нравы, факты изъ политической и домашней экономіи—имѣютъ свои законы, которые связаны съ другими, а всѣ вмѣстѣ они соединяются въ одинъ общій законъ. Наука необходимо должна быть въ одно и то-же время едина и разнообразна, какъ самая жизнь народа, которую она представляетъ. Попытаемся въ нѣсколькихъ словахъ высказать суть этой философіи, въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ у нашихъ современниковъ ¹⁾: мы не удалимся отъ Ливія, если укажемъ, какимъ образомъ былъ дополненъ его трудъ. „Великая королева, сказала Боссюэ у гробницы Генриетты англійской, я удовлетворяю самымъ завѣт-

1) Ortolan, Michelet, Creuzer, Gans, Hegel. Ортоланъ—авторъ сочиненія: *Explication historique des Instituts*, вышедшаго въ многочисленныхъ изданіяхъ (Перв. изд. 1827). Первый томъ этого сочиненія, которымъ часто пользовался Тэнъ, заключаетъ въ себѣ исторію римскаго законодательства. Успѣхъ и значеніе труда Ортолана объясняются тѣмъ, что этотъ ученый, слѣдуя германской наукѣ, первый во Франціи внесъ историческій элементъ въ изученіе римскаго права. Мишле. Однимъ изъ первыхъ сочиненій этого писателя была его *Исторія Рима*, 1831 г. два томика. Пятое изданіе 1876 г. Этотъ историческій трудъ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ Нибура и съ большимъ талантомъ. „Смѣлыя гипотезы Нибура, говоритъ Моно, остававшіяся до того недоступными для массы образованной публики и какъ-бы похороненными подъ туманной и тяжелой ученостью, облеклись теперь яркой краской жизненности“. Нужно однако прибавить, что въ Римской исторіи Мишле ярко обнаружались также недостатки, представляющіе обратную сторону его таланта—мистицизмъ, импровизація, замѣняющая собой изслѣдованіе, и экзальтація, которая смѣшиваетъ видѣнія

нымъ вашимъ желаніямъ, прославляя великаго монарха, и ваше сердце, уже переставшее биться, пробуждается, чтобы прислушаться ко мнѣ“. Такъ и самъ Ливій вѣроятно не остался-бы равнодушнымъ, если-бы могъ слышать, какъ новая философія исторіи объясняетъ, возсоздаетъ и дополняетъ исторію его отечества.

Дѣйствовать въ виду собственнаго интереса и согласно съ этимъ организовать къ тому всѣ средства, — такова преобладающая черта исторіи и народнаго духа римлянъ. Оттого-то этому духу свойственна разсудочность, которая разсчитываетъ, а не поэтическое творчество или отвлеченное мышленіе: характеръ-же римлянъ выражается въ волѣ,

фантазіи съ исторической дѣйствительностью. — *Крейцеръ* — авторъ многотомнаго, очень ученаго, но при этомъ слишкомъ фантастическаго сочиненія о мифологіи, *Symbolik und Mythologie der alten Völker*. Особенно цѣнится французская передѣлка этого сочиненія, съ замѣчательными дополненіями ученаго *Guigniaut: Religions de l'antiquité etc.* Парижъ 1825 въ 3 т. — *Гансъ* — знаменитый юристъ и философъ изъ школы Гегеля особенно извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: *Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung* — 4 тома 1824—35; второй томъ посвященъ римскому наследственному праву. Гансъ явился талантливымъ противникомъ господствовавшей въ его время исторической школы въ правовѣдѣніи (Савиньи), пытаясь вывести науку о правѣ изъ узкихъ рамокъ фактическихъ наблюденій и основать ее на принципахъ, извлеченныхъ изъ философскаго созерцанія, отражающагося въ исторіи развитія человѣческаго духа. Гегель. Сюда относятся его философія исторіи и его философія религій, въ которой высказано много глубокихъ и вѣрныхъ наблюденій надъ религіей римлянъ. *Прим. ред.*

руководящейся разсужденіемъ, а не чувствами и привязанностями.

Отсюда эта неустанная борьба съ неблагодарной почвой, это презреніе къ тому, кто утрачиваетъ свое наслѣдіе, слава того, кто увеличилъ его; отсюда разсчетливость, умѣренность, стяжательность, скупость, крючкотворство, — всѣ добродѣтели и пороки, которые доставляютъ и сохраняютъ богатства; собственность почитается святой и священной; межа полевая обращена въ божество; земли и долговья обязательства ограждены суровыми законами; форма контрактовъ мелочная и ненарушимая; однимъ словомъ, мы находимъ здѣсь всѣ учрежденія, какія только могутъ упрочить гарантію пріобрѣтеннаго имущества ¹⁾.

Тогда какъ въ другихъ странахъ естественная семья, основанная на общемъ происхожденіи, управляется въ силу привязанности, — римская семья, чисто гражданскаго свойства, основанная на общемъ повиновеніи и общихъ обрядахъ ²⁾, составляетъ вещь и собственность отца, управляется его волей, подчиненной государству, и каждый разъ должна быть завѣщаема въ законной формѣ передъ лицомъ го-

1) См. Двѣнадцать Таблицъ: первоначальное значеніе слова *fides* (вѣрность) означаетъ — кредитъ, платежную способность; *res* — дѣло, значить имущество.

2) *Agnatio* — это значитъ родство въ смыслѣ граждански-правоваго учрежденія, основанное на происхожденіи по мужскому колѣну и на усыновленіи — въ противоположность понятію *cognatio* — естественное родство по крови, хотя бы и по женской линіи. *Vocantur agnati qui legitima cognatione juncti sunt.* Гай III, 10.

сударства ¹⁾. Это какое-то подобіе позднѣйшихъ римскихъ провинцій, которыя находятся въ управленіи отца семейства и поставляютъ солдатъ на общественную пользу ²⁾.

Образовавшееся изъ различныхъ племенъ, насильственно соединенныхъ, результатъ силы и воли, а не родства и природы, государство римское заключаетъ въ себѣ два класса съ отдѣльной организаціей, которые ведутъ между собой борьбу правильно и законно, не по страсти, а по расчету, и соединяются подъ сѣнью государственныхъ учреждений необычайной сложности и самаго искуснаго сочетанія. Стремясь къ завоеванію по принципу и методически, съ цѣлью сохранять и эксплуатировать, оно доводитъ до высокой степени развитія военное искусство, политическую ловкость, талантъ къ администраціи, и силой объединяетъ извѣстный тогда міръ въ организованную державу подъ владычествомъ могущественнаго города. Политика его заключается въ томъ, что оно обращаетъ въ римскихъ солдатъ покоренные народы, государей и сановниковъ иностранныхъ въ служителей Рима, — т. е. въ томъ, чтобы пріобрѣсти наибольшія силы при незначительной тратѣ. Его военное искусство состоитъ въ томъ, чтобы образовать солдатъ, самыхъ крѣпкихъ тѣломъ и самыхъ храбрыхъ, подъ строжайшей дисциплиной, т. е. извлечь возможно бѣольшую пользу изъ большихъ силъ. Вся мудрость его направлена на то, чтобы расширять свои предѣлы и щадить

1) Завѣщаніе передъ куріями.

2) Рѣчь цензора Метелла о бракѣ.

свои силы. Во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, и какъ продуктъ личной воли, и какъ механизмъ для завоеванія, и какъ предметъ, подлежащій администраціи, — государство занимаетъ всѣ помыслы, поглощаетъ всѣ привязанности, подчиняетъ себѣ всѣ дѣйствія и всѣ учрежденія.

Это господство личнаго интереса и національнаго эгоизма порождаетъ презрѣніе къ остальному человѣчеству. Родъ человѣческій, еще не завоеванный — подлежитъ завоеванію; завоеванный, онъ становится добычей, которой пользуются и злоупотребляютъ ¹⁾. Рабы находятся подъ гнетомъ жесточайшей суровости; цѣлые народы истребляются; побѣжденныхъ царей влекутъ за триумфаторомъ и умерщвляютъ.

Ихъ боги представляютъ какую-то абстракцію безъ всякой поэтической жизненности, какую можетъ создать сухое размышленіе посредствомъ анализа земледѣльской обработки или разныхъ принадлежностей домашняго устройства ²⁾; или это бѣдствія, обоготворяемые изъ страха, или же чужестранные боги, допущенные въ римскіе храмы ради выгоды, какъ побѣжденные допущены въ граж-

¹⁾ Двѣнадцать Таблицъ, *Hostis vel peregrinus* — (т. е. врагъ и чужеземецъ принимаются какъ синонимы). *Прим. ред.*

²⁾ *Serrator, Occaecator, Domiduca, Prema, Pertunda, Subigus-Honos, Virtus, Pudicitia, Limen, Carduus, Porta*. (Имена первыхъ двухъ боговъ слѣдуетъ читать *Sarritor* и *Occator*. — Они принадлежатъ къ числу двѣнадцати божествъ, олицетворяющихъ собою главные моменты дѣятельности пахаря: *Occator* — тотъ, кто покрываетъ землей (*occae*) посѣянные сѣмена. *Sarritor* — тотъ, кто киркой (*sarsulum*) удаляетъ сорную траву, *Domiduca* — в е д у щ а я д о м о й, одно изъ многочисленныхъ бо-

данскую общину, — но подчиненные Юпитеру Капитолійскому, какъ прочіе народы подчинены римскому народу. Жрецы — міряне организованные въ особыя корпораціи, — ничто иное какъ простые администраторы культа, подъ властью Сената, который завѣдуетъ искупительными жертвами и одинъ только имѣетъ право вмѣстѣ съ народомъ дѣлать нововведенія въ религіи. Культъ состоитъ изъ мелочныхъ обрядовъ, тщательно соблюдаемыхъ, потому-что римлянамъ недостаетъ философскаго и поэтическаго духа, истолкователя символовъ, и потому-что сухая разсудительность привязывается къ буквѣ. Онъ служитъ Сенату политическимъ орудіемъ и представляетъ, какъ и все остальное, административное средство.

Въ литературѣ ничего самобытнаго, какъ развѣ только фамильныя записки, писанныя въ интересахъ рода, да сухіе анналы, составленные въ виду общественной пользы, обрядники, счетныя книги, сборники законовъ, собранія нравственныхъ сентенцій ¹⁾, преданіе о ѳдкихъ политическихъ сатирахъ; однимъ словомъ документы администраціи, правила общежитія и памфлеты. Все

жествъ, охранявшихъ каждый отдѣльный шагъ въ развитіи дѣтской жизни. Слѣдующія три имени, приведенныя Тэномъ, принадлежать къ кругу свадебныхъ боговъ; *Honos* — честь; *Virtus* — доблесть; *Pudicitia* — цѣломудріе; *Limen* — порогъ; *Cardus* — печатка вмѣсто *Cardo*, дверныя петли; *Porta* — дверь. Послѣднія три имени не встрѣчаются въ числѣ римскихъ боговъ.

Прим. ред.

¹⁾ Аппія Клавдія Цека — (Слѣпой) (цензоръ 312 г. до Р. Х. Первый римлянинъ, занимавшійся литературой и наукой; авторъ стихотворнаго нравственнаго поученія. *Прим. ред.*

остальное иноземнаго происхожденія, привитое или завоеванное. Театральныя зрѣлища принесены изъ Этруріи, потомъ изъ Греціи; это просто подражаніе, которое народъ бросаетъ для боя медвѣдей и которое потомъ превращается въ выставку оружія и роскошныхъ украшеній ¹⁾, въ воинскій и тріумфаторскій парадъ. Памятники искусства были похищены римлянами въ Греціи и въ большомъ пренебреженіи еще во времена Цицерона ²⁾. Въ поэзіи нѣтъ оригинальнаго вымысла, никакой изобрѣтательности въ характерахъ. Единственныя литературныя формы, гдѣ національный геній можетъ выдержать сравненіе съ иноземными образцами, это краснорѣчіе—орудіе форума; затѣмъ сатира, представляющая переложенную въ стихи обвинительную рѣчь или нравственное поученіе, и исторія—память о политическихъ событіяхъ; притомъ-же въ Римѣ она становится простымъ собраніемъ записокъ или же упражненіемъ въ краснорѣчій; всѣ эти отдѣлы литературы близко касаются практической дѣятельности и государственнаго управленія. Если въ Римѣ являются поэты, то позднѣе, когда прежній духъ его сталъ исчезать подъ вліяніемъ новаго направленія.

Единственныя зрѣлища, какія римляне изобрѣли, —это тріумфаторскія шествія и игры въ циркѣ, гдѣ продолжается торжество ихъ побѣдъ униженіемъ и смертью побѣжденныхъ, гдѣ зритель остается побѣдителемъ и убійцей.

¹⁾ Цицеронъ, письма.

²⁾ Цицеронъ: Рѣчь противъ Верреса о статуяхъ.

Въ наукѣ находимъ одни лишь переводы. Есть компиляторы, какъ Варронъ и Плиній; подражатели, какъ Цицеронъ и Лукрецій; нѣсколько изслѣдованій по земледѣлю, реторикѣ, медицинѣ, архитектурѣ; все это прикладныя науки. Метафизики во все нѣтъ; есть лишь передѣлки грубой физики Эпикура и стоиковъ. Изъ философіи изучаютъ только практическую часть, этику, и съ практической-же цѣлью. Единственная наука римская, чисто практическая и политическая, — это законовѣдѣніе. Да и та, пока остается исключительно римской, — представляетъ лишь сводъ юридическихъ формулъ, въ которыхъ буква убиваетъ духъ; это руководство для судей, а не наука; нужно подождать, чтобы греческая философія привела ее въ систему и приблизила къ естественному праву благодаря трудамъ Лабеоны.

Изъ природы римскаго духа вытекаетъ его исторія. Такъ какъ семья и религія подчинены государству, такъ какъ искусства и науки ничтожны или чисто практическаго характера, такъ какъ государство не имѣетъ иной цѣли, какъ завоеваніе и организацію завоеваннаго, — то и исторія Рима есть исторія этого завоеванія и его послѣдствій.

Въ тяжеломъ напряженіи этой исполинской войны средній классъ разоряется или погибаетъ во все. Уже со времени Гракховъ надъ чернью, состоящей изъ бѣдняковъ и вольноотпущенныхъ, остается только высшее сословіе знати, которая располагаетъ громадными богатствами, массой кліентовъ, цѣлыми арміями, всѣми общественными должностями и государствомъ; сначала они дѣй-

ствують согласно, потомъ разъединяются, пока, наконецъ, къ исходу вѣка, одинъ изъ нихъ становится властелиномъ. Эта власть, основанная на силѣ, переходитъ къ войску, у котораго въ рукахъ сила. Между тѣмъ подвластный Риму міръ, разоренный и лишенный населенія завоеваніемъ, междоусобными войнами, грабительствомъ проконсуловъ, императорскимъ фискомъ, не въ состояніи болѣе доставлять солдатъ. Съ упадкомъ войска устанавливается восточный деспотизмъ, приводимый въ дѣйствіе искусной администраціей. Черезъ завоеваніе и его послѣдствія побѣдители и побѣжденные, народы и свободныя учрежденія—все погибло. Ничего не осталось болѣе, какъ только цѣлая система ненужныхъ учрежденій подъ произволомъ властелина, котораго часто едва можно признать человекомъ.

Съ прикосновеніемъ греческихъ идей и восточныхъ нравовъ—древняя семья разлагается. Интерпретація юрисконсультовъ и преторовъ обезсилила власть мужа и отца. Правовая семья, ставши естественной, наконецъ разрушается отъ излишества удовольствій, доставленныхъ завоеваніемъ. Не взирая на законы Августа, число браковъ уменьшается, и они служатъ лишь поводомъ къ разврату и разводамъ. Мистицизмъ, обѣднѣніе, удрученіе налогами куріаловъ ¹⁾ довершаютъ по-

¹⁾ *Куріалами* или *декуріонами* назывались въ императорскую эпоху члены городскихъ совѣтовъ. (*Curia*—Сенатъ). Они избирались, обыкновенно въ числѣ ста, изъ числа горожанъ, имѣвшихъ собственность въ городѣ, или въ приписанной къ го-

слѣдствія разврата и вселяють презреніе къ земной жизни и отчаяніе.

Вслѣдствіе этого измѣненія семьи и вліянія чужеземныхъ философскихъ ученій, видоизмѣняется и характеръ римской собственности. Сосредоточенная первоначально въ однихъ рукахъ отца (*manus*), она становится потомъ достояніемъ семьи (*dominium*) и наконецъ поступаетъ въ распоряженіе отдѣльнаго лица (*proprietas*). Но, улучшенная въ теоріи, на дѣлѣ она перестаетъ существовать, такъ какъ согласно съ закономъ императоръ—господинъ собственности, потому-что казна получаетъ доходы съ нея, потому-что налоги, тиранія, невѣжество, возрастающее уменьшеніе населенія дѣлають ее безплодной и превращають въ ничто.

Древняя религія, слившаяся съ религіей Греціи и Востока, исчезаетъ въ Пантеонѣ боговъ, къ сонму коихъ присоединились умершіе императоры, и оставляетъ послѣ себя одну официальную торжественность и предлогъ къ преслѣдованіямъ. Нетерпимость деспотовъ, униженіе рабства, потеря всякаго интереса и всякаго возвышеннаго стремленія, пресыщеніе удовольствіями, паденіе Греціи и Востока, заглушають послѣдніе проблески въ наукѣ и искусствѣ. Одни только юристы со-

роду области. Когда на куріи была возложена обязанность собирать подати, наложенныя на горожанъ и отвѣчать своимъ достояніемъ за полность ихъ, обязанность куріала при возрастающемъ гнетѣ налоговъ и обѣднѣніи городовъ сдѣлалась тажкимъ тягломъ и источникомъ разоренія для городскихъ собственниковъ.

Прим. ред.

ставляютъ своды—послѣднее проявленіе организа-
торскаго духа.

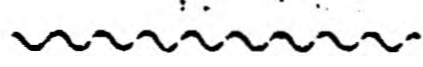
Такимъ образомъ завоеваніе, слѣдствіе римскаго
духа, уничтожаетъ самобытный духъ народовъ и
самые народы, оставляя по себѣ—какъ самое за-
воеваніе было системой—цѣлую систему учрежде-
ній, дѣйствующихъ надъ бездыханнымъ тѣломъ. Но
въ этомъ изнеможеніи всѣхъ силъ и всѣхъ надеждъ
земныхъ человѣкъ ищетъ убѣжища въ самомъ се-
бѣ. Съ помощью восточнаго мистицизма онъ обрѣ-
таетъ и подготавливаетъ новый міръ въ новой ре-
лигіи.

Вотъ что новѣйшіе писатели добавили къ Титу
Ливію. Критика, начатая имъ, возобновленная
Бофоромъ, почти законченная Нибуромъ, и фило-
софская мысль, скрывающаяся у него за краснорѣ-
чіемъ, обращенная у Макіявелли на практическую
почву, неполная у Монтескьё, — становятся съ
каждымъ днемъ все точнѣе и глубже. Эти допол-
нительныя поправки приносятъ честь тѣмъ, кто
ихъ дѣлаетъ, не унижая тѣхъ, къ кому онѣ относятся.
Первые писатели — отцы науки, и одинъ Ливій
сдѣлалъ для римской исторіи болѣе, чѣмъ всѣ тѣ,
которые хотѣли исправить его ошибки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИСКУССТВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Объ искусствѣ въ исторіи.

Искусство есть завершеніе науки.—Пониманіе характеровъ даетъ живые образы.—Знаніе законовъ даетъ систему.—Знаніе фактовъ, характеровъ и законовъ создаетъ слогъ.

Если-бы можно было разложить живой организмъ, онъ оказался-бы состоящимъ изъ частицъ матеріи различной формы, соединенныхъ согласно съ опредѣленными непреложными законами. Но еслибы намъ и перечислили эти частицы и эти законы, то развѣ мы получили-бы вѣрное изображеніе этого организма?—Нѣтъ, потому-что они проявляются лишь въ формахъ, движеніяхъ и краскахъ. Точно также историкъ, прошедши черезъ разсужденія критики и отвлеченности метафизики, вступаетъ, наконецъ, въ исторію; ибо жизнь человѣческая, имъ изображаемая, не сухая формула, а сложная драма, въ которой законы дѣйствуютъ посредствомъ событій.

Если копія лишена жизни, она не полна и не вѣрна. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть драгоцѣннѣе въ предметахъ и въ мысли, чѣмъ движеніе, красота и жизнь?—Если лишитъ факты непосредственной страсти, вызвавшей ихъ, и живой окраски, ихъ освѣщающей, они проникнутъ въ нашъ умъ неполные и неточные. Постараемся-же превратить отвлеченности и разсужденія въ чувства и образы. Пусть исторія, подобно природѣ, дѣйствуетъ на сердце и на чувство также, какъ и на мысль. Пусть прошедшее, возстановленное разумомъ, воскреснетъ передъ нашимъ воображеніемъ. Доселѣ мы имѣли лишь мертвый матерьялъ и бездѣйствующіе законы. Но вотъ они ожили и пришли въ движеніе отъ божественнаго наитія духа. Наука становится искусствомъ.

Но ради этого она не облекается въ чуждый ей и внѣшній покровъ; она только получаетъ опредѣленную и естественную ей форму. Ея украшенія нераздѣльны съ ней; они придаютъ ей образность для глаза, подобно тому, какъ листья растенія проявляютъ собой силу, производящую ихъ. Она становится живымъ портретомъ или разговоромъ, какъ законы, выражаемые ею, становятся дѣйствіемъ и движеніемъ. Въ историкѣ нельзя отдѣлить художника отъ ученаго. Оба таланта взаимно помогаютъ одинъ другому или, лучше сказать, образуютъ одно цѣлое, то подготавливая матерьялъ и разсуждая, то обобщая и повѣствуя; и будучи приложены къ одному предмету дважды, раскрываютъ въ немъ, съ одинаковой проницательностью, сначала истину, затѣмъ жизнь; ибо если взять въ

исторіи различныя проявленія искусства, то увидимъ, что они совершенны лишь благодаря совершенству науки, и что достигнувшая совершенства наука сама собою производитъ совершенное искусство.

Ученый изучаетъ, какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и въ народахъ, характеръ, потому-что характеръ есть истинная причина частныхъ и общественныхъ поступковъ. Для этого онъ наблюдаетъ индивидуальныя страсти, потому-что его призваніе открывать новыя истины; а чувства, свойственныя всѣмъ, общеизвѣстны; онъ связываетъ ихъ въ одно цѣлое какою-нибудь преобладающей склонностью, потому-что его дѣло сгруппировать и связать факты. Величайшій-же талантъ поэта заключается въ пластичномъ изображеніи характеровъ; ибо, если ихъ нѣтъ, то дѣйствующія лица — наряженные куклы, а не люди. Съ этой цѣлью онъ старается уловить отличительныя черты, потому-что онѣ одни живо рисуютъ лицо и занимаютъ читателя; затѣмъ онъ приводитъ ихъ во взаимное согласіе и подчиняетъ ихъ одной господствующей склонности, потому-что гармонія есть красота и доставляетъ наслажденіе. Такимъ образомъ, разыскивая причины, историкъ рисуетъ портреты лицъ и, желая поучать, онъ увлекаетъ. Среди текстовъ и формулъ передъ нимъ возникаютъ живые образы, и онъ обрѣтаетъ красоту, потому-что искалъ истину. Далѣе, ученый историкъ собираетъ всѣ факты, ибо они составляютъ основу исторіи. Не долженъ-ли онъ, если онъ критикъ и ученый, собрать малѣйшія частности, самые пустые случаи и все, что было разыскано или угадано въ нравахъ, чувствахъ, поступкахъ

и рѣчахъ? Не слѣдуетъ-ли еще ему, если онъ философъ, сдѣлать выборъ изъ этой массы, взвѣсить различное значеніе разныхъ фактовъ, распредѣлить ихъ по разрядамъ, извлечь ихъ законы, свести эти частные законы къ одному, болѣе общему? — И художникъ подбираетъ тѣ-же событія, потому что они составляютъ предметъ его повѣствованія; онъ запасается тѣми-же подробностями, потому что однѣ подробности живо рисуютъ воображенію мѣстности, поступки, физіономіи, и потому что рассказъ долженъ быть осязателенъ для чувства; онъ устанавливаетъ факты въ томъ-же порядкѣ, опускаетъ или выставляетъ на видъ эти самые факты, потому-что оживленный рассказъ отбрасываетъ ненужные, останавливается на самыхъ важныхъ и подвигается впередъ по заранѣе опредѣленному плану. Не значить-ли это, что искусство заимствуетъ у науки подробности, у философіи расположеніе и выборъ фактовъ; что рассказъ становится живымъ, при помощи компиляціи, цѣльнымъ—благодаря теоріи, и что изъ ученыхъ разсужденій слагается эпопея.

Что касается слога, то онъ не далекъ отъ совершенства, когда наука обладаетъ полнотой. Ибо, когда историкъ, по мѣрѣ накопленія и группировки событій, видитъ въ своей переполненной памяти всѣ стороны каждаго характера въ стройной связи,—чувства и ихъ соотношенія, дѣйствія и ихъ необходимость, и надо всѣмъ этимъ неудержимый потокъ скученныхъ фактовъ, устремленныхъ къ своей цѣли,—онъ противъ воли увлеченъ этимъ движеніемъ, тронутъ этими горестями и радостями;

онъ принужденъ любить и ненавидѣть всей душой и бороться вмѣстѣ со своими дѣйствующими лицами. А въ чемъ же и заключается художественный слогъ, какъ не въ участіи, которое авторъ принимаетъ въ повѣствованіи, въ впечатлѣніяхъ, въ немъ вызываемыхъ, въ порывахъ его страстей, въ разнообразныхъ настроеніяхъ, волненіяхъ сердца, которыя обнаруживаются въ выборѣ словъ и оборотовъ, въ звукахъ и симметрическихъ періодахъ?— Если, наконецъ, историкъ ясно представляетъ себѣ факты, если онъ обдумалъ всѣ отдѣльныя части своей идеи; если онъ въ точности постигъ ея силу, свойства и примѣненіе, — онъ найдетъ слова и надлежащее выраженіе, непременно встрѣтитъ съ точнымъ понятіемъ, потому-что искусство писать — есть искусство мыслить, и для того, чтобы умѣть хорошо выражаться, надо много размышлять. Такимъ образомъ изображеніе лицъ, повѣствованіе, слогъ, выраженія, всѣ отдѣльныя стороны искусства, въ сущности — произведеніе науки. Чѣмъ она полнѣе, тѣмъ совершеннѣе искусство; искусство завершаетъ науку, какъ цвѣтъ — растеніе.

Благодаря этому соотвѣтствію, описаніе характеровъ, слогъ и повѣствованіе у Ливія представляютъ тѣ-же достоинства и тѣ-же недостатки, какъ его критика и философія. Однѣ и тѣ-же причины, въ приложеніи къ сходнымъ предметамъ, произвели одинаковыя слѣдствія.

ГЛАВА II.

Характеры у Тита Ливія.

Изображеніе народовъ.—Римскій народъ.—Другіе народы.—
Изображеніе лицъ.—Ганнибалъ.—Фабій Максимъ.—Сципіонъ.
—Катонъ.—Павль Эмилій. Различіе и сходство между ху-
дожникомъ и ораторомъ.

Есть три способа изображать характеры. Авторъ прерываетъ свой рассказъ размышленіями и создаетъ живой образъ: такъ поступаетъ Фукидидъ, какъ истый философъ ¹⁾. Или-же онъ рисуетъ намъ лица съ помощью ихъ дѣйствій: таковъ приѣмъ Тацита и поэтовъ. Или еще онъ излагаетъ ихъ чувства въ рѣчахъ: въ этомъ заключается искусство Ливія и ораторовъ.

I. Лучше всего—у Ливія изображеніе римскаго народа. Каждая рѣчь, каждое ораторское повѣствованіе выясняетъ и дополняетъ его; и мы

¹⁾ Фукидидъ, I и II книги. Характеръ аѳинянь и лакедемонянь.

увидимъ, что Ливій черпалъ его не у древнихъ писателей, а у самого себя, если станемъ читать одновременно съ нимъ Діонисія. Какая благородная гордость и какая сила въ поединкѣ Горація Коклеса! Невѣроятно, конечно, чтобы римляне, втеченіе какого-нибудь года, сдѣлались непреклонными республиканцами. Но какъ удачно скрыть вымыселъ за великодушнымъ порывомъ страсти: „Останавливая на этрусскихъ вождяхъ свирѣпые и грозные взоры, онъ то вызываетъ ихъ одного за другимъ, то оскорбляетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ: „Рабы надменныхъ царей, забывшіе о своей собственной свободѣ, вы покушаетесь на свободу другихъ“.¹⁾—Если это обращеніе нѣсколько театрально, то все-же оно величаво, и краснорѣчіе служить здѣсь благороднымъ украшеніемъ для „зачатковъ свободы“. Діонисій сдѣлалъ изъ Муція ловкаго грека, изворотливаго въ нуждѣ, какимъ былъ самъ Діонисій; онъ запугиваетъ простодушнаго Порсенну и спасается, благодаря хитрому и двойному обману. У Ливія—Муцій герой. „Когда царскіе тѣлохранители, схвативши его, потащили назадъ и поставили передъ царскимъ трибуналомъ, даже тогда, при такихъ угрозахъ судьбы, скорѣе внушая страхъ, чѣмъ страшась, онъ сказалъ: „Я римскій гражданинъ, зовусь К. Муціемъ. Врагъ—я хотѣлъ убить врага, и въ виду смерти у меня не менѣе мужества, чѣмъ было для убійства. Въ духѣ римлянъ и терпѣть, и дѣйствовать съ твердостью. Да и не одинъ я былъ полонъ этой отваги противъ тебя. За мной длин-

1) Титъ Ливій II, 10.

ный рядъ жаждущихъ той-же чести. И такъ, если хочешь, снаряжайся встрѣтить рокъ, будь каждый часъ готовъ бороться за свою жизнь и ожидай удара отъ тайнаго врага у входа въ царскую палатку. Мы, римское юношество, объявили тебѣ войну; ни боеваго строя, ни битвы не бойся: тебѣ одному, и съ каждымъ изъ насъ по одиночкѣ придется имѣть дѣло. Когда царь, озлобленный гнѣвомъ и испуганный опасностью, велѣлъ приготовить костеръ, чтобы принудить Муція разоблачить немедленно, какими именно засадами грозить онъ ему въ своей загадочной рѣчи, тотъ сказалъ: „Вотъ, гляди и познай, какое мужественное тѣло у тѣхъ, кто имѣетъ въ виду великую славу“, простеръ правую руку на алтарь, зажженный для жертвоприношенія и жарилъ ее въ огнѣ, какъ будто во все не ощущалъ никакой боли ¹⁾.“

У Діонисія Клеелія просить у сторожей позволенія выкупаться; убѣждаетъ ихъ отойти въ сторону, пока она раздѣнется, и тогда спокойно переплываетъ Тибръ. Читая эти выдуманная уловки трусости, еще болѣе цѣнишь Ливія за то, что онъ объ этомъ говоритъ, какъ подобаешь римлянину.

Гордость, а не расчетъ, заставляетъ римскій народъ возстать противъ своего властителя. Послушайте, какъ Цинцинатъ судить о тираніи. Ужъ не забылъ-ли Титъ Ливій, что онъ живетъ при Августѣ?—Когда Мелій упалъ за мертво на площади, „диктаторъ провозгласилъ, что онъ убитъ справедливо. Не слѣдовало обращаться какъ съ

1) Титъ Ливій II, 12.

гражданиномъ съ тѣмъ, кто, рожденный среди свободнаго народа, подъ властью права и законовъ, задумалъ властвовать въ городѣ, откуда какъ онъ зналъ, были изгнаны цари, и гдѣ въ тотъ-же годъ сыновья царской сестры ¹⁾ и дѣти консула, освободителя отечества, отцемъ были казнены сѣкирой за обнаруженный заговоръ съ цѣлью возвратить въ городъ царей; гдѣ консуль Тарквиній Коллатинъ вслѣдствіе ненавистнаго имени былъ принужденъ отказаться отъ должности и жить въ изгнаніи; гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ, предали смертной казни Сп. Кассія, за виды, направленные на царскую власть; гдѣ недавно децемвировъ за царскую гордость наказали конфискаціей, изгнаніемъ, смертью; въ этомъ-то городѣ Сп. Мелій задался надеждой царствовать! И что-же это за чело-вѣкъ?—Хотя никакая знатность, никакія почести, никакія заслуги никому не расчищаютъ пути къ господству, но все-таки и Кассій и Клавдій въ виду консульства своего и децемвирата, вознеслись душой туда, куда возноситься было грѣхомъ. Спурій-же Мелій, богатый хлѣбный торговецъ, которому приходилось болѣе мечтать о санѣ народнаго трибуна, чѣмъ надѣяться получить его—за два фунта полбы на семью надѣялся купить свободу своихъ согражданъ и думалъ, что, предлагая пищу, онъ можетъ заманить въ рабство

¹⁾ Сыновья Брута были не сыновьями, а внуками Тарквиніи, сестры Тарквинія Гордаго и матери Брута. Маленькая неточность въ рѣчи Цинцината усиливаетъ впечатлѣніе неумолимости римлянъ ко всякому посягательству на ихъ свободу. См. Вейсенборнъ I. с. Прим. ред.

побѣдителя всѣхъ сосѣднихъ народовъ; думалъ, что того человѣка, кого республика съ трудомъ могла терпѣть въ званіи сенатора, она стала-бы выносить въ санъ царя, обладающаго властью и почестями основателя Ромула, происходившаго отъ боговъ и опять взятаго къ богамъ. Не за преступленіе слѣдуетъ это считать, а скорѣе за уродство ¹⁾, и оно недостаточно искуплено кровью, пока не разнесены будутъ кровь и стѣны, за которыми родилось столько безумія, и пока имущество, оскверненное платою для пріобрѣтенія царской власти, не будетъ обращено въ собственность государства“ ²⁾.

Всѣ эти доводы черпаются въ чувствѣ достоинства римскаго народа, ведущаго свое происхожденіе отъ боговъ, торжествующаго, свыше предназначеннаго быть властелиномъ всего міра. Эта высокая оцѣнка собственнаго значенія составляетъ преобладающую страсть римлянина ³⁾: онъ умерщ-

1) По римскому взгляду всякое уродство и противоестественное явленіе было признакомъ гнѣва боговъ и его должно было уничтожить и искупить. *Прим. ред.*

2) Титъ Ливій, IV, 15.

3) Корнель также хорошо зналъ римлянъ, какъ и Ливій; въ этомъ случаѣ поэзія поясняетъ исторію:

Un jour, un jour viendra que par toute la terre
Rome se fera craindre à l'égal du tonnerre,
Et que tout l'univers tremblant dessous ses lois,
Ce grand nom deviendra l'ambition des rois.

Какъ и Ливій, Корнель чувствуетъ, что доблесть не держится сама собой, что для опоры ей необходима страсть: что основой героизма является гордость. Римлянинъ любитъ свое отечество, но потому, что оно удовлетворяетъ величай-

вляеть тирана, потому-что самъ хочетъ быть тираномъ и не изъ уваженія къ справедливости, но изъ любви къ господству. Эта потребность повелѣвать такъ естественна въ немъ, что она представляется ему правомъ, дарованнымъ свыше; убѣждать его быть справедливымъ—было-бы для него нечестіемъ и когда латиняне, втеченіе двухъ сотъ лѣтъ составлявшіе половину его войска и доставившіе Риму половину завоеваній, требуютъ равноправности, заслуженной ими, римляне возмущены этимъ, какъ святотатственнымъ посягательствомъ. Консуль прямо сказалъ: „Если такое безуміе охватитъ отцовъ сенаторовъ, что они будутъ принимать законы отъ уроженца Сеціи, то, опоясанный мечемъ, онъ придетъ въ Сенать и, какого-бы латинина онъ ни встрѣтилъ въ куріи, умертвитъ его своей рукой; затѣмъ, обернувшись къ изображенію Юпитера, консуль воскликнулъ: „Внемли ты, Юпитеръ, этому преступленію, внемлите вы, Право и Благочестіе! Какъ-бы взятый въ плѣнъ и угнетенный, ты узришь, Юпитеръ, чужеземныхъ консуловъ и чужеземный сенать въ храмъ, посвященномъ тебѣ“¹⁾.

Такая величавая надменность доказываетъ, что въ этихъ людяхъ жилъ духъ повелителей. Надо видѣть, какъ послѣ войны съ Ганнибаломъ, Сенать и полководцы журятъ или хвалятъ народы

шему изъ его желаній,—дѣлая его царемъ надъ всѣми остальными людьми. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, самоотверженіе вытекаетъ изъ эгоизма. *Прим. автора.*

¹⁾ Титъ Ливій, VIII, 5.

и государей, въ краткихъ выраженіяхъ, какъ подобаетъ повелителямъ, которые не тратятъ словъ даромъ и опускаютъ всякія предосторожности и смягченія, зная, что въ ихъ рукахъ сила и что всѣ должны быть счастливы повиноваться имъ.—Всякое правительство, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ, имѣетъ свой особенный слогъ. Въ воззваніяхъ Демосѳена ¹⁾ чувствуется великодушное негодование и краснорѣчивая скорбь народа-художника и мыслителя, который взываетъ къ богамъ и къ людямъ, свидѣтелямъ грубаго насилія и прежде, чѣмъ окончательно пасть, прикрывается своей славой. Декреты Сената похожи на приговоры судьи; онъ удручаетъ сердце повелительной суровостью прежде, чѣмъ подавить непріятеля своимъ войскомъ. Когда Котисъ проситъ Сенатъ назначить выкупъ за его сына и извиняется въ томъ, что помогалъ Персею, говоря, что онъ былъ къ тому вынужденъ:—„Римскій народъ, сказано было ему въ отвѣтъ, помнитъ дружбу, которая была у него съ Котисомъ, съ его предками и еракійскимъ народомъ. Что даны были заложники Персею, это обида для римлянъ; но оправданія этому проступку нѣтъ, такъ какъ еракійцамъ не слѣдовало бояться Персея даже во время мира, а тѣтъ менѣе, когда онъ былъ занятъ войной съ римлянами. Впрочемъ, если Котисъ и предпочелъ милость Персея дружбѣ съ римскимъ народомъ, послѣдній соображается болѣе съ тѣмъ, что достойно его самого, чѣмъ съ карой, заслуженной Котисомъ, и

¹⁾ Напримѣръ объявленіе, предшествовавшее битвѣ при Херонѣѣ.

отошлетъ ему назадъ сына и заложниковъ. Благодаренія римскаго народа—даровыя; награду за нихъ онъ предпочитаетъ оставить въ душѣ получающихъ, чѣмъ требовать на лицо“¹⁾.—Когда Попилій, очертивши своей тростью кругомъ сирійскаго царя кругъ, приказалъ ему отвѣтить прежде, чѣмъ онъ выйдетъ изъ этого круга, въ томъ не было ничего необыкновеннаго. Всякій римлянинъ обращался съ иностранцами, какъ съ подданными.

Это высокомеріе, всенародное, какъ и личное, зародившееся вмѣстѣ съ Римомъ, воспитанное цѣлымъ рядомъ побѣдъ и привычкой къ господству, породило особеннаго рода мужество. Римляне сражаются не въ порывѣ отваги и увлеченія, какъ аѳиняне; или отъ потребности дѣйствія и движенія, какъ варвары,—но по внушенію гордости и по упорству. Самыя пораженія ихъ достойны удивленія. На Требіи, при Тразименѣ, отдѣльные отряды пробиваются сквозь цѣлую побѣдоносную армію, которою они окружены. При Каннахъ, построенные въ кругъ, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ пали до послѣдняго; по мѣрѣ того, какъ передніе солдаты падали, другіе занимали ихъ мѣста²⁾. Десять тысячъ человѣкъ, оставленные въ лагерьѣ, попали въ плѣнъ; они просили, чтобы ихъ выкупили, и на площади, гдѣ собирались комиціи, толпа умоляющихъ женщинъ со слезами простирали руки къ куріи (севату); тогда консуль Манлій произнесъ слѣдующую рѣчь, которая прекраснѣе са-

1) Титъ Ливій, XLV, 42.

2) Полибій.

моотверженія всѣхъ падшихъ: „Если-бы уполномоченные просили только за тѣхъ, кто во власти враговъ, чтобы ихъ выкупить, я безъ всякихъ нападокъ на кого-либо изъ нихъ кратко изложилъ-бы свое мнѣніе; ибо что-же слѣдовало дѣлать, какъ не увѣщать васъ, чтобы вы ради примѣра, необходимаго для военнаго дѣла, поддержали обычай, переданный отъ отцовъ? Теперь-же, когда они чуть не хвалились тѣмъ, что передались врагамъ, я не потерплю, чтобы вамъ, отцы сенаторы, осталось неизвѣстнымъ что-либо изъ случившагося тамъ... Втеченіе почти цѣлой ночи П. Семпроній Тудитанъ не переставалъ уговаривать, увѣщевать ихъ послѣдовать за нимъ какъ за вождемъ, пока враги кругомъ лагеря малосильны, пока тамъ царило спокойствіе и молчаніе, пока ночь могла прикрыть предпріятіе;—онъ указывалъ, что до разсвѣта можно достигъ безопасной мѣстности, достигъ городовъ союзниковъ. Если бы П. Семпроній сказалъ, какъ на памяти дѣдовъ П. Децій, трибунъ въ Самніѣ; какъ во дни нашей юности, въ первую пуническую войну, сказалъ Кальпурній Фламма тремъ стамъ охотникамъ, когда велъ ихъ брать холмъ, расположенный въ срединѣ враговъ: „Умремте, солдаты, и нашей смертью вырвемте изъ осады окруженные легіоны!“—Если бы онъ вамъ такъ сказалъ, и никто не явился-бы ему спутникомъ въ этой доблести, то я право не считалъ-бы васъ ни мужами, ни римлянами. Но онъ указываетъ путь, ведущій столько-же къ славѣ, сколько и къ спасенію; онъ возвращаетъ васъ къ родителямъ, женамъ и дѣтямъ. Чтобы спастись, у васъ

не хватаетъ духа. Такъ что-же сдѣлали-бы вы, если-бы слѣдовало умереть за отечество? Кругомъ васъ лежатъ пятьдесятъ тысячъ гражданъ и союзниковъ, убитыхъ въ этотъ-же самый день. Кого не трогаетъ столько примѣровъ доблести, того ничто и никогда не тронетъ. Если такое ужасное пораженіе не отнимаетъ цѣны у жизни, то и никакое пораженіе не отниметъ ея. Тоскуйте по отечеству, пока вы свободны и невредимы, или лучше тоскуйте, пока есть отечество, пока вы его граждане. Теперь вы тоскуете, но слишкомъ поздно, утративши все достояніе свободнаго человѣка, лишившись правъ гражданина, обратившись въ рабовъ карфагенянъ. По выкупу хотите вы теперь вернуться туда, откуда вы удалились по собственной трусости?—П. Семпронія, своего согражданина, вы не слушаетесь, когда онъ приказываетъ взяться за оружіе и слѣдовать за нимъ. Немного спустя вы уже слушаете Ганнибала, приказывающаго предать лагерь и выдать оружіе. Однако, что-же я обвиняю ихъ въ трусости, когда могу, пожалуй, обвинить въ преступленіи?.. И васъ-то станемъ мы выкупать?—Когда слѣдуетъ сдѣлать вылазку изъ лагеря, вы медлите и ждете; когда необходимо оставаться, оружіемъ оберегать лагерь,—и лагерь, и оружіе, и самихъ себя вы передаете врагу. Нѣтъ, отцы сенаторы, я думаю, что ихъ такъ-же не слѣдуетъ выкупать, какъ не слѣдуетъ выдавать Ганнибалу тѣхъ, кто прорвался изъ лагеря сквозь ряды непріятеля и, благодаря высшей доблести, вернулъ себя отечеству ¹⁾.”

¹⁾ Титъ Ливій, XXII, 60,

Это непоколебимое мужество болѣе, чѣмъ страсть, это—доблесть. Римляне сражаются по чувству чести и долга, неспособные сдаться непріятелю, потому-что сердце мужественнаго человѣка возмущается при малѣйшей возможности пощады, потому-что униженіе хуже гибели; потому-что лучше все потерять, чѣмъ что-либо уступить ¹⁾. Потому-то Римъ вмѣстѣ съ неудачами увеличиваетъ свои притязанія, соглашается войти въ переговоры только съ тѣмъ, чтобы оказать помилованіе; потому-то онъ терпитъ вокругъ себя только тѣхъ, которые ищутъ его покровительства, только просителей и подданныхъ, и „простираетъ свое владычество до предѣловъ міра, а храбрость свою возноситъ до небесъ.“

Гордость внушаетъ спокойствіе духа. Человѣкъ, который хочетъ сохранить свое достоинство, всегда невозмутимо спокоенъ, и римлянинъ совершаетъ величайшіе подвиги безъ волненія и безъ одушевленія. Гордость обоготворяетъ отечество, потому-что оно доставляетъ гражданину славу и власть, безъ которыхъ онъ не можетъ жить. Гордость жертвуетъ семьей, потому-что считаетъ слабостью привязанности, которыми она держится. Изъ рѣчей Ливія видно, до какой степени самоотверженіе римлянина просто, спокойно и обдуманно.—К. Фабій держалъ комиціи; первая центурія избрала консуломъ его племянника, Отацилія. Фабій останавливаетъ голосованіе и хладно-кровно говоритъ: „Мы тебя испытали, Т. Отацилій,

¹⁾ Титъ Ливій, XLII, 62.

въ менѣе важномъ дѣлѣ: право, ты не подалъ ни малѣйшаго признака, по которому мы могли-бы довѣрять тебѣ въ болѣе важномъ. Флотъ, во главѣ котораго ты стоялъ, мы снарядили въ этомъ году ради трехъ цѣлей: чтобы онъ опустошалъ берега Африки; чтобы берега Италиі были у насъ въ безопасности; но прежде всего для того, чтобы подкрѣпленія вмѣстѣ съ жалованьемъ и продовольствіемъ не перевозились изъ Карѳагена къ Ганнибалу. Избирайте консуломъ Т. Отацилія, если онъ исполнилъ передъ государствомъ, не говорю, всего, но по крайней мѣрѣ хоть что-либо изъ всего этого... Тебѣ самому, Т. Отацилій, важнѣе, чѣмъ кому-либо, чтобы на твою шею не возложили бремени, подъ которымъ ты можешь пасть... Глашатай, призови снова къ подачѣ голоса младшую центурію аніенской трибы".—Такъ какъ Т. Отацилій грубо и громко кричалъ, что Фабій хочетъ продлить собственное консульство и мѣшалъ своимъ крикомъ, то консуль велѣлъ ликторамъ приблизиться къ нему и напомнилъ, что вмѣстѣ съ лозами впереди него несутъ сѣкиры, такъ какъ вѣдь онъ не вошелъ еще въ городъ, непосредственно съ пути отправившись на Марсово поле¹⁾.

Фабій такъ увѣренъ въ своемъ безкорыстіи, что

1) Титъ Ливій, XXIV, 8.—Консуль только внѣ города Рима имѣлъ право надъ жизнью и смертью гражданъ—признакомъ чего служили сѣкиры въ фасцахъ; въ самомъ-же городѣ онъ терялъ эту власть. Но Фабій еще обладалъ этой властью, такъ какъ прямо съ похода, не проходя черезъ Римъ, отправился на Марсово поле, на которомъ собирались комиціи, и которое лежало внѣ городской черты. *Прим. ред.*

онъ не боится показаться честолюбцемъ и деспотомъ, и народъ, который судить также, какъ и онъ, тутъ-же избираетъ его консуломъ.

Сынъ Манлія вступилъ въ бой противъ повелѣнія своего отца. Онъ возвращается съ непріятельской добычей. Не сказавши ему ни слова, отецъ отворачивается, велитъ трубить, чтобы созвать войско и тотчасъ же произноситъ слѣдующій приговоръ: „Такъ какъ ты, Т. Манлій, не уважая ни консульской власти, ни достоинства отца, вопреки нашему приказу, внѣ строя сразился съ врагомъ и, сколько могъ, пошатнулъ военную дисциплину, на которой до сего дня покоилось римское государство; такъ какъ ты поставилъ меня въ такую необходимость, что я долженъ забыть или о государствѣ, или о себѣ и своихъ: то лучше намъ за нашъ проступокъ понести наказаніе, чѣмъ государству съ такимъ ущербомъ искупить наши грѣхи. Мы послужимъ примѣромъ печальнымъ, но за то въ будущемъ благодарственнымъ для юношества. Меня трогаетъ, правда, какъ врожденная нѣжность къ дѣтямъ, такъ и примѣрная доблесть, которую ты обнаружилъ, обманутый пустымъ призракомъ славы; но такъ какъ приходится или твоею смертию освятить повелѣнія консуловъ, или безнаказанностью лишить ихъ на вѣки силы, я думаю, что даже ты, если въ тебѣ есть хоть капля нашей крови, не откажешься своей казнью возстановить военную дисциплину, пошатнувшуюся по твоей винѣ. Иди, ликторъ, привяжи его къ столбу!“¹⁾

¹⁾ Титъ Лив. VIII., 17.

Это разсужденіе, которое заканчивается, какъ бы ударомъ топора, ужасно, потому-что оно внезапно. По этому примѣру можно судить, до какой крайней степени была натянута у римлянъ сила воли. Въ душѣ магистрата находилось какъ-бы постоянное судилище, откуда каждую минуту могъ изойти всегда готовый приговоръ. Имъ не было надобности подниматься выше самихъ себя, чтобы достигнуть самоотверженія; они были къ тому склонны по природѣ. Такъ дикіе народы въ Америкѣ спокойно подвергали свои члены истязаніямъ, — по воспитанію, по темпераменту, по привычкѣ и по природѣ дѣлая, какъ бы шутя, то, на что едва хватало всей экзальтаціи мучениковъ. — Когда гаруспексъ изрекъ, что побѣдоносное войско должно лишиться своего полководца, Манлій и его товарищъ, безъ всякаго волненія, созываютъ наканунѣ битвы офицеровъ и въ ихъ присутствіи условиваются между собой, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ войско дрогнетъ, одинъ изъ нихъ принесетъ себя въ жертву.

По гордости гражданина Ливій рельефно выставляетъ лучшія стороны римскаго характера; по мѣткости оратора онъ обнаруживаетъ его выдающіяся черты: ибо онъ долженъ приноравливать свои доводы къ своимъ слушателямъ и дѣйствовать на римскія страсти римскими аргументами. Вдумайтесь со словъ Камилла въ римскую религію, — эту религію, которая не болѣе, какъ внѣшній культъ, до того она мелочна, такъ заботливо она охраняетъ освященныя формы, такъ она привязана къ внѣшнимъ обрядамъ, соблюдая не духъ, а букву; одна

религія мѣшаетъ народу переселиться въ Вей, потому-что, имѣя чисто политическій и мѣстный характеръ, она привязываетъ къ почвѣ правительство и гражданина. „Мы имѣемъ городъ, основанный въ согласіи съ предзнаменованіями и по указаніямъ гаданій. Каждое мѣсто въ немъ полно святилищъ и боговъ; для торжественныхъ жертвоприношеній установлены какъ дни, такъ и мѣста, гдѣ ихъ должно совершать. И всѣхъ этихъ боговъ, общественныхъ и семейныхъ, вы собираетесь покинуть, квириты? Какъ мало походить вашъ поступокъ на подвигъ, который недавно во время осады, на глазахъ враговъ, не менѣе насъ удивленныхъ, совершилъ благородный юноша К. Фабій, когда, среди дротиковъ галловъ, спустившись изъ крѣпости, онъ исполнилъ на квиринальскомъ холмѣ праздничный обрядъ, священный для рода Фабіевъ! Неужели священнодѣйствія родовъ не слѣдуетъ прекращать даже во время войны, а общественныя сватыни и римскихъ боговъ можно бросить даже во время мира? И неужели первосвященники и жрецы будутъ менѣе внимательны къ общественному богослуженію, чѣмъ частный человѣкъ къ праздничному обряду своего рода?—Пожалуй, возражать, что мы можемъ совершать всѣ наши обряды въ Вейхъ, или для того посылать нашихъ жрецовъ сюда; но ни того, ни другого нельзя сдѣлать, сохраняя въ цѣлости обряды. И, чтобы не перечислять всѣхъ боговъ и всѣхъ отдѣльныхъ священнодѣйствій,—неужели при пиршествѣ Зевса можно взять на себя приготовить богамъ пультви-

наръ (подушки ¹⁾) гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, кромѣ Капитолія? Что сказать мнѣ о вѣчныхъ огняхъ Весты и объ изображеніи, которое, какъ залогъ власти, хранится стражей этого храма?—что сказать о вашихъ щитахъ, Марсъ Градивъ, и ты, отецъ Квириръ? Развѣ всѣ эти святыни, по древности равныя городу, иныя даже древнѣе его основанія, хотите вы покинуть на мѣстѣ, лишенномъ святости? При этомъ взгляните, какое различіе между нами и предками. Тѣ передали намъ извѣстные священные обряды, которые слѣдуетъ совершать на альбанской горѣ и въ Лавиніумѣ. Если перенесеніе священнодѣйствія изъ вражескихъ городовъ къ намъ въ Римъ могло возбудить религіозныя сомнѣнія, то какъ-же мы отсюда перенесемъ ихъ безъ святотатства въ Вей, городъ враговъ?.. Мы говоримъ о священныхъ обрядахъ и храмахъ; а что-же послѣ того скажемъ мы о жрецахъ? Неужели намъ не приходитъ на умъ, сколько грѣха мы беремъ на себя? Вѣдь у весталокъ одно только и можетъ быть жилище, откуда ничто и никогда не могло заставить ихъ двинуться, кромѣ взятія города; для фламينا Юпитера провести одну ночь внѣ города уже грѣхъ, а мы этихъ жрецовъ изъ римлянъ намѣрены превратить въ вейентовъ. И неужели-же твои весталки покинутъ тебя, Веста? и фламинъ, живя въ чужомъ городѣ, каждую ночь

1) Въ Римѣ существовалъ особый обрядъ угощенія боговъ на Капитоліѣ, при чемъ на подушкахъ располагали ихъ атрибуты, или изображавшія ихъ восковые маски, и подносили имъ яства отъ жертвоприношеній или съ пиршества, происходившаго въ это время во всемъ городѣ. *Прим. ред.*

будетъ навлекать на себя и на государство такой грѣхъ?—А какому забвенію и какому небреженію предадимъ мы все другое, что, по указаніямъ гаданій, мы почти исключительно совершаемъ въ предѣлахъ священной черты! Собранія по куріямъ, которыя вѣдаютъ всѣ военныя дѣла, собранія по центуріямъ, на которыхъ вы избираете консуловъ и военныхъ трибуновъ, —гдѣ-же могутъ они дѣйствовать по указаніямъ гаданій, кромѣ ихъ обычнаго мѣста?.. Здѣсь Капитолій, гдѣ нѣкогда была найдена человѣческая голова, и было сдѣлано прорицаніе, что на этомъ мѣстѣ надлежитъ быть главѣ міра и совокупности власти; здѣсь-же, когда по указаніямъ гаданій, на Капитоліѣ уничтожали святыни, —Юность и Терминъ ¹⁾, къ великой радости вашихъ предковъ, не допустили сдвинуть себя съ мѣста. Здѣсь огни Весты, здѣсь щиты, посланные съ неба; здѣсь всѣ боги, готовые благоволить вамъ, если вы останетесь на мѣстѣ“ ²⁾.

Видно, что любовь къ отечеству имѣетъ въ Римѣ столько-же религіозное, сколько и политическое основаніе; боги ихъ —обитатели этой земли и римляне. Какова-же должна быть сила того чувства, въ которомъ соединяются всѣ другія чувства? Въ

¹⁾ Когда Тарквиній Гордый при построеніи большого храма Юпитера Капитолійскаго хотѣлъ, для того, чтобы очистить для него мѣсто, удалить различныя мелкія святыни, авгурии воспретили смѣщеніе святилища Юности и Термина—бога межи и границы: римляне видѣли въ этомъ вящее доказательство святости и неприкосновенности межевыхъ знаковъ.

Прим. ред.

²⁾ Тигъ Ливій, V, 52—54.

наше время они раздѣлены. Городъ, гдѣ живешь, религія, которой слѣдуешь, государство, къ которому принадлежишь, образуютъ три разныхъ міра, всегда отличныхъ между собой, а иногда и враждебныхъ. У древнихъ былъ одинъ міръ—это ихъ гражданская община¹⁾. Она вся заключалась въ городѣ; ей приносилась въ жертву семья; она сливалась съ религіей; сердце и мысль человѣка всецѣло принадлежали отечеству, и съ какой-бы стороны вы ни заглянули въ его душу, вы увидѣли-бы въ немъ только гражданина.

Но обладаютъ-ли изображаемыя въ рѣчахъ Ливія лица своеобразными чертами и истинной окраской? Едва-ли.—Правда онъ хорошо сдѣлалъ, упомянувъ, что Цинцинать пахалъ землю; но это вскользь брошенное слово не представляетъ намъ живо римлянъ за плугомъ. Они слабо рисуются въ нашемъ воображеніи, пока намъ не сдѣлаются осязательными грубыя мелочи ихъ домашней жизни. Мы постигаемъ умомъ идеи, а не образы, и мы ищемъ руки, которая-бы рѣзче обозначила и закрѣпила эти смутныя и колеблющіяся очертанія. Мы ищемъ у Ювенала, у Плутарха, у Катона болѣе наглядныхъ фактовъ, болѣе самобытныхъ чертъ, болѣе яркихъ красокъ. Послѣдніе дѣйствительно живописуютъ, когда представляютъ своихъ предковъ, подъ жгучимъ солнцемъ воздѣлывающихъ землю безъ одѣянія, „обрабатывая каменистую почву и скалы Сабинума, пьющихъ на концѣ поля во время роздыха немного воды съ уксусомъ; по три хозяина

¹⁾ Критонъ, рѣчь Сократа.

въ одной избушкѣ и съ однимъ рабомъ; вечеромъ они ужинаютъ за однимъ столомъ овощами“. — Мало сказать, что древніе римляне были бѣдны и воздержны; эти общія выраженія, пригодныя въ ученomъ разсужденіи, ни къ чему не служатъ въ картинѣ. Надо говорить не разсудку, а воображенію; а на воображеніе можно подѣйствовать только мелочами со всей ихъ реальностью и первобытной простотой; надо обойти и осмотрѣть гумно, хлѣва, всѣ орудія и принадлежности сельскаго хозяйства. Ливій, двадцать разъ упоминающій, что римлянамъ досталась великая добыча, поражаетъ гораздо менѣе, чѣмъ Авль-Геллій, который даетъ понятіе объ этой добычѣ: пика, ручка деревяннаго копья, рѣпа, разный фуражъ, мѣхъ для вина, мѣшокъ, факель, — вотъ что солдатъ можетъ оставить себѣ изъ добычи; и онъ даетъ клятву военнымъ трибунамъ, что ни въ римскомъ лагерѣ, ни на десять миль въ окружности, онъ не украдетъ болѣе, чѣмъ на серебряную монету, въ день.

Благородныя выраженія и краснорѣчивые обороты не рисуютъ намъ этихъ крестьянъ, которые грабятъ такихъ-же крестьянъ, какъ они сами. Послѣдуйте за патриціями въ ихъ загородныя дачи; разглядите человѣка въ героѣ, — суроваго и расчетливаго хозяина въ великомъ человѣкѣ. Скажите намъ, какъ Катонъ ¹⁾, что Маній и Маркъ Манлій нашли средство выскребать отстой вина изъ бочекъ; что сенаторы передаютъ другъ другу рецепты, какъ лѣчить больныхъ быковъ, какъ

1) Катонъ, о земледѣліи, 152.

соль сдѣлать бѣлой, какъ сохранять одежду отъ порчи насѣкомыхъ. Тогда намъ станетъ понятно, что они обрабатываютъ землю не изъ философскаго принципа и не для того, чтобы выказать величіе души, а изъ корысти, для того, чтобы „содержать домъ въ чести“; то были настоящіе сельскіе хозяева, которые, желая похвалить честнаго человѣка, называютъ его хорошимъ работникомъ, хорошимъ пахаремъ, — такіе превосходные хозяева, что Метелль въ надгробномъ словѣ включилъ въ число десяти добродѣтелей своего отца его умѣнье нажить много денегъ ¹⁾. Отъ Катона мы можемъ узнать, какъ они умѣли считать и получать прибыль. Его діалогъ управляющаго съ хозяиномъ стоитъ описанія любой битвы: „Пусть отецъ семейства, какъ только прибудетъ на мызу, какъ только поклонится семейному лару, если можетъ, въ тотъ-же день обойдетъ имѣніе; если не въ тотъ-же день, то покрайней мѣрѣ на слѣдующій. Какъ только онъ увидитъ, какъ воздѣланы поля, какія работы исполнены, и какія не исполнены, пусть на слѣдующій день позоветъ управляющаго; пусть спроситъ, какая работа сдѣлана, какая остается; во-время-ли окончена работа, и можетъ-ли онъ докончить то, что еще остается; и сколько добыто вина, хлѣба и всѣхъ другихъ продуктовъ. Какъ только онъ это узнаетъ, слѣдуетъ приступить къ разсчету труда и дней. Если работа окажется не удовлетворительной, управляющій говоритъ, что

¹⁾ Цицеронъ. Онъ прибавляетъ, правда, „хорошими средствами“.

онъ былъ старателенъ, но что рабы были больны, что погода была плохая, что рабы убѣгали, а то отбывали общественныя работы. Какъ только онъ выскажетъ эти причины и многія другія, пригласи управляющаго къ новому расчету труда и рабочихъ дней. Если стояло дождливое время, посмотри, сколько было такихъ дней, или какія работы можно было исполнить во время дождя—мыть бочки, смолить ихъ, чистить мызу, перевозить хлѣбъ, выносить навозъ наружу, дѣлать навозныя ямы, очищать сѣмена, чинить старые канаты и дѣлать новые... По праздникамъ можно было поправлять старыя канавы, работать надъ общественными дорогами, подрѣзывать терновникъ, вскапывать садъ, чистить лугъ, вязать прутья, обрывать шипы, мѣсить полбу... Если рабы болѣли, не слѣдовало выдавать столько съѣстныхъ припасовъ... Пусть продаетъ масло, если оно въ цѣнѣ, вино, хлѣбъ, которые остаются. Пусть продаетъ старыхъ быковъ, телятъ, ягнятъ, шерсть, кожи, старыя телѣги, старое желѣзо, стараго раба, раба хвораго, и, если еще что остается, пусть продаетъ и то. Отецъ семейства долженъ быть охотникомъ до продажи, а не до покупки“¹⁾.

Ужасный слогъ, точный и сухой, какъ цифры; это руководство для администраторовъ и хозяевъ²⁾. Эта прозорливость скупости, этотъ заранее придуманный допросъ, требующій у упра-

¹⁾ М. П. Катонъ, De re rustica, с. 2.

Прим. ред.

²⁾ Сравнить эту книгу съ „Экономикомъ“ Ксенофонта, (диалогъ о веденіи хозяйства, преимущественно-же о земледѣліи).

Прим. ред.

вляющаго отчета до единой мѣры ячменя и до одинаго часа работы, эта эксплуатація болѣзни, старости, дождливыхъ дней, праздниковъ, — все это указываетъ, какой сильной и жадной рукой римлянинъ станетъ выжимать землю и человѣка. Эта душа, подобно душѣ Аппія Цека, представляетъ собою постоянно натянутый лукъ. Вамъ становится, наконецъ, понятно это непоколебимое мужество при Тразименѣ, при Каннахъ; оно питается гордостью и любовью къ отечеству, но еще болѣе привито воспитаніемъ и сельской жизнью. „Изъ пахарей, говоритъ Катонъ, выходятъ самые бойкіе солдаты и самые мужественные люди“¹⁾. Тотъ, кто втеченіи пятнадцати лѣтъ разбивалъ каменистую почву Сабинума, цѣлый день простоялъ на ногахъ въ пыли, на берегу Вултурна, осыпаемый градомъ нумидійскихъ стрѣлъ, гальскихъ копій, и подъ ударами испанскихъ мечей, ударяя по непріятелю такъ-же, какъ онъ ударялъ землю, съ дикимъ упорствомъ, падая только тогда, когда потерялъ всю кровь, и тутъ еще раздирая зубами лицо павшаго врага, или уткнувшись головой въ песокъ, чтобы испустить послѣднее дыханіе.

Когда отецъ семейства совершилъ продажу, сдѣлалъ расчетъ урожая, отмѣтилъ письменно, какое поле нужно засѣять пшеницей, какое ячменемъ, — онъ возвращается въ Римъ. У Ливія мы видимъ его на форумѣ, обсуждающимъ законы, но не видимъ его у себя дома, занятымъ какой-нибудь тяжбой и своими домашними дѣлами. Мы знаемъ

¹⁾ Катонъ. О земледѣліи, предисловіе.

только его общественную дѣятельность. Горацій и законовѣды раскрываютъ намъ его частную жизнь.

Долго было обычной отрадою Рима, отперши
Рано свой домъ, вставать, разъяснять законы кліенту,
Деньги умно раздавать, обезпечившись записью вѣрной,
Старшихъ выслушивать, юныхъ учить; чѣмъ можно, достатокъ
Преумножить, и чѣмъ уменьшить разореніе отъ страсти ¹⁾.

Раннимъ утромъ Тиберій Корунканій или Секстъ
Элій засѣдаютъ въ атриумѣ своего дома между
изображеніями предковъ и даютъ объясненія своимъ
кліентамъ по юридическимъ вопросамъ. Они пере-
даютъ имъ судебныя формулы, учатъ ихъ прие-
мамъ и лицедѣйствію на судѣ, всѣмъ этимъ под-
робностямъ символическаго состязанія, безъ помо-
щи которыхъ нельзя быть допущеннымъ къ тому,
чтобы доискаться путемъ суда своего спорнаго
имущества ²⁾. Кліентъ старается запечатлѣть въ

1) Горацій, Посланія, кн. II, Пос. 1. Переводъ А. Фета.

2) Въ древнемъ Римѣ гражданскіе иски велись на основа-
ніи формулъ, строго опредѣленныхъ закономъ: отсюда назва-
ніе этихъ формулъ—*legis actiones* (т. е. *legum verbis accomo-
datae*). Образчикомъ строгой формальности древне-римскаго
процесса можетъ служить случай приведенный Тэномъ въ
текстѣ. Если кто жаловался на то, что у него попортили
или порубили виноградную лозу (*vites*), онъ долженъ былъ
вести искъ о порубкѣ *дерево* (*arbores*); иначе онъ проигры-
валъ искъ, такъ какъ не было особой судебной формулы
для иска о порубкѣ виноградной лозы. Самый процессъ
этого времени былъ преисполненъ различныхъ символи-
ческихъ обрядовъ и приемовъ: копые, комъ земли, кусокъ
металла, вѣсы и т. п. служили осязательнымъ олицетворе-
ніемъ юридическихъ понятій или предметовъ, около которыхъ
вращался искъ; для истца и отвѣтника, кромѣ опредѣлен-

своей памяти завѣтныя слова, и узнаеть, что если онъ, въ случаѣ тяжбы за виноградники, скажетъ *vites*, вмѣсто *arbores*, какъ полагаетъ законъ,—онъ проиграеть процессъ. Въ Аѳинахъ молодые люди разсуждали о высшемъ благѣ и восхищались поэтическими рѣчами Платона. Въ Римѣ они вели споры о томъ, кому принадлежитъ приплодъ отданной въ наемъ скотины, хозяину или

ныхъ терминовъ, были обязательны извѣстные жесты и лицедѣйствія; и весь процессъ представляетъ собой, такъ сказать, мнимый судебный поединокъ (*manuum conseratio*), символически отражая на себѣ обычай еще болѣе древней и грубой эпохи. Легко можно себѣ представить, какое значеніе имѣли при такомъ положеніи дѣла патриціи-законовѣды (*juris consulti, prudentes*), которые одни могли научить и наставить истца. Засѣдая не въ *вестибуль*, какъ сказано у Тэна, а въ *атриумъ*, въ самой древней и священной части римскаго дома, названной отъ *чернаго* дыма, выходившаго изъ сдѣланнаго въ потолокъ отверстія,—они наставляли и своихъ кліентовъ и всѣхъ, кто къ нимъ обращался. Чѣмъ выше была репутація законовѣда, тѣмъ значительнѣе была толпа, являвшаяся къ нему на совѣтъ.

Важный переворотъ произвелъ въ этомъ положеніи дѣла Гней Флавій, секретарь Анпія Клавдія Цека (Слѣпаго), обнародовавшій около 300 г. до Р. Х. священныя судебныя формулы. Вскорѣ затѣмъ и плебеи стали вѣдать право и учить ему. Первымъ изъ нихъ былъ Т. Корунканій († 255 г. до Р. Х.); онъ-же былъ первый плебей, достигнувшій сана великаго понтифекса. Еще болѣшую извѣстность пріобрѣлъ Секстъ Элій (конс. 199 г.), написавшій юридическое сочиненіе *Jus Aelianum* (*Triperitita*), особая часть котораго была посвящена судебнымъ формуламъ. Ему приписывается также изобрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ судебныхъ формулъ для такихъ исковъ, гдѣ ихъ не было. Между тѣмъ, какъ говорить Гай, эта форма процесса все болѣе становилась нена-

наемщику ¹⁾); они собирают приговоры, исходящие изъ устъ законовѣдовъ, или, какъ Катонъ, оставивши земледѣліе, отправляются въ маленькіе сосѣдніе городки защищать на судѣ своихъ кліентовъ. Первый римлянинъ, который сталъ писать, Фабій Пикторъ, сочинилъ шестнадцать книгъ по жреческому праву.

Чего недостаетъ Ливію, видно изъ того, что другіе добавили къ нему. Ему слѣдовало выбирать подробности болѣе яркія и болѣе характерныя; дѣйствующія лица у него не достаточно близки къ правдѣ и не довольно живы; они остаются въ какомъ-то полу-свѣтѣ, на половину возсозданныя и вызванныя къ жизни. Конечно, послѣ того, какъ вы прочитали исторію Ливія, вы сами постараетесь придать его образамъ болѣе рельефности и выраженія; вы будете поражены при видѣ этихъ неподвижныхъ чертъ лица, этого низкаго и выступающаго лба, этой жесткой и сосредоточенной фізіономіи; и вамъ живо представится упрямая толпа, которая во дни торга, прибывая въ пыль-

вистна, „такъ какъ по причинѣ ея случалось проигрывать искъ и тому, кто былъ совершенно правъ“; около 150 г. до Р. Х. этотъ древній процессъ сталъ уступать мѣсто другому, который представляетъ собой плодъ судебной дѣятельности римскихъ преторовъ и философскаго размышленія законовѣдовъ, и въ постепенномъ развитіи котораго проявился во всей своей творческой силѣ юридическій геній Рима. Приведенныя въ текстѣ слова Тэна, которыя мы были принуждены пояснить этимъ длиннымъ примѣчаніемъ, заимствованы имъ у Ортолана (Hist. de la législ. Rom. p. 140, 197).

Прим. ред.

1) Цицеронъ, Объ истинномъ благѣ и истинномъ злѣ.

ныхъ узкихъ улицахъ, скопляется и напираетъ плотной массой вокругъ Ростръ¹⁾, своими корявыми мускулистыми руками оттѣсня ликторовъ консула среди криковъ и брани.

Ливій лишь немногими общими чертами рисуетъ характеръ побѣжденныхъ народовъ. Однако мы видѣли, что онъ хорошо представилъ воспріимчивый умъ и ученую риторику аѳинянь, шумную запальчивость и дряблый нравъ галловъ. А вотъ картина азіатскихъ народовъ: „Посланный Антиоха, хвастливый говорунъ, какъ и большинство тѣхъ, кто кормится на царскія средства, пустымъ звономъ своихъ словъ наполнилъ моря и земли: будто-бы безчисленная сила всадниковъ переходитъ черезъ Геллеспонтъ въ Европу; часть ихъ — панцырники, которыхъ зовутъ катафрактами; часть — съ лошади пускаютъ въ ходъ стрѣлы такъ, что даже во время бѣгства, повернувъ лошадь тыломъ, поражаютъ совершенно мѣтко, — способъ сражаться, противъ котораго нѣтъ достаточной защиты. Кромѣ этихъ конныхъ силъ, — хотя онѣ могли бы раздавить даже войска всей Европы, собранныя воедино, посоль сулилъ еще пѣшія силы всякаго рода, пугая также именами племень, едва извѣстныхъ по наслышкѣ, — называя даговъ, мидянь, элимейцевъ, кадузіевъ. Съ другой стороны среди морскихъ силъ, которыя никакія гавани Греціи не

1) Трибуна на римскомъ форумѣ, съ которой магистраты и ораторы говорили съ народомъ, была украшена носами (rostra) непріятельскихъ кораблей и потому просто называлась *рострами*.

могли-бы вмѣстить, правое крыло составляютъ будто-бы сидонцы и тирійцы, лѣвое—арадійцы и сидеты изъ Памфиліи, съ которыми никогда ни одно племя не могло сравниться ни по искусству, ни по отвагѣ въ морскомъ дѣлѣ. Рассказывать о деньгахъ, о другихъ средствахъ къ войнѣ—было-бы излишнимъ: они знаютъ сами, что царства Азіи всегда изобиловали золотомъ. И такъ, римлянамъ придется имѣть дѣло не съ Филиппомъ и не съ Ганнибаломъ, изъ которыхъ одинъ глава отдѣльнаго города, другой ограниченъ только предѣлами македонскаго царства,—но съ великимъ царемъ всей Азіи и части Европы“.¹⁾

Никогда непріятель, продолжаетъ Ливій, не былъ болѣе презираемъ римлянами²⁾; они хотѣли напасть на него въ лагерь; а въ сраженіи, на триста пятьдесятъ солдатъ, которыхъ они потеряли,—сами они, говорятъ, избили пятьдесятъ тысячъ. Царь приказалъ своимъ посланнымъ согласиться на всѣ условія, каковы-бы они ни были. Просьбы ихъ были раболѣпно-униженныя: „Мы не столько сами имѣемъ, что сказать, сколько спросить у васъ, римляне, какой кáрой можемъ мы искупить заблужденіе царя и добиться у побѣдителей мира и прощенія? Съ великодушіемъ всегда прощали вы побѣжденнымъ царямъ и народамъ; съ тѣмъ бóльшимъ величіемъ и спокойствіемъ духа подобаетъ вамъ дѣйствовать при этой побѣдѣ, которая сдѣлала васъ владыками земли! Уже покончивши съ борь-

1) Титъ Ливій, XXXV, 48.

2) Т. Л. XXXVI, 39.

бой противъ всѣхъ смертныхъ, вамъ слѣдуетъ, какъ богамъ, заботливо щадить человѣческій родъ“¹⁾.

Все та-же напыщенность и въ раболѣпствѣ, какъ въ надменности; эти суетныя души оскорбляютъ и унижаются съ одинаковымъ лицомъ, всегда съ преувеличеніями и съ ложью, неспособные соблюдать мѣру или истину.— Можно еще отыскать кое что у Ливія о мужествѣ самнитовъ, о легкомысленномъ одушевленіи грековъ, о коварствѣ карфагенянъ, но это все эскизы, а не портреты. Ливій охотнѣе изображаетъ непосредственныя, общія людскія страсти, чѣмъ сложныя, самобытныя національныя страсти. Краснорѣчіе не то-же, что воображеніе, и, когда нужно быть живописцемъ — опасно быть ораторомъ.

II. Изъ за этихъ общихъ изображеній возстаютъ образы замѣчательныхъ мужей. Если намъ пріятно знать вкусы, понятія, внѣшніе приемы и языкъ воображаемаго лица, насколько это интереснѣе, когда рѣчь идетъ о Ганнибалѣ, о Павлѣ Эмилиѣ, о Сципіонѣ. Здѣсь историкъ становится истиннымъ поэтомъ. Одинаковый талантъ нуженъ для воспроизведенія, какъ и для созданія лица.

Коріоланъ, Аппій, Цинцинать и нѣсколько другихъ, уже отличаются между собой, но еще плохо выдѣляются на общемъ и однообразномъ фонѣ патриціанскихъ нравовъ. Около второй пунійской войны болѣе точныя свидѣтельства придаютъ лицамъ болѣе явственный отпечатокъ, и Ливій от-

¹⁾ Титъ Ливій, XXXVII, 45.

крываетъ новый отдѣлъ своего повѣствованія изображеніемъ Ганнибала ¹⁾).

„Будучи посланъ въ Испанію, Ганнибалъ тотчасъ-же при первомъ появленіи привлекъ къ себѣ все войско. Старымъ солдатамъ думалось, словно Гамилькаръ вернулся къ нимъ юношей; они видѣли ту-же жизненность фізіономіи, ту-же энергію во взорѣ, то-же выраженіе и тѣ-же черты лица. Но затѣмъ въ короткое время онъ сдѣлалъ такъ, что сходство съ отцемъ имѣло уже очень немного значенія въ снисканіи ему расположенія. Никогда еще никто не обладалъ въ такой мѣрѣ противоположной способностью—повелѣвать и повиноваться. Поэтому не легко было различить, кому онъ былъ дороже, полководцу или войску. Какъ Газдрубалъ не любилъ поручать начальство кому-либо иному въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось выполнить что-нибудь быстро и рѣшительно; такъ и солдаты подъ предводительствомъ другого вождя дѣйствовали менѣе увѣренно и отважно. Величайшая отвага являлась у него въ виду опасности, величайшее благоразуміе—среди самой опасности. Никакія усилія не могли утомить тѣла, ни осилить его духа; одинаковая выносливость въ жаръ и въ холодъ; умѣренность въ пищѣ и питьѣ, опредѣляемая природной потребностью, а не наслаженіемъ. Время, что оставалось отъ дѣлъ, удѣлялось покою; но и отдыха искалъ онъ себѣ не на мягкомъ ложѣ и не въ тишинѣ: многіе видѣли его не разъ подъ солдатскимъ плащемъ, лежащимъ на землѣ среди

¹⁾ Сравнить съ Мишле, Римская исторія, II.

часовыхъ и солдатскихъ пикетовъ. Одежда его нисколько не выдавалась среди ей подобныхъ; только оружіе и лошади бросались въ глаза. Между всадниками и пѣхотинцами одинаково былъ онъ самымъ первымъ; первымъ шелъ онъ въ битву, послѣднимъ уходилъ изъ завязавшейся схватки. Съ такими высокими доблестями полководца равнялись и выдающіеся пороки: нечеловѣческая жестокость, вѣроломство, удивительное даже для пунійца; въ немъ не было ничего правдиваго; ничего святого для него—ни страха передъ богами, ни уваженія къ клятвѣ, ни религіознаго чувства“¹⁾.

Это пріемъ ораторскій; Ливій не такъ заботится о томъ, чтобы познакомить насъ съ Ганнибаломъ, какъ расположить насъ въ пользу римлянъ; указать на геніальность и на пороки непріятели,— не значитъ-ли внушить сочувствіе къ успѣху римлянъ и оправдать ихъ пораженія? Поставимъ себѣ другую цѣль и примемъ во вниманіе замѣчаніе новаго историка²⁾, что это войско—родина Ганнибала и достояніе его рода, было наемное. Намъ станетъ понятно, какое превосходное и вмѣстѣ пагубное воспитаніе онъ получилъ въ этомъ лагерѣ, который былъ сборищемъ наемныхъ разбойниковъ, возвращавшихся съ войны виновными въ ничѣмъ неискупаемыхъ злодѣйствахъ, и который представлялъ смѣсь всѣхъ вѣрованій, всѣхъ языковъ, всякихъ нравовъ, безъ роду и отечества, „по истинѣ странствующій Содомъ, отъ котораго

1) Титъ Ливій, XXI, 4.

2) Мишле, Римская исторія.

въ ужасѣ отвернулся-бы и древній Содомъ“. Ганнибаль предалъ свою красоту Газдрубалу, Газдрубаль—Гамилькару, и такимъ образомъ передавалось предводительство войска ¹⁾. Но двадцать лѣтъ непрерывныхъ войнъ, три замѣчательныхъ полководца, столько битвъ съ упорными испанцами, сдѣлали ихъ лучшими воинами тогдашняго міра, также хорошо выдержанными въ дисциплинѣ, столь же мужественными по ремеслу, какъ римляне были мужественны изъ гордости. Ганнибаль, вскормленный въ походной палаткѣ, подобно имъ—авантюристъ и солдатъ. Послѣ сраженія при Замѣ онъ сбрасываетъ съ трибуны Гискона, который говорилъ противъ мира; онъ громогласно смѣется надъ сенаторами, которые горюютъ о томъ, что нужно выплатить контрибуцію; воинъ и человѣкъ дѣла, онъ цѣнитъ, какъ они того заслуживаютъ, этихъ говорунцовъ и торгашей. Онъ вноситъ въ свою тактику хитрости полководца-авантюриста—засады, неожиданныя нападенія, интриги. Онъ каждый день укрывается подъ новымъ одѣяніемъ, чтобы сдѣлать тщетными направленные противъ него заговоры и покушенія галловъ вспомогательнаго отряда; онъ ускользаетъ отъ Фабія, разбиваетъ Семпронія, истребляетъ Фламинія, умерщвляетъ Марцелла—все съ помощью военныхъ хитростей. Онъ удерживаетъ солдатъ, какъ Валленштейнъ, „расточая деньги, по словамъ Діона, требуя полной преданности, немедленнаго повиновенія, и относясь съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ къ остальнымъ людямъ“.

1) Титъ Ливій, XXI, 2 и 3.

Онъ поступаетъ съ Италіей также, какъ Тилли поступилъ съ Магдебургомъ, бросая въ колодцы сенаторовъ города Ацерры, живыми сожигая женъ тѣхъ, кто покидалъ его; переселяя въ равнины подозрительныя городскія общины, избивая италиковъ, которые не хотѣли переправиться съ нимъ въ Африку. Человѣкъ, который сдѣлалъ своимъ кумиромъ случай и силу, охотно предается суевѣрію; такъ Валленштейнъ вопрошалъ о своей участи небесныя свѣтила. — „Ганнибалъ умѣлъ искусно читать будущее по внутренностямъ жертвъ“. Всѣ эти черты его характера носятъ на себѣ отпечатокъ его воспитанія; онъ хитеръ и несправедливъ, правда, — но по своему. Въ каждомъ человѣкѣ общія всѣмъ качества становятся индивидуальными, и краски переходятъ въ оттѣнки. Каждому изъ насъ особая судьба дала своеобразный обликъ; обстоятельства, вліяющія на развитіе человѣческой души, складываются извѣстнымъ образомъ только для нея одной, и формы, въ которыя природа отливаетъ людей, служатъ ей лишь на одинъ разъ. Ливію слѣдовало-бы почаще разбивать свои формы. Но если его произведеніе имѣетъ мало жизненности, все же оно представляетъ много величія; своимъ краснорѣчіемъ онъ поднимается на высоту изображаемаго имъ лица; онъ достоинъ того, чтобы приводить въ дѣйствіе „колоссовъ древности“. Рѣчь Ганнибалла къ Сципіону уже есть у Полибія; но тамъ она представляетъ лишь краткое изложеніе доводовъ, безъ всякой выразительности или убѣдительнои силы; она такова, что всякій могъ бы ее сказать.

Ливій влагаетъ душу въ эти безжизненные рѣчи, — душу Ганнибала; тотъ, кто у него говоритъ, — старикъ, глубокой политикъ, побѣдитель, понимающій, что первое пораженіе погубитъ Карфагенъ; онъ чувствуетъ, что счастье измѣняется; онъ помнитъ еще Канны, но уже предвидитъ Заму. Онъ льститъ Сципіону, но льститъ благородно: это знатокъ своего дѣла, который хвалитъ молодого человека, счастливаго на войнѣ, и даетъ ему совѣты. Нельзя быть болѣе вкрадчивымъ, чѣмъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно выказать болѣе достоинства и величавости. Сквозь его доводы и убѣжденія пробивается горькое чувство роковой неизбежности и бренности всего человѣческаго. Съ грустной усмѣшкой указываетъ онъ на иронію судьбы, которая дала ему первымъ противникомъ отца Сципіона, а теперь привела его къ сыну, чтобы просить у него мира. Онъ признаетъ себя просителемъ; но одинъ Ганнибалъ можетъ просить, не унижая себя; ибо, сознаваясь въ томъ, что римляне стоятъ подъ Карфагеномъ, онъ напоминаетъ, что самъ онъ нѣкогда стоялъ передъ стѣнами Рима. Отечество его побѣждено, двое благородныхъ братьевъ убиты; но горестныя сожалѣнія его сдержаны и голосъ остается твердымъ. Онъ съ высоты судитъ о людяхъ и событіяхъ, съ величавымъ спокойствіемъ, достойнымъ его опытности и его славы, какъ человекъ, который сознаетъ за собой право поучать другихъ. „Если уже такъ было опредѣлено судьбой, — чтобы мнѣ, который началъ войну съ римскимъ народомъ, который столько разъ почти держалъ побѣду въ рукахъ,

по доброй волѣ идти просить мира, — то я радуюсь, что судьба опредѣлила мнѣ просить его именно у тебя. Да и для тебя среди многихъ отличій будетъ не послѣднимъ подвигомъ — взять верхъ надъ Ганнибаломъ, которому боги даровали побѣду надъ столькими римскими вождями, и положить конецъ этой войнѣ, отмѣченной болѣе вашими пораженіями, чѣмъ нашими. Насмѣшка судьбы сказывается и въ той случайности, что если въ консульство твоего отца я взялся за оружіе, если въ лицѣ его я впервые скрестилъ знамена съ римскимъ полководцемъ, то къ его-же сыну, безоружный, я прихожу просить мира... Что касается до меня, то я старикомъ возвращаюсь въ отечество, откуда ушелъ мальчикомъ; уже возрастъ, уже успѣхи и неудачи научили меня тому, чтобы съ бѣльшей охотой слѣдовать благо-разумію, нежели счастью. Но въ тебѣ меня пугаетъ и молодость, и постоянство счастья; и то и другое внушаетъ болѣе самонадѣянности, чѣмъ то нужно для рѣшеній, требующихъ спокойствія. Не легко принимаетъ въ расчетъ неизвѣстныя случайности тотъ, кого судьба никогда не обманывала. Чѣмъ я былъ при Тразименскомъ озерѣ, при Каннахъ, тѣмъ ты теперь... Душа война можетъ побѣду предпочесть миру. Мнѣ знакомъ этотъ подъемъ духа, болѣе возвышенный, чѣмъ благоразумный; и мнѣ нѣкогда блеснуло такое-же счастье. Если-бы въ минуту удачи боги посылали намъ вмѣстѣ и благоразуміе, мы принимали-бы въ расчетъ не только то, что случилось, но даже и то, что можетъ случиться. И если даже забыть о всѣхъ другихъ примѣрахъ, то я самъ могу служить доста-

точнымъ доказательствомъ непостоянства судьбы. Тотъ, кто только-что на твоихъ глазахъ, разбивъ лагерь между Аніо и вашимъ городомъ, двигалъ уже знамена къ стѣнамъ Рима, — тотъ самый, какъ видишь, утративъ двухъ братьевъ, двухъ храбрыхъ мужей и славныхъ полководцевъ, — здѣсь передъ стѣнами родного города, почти осажденнаго, просьбами пытается отвратить отъ своей родины то, чѣмъ угрожалъ вашей. Въ виду преимуществъ твоего положенія, въ виду сомнительности нашего, для тебя миръ, если ты дашь его, — и слава, и честь; для насъ, которые просимъ, онъ болѣе необходимость, нежели почетъ. Лучше и вѣрнѣе надежный миръ, чѣмъ ожидаемая побѣда; одно — въ твоихъ рукахъ, другое — въ рукахъ боговъ. Не отдавай счастья столькихъ лѣтъ на произволь одного мгновенія. Представь себѣ въ умѣ, какъ свои силы, такъ и силу судьбы и Марса, на войнѣ равнаго ко всѣмъ. Съ обѣихъ сторонъ будетъ мечъ, съ обѣихъ — человѣческая жизнь. Нигдѣ исходъ такъ мало не соответствуетъ надеждамъ, какъ на войнѣ. Если побѣдишь въ битвѣ, ты меньше прибавишь къ той славѣ, которой можешь обладать дарованіемъ мира, — чѣмъ сколько отнимешь у нея, если случится какая-нибудь неудача. Судьба одного часа можетъ сразу ниспровергнуть и пріобрѣтенную, и ожидаемую честь. При заключеніи мира все въ твоей власти, П. Корнелій; въ противномъ случаѣ придется довольствоваться тѣмъ счастьемъ, которое даруютъ боги... Не стану, пожалуй, отрицать, что вслѣдствіе недавнихъ неискреннихъ просьбъ, или ожиданій мира, пунійская вѣрность можетъ быть

для васъ подозрительна. Но для увѣренности въ сохраненіи мира очень важно, Сципіонъ, кто о немъ просить. Такъ и ваши отцы—сенаторы, какъ я слышу, отчасти потому отвергли миръ, что у посольства было слишкомъ мало достоинства.— Ганнибалъ просить мира; онъ не сталъ-бы просить, если бы не считалъ его полезнымъ; и ради той-же пользы будетъ онъ охранять его, ради которой просилъ. И какъ въ виду того, что война была начата мною, никто не раскаявался въ ней, пока сами боги не исполнились зависти, — точно такъ-же я и теперь постараюсь, чтобы никто не раскаялся въ мирѣ, мною пріобрѣтенномъ“¹⁾.

Весь Карфагенъ держится этимъ человѣкомъ, и онъ самъ знаетъ, что онъ одинъ стоитъ всего государства. Это не хвастовство. Вторая пунійская война идетъ между Ганнибаломъ и римскимъ народомъ.

Скажемъ-ли мы, что въ другихъ случаяхъ, когда Ганнибалъ покидаетъ Италію и когда онъ принимаетъ отраву, жалобы его слишкомъ длинны и слишкомъ искусно развиты?—Въ развитіи данной темы заключается значеніе и вмѣстѣ опасность ораторскаго таланта—опасность неизбежная и заманчивая. Но оставимъ эти слабыя стороны; Ливію позволительно ихъ имѣть; онѣ совершенно исчезаютъ въ виду высокаго понятія, какое онъ внушаетъ намъ о своихъ герояхъ.

Изъ всѣхъ лицъ Фабій Максимъ является у Ливія самымъ мудрымъ и величавымъ. Кромѣ того

1) Титъ Ливій, XXX, 30.

дня, когда изъ соревнованія онъ унижаетъ побѣды Сципіона и противится его отправленію въ Африку, мы видимъ въ его рѣчахъ и во всей его дѣятельности только разумность и доблесть. Такія похвалы внушаютъ недоумѣніе. Человѣкъ можетъ быть твердъ и предусмотрителенъ, безъ сомнѣнія; но все-же онъ не есть сама предусмотрительность и твердость. Онъ человѣкъ, а не отвлеченное качество; его индивидуальность придаетъ особый отблескъ его мудрости. Отвлеченное существо есть существо неполное, а то, что не имѣетъ полноты, не имѣетъ жизненности. Мы чувствуемъ, что въ изображеніи этого лица чего-то недостаетъ; встре- пенувшись, наше воображеніе ищетъ повсюду того, что должно закончить и оживить образъ; раньше оно воспользовалось нѣсколькими словами о воспитаніи Ганнибала; здѣсь — одной чертой характера Фабія: „Его прозвище Овикула означаетъ овечка, и было ему дано за кротость и вялость ума еще въ дѣтствѣ. Ибо своимъ спокойствіемъ, молчаливостью, тѣмъ, что онъ съ большой осторожностью принималъ участіе въ дѣтскихъ забавахъ, что медленно и съ трудомъ воспринималъ ученіе, что былъ добродушенъ и послушенъ по отношенію къ товарищамъ, — онъ внушилъ по стороннимъ людямъ подозрѣніе въ простоватости и лѣности“¹⁾).

И такъ, когда онъ медлитъ, это столько-же по природѣ, сколько по расчету. Когда онъ противится экспедиціи въ Африку, это происходитъ

¹⁾ Плутархъ, жизнеописаніе Фабія Максима. Гл. I.

вслѣдствіе его темперамента столько-же, сколько вслѣдствіе зависти. Его геройская стойкость — спокойствіе флегматика.

„Тогда-то (послѣ пораженія при Каннахъ), когда всѣ погрузились въ безконечную печаль и бесполезное смятеніе, онъ одинъ ходилъ по городу тихимъ шагомъ, со спокойнымъ лицомъ, прекращая своимъ обращеніемъ, полнымъ любви къ людямъ, женскіе вопли и устраняя сходбища тѣхъ, кто выходилъ на улицы, чтобы сокрушаться сообща“¹⁾.

Когда народъ наноситъ ему необычайное оскорбленіе, уравнявши съ нимъ во власти подчиненнаго ему начальника кавалеріи, онъ терпитъ это, потому-что невозмутимо безстрастенъ. Онъ всегда идетъ впередъ одинаково ровнымъ шагомъ, къ одной цѣли, — „подобно тому, какъ рѣка течетъ безъ шума, ничѣмъ не задерживаемая въ своемъ движеніи“, — не оборачиваясь на крики, даже не слыша ихъ. Когда трибуны обвиняютъ его въ измѣнѣ, вмѣсто отвѣта онъ говоритъ только, что нужно поторопиться совершить жертвоприношеніе, чтобы онъ могъ поскорѣе вернуться къ войску и наказать начальника кавалеріи. Замѣтьте однако, что Фабій всегда сохраняетъ мягкость и доброту. По Плутарху, когда онъ увидѣлъ, что Минуцій окруженъ, „онъ ударилъ себя по ногѣ и, испустивши глубокій вздохъ, сказалъ окружающимъ его: „О, боги! Минуцій погубилъ себя ранѣе, чѣмъ я ожидалъ, но гораздо позднѣе, чѣмъ самъ того хотѣлъ! Солдаты, поспѣшимъ къ нему на помощь!“

1) Плутархъ, жизнь Фабія Максима. Гл. 17.

Припомнимъ, что онъ человекъ съ сердцемъ и что онъ любитъ свое отечество!“ Онъ прощаетъ Минуція не съ усиленіемъ великодушія, но потому, что слабо почувствовалъ обиду. Въ его рѣчахъ не должно быть того торжественнаго тона, ни тѣхъ нравоучительныхъ противоположеній, горькаго озлобленія и удовлетворенія отмщеннаго тщеславія, которыя проглядываютъ у Ливія. Плутархъ говоритъ, что по склонности и по принципу Фабій обращался съ солдатами и союзниками очень мягко. Когда одинъ недовольный солдатъ изъ марсовъ ¹⁾ предложилъ товарищамъ дезертировать, Фабій велѣлъ привести его къ себѣ; узнавъ, что онъ не былъ по заслугамъ награжденъ за храбрость, онъ далъ ему въ знакъ отличія боевого коня и тѣмъ обратилъ его въ самаго преданнаго и вѣрнаго человека. Въ другой разъ, узнавши, что одинъ солдатъ изъ луканцевъ противъ запрета проводилъ ночь внѣ лагеря, чтобы видѣться съ молодой дѣвушкой, которую любилъ, — Фабій велѣлъ ее привести въ лагерь и объявилъ солдату, что ему нѣтъ болѣе надобности уходить. Это особенно поразительно, когда знаешь изъ Полибія грозную и непреклонную римскую дисциплину. Но Фабій упрямъ, какъ всѣ медленные и сосредоточенные умы. Какъ скоро онъ увѣровалъ въ какое-нибудь убѣжденіе, онъ стоитъ за него до конца, не внимая никакимъ доводамъ, какъ онъ не чувствовалъ нанесенныхъ ему оскорбленій; не обращая никакого вниманія на мнѣнія другихъ, по-

1) Названіе одного сабинскаго племени.

Прим. ред.

тому-что его мнѣніе сложилось безъ помощи другихъ; тѣмъ болѣе постоянный, что онъ сдержанъ; тѣмъ болѣе убѣжденный, что онъ хладнокровенъ. Плутархъ говоритъ, что, возбудивши Сенать разными мѣрами и рѣчами противъ эспедиціи въ Африку, Фабій убѣдилъ консула Красса не уступать Сципіону командованія войскомъ. Когда Крассъ устранился, Фабій устроилъ, чтобы Сципіону отказали въ денежныхъ средствахъ; потомъ онъ отговорилъ молодыхъ римлянъ отъ похода; когда-же Сципіонъ между союзниками нашель солдатъ и средства продовольствія, Фабій многократными рѣчами до того запугалъ народъ, что Сципіону было запрещено уводить съ собою какія-либо войска, кромѣ легіоновъ, находившихся въ Сициліи. Когда Сципіонъ побѣдилъ Сифакса и заставилъ Ганнибала покинуть Италію, Фабій не переставалъ устрашать римлянъ и требовать, чтобы отозвали назадъ полководца, — непоколебимый передъ неудачами, утомленіемъ, подозрѣніями, очевидностью и краснорѣчивой убѣдительною фактовъ самыхъ осязательныхъ и подавляющихъ. Нельзя не восхищаться величіемъ и гордостью, какія придаетъ ему Ливій; они достойны старца, осыпаннаго почестями, и того Сената, который Киней называлъ сонмомъ царей; но эти качества болѣе къ лицу общественному дѣятелю, нежели частному человѣку; даже странно слышать такіа рѣчи отъ Фабія; онъ были-бы болѣе умѣстны въ устахъ Папірія или Аппія. „Я увѣренъ“ говорить Фабій: „что, не раздѣляя стремленія переправиться поскорѣе въ Африку, я долженъ подать

поводъ къ двумъ невыгоднымъ мнѣніямъ: во первыхъ, что душѣ моей врождена нерѣшительность, которую люди молодые могутъ, пожалуй, называть боязнью и медленностью, лишь бы я могъ утѣшать себя тѣмъ, что до сихъ поръ хотя совѣты другихъ съ перваго взгляда и казались болѣе блестящими, за то мои оказывались болѣе удачными на дѣлѣ; во вторыхъ, будто я завистливо умаляю славу храбраго консула, которая увеличивается съ каждымъ днемъ. Если отъ этого подозрѣнія меня не избавляетъ ни прожитая жизнь, ни мои нравы, ни диктатура и пять консульствъ, ни столько славы, добытой на войнѣ и въ мирѣ, что я ближе къ пресыщенію ея, чѣмъ къ жаждѣ ея,—то пусть отъ того освободитъ меня по крайней мѣрѣ мой возрастъ; ибо какое соревнованіе можетъ у меня быть съ тѣмъ, кто не ровесникъ даже моему сыну?—Во время диктаторства, когда я былъ еще полонъ силъ и выполнялъ дѣла первой важности, ни въ Сенатѣ, ни передъ народомъ никто не слыхалъ моихъ возраженій противъ того, чтобы враждебному мнѣ начальнику всадниковъ уравнивать власть со мной, о чемъ раньше никогда не было слышно. Подвигами, а не словами, предпочелъ я добиться, чтобы тотъ, кого приговоръ другихъ уравниалъ со мной, вскорѣ по собственному признанію уступилъ мнѣ первенство. Такъ неужели послѣ того, какъ я наслаждался всѣми почестями, я поставлю себѣ задачей состязаться и соперничать съ цвѣтущимъ юношей, очевидно, для того, чтобы мнѣ,—уставшему даже жить, а не только заниматься общественными дѣ-

лами, — назначили провинціей Африку, отказавъ въ ней другому! Съ той славой, которая уже добыта, слѣдуетъ мнѣ жить и умереть. Я помѣшалъ Ганнибалу побѣдить для того, чтобы вы, чьи силы теперь въ полномъ цвѣтѣ, могли побѣдить его“¹⁾.

Фабій такъ пренебрежительно и такъ сильно отклоняетъ подозрѣнія въ соперничествѣ, что этимъ самымъ какъ бы оправдываетъ ихъ и, стараясь снять съ себя всякую вину, обвиняетъ себя. Эта игра страстей искусно изображена Ливіемъ. Но можетъ ли одна драматическая черта обрисовать намъ цѣльный образъ? Надо признаться, что послѣ этой рѣчи образъ Фабія, начертанный столь отчетливо Плутархомъ, становится менѣе яснымъ. Намъ кажется даже, что этотъ высококомѣрный тонъ и эта легкость краснорѣчія плохо клеятся съ характеромъ Фабія, какъ онъ былъ изображенъ ранѣе; любознательный и кропотливый біографъ точнѣе историка оратора.

„О Сципіонѣ Ливій говоритъ: онъ не только возбуждалъ удивленіе дѣйствительными доблестями, но былъ также съ юности одаренъ какимъ-то особеннымъ талантомъ выказывать ихъ; онъ часто развивалъ передъ толпой мысли, какъ-бы внушенныя ему въ ночныхъ видѣніяхъ, или ниспосланныя ему отъ боговъ, потому-ли, что онъ и самъ душой подпалъ такому суевѣрію, или съ тѣмъ, чтобы его повелѣнія и совѣты, словно указанные оракуломъ, исполнялись безъ замедленія. Уже съ самаго начала подготавливая къ такому убѣжденію умы,

1) Титъ Ливій XXVIII. 40.

онъ никогда, съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ мужскую тогу, не приступалъ ни къ какому общественному, ни частному дѣлу, безъ того, чтобы не пойдти на Капитолій, гдѣ, усѣвшись въ храмѣ, обыкновенно проводилъ время въ уединенномъ мѣстѣ. Этотъ обычай, который онъ сохранялъ втеченіе всей жизни, намѣренно или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ придалъ вѣру распространенному мнѣнію, что Сципіонъ мужъ божественнаго происхожденія... Самъ онъ никогда насмѣшкой не отнималъ довѣрія у этихъ чудесъ; напротивъ, онъ даже усиливалъ его какимъ-то особымъ умѣньемъ ничего подобнаго не отвергать и не утверждать открыто¹⁾.

Такое поведеніе обнаруживаетъ честолюбивый характеръ и творческій геній. Сципіонъ дѣйствуетъ „не вслѣдствіе медленнаго размышленія, а въ силу какого-то внезапнаго вдохновенія“. Такъ онъ смѣло разрѣшаетъ войну въ Испаніи походомъ на Картагену, а пунійскую войну — походомъ на Карфагенъ. Точно также „внезапно“, говоритъ Ливій, онъ добивается ранѣе положеннаго возраста должности эдила для себя и для брата, затѣмъ предводительства въ Испаніи. Вдохновеніе есть окрыленное размышленіе. Сципіонъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ умовъ, которые преодолеваютъ затрудненія проблесками изобрѣтательности, которые рассчитываютъ съ помощью какого-то ясно-видѣнія, устраняютъ опасность отвагой и неожиданно овладѣваютъ побѣдой. Онъ вѣритъ въ себя,

1) Титъ Ливій, XXVI, 19.

потому-что имѣеть сознаніе своего превосходства. Онъ геройски мужественъ, потому-что обыкновенныя опасности не должны, по его мнѣнію, постигнуть его. Онъ пускается въ Африку на двухъ корабляхъ, склоняетъ Сифакса къ союзу съ римлянами, довѣряется ему и раздѣляетъ съ нимъ трапезу, сидя на одномъ ложѣ съ карфагенскимъ посланникомъ. Онъ привлекателенъ и обворожителенъ, потому-что геніальныя натуры всегда бываютъ сами воспріимчивы и легко доступны. Ливій упоминаетъ гдѣ-то о его величественной осанкѣ, украшенной цвѣтомъ юности и дѣлавшей его подобнымъ богамъ. „Такъ велика была его привѣтливость и врожденная гибкость ума во всѣхъ обстоятельствахъ, что не только Сифакса, варвара, незнакомаго съ римскими нравами, но даже Газдрубала, ожесточеннаго врага, онъ привлекъ къ себѣ своею вкрадчивой рѣчью. Газдрубаль прямо говорилъ, что Сципіонъ показался ему болѣе достойнымъ удивленія въ личныхъ сношеніяхъ, чѣмъ всѣми своими военными подвигами, и что безъ сомнѣнія Сифаксъ и его царство уже во власти римлянъ: таково искусство этого мужа привлекать къ себѣ сердца“¹⁾.

Но вдохновеніе имѣеть свои неровности и какъ-бы временныя затменія; между проявленіями геніальности есть промежутки. Такъ Сципіонъ упускаетъ изъ Испаніи Газдрубала и ту сильную армію, которая едва не погубила Рима; самъ Ливій замѣчаетъ, что послѣ пораженія Ганнибала,

1) Титъ Ливій, XXXVIII, 18.

Сципіонъ оказался ниже самого себя. Въ свое второе консульство онъ показалъ себя обыкновеннымъ человѣкомъ. По словамъ Полибія, состоявшаго подъ покровительствомъ его рода, Сципіонъ слылъ за человѣка далеко не умѣреннаго и не прилежнаго въ дѣлахъ; онъ отказался однажды принять Катона, говоря, что не любитъ такихъ аккуратныхъ квесторовъ. А самъ онъ намѣренно подрывалъ дисциплину, будучи поочередно то снисходителенъ, то строгъ; въ Сукронѣ¹⁾ солдаты его возмутились, испорченные праздностью и распущенностью; въ Локрахъ²⁾ онъ допустилъ Племинія, своего намѣстника, до самой отвратительной тираниі. У Сципіона нѣтъ неуклонной суровости, точной административной исполнительности римлянина; мы скорѣе находимъ у него небрежность, вкусъ къ изящному и пышность художника. „Съ укоризной говорили также о всей внѣшности полководца, находя ее не только неприличной для римлянина, но даже и для военнаго; что въ греческомъ плащѣ и сандаляхъ онъ прогуливается въ гимназіумѣ, занимается литературой и физическими упражненіями, что съ той же лѣнью и изнѣженностью вся его свита наслаждается прелестью Сиракузъ“³⁾.

Такого рода люди не могутъ терпѣть того униженія, которое они видятъ въ равенствѣ и въ под-

1) Сукронъ—въ Испаніи на рѣкѣ Сукро (теперь Хукаръ), впадающей въ Средиземное море. *Прим. ред.*

2) Локры—городъ въ Южной Италіи. *Прим. ред.*

3) Титъ Ливій, XXIX, 19.

чиненіи законамъ; они родятся съ тѣмъ, чтобы играть первую роль; подчинять ихъ общему праву значило-бы идти на перекоръ ихъ природѣ. „Сципіонъ, вызванный въ качествѣ обвиняемаго, съ большой толпой друзей и кліентовъ, прошелъ черезъ середину собранія къ подножію трибуны и, возстановивъ молчаніе, сказалъ: „Въ этотъ самый день, трибуны народа, и вы, Квириты, я удачно и счастливо далъ битву въ Африкѣ, скрестивъ знамена съ Ганнибаломъ и карфагенянами. И такъ какъ сегодня подобаешь поэтому бросить всѣ тяжбы и ссоры, я отсюда немедленно пойду на Капитолій, привѣтствовать Зевса всесовершеннаго и всемогущаго, Юнону, Минерву и остальныхъ боговъ, которые стоятъ во главѣ Капитолія и крѣпости, и поблагодарю ихъ за то, что какъ въ этотъ день, такъ не разъ и въ другое время, они мнѣ давали умъ и силу отлично исполнить общественное дѣло. И кому изъ васъ удобно, Квириты, пойдите также со мной и молитесь богамъ о томъ, чтобы имѣть вамъ вождей, подобныхъ мнѣ. Ибо, если съ семнадцати лѣтъ и до старости вы всегда вашими почестями предупреждали мой возрастъ, то я своими подвигами превосходилъ ваши почести“¹⁾).

У Авла-Геллія Сципіонъ употребляетъ выраженіе²⁾ болѣе грубое и характерное. „Оставимъ въ покоѣ этого бездѣльника“³⁾. Весь народъ послѣ-

1) Титъ Ливій, XXXVIII, 51.

2) О трибунѣ М. Невіѣ, обвинявшемъ Сципіона „въ подкупѣ и другихъ унижительныхъ для такого славнаго мужа дѣяніяхъ“.

Прим. ред.

3) Вотъ подлинная рѣчь, какъ она приведена у Авла-Геллія Ливія—тэна.

доваль за нимъ, до писцовъ и стражниковъ самихъ трибуновъ (viatores); остались съ ними только рабы и глашатай. Непреодолимое обаяніе, какое оказываетъ гениальная личность, служитъ доказательствомъ ея царственного призванія. Посмотрите, какъ въ своемъ отвѣтѣ Фабію Сципіонъ овладѣваетъ слушателями, благодаря пылу своей страсти, а событіями — благодаря неудержимой стремительности своихъ предположеній; какъ онъ вездѣ предвѣщаетъ и повелѣваетъ. Порывистая рѣчь его поднимается и уносится на крыльяхъ надежды.

„Только-бы здѣсь не было никакой задержки—и вы сразу услышите, что я переправился, что Африка пылаетъ войной, что Ганнибалъ выступаетъ отсюда и Карфагенъ осажденъ. Ждите изъ Африки вѣстей болѣе веселыхъ и частыхъ, чѣмъ вы получали изъ Испаніи. Да, Кв. Фабій, у меня будетъ тотъ равный мнѣ соперникъ, котораго ты мнѣ сулишь — Ганнибалъ; но скорѣе я повлеку его за собой,

лія, (кн. IV, гл. 18). Послѣ краткаго отвѣта, какого требовало достоинство его жизни и славы, Сципіонъ прибавилъ: „Мнѣ припоминается, римляне, что въ этотъ самый день я одержалъ въ Аѳрикѣ великую побѣду надъ Ганнибаломъ-карфагеняниномъ, самымъ грознымъ врагомъ вашего владычества, и что я доставилъ вамъ миръ и славу нежданную: не будемъ-же неблагодарны богамъ; и лучше оставимъ этого бездѣльника и немедленно отправимся воздать благодарность Юпитеру всесильному и всемилостивому“. Мы видимъ, насколько пышность рѣчи у Ливія придаетъ Сципіону величія. Ливій представляетъ намъ этого мужа болѣе спокойнымъ и высококомѣрнымъ, болѣе близкимъ къ идеалу римлянина, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности... Но развѣ это такой большой недостатокъ?

чѣмъ онъ удержитъ меня; въ его собственной землѣ я заставлю сражаться его, и скорѣе Карѳагенъ будетъ наградой побѣды, чѣмъ укрѣпленія Бруттіума, наполовину разрушенныя. Пусть-же когда-нибудь успокоится Италия послѣ столь долгихъ бѣдствій; пусть въ свою очередь будетъ выжжена и опустошена Африка. Пусть лучше римскій лагерь угрожаетъ воротамъ Карѳагена, чѣмъ намъ съ нашихъ стѣнъ снова видѣть вражескій валъ. Пусть Африка будетъ театромъ остальной войны; туда пусть перенесутся страхъ и бѣгство, опустошеніе полей, измѣна союзниковъ и всѣ прочія бѣдствія войны, которыя угрожали намъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ¹⁾.

Къ сожалѣнію, у Ливія такія захватывающія черты разбросаны. Онъ не объясняетъ одну черту характера съ помощью разныхъ другихъ, не сводитъ ихъ къ одному преобладающему свойству. Онъ не рѣшается настаивать на порокахъ. Наконецъ, онъ влагаетъ иногда въ уста Сципіона слишкомъ отдѣланныя рѣчи, которыя не вяжутся съ впечатлительностью и живостью его ума²⁾. Торжественность и стилистическія украшенія придаютъ всѣмъ лицамъ у Ливія однообразный оттѣнокъ, который иногда напоминаетъ блестящій и монотонный колоритъ въ картинахъ Лебрёнъ³⁾.

1) Титъ Ливій, XXVIII, 44.

2) Его рѣчи къ мятежникамъ въ Сукронѣ и къ испанскимъ плѣнницамъ.

3) Charles Le Brun (1619—1696)—талантливый живописецъ времени Людовика XIV и характерный представитель ~~класси-~~ классической школы въ живописи. Историческія картины его похо-

Сципионъ уже грекъ. Катонъ, его врагъ — истый римлянинъ, — можетъ - быть, послѣдній. „У этого мужа“, говоритъ Ливій ¹⁾ „была такая сила характера и ума, что, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни родился, онъ, кажется, самъ создалъ - бы себѣ свою судьбу. У него не было недостатка въ какой-либо способности ни для частныхъ, ни для общественныхъ дѣлъ. Онъ одинаково понималъ и городскіе, и сельскіе интересы. Къ высочайшимъ почестямъ приводило однихъ — знаніе права, другихъ — краснорѣчіе, третьихъ — военная слава; гибкій-же умъ Катона былъ до такой степени одинаково ко всему воспріимчивъ, что, чѣмъ-бы онъ ни занимался, можно было подуматъ, что онъ рожденъ только для этого. На войнѣ первый по личной храбрости и отличившійся во многихъ извѣстныхъ битвахъ, онъ былъ также и великимъ полководцемъ, послѣ того, какъ достигъ высокихъ должностей. Въ мирное время крайне опытный, когда съ нимъ совѣтовались о правѣ, — онъ былъ также въ высшей степени краснорѣчивъ, если требовалось вести дѣло въ судѣ. При этомъ онъ не былъ изъ тѣхъ, у кого рѣчь имѣетъ силу только, пока они живы, и отъ кого не осталось никакого памятника краснорѣчія; напротивъ, его краснорѣчіе живетъ и дѣйствуетъ, увѣковѣченное въ тру-

дять на великолѣпныя декораціи; при всей роскоши фигуръ и блескѣ красокъ онѣ лишены внутренняго содержанія и художественнаго замысла. Самая извѣстная его картина изображаетъ Александра Македонскаго въ палаткѣ Дарія.

Прим. ред.

¹⁾ Титъ Ливій, XXXIX, 40.

дахъ всякаго рода. Рѣчей—много, сказанныхъ и за себя, и за другихъ, и противъ другихъ; и недругамъ онъ докучалъ не только прямыми обвиненіями, но и защитой дѣлъ противъ нихъ. Слишкомъ много тяжбъ, направленныхъ противъ него, донимали его, и слишкомъ многія поддерживалъ онъ самъ; да и не легко сказать, знать-ли его угнетала, или онъ тревожилъ знать. Безъ сомнѣнія, у него былъ суровый характеръ, языкъ рѣзкій и слишкомъ свободный, но у него была душа непобѣдимая для страстей, строгая неподкупность, презрѣніе къ искательству и богатству. Въ бережливости, въ выносливости труда и опасностей чуть не желѣзнымъ тѣломъ и духомъ обладалъ тотъ, кого не сломила даже всесокрушающая старость, кто на восемьдесятъ-шестомъ году велъ дѣло въ судѣ, самъ говорилъ и писалъ за себя, а на девяностомъ году привлекъ къ суду народа Сервилія Гальбу¹⁾.

За исключеніемъ нѣсколькихъ слишкомъ риторическихъ антитезъ, эта характеристика превосходна по своей энергіи, и когда Катонъ говоритъ въ пользу Оппіева закона²⁾ Ливій вѣрно изобра-

1) Титъ Ливій, XXXIX, 40.

2) Въ 215 г. до Р. Х. трибунъ Оппій провелъ въ народномъ собраніи законъ противъ роскоши, воспрещавшій женщинамъ имѣть золотыхъ украшеній болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ унціи или $\frac{1}{24}$ фунта, носить пурпуровую одежду и въ будни ѣздить по городу на колесницахъ. Двадцать лѣтъ спустя, въ консульство Катона, два трибуна предложили отмѣнить законъ Оппія. Это вызвало большое волненіе въ Римѣ, особенно среди женщинъ, которыя стали толпиться на улицахъ, ведущихъ

жаеть неумолимаго цензора: „Если-бы каждый изъ насъ, Квириты, рѣшился поддерживать права и главенство мужа надъ своей женой, у насъ теперь меньше было-бы хлопотъ со всѣми женщинами заразъ. Теперь наша свобода, побѣжденная дома женскимъ своеволиемъ, топчется и попирается здѣсь въ Куріи, также какъ и на форумѣ, и мы страшимся ихъ всѣхъ вмѣстѣ, оттого, что не могли удержать каждую отдѣльно“. Сколько горечи и язвительности въ его словахъ; каждый его ударъ наноситъ рану. „Какой предлогъ, хоть сколько нибудь приличный, приводится ими для женскаго мятежа? — Онѣ говорятъ: „Мы желаемъ блистать въ золотѣ и пурпурѣ, желаемъ въ праздникъ и будни ѣздить по городу въ колесницахъ, словно торжествуя надъ побѣжденнымъ и отмѣненнымъ закономъ, заполонивши ваши голоса и силой вырвавши постановленіе; мы хотимъ, чтобы не было никакого предѣла ни расходамъ, ни роскоши... На памяти нашихъ отцевъ Пирръ пытался черезъ посла Кинейя соблазнить дарами не только мужчинъ, но даже и женщинъ... все-таки

къ форуму и упрашивать мужчинъ возвратить имъ прежнюю свободу рядиться и украшать себя. Волненіе продолжалось нѣсколько дней, и даже изъ сосѣднихъ городовъ и мѣстечекъ явилось много женщинъ, чтобы поддержать агитацію противъ закона. Наконецъ онѣ рѣшились обратиться съ своей просьбой къ самимъ консуламъ и прочимъ сановникамъ, что казалось особенно неумѣстнымъ съ точки зрѣнія римскихъ обычаевъ. По этому-то поводу Катонъ и произнесъ въ Сенатѣ свою знаменитую рѣчь, которая у Ливія занимаетъ три цѣлыхъ главы.

Прим. ред.

ни одна не приняла ихъ. Но если-бы теперь Киней съ этими дарами обошелъ городъ, онъ нашелъ-бы, что на улицахъ стоятъ женщины, готовыя принять его дары. Что за обычай—выбѣгать на площадь, занимать улицы и взывать къ чужимъ мужьямъ? Развѣ каждая изъ васъ не могла дома просить о томъ-же своего мужа? Или вы привлекательнѣе въ публичномъ мѣстѣ, чѣмъ въ семьѣ, и для чужихъ мужей болѣе, чѣмъ для вашихъ собственныхъ?... Неужели, Квириты, вы хотите устроить такое состязаніе между вашими женами, чтобы богатая желала имѣть то, что не доступно другимъ, — бѣдная-же, дабы не быть въ презрѣніи, тратила бы не по средствамъ?—Какъ скоро начнутъ стыдиться того, чего не слѣдуетъ, перестанутъ стыдиться и того, чего слѣдуетъ стыдиться. Тогда та, которая будетъ имѣть на то свои средства, станетъ пріобрѣтать все желаемое, а та, которая не будетъ въ состояніи, станетъ просить мужа. Нечестенъ тогда будетъ и тотъ мужъ, который уступитъ просьбамъ, и тотъ который не уступитъ, ибо, чего онъ не дастъ самъ, то на его глазахъ будетъ дано другимъ“¹⁾).

Рѣчь эта рѣзка и ядовита, а между тѣмъ она покажется слабой тому, кто соберетъ разныя подробности у Плутарха и кто читалъ самаго Катона. У Ливія рѣчь Катона слагается въ округленные періоды; выраженія его исполнены силы, но они таковы, какъ будто онъ обучался искусству краснорѣчія подъ руководствомъ грека - ритора;

¹⁾ Титъ Ливій, XXXIV, 2.

они не походятъ на отрывистыя, рѣзкія, пронизывающія фразы, подобныя учащеннымъ ударамъ, нанесеннымъ рукой этого бойца. Послушайте слѣдующее обвиненіе ¹⁾:

„Онъ (М. Термъ) сказалъ, что децемвиры не достаточно заботятся о его провіантѣ. Онъ приказалъ сорвать съ нихъ одежду, бить ихъ розгами. Брутійане ²⁾ били децемвировъ. Многіе видѣли это: Кто могъ-бы снести такое позорное оскорбленіе? кто—подобную тиранію? кто—подобное рабство? Ни одинъ царь не дерзнулъ этого сдѣлать. Обращаться такъ съ людьми достойными и хорошаго рода, — одобряете-ли вы это? Гдѣ же союзъ? Гдѣ честь нашихъ предковъ? Явныя поношенія, побои, увѣчье, страданія и истязанія вмѣстѣ съ позоромъ

¹⁾ Приведенныя здѣсь слова Катона заимствованы Тэнномъ у Авла Геллія (10, 3), который сохранилъ отрывокъ изъ обвиненія Катона противъ Минуція Терма. Кв. Минуцій Термъ въ качествѣ консула воевалъ съ лигурійцами, при чемъ, какъ можно заключить изъ рѣчи Катона, онъ позволялъ себѣ вымогательства и жестокости не только противъ лигурійцевъ, взявшихся за оружіе, но и противъ магистратовъ (децемвировъ) союзныхъ общинъ, которыя были обязаны снабжать его войско припасами) По настоянію Катона Минуцію Терму было отказано въ триумфѣ. *Прим. ред.*

²⁾ Брутійцы, въ южной Италиі, во время второй пунійской войны перешли на сторону Ганнибала. Въ наказаніе за это римляне лишили ихъ права служить въ войскѣ и на подобіе рабовъ (*Bruttiani servi*) заставляли ихъ исправлять при магистратахъ должности ликторовъ и полицейскихъ служителей. „Они исполняли, говоритъ Авль-Геллій, при магистратахъ такую-же роль, какъ *logagii* въ комедіяхъ; они связывали и сѣкли розгами тѣхъ, кого приказано“. Лораріями назывались въ Римѣ бичеватели рабовъ. *Прим. ред.*

и послѣднимъ безчинствомъ, въ глазахъ согражданъ и многихъ другихъ, — ты осмѣлился на все это!“

Въ руководствѣ къ земледѣлю Катона не найдется ни одной прикрасы, ни одного порыва, ни одного чувства: одни только сухія изреченія, голыя, точныя, какъ параграфы какого нибудь уложенія; слова служатъ лишь простымъ средствомъ, какъ и люди; того, что называется слогомъ, вовсе нѣтъ; ничего — кромѣ мыслей, которыя всѣ обращены на полезное. Иронія его жестока; она служитъ ему оружіемъ, какъ и всѣ его качества; она дика въ своей суровости даже тогда, когда внушаетъ гуманность. „Кажется, — говоритъ онъ въ пользу отпущенія на волю ссыльныхъ грековъ¹⁾, — кажется, будто у насъ нѣтъ болѣе важнаго дѣла, какъ спорить о томъ, будутъ ли нѣсколько дряхлыхъ грековъ зарыты въ землю своими, или италійскими могильщиками“. — Языкъ у Катона необработанный, иногда грубый; но это сама сила, до того рельефно выдѣляется его мысль; это говорящее дѣйствіе. Возвратившись изъ Карфагена, онъ въ Сенатѣ высыпаетъ изъ платья нѣсколько

¹⁾ Послѣ побѣды римлянъ надъ Персеемъ въ 168 г. до Р. Хр. въ Ахейскомъ союзѣ взяла верхъ римская партія и лучшіе люди національной партіи — болѣе 1000 человекъ, между которыми находился историкъ Полибій — были отправлены въ Римъ, гдѣ ихъ задержали. Полибій сдѣлался воспитателемъ сыновей Павла Эмилиа, и особенно сблизился съ самымъ знаменитымъ изъ нихъ, Сципіономъ Эмилианомъ. Изъ дружбы къ Полибію Сципіонъ уговорилъ въ 150 г. до Р. Х. Катона поддержать въ Сенатѣ предложеніе о разрѣшеніи, оставшимся еще въ живыхъ, тремъ стамъ ахейцамъ, возвратиться на родину.

совсѣмъ свѣжихъ фигъ: „Земля, которая родить ихъ, говоритъ онъ при этомъ, находится всего на разстояніи трехдневнаго пути отъ Рима“.— Характеръ его, какъ и умъ, крутъ и грозенъ. Рабъ его, Пагъ, который купилъ было трехъ молодыхъ плѣнниковъ для продажи, когда замѣтилъ, что Катонъ знаетъ объ этомъ, повѣсилъ отъ страха. Все въ этомъ человѣкѣ напряжено къ дѣйствию, все устремлено къ выгодѣ. Онъ не щадитъ ни себя, ни другихъ и похваляется этимъ; онъ никогда не истратилъ болѣе тридцати ассовъ на обѣдъ ¹⁾; онъ пьетъ то-же самое вино, какое пьютъ его рабы, изъ которыхъ онъ выжимаетъ возможную пользу, спаривая ихъ, какъ хорошій заводчикъ, торгуя людьми, какъ скотиной; къ концу онъ становится жаденъ и скупъ до безстыдства, говоря, что богамъ подобенъ тотъ человѣкъ, который можетъ доказать своими счетами, что онъ нажилъ болѣе имущества, чѣмъ получилъ отъ своихъ предковъ. Онъ ничего не стыдится; всѣ стороны его души одинаково неуязвимы ни для какой стрѣлы. Онъ открыто восхваляетъ самъ себя и, увидя гражданина, совершившаго проступокъ: „Простите его говоритъ онъ, вѣдь это не Катонъ!“ Онъ освящаетъ свои злобныя и непреклонныя страсти. Одному молодому человѣку уда-

1) Законъ Фаннія, изданный во время Катона, запрещалъ римлянамъ тратить на обѣдъ въ простые дни болѣе 10 ассовъ, разрѣшая издерживать 30 ассовъ не чаще 10 разъ въ мѣсяцъ, а 100 ассовъ—только въ годовые праздники. Катонъ слѣдовательно издерживалъ на столъ менѣе, чѣмъ позволялъ этотъ строгій законъ. Тридцать ассовъ—38 к. с. *Прим. ред.*

лось обвинить врага своего покойнаго отца; Катонъ обнимаетъ его: „Вотъ, говоритъ онъ, тѣ погребальныя жертвы, которыя мы должны приносить въ честь нашихъ родителей“. — Онъ хвастается мелочными и смѣшными сторонами своей добродѣтели, напримѣръ, тѣмъ, что онъ въ Испаніи продалъ своего коня, дабы избавить республику отъ расходовъ перевозки. Вотъ еще одна послѣдняя черта, которая соединяетъ въ себѣ все, что есть рѣшимости, цинизма и ироніи въ этомъ характерѣ. Будучи уже старикомъ, онъ имѣлъ наложницей одну изъ своихъ рабынь. Однажды, когда она проходила мимо, возмущенный сынъ его потупилъ глаза. Въ тотъ же день Катонъ дѣлаетъ брачное предложеніе дочери своего писца; когда сынъ его спросилъ, имѣетъ ли онъ какую причину недовольства противъ него: „Помилуй Богъ, сынъ мой! отвѣтилъ Катонъ громкимъ голосомъ. Но я хочу оставить республикѣ еще гражданъ, подобныхъ тебѣ“. — Добродѣтели, недостатки, великодушіе, мелочность, умъ и характеръ, все въ немъ устремлено и работаетъ на пользу общественную и личную. Вся жизнь его — усиліе, пріобрѣтеніе, борьба.

Обратимся къ Павлу Эмилию. „Павль Эмилий, говоритъ Плутархъ, изъ вѣхъ римлянъ, наиболѣе любилъ своихъ дѣтей. Онъ обучалъ ихъ наукамъ и искусствамъ Греціи и Рима и для этого держалъ при нихъ грамматиковъ, софистовъ, риторовъ, ваятелей, живописцевъ, конюховъ и ловчихъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ“¹⁾.

¹⁾ Плутархъ, жизнь Павла Эмилиа.

По Ливію, Павль Эмилій говорилъ, что „тотъ, кто умѣетъ побѣждать на войнѣ, долженъ также умѣть устраивать игры и приготовить пиръ“. Въ этомъ узнаемъ вліяніе греческихъ идей. Все таки у Павла Эмилія душа, какъ и душа Катона, еще вполне римскаго закала. Но Катонъ „даетъ“ противъ нобилитета. А про Павла Эмилія Плутархъ говоритъ: „Замѣчательною особенностью характера Павла Эмилія было то, что онъ всегда оставался преданнымъ партіи нобилитета; онъ никогда ничего не сказалъ и не сдѣлалъ съ цѣлью угодить толпѣ. Онъ всегда входилъ въ соглашеніе съ первыми и самыми знатными изъ гражданъ“.

Какъ высокомерный и строгій патрицій, онъ съ юности воздерживался защищать плебеевъ на судѣ, привѣтствовать ихъ по имени, брать ихъ за руку на улицѣ. Плутархъ прибавляетъ еще, что Павль Эмилій очень усердно изучалъ науку авгуровъ, достояніе старинныхъ родовъ; онъ добросовѣстно соблюдалъ всѣ обряды, отвергалъ всякія нововведенія; въ военное время посвящалъ долгіе часы на жертвоприношенія и искупительныя молитвы. Пусть Катонъ, человекъ безродный, хлопочетъ о томъ, чтобы разбогатѣть; Павль Эмилій, какъ Цинцинать и Курій, презираетъ деньги по гордости знатнаго рожденія. Одного его имени достаточно, чтобы онъ получилъ подобающее ему мѣсто, и онъ возвышаетъ себя своимъ пренебреженіемъ къ тому, чего жаждутъ другіе. Онъ выдаетъ дочь за Туберона, человека древне римской воздержанности, который живетъ по близости Рима съ пятнадцатью другими родичами, на сред-

ства, получаемыя съ маленькаго имѣнія, его единственнаго достоянія. Самъ Павль Эмилиій, умирая, оставляетъ имущества на столько, что его едва хватаетъ на то, чтобы возвратить полученное за женой приданое. Мы находимъ у него все высококомѣріе рода Аппіевъ. Назначенный народомъ на должность полководца въ Македоніи, онъ объявляетъ ему съ трибуны, что, будучи избранъ по необходимости, онъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ ему. Рѣчь его по этому поводу сильнѣе и правдивѣе у Плутарха, чѣмъ у Ливія. „Если вы считаете кого-либо иного болѣе способнымъ вести эту войну, я уступаю ему предводительство; если нѣтъ, то не вмѣшивайтесь въ дѣло, касающееся моей должности, а молчаливо исполняйте то, что я буду считать полезнымъ. Если вы хотите повелѣвать своимъ полководцемъ, то своими походами вы заслужите насмѣшекъ еще болѣе прежняго.“—По прибытіи въ лагерь, онъ возстановилъ старинное повиновеніе, указалъ офицерамъ и солдатамъ, что они должны дѣлать; и всѣ признались, что только послѣ этой рѣчи они узнали, что такое дисциплина. Военачальство Павла Эмилиія до того деспотично, что солдаты его, побѣдоносные и богато награжденные, хотятъ помѣшать его триумфальному въѣзду въ Римъ. Когда Персей умоляетъ не выставлять его на позоръ въ этомъ триумфальномъ шествіи, Павль Эмилиій отвѣчаетъ, смѣясь надъ такой трусостью: „Это во власти самого Персея“.—Высокомѣріе легко порождаетъ холодность и жестокость.

Намъ становится понятно спокойствіе и душев-

ное величіе Павла въ его рѣчи, въ которой послѣ своего тріумфа и смерти двухъ сыновей своихъ, онъ даетъ народу отчетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ: „Когда мнѣ нечего было болѣе просить у боговъ для республики, я пожелалъ, — такъ какъ, достигнувъ вершины, счастье обыкновенно катится назадъ, — чтобы эти превратности почувствовала скорѣе моя семья, чѣмъ государство. Итакъ, я надѣюсь, что, благодаря моему выдающемуся бѣдствію, для государства миновала опасность, потому что мой тріумфъ, словно въ насмѣшку надъ счастьемъ людскимъ, пришелся между двумя похоронами моихъ дѣтей. Мы съ Персеемъ въ глазахъ другихъ представляемъ самые поразительные примѣры человѣческаго удѣла: Персей, хотя самъ плѣнникъ и видѣлъ, какъ передъ нимъ вели плѣнныхъ дѣтей его, — все-таки сохраняетъ ихъ невредимыми; а я, хотя и торжествовалъ надъ нимъ, съ похоронъ одного сына направивъ колесницу на Капитолій, вернулся къ другому, когда онъ уже выпускалъ духъ. И вотъ отъ такой обширной семьи не остается никого, кто носилъ-бы имя Л. Эмилія Павла, ибо двое оставшихся сыновей принадлежатъ роду Корнеліевъ и Фабіевъ, отданные для усыновленія, словно изъ многочисленнаго поколѣнія дѣтей: имени Павла не осталось въ домѣ, кромѣ меня. Но въ этомъ бѣдствіи моей семьи утѣшаетъ меня ваше счастье и благопріятная судьба государства“¹⁾).

Эти слова достойны Корнеля, но Ливію, который такъ хорошо изображаетъ это величіе, слѣдовало

¹⁾ Титъ Ливій, XLV, 41.

бы обратиться къ самому его источнику. Онъ долженъ былъ показать, какъ сдѣлалъ Плутархъ, что это величіе исходитъ отъ семейныхъ преданій и патриціанскихъ нравовъ; знатный патрицій, какъ Павль Эмилій, котораго само рожденіе предназначало для почестей, которому одно имя доставляло высшія должности, который родился общественнымъ дѣятелемъ, — такой человѣкъ считаетъ дѣла Рима своими собственными, отечество — своимъ наслѣдіемъ. Его общественное положеніе объясняетъ намъ его доблесть, которая послѣ этого объясненія становится естественной; великій человѣкъ является человѣкомъ. Онъ сохраняетъ свое высокое положеніе, а не держится на воздухѣ какимъ-то чудомъ; мы можемъ сосчитать ступени, которыя ведутъ до него. Я прибавлю еще, что черты его, принявшія болѣе человѣческой обликъ, становятся гораздо опредѣленнѣе. Становясь ближе къ намъ, онъ получаетъ жизненность. Благородный образъ моралиста оживаетъ подъ рукой біографа. Ливій вѣрнѣе изобразилъ-бы намъ его жизнь, еслибы лучше постигъ дѣйствительность.

Все, что при такомъ способѣ воспроизводитъ характеры заслуживаетъ порицанія или похвалы, есть слѣдствіе ораторскаго духа. Поразительно, какъ это преобладающее качество, которое отражается на всѣхъ проявленіяхъ таланта, во всемъ оставляетъ слѣды своего присутствія. Ливій — ораторъ; вотъ почему вмѣстѣ съ нимъ входитъ въ исторію страсть. Живое вѣяніе проникаетъ съ нимъ въ разсужденія Полибія. Сухіе анналы, однообразно излагавшіе рядъ замѣтокъ, заговорили живѣе; мимо

насъ проходятъ выразительныя лица; изъ-подъ запыленныхъ хроникъ предъ нами возникаютъ образы давно умершихъ людей и угасшихъ народовъ; и исторія является уже не сочетаніемъ идей, а борьбой между людьми. Ливій краснорѣчивъ, поэтому онъ съ необычайной силой изображаетъ высокія качества великихъ мужей, — любовь къ свободѣ и отечеству, непоколебимое мужество и гордость, спокойную величавость, и вдохновенный порывъ. Воображеніе оживляетъ все, чего оно касается, а въ томъ, чего оно коснется, оно оживляетъ именно то, что наиболѣе прекрасно. Но цѣль оратора — возбудить чувство въ нашемъ сердцѣ, а не запечатлѣть въ нашемъ умѣ изображеніе характера. Вотъ почему, когда онъ становится историкомъ, онъ воскрешаетъ общечеловѣческія непосредственныя страсти, а не сложное сочетаніе своеобразныхъ чувствъ, какое представляетъ индивидуальная человѣческая душа. Онъ изображаетъ скорѣе качества, чѣмъ живыя лица ¹⁾. Если онъ намъ и представляетъ преобладающую страсть дѣйствующаго лица, то опускаетъ ея источникъ и послѣдствія ²⁾. Онъ не объясняетъ ее обстоятельствами, способствовавшими ея развитію и не объясняетъ ею все остальное ³⁾. Когда онъ влагаетъ рѣчь въ уста дѣйствующаго лица, онъ имѣетъ въ виду скорѣе дѣло, чѣмъ того, кто говоритъ, и рѣчь выходитъ болѣе совершенна, чѣмъ естественна;

1) Фабій.

2) Ганнибалъ, Павлъ Эмилиій.

3) Сципіонъ.

онъ смягчаетъ грубость, исправляетъ небрежности, стушевываетъ все безобразное, низкое, мелочное, крайнее ¹⁾ и скрываетъ истину подъ покровомъ краснорѣчія. Лица, такимъ образомъ пересозданныя, слишкомъ прекрасны, чтобъ быть реальными; самъ авторъ выступаетъ передъ нами изъ-за этихъ смутныхъ образовъ, и во всей этой длинной галереѣ портретовъ образъ самого Ливія самый ясный и самый полный.

1) Катонъ.

Г Л А В А III.

Повѣствованіе и рѣчи у Тита Ливія.

Повторенія.—Общія мѣста.—Восхваляютъ еще не значитъ повѣствовать.—Живость и связность разсказа.—Фабій и Папирій.—Сила ораторскаго повѣствованія.—Кавдинскія Ущелья. Разсказъ о смерти Лукреціи у Ливія и у Діонисія.—Разсказъ о переходѣ черезъ Альпы у Полибія и у Ливія.

Какъ дѣйствуютъ и говорятъ у Ливія его дѣйствующія лица?—Здѣсь менѣе недостатковъ, а достоинствъ больше: не то, чтобы сверхъ краснорѣчія прибавился еще новый талантъ; но повѣствованіе и рѣчи вообще болѣе свойственны ораторскому духу, чѣмъ созданіе характеровъ, критика или философія. Ливій остается тѣмъ-же, но произведеніе его совершеннѣе.

Каково-же будетъ повѣствованіе оратора?—Оно будетъ ораторское; слѣдовательно, повѣствованіе его не всегда совершенно. Наслажденіе наше не полно, когда мы читаемъ разсказъ Ливія; нужно читать его съ выборомъ и вотъ почему:

I. Поступки зависят отъ характера. А у Ливія характеры слабо намѣчены, лишены индивидуальныхъ чертъ, — они одинаковы въ эпохи цивилизованныя и въ варварскія времена. Мы предвидимъ, что у него рассказы будутъ иногда слишкомъ походить одинъ на другой и будутъ заключать въ себѣ общія мѣста. Сколько разъ въ первыхъ десяти книгахъ повторяется словно одна и та же битва! Всадники пускаютъ узду своимъ конямъ и бросаются съ такой стремительностью, что прорываютъ непріятельскую линію; пѣхотинцы проникаютъ въ эту брешь; все захвачено въ плѣнъ или перебито, и войско возвращается въ Римъ, обремененное добычей. Это однообразіе отнимаетъ всякій интересъ, и лучше было бы опустить какой-нибудь фактъ, нежели повторяться столько разъ.

Ораторы по призванію хранятъ въ тайникѣ своей памяти множество совершенно готовыхъ фразъ, вездѣ полезныхъ, или лучше сказать, бесполезныхъ; эти вспомогательныя средства, — принадлежность ремесла, — могутъ быть трогательны или искусны, но они болѣе умѣстны въ школѣ риторики, чѣмъ въ исторіи. Они есть у Ливія, какъ и у Цицерона ¹⁾: плачущія дѣти, жены, которыя съ воплями отчаянія цѣпляются за своихъ мужей; поверженные храмы боговъ, оскверненныя могилы предковъ и т. п. Эти вѣрныя, но слишкомъ обыкновенныя подробности не заслуживаютъ того, чтобы ихъ куда-

¹⁾ Титъ Ливій V, 40; I, 29; III 52. Рѣчь Сципіона передъ битвой на Тесинѣ, рѣчь Фабія противъ Сципіона; рѣчь Вибія Вирія и др.

либо помѣщать, потому-что ихъ можно помѣстить вездѣ.

Искусство и потребность преувеличивать также принадлежатъ къ ораторскимъ приемамъ; ибо цѣль оратора не въ томъ, чтобы живо изобразить, но чтобы растрогать слушателя своимъ изображеніемъ; онъ относится къ истинѣ, какъ къ средству, а не какъ къ конечной цѣли. вмѣсто того, чтобы рассказывать, Ливій доказываетъ. Онъ хочетъ, чтобы его героями восторгались, а не то, чтобы ихъ поняли; онъ восхваляетъ, а не излагаетъ ихъ дѣйствія. Вотъ какъ онъ начинаетъ рассказъ о поединкѣ Гораціевъ: „Съ оружіемъ, направленнымъ другъ противъ друга, словно боевыя линіи, сходятся по-трое юношей съ каждой стороны, соединяя въ себѣ отвагу двухъ большихъ войскъ. И тѣмъ и другимъ рисуется въ душѣ не собственная опасность, но владычество или рабство государства; рисуется, что такова будетъ въ послѣдствіи судьба родины, какою они сами ее сдѣлаютъ“¹⁾.

Никогда Ливій не предоставляетъ намъ свободы сужденія; онъ самъ стоитъ за своими дѣйствующими лицами, усердно стараясь выставить ихъ и вывести на яркій свѣтъ, приготавливая имъ мѣсто еще до ихъ появленія, выводя ихъ лишь послѣ того, какъ онъ настроилъ нашъ умъ надлежащимъ образомъ; словно онъ намъ докладываетъ о нихъ. Послушайте это вступленіе къ битвѣ при Замѣ: „На это состязаніе выходятъ на слѣдующій день два наиболѣе прославленныхъ вождя двухъ бога-

¹⁾ Титъ Ливій, I, 25.

тѣйшихъ народовъ, выходятъ два храбрѣйшихъ войска, чтобы преумножить или разрушить въ этотъ день великую славу, пріобрѣтенную раньше“¹⁾).

Это напыщенность выраженія — свойственная надгробному слову. Ливій какъ-бы съ боя овладѣваетъ нашимъ восторгомъ, съ помощью многократныхъ эпитетовъ; лучше, если-бы онъ далъ ему свободно проявиться. Такой блестящій слогъ вселяетъ намъ недовѣріе; намъ хочется видѣть, а не быть ослѣпленными. Факты, представляемые такимъ образомъ, не вполнѣ подлинны; преобразившись въ мысли автора, они носятъ на себѣ ея отпечатокъ. Лучше было-бы оставить ихъ, какъ они есть, въ ихъ первоначальной наготѣ, чѣмъ украшать ихъ всей этой пышностью. Когда весь родъ Фабіевъ, числомъ триста, отправляется противъ веентинцевъ, «никогда, говоритъ Ливій, войско болѣе бѣдное по числу, болѣе блестящее по славѣ и удивленію къ нему людей, не проходило по городу: триста шесть воиновъ,—всѣ патриціи, всѣ одного рода; никѣмъ изъ нихъ, какъ вождемъ, въ любое время не пренебрегъ-бы даже отмѣнный Сенатъ, — они шли угрожая гибелью народу вейскому силами одного рода“²⁾).

Это языкъ ораторскихъ рѣчей. Боссюэ въ такихъ-же выраженіяхъ прославлялъ воинскіе подвиги принца Кондэ. Только здѣсь краснорѣчіе приближается къ декламации и потребность украшать ведетъ къ напыщенности: въ одномъ родѣ, состоя-

1) Титъ Ливій, XXX, 32.

2) Титъ Ливій, II, 49.

щемъ изъ трехъ сотъ шести членовъ,—всѣ триста шесть достойны быть вождями Сената! Это уже риторство. Подобные примѣры дѣлаютъ яснымъ различіе между ораторомъ и живописцемъ. Послѣдній, не думая ни судить, ни навязывать своего сужденія, не имѣетъ иного желанія, какъ ясно разглядѣть всѣ чувства, рѣшенія, поступки и разныя положенія своихъ дѣйствующихъ лицъ; не имѣетъ иной цѣли, какъ запечатлѣть ихъ такими, какъ они есть, въ умѣ зрителя. Ораторъ-же, исключительно занятый тѣмъ, чтобы растрогать или убѣдить, трактуетъ факты, какъ средства ораторскаго искусства, рассказывая лишь для того, чтобы насъ растрогать; выбирая, группируя, излагая съ тѣмъ, чтобы вызвать въ насъ не живой образъ или опредѣленную мысль, но крѣпкое убѣжденіе или сильный аффектъ. Если я восторгаюсь Фабіемъ, если при Замѣ ожиданіе битвы держать меня въ напряженномъ состояніи, если я одобряю мужество Горациевъ,—это потому, что Ливій увлекъ меня своимъ мнѣніемъ; онъ можетъ быть удовлетворенъ. И такъ, повторенія, иногда общія мѣста, зачастую страстныя преувеличенія,—вотъ недостатки, которые вносятъ въ повѣствованіе ораторскій духъ.

II. Но онъ вноситъ также и величайшее достоинство—умѣнье оживить и связать всѣ части рассказа; ибо краснорѣчіе есть искусство убѣждать, т. е. собрать въ одинъ сводъ доказательствъ всѣ части предмета, превратить рядъ фактовъ въ послѣдовательное разсужденіе, расположить идеи, сгруппированныя въ виду одного общаго вывода; къ тому-же краснорѣчіе есть талантъ хорошо убѣждать, т. е.

острая проницательность, которая вездѣ угадываетъ страсти, порождаемыя извѣстнымъ событіемъ или положеніемъ, беретъ въ расчетъ ихъ источникъ и ихъ послѣдствія, умѣетъ подавить и возбудить ихъ. Ораторское воображеніе имѣетъ предметомъ не краски, звуки или тѣлесныя формы, а внутренній міръ человѣческой души; оно не причудливо, не порывисто и не окрылено, подобно воображенію поэта: оно не рисуетъ однимъ живописнымъ словомъ; оно не обнимаетъ цѣлаго характера въ одномъ сжатомъ выраженіи; оно не имѣетъ молніеносныхъ проблесковъ. Оно развивается правильно, строго-последовательно и чрезвычайно обильно множествомъ мыслей и чувствъ; вмѣсто того, чтобы поставить событія передъ нашими глазами съ помощью живыхъ образовъ, оно дѣлаетъ ихъ чувствительными для нашей души посредствомъ страстей.

Благодаря этой способности историкъ, усмотрѣвши факты, угадываетъ подъ внѣшней формой, въ которой они проявляются, страсть, дающую имъ жизнь, и раскрываетъ внутреннюю драму, которая ихъ вызываетъ и разрѣшается ими. Какое прекрасное зрѣлище представляетъ историкъ, когда шествуя среди неподвижныхъ нѣмыхъ памятниковъ, касаясь ихъ поочередно, чтобы открыть въ нихъ признаки жизни, вдругъ, благодаря вѣрной догадкѣ, съ трепетомъ постигаетъ всю силу и пылъ угасшихъ чувствъ, подобно человѣку, который, видя клубы дыма, поднимающіеся надъ кровлей обширнаго зданія, угадываетъ пламя въ его стѣнахъ. Посмотримъ въ исторіи Папирія и

Фабія на образцы такого правильнаго построенія и такихъ воскрешенныхъ страстей. Повѣствованіе имѣетъ здѣсь такой ораторскій характеръ, что оно все состоитъ изъ рѣчей:

„Въ Самніи двинулись при ненадежныхъ предзнаменованіяхъ; эта ошибка сказала не въ исходѣ войны, которая окончилась успѣшно, а въ гнѣвѣ и безуміи военачальниковъ; ибо, когда диктаторъ Папирій, по указанію пулларія¹⁾, отправлялся въ Римъ для повторенія гаданья по птицамъ, онъ отдалъ приказъ начальнику конницы держаться на мѣстѣ и въ его отсутствіе не завязывать боя съ врагомъ. Когда-же Квинтъ Фабій послѣ отъѣзда диктатора узналъ черезъ лазутчиковъ, что у враговъ все такъ распущено, какъ будто ни одного римлянина не осталось въ Самніи, то, — уязвленный, какъ человекъ молодой и пылкой негодованіемъ оттого, что все, казалось, держится однимъ диктаторомъ, или увлеченный случаемъ, благопріятнымъ для удачнаго дѣла, — съ войскомъ, построеннымъ и готовымъ къ сраженію, онъ двинулся въ Имбринію, — такъ называется мѣстность, — и вступилъ въ бой съ самнитами. Битва была такъ удачна, что не было упущено ни одной мѣры, которая могла бы увеличить успѣхъ дѣла, если-бы и самъ диктаторъ былъ на лицо“²⁾).

1) *Пулларіемъ* называлось лицо, на попеченіи котораго находились аугуральныя, или священныя куры (pulli). Когда нужно было произнести аугурій, пулларій давалъ имъ кормъ; если куры жадно набрасывались на этотъ кормъ, это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ. *Прим. ред.*

2) Титъ Ливій, VIII, 30.

Этими послѣдними словами Ливій заранѣе старается расположить въ пользу Фабія. Первая же фраза — ораторское вступленіе, которое возвѣщаетъ и уже заключаетъ въ себѣ вкратцѣ весь рассказъ. Самъ Цицеронъ не отказался-бы отъ пространнаго періода, въ которомъ подробно изложены доводы Фабія и преувеличена небрежность самнитовъ. Попробуйте прочитать у Ливія шесть строкъ подрядъ; вашъ голосъ невольно возвышается, вы впадаете въ патетическій тонъ и начинаете защищать извѣстную сторону; вы произносите рѣчь.

„Начальникъ конницы, при такой рѣзнѣ овладѣвъ многочисленной военной добычей, собралъ въ огромную груду вражескіе доспѣхи и, подоживъ огонь, сжегъ ихъ, — даль-ли онъ на то обѣтъ кому изъ ихъ боговъ, или-же, если вѣрить свидѣтельству Фабія ¹⁾, онъ имѣлъ въ виду, чтобы диктаторъ не воспользовался плодами его славы, не написалъ-бы на нихъ своего имени и не понесъ военной добычи въ триумфъ. И донесеніе, посланное Фабіемъ Сенату, а не диктатору, указывало, что онъ отнюдь не хотѣлъ дѣлиться съ нимъ честью ²⁾).

Ливій здѣсь оправдываетъ диктатора, какъ только что передъ этимъ оправдывалъ начальника кавалеріи; онъ объясняетъ и обсуждаетъ. Рассказъ его не есть чистое повѣствованіе; подобное сдѣпленіе мыслей — принадлежность оратора. И вслѣдъ за

¹⁾ Ливій разумѣетъ здѣсь свидѣтельство историка Фабія Пиктора. *Прим. ред.*

²⁾ Титъ Ливій, VIII, 30.

тѣмъ разливается потокомъ страсть, а вмѣстѣ съ нею и краснорѣчіе.

„Во всякомъ случаѣ диктаторъ такъ принялъ это событіе, что въ то время, когда другіе радовались одержанной побѣдѣ, онъ обнаруживалъ гнѣвъ и скорбь. Распустивъ внезапно Сенатъ, онъ бросился изъ куріи, повторяя, что въ данномъ случаѣ, конечно, начальникъ конницы разбилъ и опрокинулъ диктаторское величіе и военную дисциплину не хуже самнитскихъ легионовъ,—если только неповиновеніе высшей военной власти пройдетъ ему безнаказанно. Но, полный угрозъ и гнѣва при отъѣздѣ, онъ хотя и достигъ лагеря усиленными переходами, все таки не успѣлъ опередить вѣсть о своемъ приближеніи, такъ какъ его предупредили, отправивши изъ города извѣстить, что диктаторъ идетъ, жаждущій наказанія, чуть не на каждомъ словѣ выхваляя поступокъ Т. Манлія“¹⁾).

Слѣдующая затѣмъ рѣчь не совсѣмъ естественна. Въ ней говоритъ Ливій, а не Фабій. Но что за искусство раздражить и растравить страсти для того, чтобы связать интересъ полководца съ интересомъ солдатъ, чтобы сдѣлать диктатора ненавистнымъ! „Созвавъ тотчасъ солдатъ на собраніе, Фабій обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ: пусть они съ тѣмъ-же мужествомъ, съ какимъ защищали отечество отъ опаснѣйшихъ враговъ, оберегаютъ его, подъ чьимъ начальствомъ и религіознымъ ру-

¹⁾ Т. е. примѣръ Манлія, казнившего своего сына за подобное нарушеніе военной дисциплины. *Прим. ред.*

ководствомъ одержали побѣду отъ бѣшенной жестокости диктатора. Вотъ онъ идетъ, — обезумѣвшій отъ зависти, разгнѣванный чужимъ мужествомъ и счастьемъ; онъ неистовствуетъ, потому-что въ его отсутствіе совершенно славное дѣло на пользу государства, и если-бы онъ могъ измѣнить судьбу, то предпочелъ-бы видѣть побѣду скорѣе въ рукахъ самнитовъ, чѣмъ у римлянъ. Диктаторъ твердитъ, что поправа верховная военная власть, какъ будто не самъ онъ запретилъ сражаться изъ того-же чувства, которое заставляетъ его горевать, когда битва выиграна. Какъ тогда изъ зависти онъ хотѣлъ стѣснить чужое мужество и намѣревался вырвать оружіе у самыхъ рьяныхъ солдатъ, чтобы въ его отсутствіе нельзя было имъ пошевелинуться, такъ онъ теперь неистовствуетъ и не можетъ перенести, что и безъ Л. Папірія солдатъ владѣлъ оружіемъ и не былъ безрукимъ; что Кв. Фабій вель себя, какъ начальникъ конницы, а не какъ приставъ диктатора. Что-же сдѣлалъ-бы онъ, если-бы, — какъ того можно ждуть отъ военнаго счастья и отъ Марса, общаго бога, — если-бы битва кончилась неудачей, когда даже теперь грозитъ казнью начальнику конницы, теперь, послѣ того, какъ враги у него разбиты, и дѣло такъ хорошо кончено на общую пользу, что диктаторъ самъ — единственный между полководцами — едва-ли-бы могъ сдѣлать лучше. Вѣдь не менѣе вражды у него противъ военныхъ трибуновъ, центуріоновъ, солдатъ, чѣмъ противъ самого начальника конницы; и если-бы онъ могъ, онъ сталъ-бы свирѣпствовать противъ всѣхъ, — но, такъ какъ это невозможно, то

онъ свирѣпствуетъ противъ одного. Зависть, какъ огонь, забирается какъ можно выше: такъ и онъ бросается на главу замысла, на вождя. Если диктаторъ уничтожить его вмѣстѣ со славой совершеннаго подвига, тогда онъ, какъ побѣдитель, властвуя словно надъ плѣннымъ войскомъ, отважится и противъ солдатъ на все, что ему будетъ дозволено противъ начальника конницы. И такъ, пусть солдаты уже въ лицѣ его позаботятся объ общей свободѣ. Если то-же единомышленникъ, какое царило въ войскѣ во время сраженія диктаторъ увидитъ въ желаніи оградить побѣду и пойметъ, что благо одного служить предметомъ заботы для всѣхъ, то онъ склонится къ болѣе снисходительному рѣшенію. Въ концѣ концовъ онъ самъ ввѣряетъ свою жизнь и достояніе ихъ вѣрности и мужеству¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, рѣчь въ этомъ разсказѣ является не внѣшнимъ украшеніемъ,—она составляетъ его сущность. Одушевленные состраданіемъ, гордостью, страхомъ, любовью и ненавистью, солдаты будутъ сопротивляться. Значитъ, хорошо представлены страсти, когда при чтеніи мы сами ихъ ощущаемъ. Можно, пожалуй, сказать, что здѣсь сплетеніе доводовъ слишкомъ сложное. Въ этомъ отношеніи слогъ Ливія походитъ на рисунокъ старыхъ живописцевъ. На каждомъ тѣлѣ они обозначаютъ движеніе малѣйшихъ мускуловъ; въ каждой фразѣ Ливій сдѣпляетъ и накопляетъ массу

1) Титъ Ливій, VIII, 31.

второстепенныхъ доказательствъ. Въ обоихъ случаяхъ это избытокъ силы, знанія и труда.

„Крикъ поднялся по всему собранію: пусть онъ будетъ спокоенъ; никто не причинитъ ему насилія, пока здравствуютъ римскіе легіоны. Вскорѣ послѣ этого прибылъ диктаторъ и по звуку трубы созвалъ собраніе. Тогда, водворивъ молчаніе, глашатай вызвалъ Кв. Фабія, начальника конницы. Какъ только тотъ поднялся къ трибуналу, диктаторъ обратился къ нему: „Я спрашиваю тебя, Кв. Фабій, такъ какъ верховная власть принадлежитъ диктатору и ей повинуются консулы—наслѣдники власти царской и преторы, избранные при тѣхъ-же священныхъ гаданіяхъ, какъ и консулы,—я спрашиваю, считаешь-ли ты справедливымъ или нѣтъ, чтобы начальникъ конницы повиновался слову диктатора? спрашиваю также: если я былъ увѣренъ, что вышелъ изъ дому при ненадежныхъ предзнаменованіяхъ, слѣдовало-ли мнѣ, пренебрегая религиозными обрядами, подвергать опасности общее благо, или-же повторить гаданье, чтобы не дѣйствовать, не зная воли боговъ?—Я желаю еще знать, свободенъ-ли и независимъ-ли начальникъ конницы отъ религиозныхъ обязанностей, которыя диктатору помѣшали начать битву?—Но къ чему я спрашиваю объ этомъ, когда, если-бы я даже ушелъ, не сказавъ ни слова, все-таки въ своихъ рѣшеніяхъ ты-бы долженъ былъ руководиться толкованіемъ моей воли. Ну, отвѣчай-же, не запретилъ ли я тебѣ въ мое отсутствіе начинать дѣло? Не запретилъ-ли вступать въ бой съ врагомъ?—Поправъ это повелѣніе диктатора, при ненадежныхъ предзнамено-

ваніяхъ, съ нарушеніемъ религіознаго чина, вопреки военному обычаю и дисциплинѣ предковъ, вопреки воли боговъ—ты осмѣлился сразиться съ врагомъ. На то, о чемъ я спрашиваю, дай отвѣтъ, и берегись словомъ переступить этотъ предѣлъ. Приблизься, ликторъ!“¹⁾

Въ этомъ наводящемъ ужасъ разсужденіи, которое сковываетъ обвиняемаго, чтобы предать его смерти, страсть, сначала сдерживаемая, растетъ, грозно накопляясь; затѣмъ, при послѣднемъ словѣ, раздражается; это гнѣвъ, которому даетъ пищу логика. Развитие доводовъ здѣсь идетъ рядомъ съ развитіемъ страсти.

„Такъ какъ не легко было отвѣчать на каждый вопросъ отдѣльно, и Фабій сначала жаловался, что для него диктаторъ—и грозный обвинитель, и вмѣстѣ съ тѣмъ судья,—затѣмъ возгласилъ, что скорѣе можно вырвать у него жизнь, чѣмъ славу военныхъ подвиговъ и попеременно то оправдывался, то переходилъ даже къ обвиненію;—тогда Папирій, снова вспылывши, велѣлъ обнажить начальника конницы и извлечь лозы и сѣкиры. Взывая къ вѣрности солдатъ, Фабій вырвался у ликторовъ, уже рвавшихъ на немъ одежду и бросился къ триаріямъ, среди которыхъ уже подымалось волненіе. Отсюда крики распространились по всему собранію. Здѣсь слышались мольбы, тамъ—угрозы. Такъ какъ тѣ, кто случайно стоялъ ближе всего къ трибуналу, на глазахъ у диктатора, могли быть замѣчены, то они только просили пощадить начальника конни-

1) Титъ Ливій, VIII, 32.

цы и не осуждать войска въ его лицѣ. Окраинаже и толпа вокругъ Фабія уже поносила немилосерднаго диктатора и была не далеко отъ бунта. Даже трибуналъ не былъ вполне спокоенъ ¹⁾. Легаты, окруживъ сѣдалище диктатора, упрашивали его отложить дѣло до слѣдующаго дня, дать срокъ своему гнѣву и время раздумью: достаточно уже наказана юношеская заносчивость Фабія, довольно обезславлена побѣда: пусть онъ не домогается послѣдней степени наказанія и не наноситъ тако-го позора ни молодому человѣку, изъ-ряду выходяшему, ни отцу его, знаменитѣйшему мужу, ни роду Фабіевъ. Такъ какъ ни просьбами, ни доводами они не добились особаго успѣха, то стали увѣщевать его взглянуть на бушующее собраніе: при такомъ раздраженіи солдатъ раздувать пламя и подливать масло въ огонь недостойно ни его возраста, ни его благоразумія. Не Кв. Фабію вѣннтся въ преступленіе, что, обращаясь къ заступничеству, онъ старается отклонить наказаніе, — но, конечно, диктатору, если, ослѣпленный гнѣвомъ, онъ враждебную толпу раздражитъ противъ себя несправедливымъ пререканіемъ. Наконецъ, дабы онъ не думалъ, будто это идетъ изъ пристрастія къ Фабію, они готовы дать клятву, что считаютъ несогласнымъ съ пользою государства наказывать Кв. Фабія въ эту минуту. Однако этими словами легаты болѣе раздражали противъ себя диктатора, нежели примиряли съ начальникомъ конницы, и

¹⁾ Читатель видитъ, какъ тщательно Ливій оттъняетъ переходы чувства. Это также ораторскій приѣмъ.

они получили приказаніе сойти съ трибунала. А такъ какъ за шумомъ и смятеніемъ ни диктатора, ни его служителей не было слышно, то глашатай тщетно пытался возстановить молчаніе, и только ночь, словно въ сраженіи, положила конецъ борьбѣ. Начальникъ конницы, — получивъ приказъ явиться на слѣдующій день, — тайно бѣжалъ изъ лагеря въ Римъ, такъ какъ всѣ утверждали, что еще болѣе сильной враждой воспламенится Папирій, раздраженный и ожесточенный самымъ споромъ. Въ то время, когда, созвавъ немедленно Сенатъ по совѣту своего отца, М. Фабія, который уже трижды былъ консуломъ и даже диктаторомъ, Кв. Фабій горячо жаловался передъ сенаторами на несправедливость и насиліе диктатора, внезапно передъ куріей раздался шумъ ликторовъ, разгоняющихъ народъ, — самъ диктаторъ, озлобленный, уже былъ на лицо; онъ послѣдовалъ съ легкой конницей, лишь только узналъ объ отъѣздѣ его изъ лагеря“.

Здѣсь въ первый разъ является осязательный фактъ и нѣчто въ родѣ неожиданнаго театральнаго эффекта. Но развѣ рассказъ менѣе оживленъ оттого, что онъ весь какъ-бы происходитъ въ душѣ? Ливій походитъ на французскихъ трагиковъ XVII вѣка: декорациі бѣдны, ни возгласовъ ни физическихъ страданій, но цѣлый рядъ мыслей и чувствъ: болѣе разсудка и страсти, чѣмъ воображенія. У читателя возбуждены не внѣшнія чувства, а сердце, и къ самымъ сильнымъ ощущеніямъ примѣшивается высокое духовное наслажденіе,

какое всегда даетъ въ мѣру сдержанное выраженіе и стройная послѣдовательность чувствъ.

„Затѣмъ борьба возобновилась, и Папирій велѣлъ схватить Фабія. Тутъ, когда, не смотря на просьбы первыхъ сенаторовъ и цѣлаго Сената, непреклонный въ душѣ, онъ настаивалъ на своемъ намѣреніи, М. Фабій, отецъ, сказалъ: „Такъ какъ для тебя ни воля Сената, ни годы того, кого собираешься оставить бездѣтнымъ, ни мужество и знатность начальника конницы, утвержденнаго тобой самимъ, не имѣютъ значенія; ни даже просьбы, которыя часто смягчали врага, которыя смягчаютъ гнѣвъ; — то я обращаюсь къ народнымъ трибунамъ и переносу дѣло къ народу. Тебѣ, уклоняющемуся отъ приговора своего войска, уклоняющемуся отъ воли Сената, я даю въ судьи того, кто, безъ сомнѣнія, только одинъ могущественнѣе и властнѣе, чѣмъ твое диктаторство. Я посмотрю, уступишь-ли ты провокаціи, которой уступилъ римскій царь Туллъ Гостилій“. — Изъ куріи идутъ въ народное собраніе. Когда диктаторъ, сопровождаемый немногими, а начальникъ конницы—цѣлой толпой первѣйшихъ людей, поднялись сюда, и Папирій велѣлъ свести Фабія внизъ съ трибуны (rostra), то отецъ послѣдовалъ за нимъ, говоря: „Ты хорошо сдѣлалъ, что приказалъ свести насъ туда, откуда и какъ частные люди, мы можемъ подымать голосъ!“ — Здѣсь слышались сначала не столько связныя рѣчи, сколько пререканія. Затѣмъ голосъ и негодованіе стараго Фабія побѣдили шумъ, когда онъ сталъ порицать высокомеріе и жестокость Папирія: „И самъ онъ былъ

диктаторомъ въ Римѣ, но никого не обидѣлъ ни изъ простаго люда, ни изъ центуріоновъ, ни изъ солдатъ. Папирій, словно надъ вождями непріятелей, домогается побѣды и тріумфа надъ римскимъ военачальникомъ. Какая разница между умѣренностью древнихъ и высокоуміемъ и жестокостью новаго времени! Диктаторъ Квинцій Цинцинатъ противъ консула Л. Минуція, вырваннаго имъ изъ осады, ограничилъ свою злобу тѣмъ, что оставилъ его при войскѣ легатомъ съ консульской властью. М. Фурій Камиллъ по поводу Л. Фурія, который, презрѣвъ его старостью и совѣтомъ, далъ битву съ позорнѣйшимъ исходомъ, не только тутъ-же сдержалъ свой гнѣвъ на столько, что ни народу, ни Сенату не написалъ ничего о сослуживцѣ, — но даже, когда вернулся, между всѣми трибунами съ консульской властью остановился на немъ, чтобы, получивъ отъ Сената свободный выборъ изъ среды сослуживцевъ, именно его избрать себѣ товарищемъ по высшей военной власти. Даже самъ народъ, которому принадлежитъ власть во всѣхъ дѣлахъ, не простиралъ своего раздраженія противъ тѣхъ, кто по безразсудству и неумѣнью губилъ войско, далѣе наказанія ихъ денежной пеней. Смертною-же казнью народъ не грозилъ за дѣло, успешно свершенное на войнѣ, ни одному военачальнику до этого дня. А теперь вождямъ римскаго народа, — чему не слѣдовало-бы подвергать ихъ, даже въ случаѣ пораженія, — побѣдившимъ и заслужившимъ самый справедливый тріумфъ, угрожаютъ лозы и сѣкиры. Что-же понесъ-бы его сынъ,

Кв. Фабій, если-бы потерялъ войско, если-бы, разбитый и обращенный въ бѣгство, лишился лагерь? Къ какой-бы еще крайности могли прибѣгнуть гнѣвъ и неистовство диктатора, кромѣ ударовъ и казни?—Какъ это вяжется одно съ другимъ, что, благодаря Фабію, государство исполнено радости, торжества, благодарственныхъ молитвъ, поздравленій,—а тотъ, благодаря кому храмы боговъ открыты, алтари курятся отъ жертвъ, изобилуютъ поклоненіемъ и дарами, — обнаженный терзается подъ лозами на глазахъ римскаго народа и устремляетъ взоры къ Капитолію, къ крѣпости и богамъ, которыхъ въ двухъ битвахъ призывалъ не напрасно. Съ какимъ чувствомъ это перенесетъ войско, побѣдившее подъ его начальствомъ и при посланныхъ ему богами предзнаменованіяхъ? Какая печаль воцарится въ лагерь римлянъ, какая радость среди враговъ!“

Здѣсь ораторское искусство слишкомъ замѣтно; послѣдніе доводы мы встрѣчали уже въ рѣчи стараго Горація. Но общее мѣсто здѣсь очень краснорѣчиво.

„Такъ говорилъ онъ, укоряя, жалуясь, призывая на помощь боговъ и людей, обнимая сына и обливаясь обильными слезами. На его сторонѣ былъ авторитетъ Сената, расположеніе народа, защита трибуновъ, мысль объ отсутствующемъ войскѣ; противники съ своей стороны указывали и на неприкосновенность верховной власти у римскаго народа, и на военную дисциплину, и на эдиктъ диктатора, всегда соблюдавшійся, какъ воля бо-

говъ ¹⁾, и на примѣръ Манлія, на его любовь къ сыну, подавленную въ угоду государственному благу: То-же самое еще ранѣе совершилъ надъ своими двумя сыновьями Л. Брутъ, основатель римской свободы. Теперь-же угодливые отцы и старики—снисходительные, когда нарушена чужая власть,—прощаютъ юношеству—словно низверженіе военной дисциплины дѣло незначительное. О себѣ-же диктаторъ говорилъ, что онъ все-таки останется при своемъ намѣреніи и для того, кто вопреки его слову, пренебрегая религіозными опасеніями и при ненадежныхъ предзнаменованіяхъ, далъ битву, ничего не спуститъ изъ справедливой кары. Сохранится-ли величіе высшей военной власти вѣчно нерушимымъ,—это не отъ него зависитъ: но Папирій ничего у нея не отниметъ. Онъ желаетъ, чтобы власть трибуновъ, сама ненарушимая, не нарушала своимъ вмѣшательствомъ римской военной власти и особенно, чтобы народъ не въ его именно лицѣ сокрушилъ диктатора и права диктатуры. Если онъ это сдѣлаетъ, не его, Папирія, но трибуновъ и неправильный приговоръ народа будутъ обвинять потомки: но безплодно, ибо, разъ опозорена военная дисциплина,—тогда уже не станетъ болѣе повиняться ни солдатъ центуріону, ни центуріонъ трибуну, ни трибунъ легату, ни легатъ консулу, ни начальникъ конницы диктатору; тогда ни къ людямъ, ни къ богамъ никто не будетъ чувствовать уваженія;

¹⁾ Здѣсь Ливій усиливаетъ выраженіе, потому-что страсть всегда преувеличиваетъ.

тогда ни эдикты военачальниковъ, ни предзнаменованія не будутъ соблюдаться; не спрашивая отпуски, солдаты въ разсыпную станутъ блуждать по мирной странѣ и по вражеской; не помня о присягѣ, лишь по собственной прихоти, увольняться отъ службы, когда захотятъ; забытыя знамена будутъ брошены на произволь, никто не станетъ являться по приказу и разбирать, сражаться-ли ему днемъ или ночью, гдѣ удобно или гдѣ неудобно, по повелѣнію начальника или безъ него; никто не станетъ ни держаться знаменъ, ни соблюдать строя; словно въ разбойничьей шайкѣ, военная служба сдѣлается беспорядочной и случайной,—изъ скрѣпленной обрядомъ и клятвою. За такія-то преступленія на-вѣки берете вы вину на себя, народные трибуны, и свои повинныя головы кладете за своеволие Кв. Фабія¹⁾.

Это полное расчлененіе идеи на ея малѣйшія части, эта проницательная логика, которая, ни на чемъ не останавливаясь, выслѣживаетъ крайнія послѣдствія опрометчиваго помилованія, это многообразіе душевныхъ движеній, которыя соединяются въ одной страсти, этотъ непрерывный и возрастающій вихорь, подъ конецъ все сокрушающій,— это само краснорѣчіе. Богатое ораторское воображеніе поднимается выше береговъ, подобно обширному потоку, съ неудержимой стремительностью.

„Трибуны были въ оцѣпенѣніи, уже озабоченные болѣе своей судьбой, чѣмъ судьбою того,

1) Титъ Ливій, VIII. 34.

для кого у нихъ просили защиты, но ихъ освободило отъ бремени единодушіе римскаго народа, обратившагося къ просьбамъ и мольбамъ, чтобы ради народа, диктаторъ простилъ кару начальнику конницы. И трибуны, слѣдуя общему настроенію, склоняются къ мольбамъ, просятъ дикатора дать снисхожденіе человѣческому заблужденію, снисхожденіе молодости Кв. Фабія; онъ уже довольно наказанъ. И уже самъ молодой человѣкъ, и его отецъ, М. Фабій, забывши о пререканіяхъ, повергаются на колѣна и мольбой стараются отклонить гнѣвъ диктатора. Тогда диктаторъ, установивъ молчаніе, сказалъ: „Все идетъ хорошо, Квириды. Торжествуетъ военная дисциплина, торжествуетъ величіе высшей власти, для которыхъ наступила было рѣшительная минута, существовать-ли имъ вообще послѣ этого дня. Не избавляется отъ кары Кв. Фабій, который вопреки эдикту военачальника далъ битву; но, приговоренный къ карѣ, освобождается ради римскаго народа, ради власти трибуновъ, которые просьбами, а не предъявленіемъ правъ, старались оказать ему помощь. Живи, Кв. Фабій, радуясь болѣе этому единодушію гражданъ въ твоей защитѣ, чѣмъ побѣдѣ, которой восхищался незадолго предъ тѣмъ. Живи, хотя и осмѣлился на то, въ чемъ тебѣ даже отецъ, если-бы былъ на мѣстѣ Папирія, не далъ-бы прощенія. Со мной, какъ только захочешь, можешь помириться; римскому народу, которому ты обязанъ жизнью, ты окажешь величайшую услугу, если этотъ день послужитъ тебѣ убѣдительнымъ урокомъ, чтобы на войнѣ и въ мирѣ повиноваться закон-

ной власти“.—Когда онъ провозгласилъ, что нисколько ни задерживаетъ начальника конницы и сошелъ со священнаго мѣста, довольный Сенатъ и еще болѣе довольный народъ, окруживши и поздравляя съ одной стороны начальника конницы, съ другой—диктатора, послѣдовали за ними,—и власть, казалось, болѣе окрѣпла, вслѣдствіе опасности, какой подвергался Кв. Фабій, чѣмъ вслѣдствіе жалкой казни молодого Манлія ¹⁾“.

Послѣднія слова похожи на ораторское заключеніе. Ливій здѣсь сводитъ итогъ фактамъ и оканчиваетъ такъ, какъ это дѣлается въ рѣчахъ. Въ сущности, за его рассказомъ всегда слышится рѣчь; когда онъ повѣствуетъ, въ его словахъ та же порывистая страстность, какъ и въ его рѣчахъ; говоритъ-ли онъ самъ, или заставляетъ говорить другихъ, онъ это дѣлаетъ всегда въ одномъ духѣ и съ одинаковымъ выраженіемъ. Посмотрите на его изображеніе римлянъ послѣ капитуляціи въ Кавдинскихъ Ущельяхъ: „Возвращеніе консуловъ возобновило въ лагерѣ печаль, такъ-что солдаты едва удерживались, чтобъ не поднять рукъ на тѣхъ, чье безразсудство завело ихъ въ это мѣсто, чьей трусости суждено было ихъ вывести еще съ бѣльшимъ позоромъ, чѣмъ они пришли: у нихъ, говорили они про консуловъ, не было ни проводника, ни лазутчика; словно дикія животныя, они слѣпо попали въ яму. Солдаты смотрѣли другъ на друга, глядѣли на оружіе, которое приходилось вскорѣ выдать, и на свою правую руку, которая будетъ

¹⁾ Титъ Ливій, VIII, 35.

обезоружена, и на тѣло, которое будетъ предано врагу; они уже представляли себѣ вражеское иго и насмѣшки побѣдителя, и гордые взгляды, и движеніе безоружныхъ среди вооруженныхъ; затѣмъ жалкій путь опозореннаго войска черезъ города союзниковъ, возвращеніе въ отечество къ родителямъ, куда часто они сами и предки ихъ возвращались съ торжествомъ. Только они одни, молъ, безъ ранъ, безъ оружія, безъ боя побѣждены; имъ однимъ не было дозволено ни обнажить мечей, ни сразиться съ врагомъ; имъ напрасно было дано оружіе, напрасно—сила, напрасно было дано мужество.—Пока они такъ роптали, роковой часъ позора насталъ, когда дѣйствительность оказалась еще печальнѣе, чѣмъ они представляли себѣ заранѣе въ душѣ. Прежде всего имъ приказано въ одной только одеждѣ, безъ оружія, выйти за валъ, а заложники выданы первыми и отведены подъ стражу. Затѣмъ приказано ликторамъ отойти отъ консуловъ, а съ тѣхъ совлечены плащи военачальниковъ. Такую жалость вызвало это даже среди тѣхъ, кто незадолго передъ тѣмъ, проклиная, думалъ ихъ выдать и растерзать,—что каждый, забывъ о своемъ положеніи, отвращалъ взоры отъ оскорбленія такого величія, какъ отъ нечестиваго зрѣлища. Консулы первые, полунагими, были посланы подъ иго; затѣмъ, каждый въ свой чередъ подвергся позору, всѣ ближайшіе по степенямъ; затѣмъ, одинъ за другимъ, отдѣльные легіоны. Кругомъ стояли вооруженные враги, укоряя и насмѣхаясь. Противъ многихъ устремились даже мечи, а иные были ранены и убиты, если ихъ лицо

слишкомъ вызывающее для унижительнаго положенія, оскорбляло побѣдителя. Когда, проведенные такимъ образомъ подъ игомъ и притомъ,—что, пожалуй, было еще тяжелѣй,—на глазахъ у враговъ,—они вырвались изъ ущелья, то, хотя, словно извлеченные изъ царства мертвыхъ, они тутъ будто впервые увидѣли свѣтъ,—все-таки самый свѣтъ для созерцавшихъ безобразное войско былъ печальнѣе всякой смерти. И такъ, хотя они до наступленія ночи могли достигнуть Капуи, но не надѣясь на вѣрность союзниковъ и удерживаемые стыдомъ, близъ дороги недалеко отъ Капуи, лишенные самаго необходимаго, всѣ они распростерлись на землю... Ни услужливость союзниковъ, ни ихъ радушныя лица и разговоры, не только не могли извлечь у нихъ слова, но даже добиться того, чтобы они подняли взоры или взглянули въ лицо утѣшавшимъ друзьямъ... Молчаливымъ и нѣмымъ выступилъ отрядъ... Они не отвѣчали привѣтомъ привѣтствовавшимъ, не давали отвѣта; никто не могъ открыть устъ отъ стыда... И это упорное молчаніе, и устремленные въ землю взоры, и глухія для всѣхъ утѣшеній уши, и стыдъ взглянуть на свѣтъ—все служило признакомъ состоянія духа, поднимавшаго изъ глубины сердца грузную массу гнѣва: и память о Кавдинскомъ мирѣ должна была впоследствии для самнитовъ сдѣлаться прискорбнѣе, чѣмъ для римлянъ¹⁾.

1) Титъ Ливій, IX, 5, 6. Сравните съ этимъ рассказъ Фукидида (спартанцы въ Сфактеріи);—это настоящее повѣствованіе—въ противоположность съ ораторскимъ повѣствованіемъ Тита Ливія.

Все въ этомъ разсказѣ дышетъ мрачной и суровой скорбью, достойной этихъ солдатъ, столь храбрыхъ и такъ позорно униженныхъ. Ливій не могъ-бы сильнѣе выразиться, если-бы на слѣдующій день въ Римѣ захотѣлъ призвать ихъ къ мести и борьбѣ.

Эта порывистая страстность вѣрна правдѣ. Сердце, какъ и умъ, имѣетъ свою логику, и оратору обѣ онѣ хорошо извѣстны. Замѣчательное чутье правды у Ливія еще ярче освѣщается промахами Діонисія. Сравнимъ оба разсказа о смерти Лукреціи. Вотъ описаніе Ливія:

„Спустя нѣсколько дней Секстъ Тарквиній, безъ вѣдома Коллатина, съ однимъ провожатымъ явился въ Коллацію. Когда, принятый здѣсь радушно тѣми, кто не подозрѣвалъ его намѣренія, онъ послѣ стола былъ отведенъ въ спальню для гостей, и когда все кругомъ казалось вполнѣ безопаснымъ и всѣ заснули, онъ съ обнаженнымъ мечемъ идетъ, пылая любовью, къ спящей Лукреціи и, лѣвой рукой сдавивъ грудь женщины: „Молчи“, говоритъ, „Лукреція! Я Секстъ Тарквиній; у меня въ рукѣ мечъ; ты умрешь, если испустишь малѣйшій крикъ“¹⁾.

А какія натяжки и какіе промахи у Діонисія! „Когда, проснувшись отъ шума, Лукреція спросила, кто тутъ, — онъ приказалъ ей молчать и оставаться въ комнатѣ, грозя убить ее, если она попытается бѣжать или закричитъ“. — Если-бы такъ было дѣло, она бы непременно убѣжала и закричала; жалкій грекъ

1) Титъ Ливій, I, 58.

безчестить Лукрецію. Для того, чтобы сохранить за ней чистоту, необходимо, чтобы она не могла произнести ни слова, чтобы у нея былъ приставленъ къ горлу мечъ, а рука Секста была-бы на ея груди. Надо представить ее, какъ у Ливія, „внезапно разбуженной, испуганной, беззащитной, видящей передъ собою неминуемую смерть, въ то время, какъ Тарквиній признается ей въ своей любви, умоляетъ ее, къ мольбамъ присоединяя угрозы, соблазняя ее всѣми средствами, какія дѣйствуютъ на сердце женщины“. А какъ смѣшна та-же самая рѣчь у Діонисія! Какъ Лукреція должна быть спокойна, слушая спокойное разсужденіе Секста: „Если ты согласишься уступить мнѣ, говоритъ онъ ей, ты сдѣлаешься моей женой, будешь царствовать вмѣстѣ со мной надъ городомъ, полученнымъ мною отъ отца, а послѣ его смерти—надъ римлянами, сабинянами, этрусками и всѣми прочими народами, которымъ онъ повелѣваетъ. Ибо я знаю, что унаслѣдую царство послѣ отца, и это вполне справедливо, такъ какъ я старшій изъ его сыновей. Что касается другихъ благъ, какими пользуются повелители и которыя ты раздѣлишь со мною, какая надобность описывать ихъ тебѣ, когда всѣ они тебѣ самой хорошо извѣстны?“ — У Ливія въ угрозахъ Тарквинія слышится любовь и ярость. „Какъ только онъ увидалъ, что она непоколебима и непреклонна, даже въ виду смерти, онъ сталъ стращать ее позоромъ, грозя, что убьетъ ее и съ мертвой положитъ обнаженнаго заколотаго раба, чтобы подумали, что она убита при позорномъ прелюбодѣяннн. И побѣ-

дивъ этой угрозой упорную стыдливость, словно восторжествовала побѣдоносная страсть, неистовый Тарквиній ушелъ оттуда, гордясь тѣмъ, что преодолѣлъ силой женскую добродѣтель. Лукреція, убитая такимъ несчастьемъ, посылаетъ одну и ту же вѣсть—къ отцу въ Римъ и въ Ардею къ мужу, чтобы они явились съ немногими вѣрными друзьями; это необходимо, и притомъ надо торопиться: случилось ужасное дѣло“.

Діонисій не понимаетъ, что это тѣло и это сердце разбиты, что ей стыдно показаться, что она хотѣла-бы укрыться отъ дневного свѣта, отъ взоровъ людей, отъ своей собственной мысли. „Она всходитъ на колесницу, говоритъ онъ, и спѣшитъ въ Римъ“.

Но оставимъ Діонисія, который портитъ и расхолаживаетъ все, чего касается. Далѣе рассказъ Ливія слишкомъ хорошъ, чтобы его прерывать: „Они находятъ Лукрецію, сидящей въ спальнѣ, убитую горемъ. При появленіи своихъ у нея потекли слезы и на вопросъ мужа: „Все-ли идетъ хорошо?“ она отвѣчаетъ: „Нѣтъ, ибо что хорошаго остается женщинѣ, утратившей цѣломудріе? Впрочемъ только тѣло опозорено, душа непорочна: смерть будетъ тому свидѣтельствомъ. Но дайте ваши правыя руки и слово, что прелюбодѣй будетъ наказанъ. Это Секстъ Тарквиній,—врагъ подъ личиною друга—прошлую ночь вооруженный силой доставилъ себѣ утѣху, гибельную для меня и—если только вы мужи, то—и для него“.—Всѣ по очереди даютъ слово, утѣшаютъ страждущую душой, слагая вину съ принужденной на виновника преступленія: духомъ грѣшатъ, не тѣломъ, и тамъ,

гдѣ не было намѣренія, нѣтъ вины. — „Вы увидите сами, отвѣчаетъ она, чего заслужилъ тотъ. Я-же, хотя и освобождаю себя отъ грѣха, но отъ наказанія не избавляю, и ни одна опозоренная женщина не будетъ жить, ссылаясь на примѣръ Лукреціи“. Ножъ, который держала спрятаннымъ подъ платьемъ, она вонзаетъ себѣ въ сердце и, наклонившись на рану, падаетъ умирающая. Вскрикнули мужъ и отецъ“.

Это не похоже на тѣ трагедіи, гдѣ умираютъ для окончанія пьесы легко и какъ-то парадно. Лукреція спокойна и мрачна передъ приходомъ отца, потому-что рѣшеніе ея непоколебимо. Одну минуту природа беретъ свое: увидя ихъ, она плачетъ. Но когда она начинаетъ говорить, такъ кратко, твердо, такъ прямо—воля ея опять напряжена: оправданіе ея готово. Слова, которыя могли-бы ее выдать неясны и, конечно были произнесены вполголоса; а послѣднія ея слова, которыя совершенно явственны, отброшенные къ самому концу фразы, поражаютъ, какъ ударъ кинжала.

Благодаря своему драматическому воображенію, Ливій совершенно пересоздаетъ свой оригиналь, между прочимъ и Полибія. Устранимъ изъ Ливія все, что принадлежитъ Полибію; то, что останется—есть талантъ самого Ливія, т. е. искусство рассказывать.

„Ганнибалъ“, говоритъ Ливій, „отъ Друенціи ¹⁾ двигаясь большей частью по равнинѣ, достигъ Альпъ при вполнѣ мирномъ къ нему отношеніи

¹⁾ Рѣка Дюрансъ, въ Южной Франціи.

населявшихъ эти мѣста галловъ. Тогда, хотя по слуху,—который неизвѣстное обыкновенно возноситъ выше истиннаго,—уже заранѣе составилось опредѣленное представленіе, все-таки на яву и вблизи дѣйствительность превзошла ожиданія: высота горъ, снѣга, почти сливавшіеся съ небомъ, безобразныя кровли хижинъ, разбросанныхъ по скаламъ, вьючный скотъ и стада какъ-бы окоченѣвшія отъ холода, люди съ запущенными волосами и грубой внѣшностью, все живое и все неодушевленное, оцѣпенѣвшее отъ мороза, и все прочее, еще болѣе ужасное при видѣ, чѣмъ въ описаніи,— снова возбуждали въ нихъ страхъ“¹⁾).

Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Ливій описываетъ физическія явленія лишь для объясненія нравственныхъ ощущеній и дѣлаетъ наблюденія надъ тѣломъ ради души. Полибій не рисуетъ ни того, ни другого. Для него переходъ черезъ Альпы представляетъ не болѣе, какъ восхожденіе, *αναβολή*, которое нужно не изобразить, а дать понять. Поэтому-то онъ имѣетъ безтактность предупредить насъ, что Ганнибалу угрожаетъ великая опасность, и что на его пути сидятъ въ засадѣ горцы. Ливій не нарушаетъ неожиданности,—изъ страха ослабить интересъ. Онъ слѣдитъ за ощущеніями солдатъ, онъ идетъ вмѣстѣ съ ними и не можетъ видѣть непріятеля раньше ихъ.

„Когда они направили свой путь на первые склоны горъ, передъ ними появились горцы, занимавшіе господствующія вершины; если бы они

¹⁾ Титъ Ливій, XXI, 32.

заняли болѣе скрытыя ущелья, то, сразу и внезапно появившись для битвы, могли-бы вызвать сильное пораженіе и бѣгство. Ганнибалъ велѣлъ знаменамъ остановиться. Послѣ того, какъ, пославши галловъ впередъ для обзрѣнія мѣстности, онъ узналъ, что проходъ здѣсь невозможенъ, онъ расположилъ лагерь среди сплошныхъ скалъ и утесовъ, избравъ самую обширную плоскость. Затѣмъ, когда черезъ тѣхъ-же галловъ, которые въ сущности не очень отличались по языку и нравамъ отъ горцевъ, и вступали съ ними въ разговоры — обнаружилось, что только днемъ занять проходъ, а ночью всѣ расходятся, каждый къ себѣ домой, — Ганнибалъ на разсвѣтѣ приблизился къ вершинамъ, собираясь, какъ будто-бы открыто и притомъ днемъ, силой пробиться черезъ узкій переваль. Послѣ этого, потративъ день на притворныя приготовленія къ тому, чего вовсе не имѣлось въ виду, когда на томъ-же мѣстѣ, гдѣ остановились, уже былъ разбитъ лагерь, Ганнибалъ, — какъ только замѣтилъ, что горцы разошлись съ вершинъ, а караулы ослаблены, — разложилъ для вида огней гораздо болѣе, чѣмъ нужно было по числу оставшихся; оставилъ обозъ съ конницей и большую часть пѣхоты, а самъ съ наиболѣе отважными и на-легкѣ снаряженными солдатами, поспѣшно прошелъ узкій переваль и основался на тѣхъ самыхъ вершинахъ, которыя занимали враги¹⁾).

Здѣсь нѣтъ страстей для описанія. Все дѣло въ

¹⁾ Титъ Ливій, XXI, 33.

томъ, чтобы кратко пояснить факты. Ливій опускаетъ лишь нѣсколько длинныхъ фразъ, которыя у Полибія тянутся въ концѣ каждаго періода и замедляютъ движеніе. Далѣе, въ греческомъ текстѣ онъ доходитъ до слѣдующихъ словъ: „Когда занялся день, увидя что произошло, варвары воздержались отъ нападенія“. Ливій видитъ это вмѣстѣ съ ними и изъ одного сухого замѣчанія дѣлаетъ картину:

„Затѣмъ, при первыхъ лучахъ солнца остальное войско покидаетъ лагерь и начинаетъ подвигаться далѣе. Уже горцы по данному знаку изъ укрѣпленій начали сходиться къ обычному посту, какъ вдругъ видятъ, что одни враги, занявъ ихъ высоты, грозятъ имъ надъ ихъ головами, другіе проходятъ по дорогѣ. Оба обстоятельства, сразу представившись ихъ глазамъ и уму, на нѣкоторое время сдѣлали ихъ неподвижными; затѣмъ, какъ только они увидѣли замѣшательство въ узкомъ перевалѣ и замѣтили, что отрядъ приходитъ въ безпорядокъ отъ собственнаго смятенія, главнымъ образомъ вслѣдствіе тревоги лошадей, — тотчасъ, полагая, что если хоть сколько-нибудь усилить страхъ, этого будетъ достаточно для гибели войска, — они сбѣгаютъ по ближайшимъ скаламъ, привычные къ непроходимымъ путямъ и обходамъ“¹⁾).

Переведемъ буквально то-же мѣсто изъ Полибія: „Враги сначала воздержались-было отъ нападенія; но затѣмъ, видя множество вьючныхъ животныхъ

¹⁾ Т. Л., XXI, 33.

и видя, что всадники съ трудомъ и усиліями пробираются по узкому перевалу, были побуждены обстоятельствами сдѣлать натискъ на движущійся отрядъ. Когда это произошло и варвары напали во многихъ мѣстахъ, то, не столько благодаря воинамъ, сколько благодаря мѣстности, карфагеняне понесли тяжелое пораженіе, главнымъ-же образомъ по причинѣ лошадей и вьючныхъ животныхъ“¹⁾. Несправедливо было-бы по отношенію къ Полибію и къ наукѣ сравнивать его съ Ливіемъ, а ее съ воображеніемъ.

„Тогда и враги, и неудобная мѣстность одновременно стали тѣснить пунійцевъ, и борьба пошла у нихъ болѣе между собой, чѣмъ съ врагомъ, такъ какъ каждый старался, какъ бы ему раньше ускользнуть отъ опасности. Лошади дѣлали движеніе всего болѣе опаснымъ, онѣ дрожали, испуганныя нестройными криками, усиленными еще отзвукомъ лѣсовъ и ущелій, и отъ случайнаго удара или раны приходили въ такую тревогу, что повергали на землю и людей и всевозможную поклажу въ большомъ количествѣ; такъ какъ узкій перевалъ съ обѣихъ сторонъ былъ крутъ и обрывистъ, то многихъ толпою сбросило въ неизмѣримую глубину, нѣкоторыхъ даже въ вооруженіи; но пуще всего скатывался вьючный скотъ вмѣстѣ съ ношей, на подобіе обвала. Хотя все это было ужасно на видъ, все-таки стоялъ еще нѣкоторое время Ганнибалъ и сдерживалъ своихъ, чтобы не увеличивать смятенія и замѣшательства. Наконецъ, послѣ того,

¹⁾ Полибій, III, 51.

какъ онъ увидалъ, что горцы прорываютъ отрядъ и ему грозитъ опасность лишиться обоза, если-бы и удалось провести войско невредимымъ, онъ спустился съ занятой имъ высоты и, хотя своимъ натискомъ разбилъ врага, все-таки и среди своихъ увеличилъ смятеніе. Но это смятеніе улеглось въ одинъ мигъ послѣ того, какъ дорога была освобождена бѣгствомъ горцевъ, и вскорѣ всѣ были переведены черезъ перевалъ не только со спокойствіемъ, но почти въ молчаніи“.

Не много далѣе другіе горцы приходятъ со словами мира. Думая, что не слѣдуетъ ни слѣпо довѣрять, ни пренебрегать ими, дабы отверженные, они не сдѣлались открыто врагами—„Ганнибалъ милостивый далъ отвѣтъ. Принявши заложниковъ, которыхъ тѣ давали, и воспользовавшись провьянтомъ, который они сами снесли на дорогу, въ стройномъ движеніи, отнюдь не какъ среди покоренныхъ, послѣдовалъ онъ за ихъ проводниками“¹⁾.

Полибій позаботился описать строевой порядокъ войска тотчасъ послѣ первой атаки. Ливій откладываетъ и приберегаетъ это замѣчаніе, выжидая, чтобы сдѣлать его кстати, и чтобы тактика Ганнибалла сама собою выказалась по ея послѣдствіямъ. Онъ слѣдитъ, какъ войско дефилируетъ и отмѣчаетъ чувства полководца:

„Передовой отрядъ составляли слоны и всадники; затѣмъ выступалъ съ отборной пѣхотой самъ вождь, безпокойно осматривая все кругомъ. Какъ только достигли пути болѣе узкаго и съ одной

¹⁾ Титъ Ливій XXI, 33, 34.

стороны лежавшаго вдоль подошвы господствующаго хребта, со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади появившіеся изъ засады варвары нападаютъ издали и вблизи, скатываютъ на движущійся отрядъ громадныя глыбы. Наибольшая сила враговъ напирала сзади. Обращенный противъ нихъ боевой строй пѣхоты показалъ несомнѣнно, что, если-бы тылъ отряда не былъ усиленъ, громадное поражение пришлось бы понести въ этомъ проходѣ. Даже и тутъ дошло до крайней опасности и чуть не до гибели; ибо, пока Ганнибалъ медлилъ пустить войско въ тѣснины, — въ виду того, что если онъ самъ и служилъ охраной всадникамъ, то такой-же помощи не оставалось сзади для пѣхоты, — горцы, набѣгая съ боковъ, прорвали отрядъ въ серединѣ и заняли дорогу, и одну ночь Ганнибалъ провелъ безъ всадниковъ и обоза. На слѣдующій день, когда варвары уже болѣе вяло напирали на середину, войска соединились¹⁾.

Наконецъ вершина достигнута. Послушайте, какой у Полибія ученый слогъ: „Снѣгу накопилось уже очень много на горахъ, потому - что закатъ Плеядъ совпадалъ съ ихъ приходомъ. Ганнибалъ, видя толпу въ состояніи унынія вслѣдствіе прошлыхъ бѣдствій и тѣхъ, которыхъ еще ожидали впереди, старался ободрить ихъ, имѣя на то лишь одно средство — зрѣлище Италиі“. (Греческое слово здѣсь еще болѣе педантично: *Ενάσυσια* — философскій терминъ, означающій очевидность).

„Изнеможенныхъ и впадшихъ въ уныніе отъ

¹⁾ Титъ Ливій, XXI, 34.

столькихъ бѣдствій исполнило еще новымъ и сильнымъ страхомъ паденіе снѣга, — ибо то была пора захожденія Плеядъ ¹⁾; — послѣ того, какъ знамена двинулись на зарѣ, войско медленно продвигалось по мѣстности, сплошь покрытой снѣгомъ; вялость и уныніе виднѣлись у всѣхъ на лицахъ. Тогда, опередивши знамена, Ганнибалъ на одномъ изъ горныхъ выступовъ, откуда въ ширь и въ даль былъ свободный видъ, — велѣлъ солдатамъ остановиться, указалъ на Италію и на лежащую при подошвѣ альпійскихъ горъ долину По, и напомнилъ, что они теперь переходятъ оплотъ не только Италіи, но и самого города Рима: далѣе все пойдетъ ровно, подъ гору; въ одно, или самое большее, въ два сраженія, они будутъ держать въ рукахъ и во власти крѣпость и славу Италіи“ ²⁾.

Слова эти въ греческомъ разсказѣ — размышле-

¹⁾ Созвѣздіе Плеядъ играло важную роль въ жизни древнихъ: имъ руководились при мореплаваніи, которое начиналось весною, когда Плеяды восходятъ на горизонтъ подъ утро, и заканчивалось, когда это созвѣздіе заходитъ на зарѣ, предъ восходомъ солнца. Плеядамъ приписывали большое вліяніе на плодородіе и обиліе жатвы. Наконецъ, съ помощью ихъ опредѣляли времена года, какъ въ данномъ случаѣ у Полибія и Ливія. Плиній говоритъ, что „около 44 дней послѣ осенняго равноденствія съ закатомъ (occasus) Плеядъ начинается зима, что обыкновенно бываетъ за три дня до идъ ноября“ (по теперешнему календарю 26 окт.). Такимъ образомъ, Ливій хочетъ сказать, что Ганнибалъ переходилъ черезъ Альпы (*occidente jam sidere Vergiliarum*), когда уже приближалось время утренняго захода Плеядъ, т. е. зима — а именно въ концѣ или въ половинѣ октября.

Прим. ред.

²⁾ Т. Л., XXI, 35.

ніе самого Полибія; у Ливія-же это рѣчь Ганнибала. Ливій никогда не упуститъ случая, гдѣ можетъ заставитьъ дѣйствовать своихъ героевъ. У Полибія Альпы своимъ расположеніемъ представляютъ крѣпость Италиі. У Ливія Ганнибалъ говоритъ солдатамъ: „Вы поднимаетесь на стѣны Рима.“ Такова разница между географомъ и ораторомъ.

„Послѣ этого они достигли скалы гораздо болѣе узкой и съ такими крутыми утесами, что съ трудомъ могъ спускаться солдатъ безъ ноши, ища по сторонамъ опоры и руками хватаясь за выступавшіе кругомъ деревья и кустарники. На мѣстѣ, уже и безъ того крутомъ по природѣ, вслѣдствіе новаго обвала земли, образовался обрывъ на глубину въ тысячу слишкомъ футовъ. Когда здѣсь, словно при концѣ пути, остановились всадники, то Ганнибалу, удивлявшемуся, что за препятствіе задерживаетъ движеніе,—донесли, что скала неприступна“¹⁾.

Этой остановки, этого недоумѣнія, этого обмѣна словъ вовсе нѣтъ у Полибія. Воображеніе, если не разсудокъ, требуетъ выразительныхъ подробностей. Если онѣ не требуются наукой, то онѣ придаютъ жизнь; и Полибіій холоденъ именно потому, что недорисовываетъ ихъ.

„Ганнибалъ, говоритъ Ливій, идетъ самъ развѣдать мѣстность; онъ увидѣлъ ясно, что необходимо сдѣлать большой обходъ и провести войско такими мѣстами, гдѣ не было проложено никакой дороги. Но этотъ путь оказался непроходимымъ“.—

1) Т. Л. XXI, 36.

„Что случилось при этомъ, очень странно и необыкновенно, прибавляетъ Полибій“.—Предоставьте же самому читателю о томъ судить. Ваши размышленія здѣсь совершенно неумѣстны; отъ васъ требуютъ однихъ только фактовъ. Лучше постарайтесь, какъ Ливій, изобразить ужасающее смятеніе, усиліе окоченѣвшихъ мускуловъ, эту борьбу людей и лошадей съ почвой, которая измѣняетъ имъ. „Такъ какъ на прежнемъ затвердѣвшемъ снѣгѣ лежалъ новый незначительной глубины, то по мягкому и не очень глубокому слою легко ступали ноги шедшихъ. Но какъ только подъ ногами людей и копытами вьючныхъ животныхъ снѣгъ распустился, уже пришлось ступать по голому снизу льду и жидкой массѣ тающаго снѣга. Ужасна была борьба, происходившая тутъ на скользкой дорогѣ, потому-что ледъ не давалъ упереться ступней, и вдоль пологости еще скорѣе ускользалъ изъ подъ ногъ, такъ-что, если кто помогалъ себѣ руками, пытаясь подняться, или колѣномъ—самыя опоры скользили, и солдаты снова падали; не было кругомъ ни пней, ни корней, на которые ногою или руками можно было-бы опереться; такимъ образомъ, по гладкому льду и тающему снѣгу они только катились внизъ. Вьючныя животныя, ступая, пробивали иногда даже самый нижній слой твердаго снѣга и, поскользнувшись и пытаясь удержаться болѣе сильными ударами копытъ, проламывались далѣе въ глубь, такъ что многія, словно пойманныя капканомъ, застрявали въ твердомъ и глубоко смерзшемся снѣгѣ. Наконецъ, когда вьючный скотъ и люди понапрасну истомились,

лагерь былъ разбитъ на вершинѣ хребта, послѣ того, какъ съ величайшимъ трудомъ очищено было для него мѣсто отъ снѣга, столько его пришлось разрыть и повытаскать. Затѣмъ солдаты получили приказъ сдѣлать проходимой скалу, чрезъ которую только и можно было держать путь. Такъ какъ приходилось разсѣкать камень, то, срубивши кругомъ громадныя деревья и очистивши отъ вѣтвей, они образуютъ огромную груды бревенъ, зажигаютъ ее, и лишь только появилась сила вѣтра, благопріятная для разведенія огня, разрыхляютъ раскаленный камень, наливъ на него уксусъ. И вотъ, опаленную огнемъ скалу они съ помощью желѣза дѣлаютъ проходимой и смягчаютъ склоны умеренными изгибами, такъ что не только вьючныхъ животныхъ, но и слоновъ можно было по нимъ сводить¹⁾.

Полибій не оцѣниваетъ работниковъ за ихъ работой. У него нѣтъ тѣхъ сильныхъ, сжатыхъ выраженій, которыя пробиваютъ скалы заодно съ солдатами; онъ началъ съ осужденія историковъ, которые украшаютъ свой рассказъ и, достойно такого начала, кончаетъ слѣдующими словами: „Теперь, послѣ того, какъ мы довели до Италіи свой рассказъ, обоихъ полководцевъ и самую войну,—прежде, чѣмъ описывать борьбу, мы хотимъ кратко объяснить то, что нужно для нашей исторіи“. —Кратко! Онъ пускается въ длинную оправдательную рѣчь, стараясь убѣдить насъ, что все,

1) XXI, 36, 37.

сдѣланное имъ, хорошо сдѣлано. Ливій дѣлаеть лучше и ничего о томъ не говоритъ ¹⁾).

Р ѣ ч и.

§ 2. Стилистическое развитіе мысли некстати.—Рѣчи на полѣ битвы.—Симметрическія фразы.—Полководецъ-моралистъ и академикъ.—Искусство развивать и доказывать мысль.—Рѣчь Аппія о зимнихъ стоянкахъ.—Искусство дѣйствовать на чувства и увлекать слушателей.—Рѣчь Валерія.—Рѣчь Вибія Вирія.

Такъ какъ талантъ Ливія весь въ краснорѣчїи, то можно подумать, что всѣ рѣчи у него—совершенство. А между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ далеко не совершенны, именно потому, что онъ всегда остается ораторомъ.

Дѣло въ томъ, что краснорѣчіе не есть еще самая драма жизни, и не все, что говорится—рѣчь.

¹⁾ Сравнить Тита Ливія, кн. VII, 9, и Клавдія Квадригарія у Авла-Геллія, кн. IX, гл. 13. Это описаніе поединка Манлія Торквата съ галломъ. Мы видимъ, какъ Ливій передѣлываетъ старинный рассказъ, съ какой осторожностью онъ приводитъ грубыя и мелочныя подробности упоминаемыя древними писателями; какъ онъ вставляетъ рѣчи и выставляетъ на видъ чувства, какъ заботливо исправляетъ небрежности, связываетъ мысли, облагораживаетъ слогъ. Я не рѣшаюсь перевести оба эти рассказа изъ опасенія, что и безъ того слишкомъ многое переводилъ; вдобавокъ слѣдовало-бы сличить ихъ фразу за фразой, отмѣтить обороты, звучность и подборъ словъ, подражать критикѣ Діонисія галикарнасскаго и болѣе, чѣмъ когда-либо, наскучить читателю.

Составить рѣчь, это значитъ точно распредѣлить ея содержаніе на составныя части, подкрѣпить главный доводъ множествомъ второстепенныхъ доказательствъ, связать аргументы правильными переходами, въ предисловіи возвѣститъ объ окончательномъ выводѣ, и всѣ доказательства соединить въ заключеніи. Но выраженіе страсти, быстрое и порывистое, не терпитъ ни этой связности, ни этихъ разглагольствованій. Въ порывѣ дѣйствія или въ тоскѣ страданія не до того, чтобы заниматься анализомъ и точнымъ опредѣленіемъ чувствъ и мыслей. Вопли, слезы, отрывистыя слова, недоконченныя фразы, порывистыя движенія, — вотъ каковы наши разсужденія и нашъ языкъ въ такомъ случаѣ.

Не то мы видимъ у героевъ Ливіа: живыя страсти, переходя черезъ его умъ, принимаютъ въ немъ ораторскую форму; обращенныя въ риторическія разсужденія онѣ искусно распредѣлены, усилены доводами и обставлены подобранными выраженіями. Онѣ сохранили свою силу, но утратили свою физіономію; когда человѣкъ внѣ себя, онъ не находитъ такого изысканнаго оборота рѣчи. Положимъ, что всѣ указанная побужденія у него есть, но онъ самъ ихъ не сознаетъ; это авторъ влагаетъ ему въ уста свой слогъ и потому рѣчь выходитъ патетичная, увлекательная, но ложная. Пользоваться рѣчью для всякаго дѣла — значитъ злоупотреблять ею; она не поддается этой навязанной ей обязанности и портитъ то, чего не должна брать на себя. Это извинительно еще на театрѣ, гдѣ можно сказать, что поэтъ имѣетъ

право украшать своихъ героевъ, придавать имъ вмѣстѣ со страстью и геніальность, дѣлать изъ нихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ. Но такъ какъ исторія—произведеніе истины столько-же, сколько произведеніе искусства, то она должна походить не на трагедію, а на драму, и заставлятъ своихъ лицъ говорить, какъ говорятъ всѣ люди, а не такъ, какъ великіе писатели. Узнаете-ли вы здѣсь женщинъ, со слезами отчаянія преклоняющихъ колѣна передъ воинами: „умоляющихъ подъ градомъ дротиковъ то отцевъ, то мужей, чтобы преступной кровью не обагрjali себя зять и тесть, чтобы убійствомъ¹⁾ не запятнали свое порожденіе, одни—поколѣніе внуковъ, другіе дѣтей. Если родство другъ съ другомъ, если брачный союзъ вамъ ненавистны, на насъ обратите гнѣвъ,—мы причина войны, мы причина ранъ и смерти для мужей и родителей. Лучше намъ погибнуть, чѣмъ безъ кого-либо изъ васъ вдовами или сиротами остаться въ живыхъ²⁾).

Эти противоположенія, отчетливо обозначенныя, эта дилемма, такъ безусловно поставленная, эти доводы, столь искусно выставленные и сведенные къ одному, напоминаютъ разсужденія Гораціевъ у Корнеля³⁾, и также мало естественны. Для ге-

1) Латинское выраженіе *patricidium*—отцеубійство гораздо сильнѣе, но непримѣнимо въ данномъ случаѣ по-русски. Римляне обобщили понятіе отцеубійства и прилагали это слово ко всякому убійству близкихъ родственниковъ.

Прим ред.

2) Титъ Ливій, I, 13.

3) Corneille, les Horaces:

Quand il faut que l'un meure et par la main de l'autre,
C'est un raisonnement bien mauvais que le vôtre!

роевъ Ливія опасны неожиданныя и ошеломляющія обстоятельства; у нихъ всегда есть наготовѣ въ какомъ то уголкѣ головы такіе изящные періоды, которые украсили бы любую рѣчь, отдѣланную ораторомъ у себя въ кабинетѣ.—Гракхъ попадаетъ въ засаду и вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько человекъ; видя, что они окружены непріателемъ: „Онъ убѣждаетъ ихъ украсить доблестью то, что единственно еще оставила имъ судьба. А что же еще остается, кромѣ смерти, для немногихъ солдатъ, окруженныхъ непріятельской толпой, въ долину, огражденной лѣсомъ и горами? Разница только въ томъ, будутъ ли они, подставивъ свои тѣла, на подобіе скота, перебиты безъ отмщенія, или вмѣсто того, чтобы терпѣть и ждать исхода, всѣ сразу обратятся съ яростной отвагой къ нападенію и, обагрены кровью враговъ, падутъ среди нагроможденныхъ доспѣховъ и тѣлъ умирающихъ враговъ“¹⁾.

Это самъ Ливій убѣждаетъ здѣсь своихъ храбрецовъ; онъ былъ того достоинъ и нужно имѣть его великую душу, чтобы найти такія одушевленные выраженія; но настоящій Гракхъ не имѣлъ досуга говорить такъ краснорѣчиво, какъ Ливій²⁾.

1) Титъ Ливій, XXV, 16.

2) Вотъ не сочиненныя обращенія къ войску: Массена при Эслингенѣ сказалъ своимъ солдатамъ, чтобы заставить ихъ снова идти въ атаку: „...Polissons, j'ai quarante millions, vous avez six sous par jour, et vous me laissez seul! En avant, sous les balles!“—Во время отступленія въ Россіи, одинъ французскій отрядъ оказался отрѣзаннымъ отъ остального войска. Не думайте, чтобы къ нему обратились со словами: „Храбрые

Кромѣ соблазна до излишества предаваться ораторству, великую опасность для историка-оратора представляетъ отсутствіе публики. Публика Ливія вымышленная, какъ и его рѣчи. Сидя у себя въ библіотекѣ, онъ забываетъ, что ему приходится быть на трибунѣ, въ лагерь или на полѣ битвы. Онъ не слышитъ криковъ толпы; онъ не представляетъ себѣ ея нетерпѣнія и ея грубости. Ему чаще слѣдовало бы вспоминать о томъ, что народная толпа живетъ, что каждое слово врѣзывается въ душу слушающихъ, вызываетъ рукоплесканія, шумъ или глухой ропоть; что рѣчь есть собственно діалогъ между ораторомъ и слушателями, въ которомъ возбужденныя чувства, одобреніе, недовольство толпы возвышаютъ, понижаютъ, ежеминутно измѣняютъ тонъ оратора; гдѣ, наконецъ, слушатели слѣдятъ не за правильнымъ развитіемъ страсти, овладѣвшей одной общей идеей, а за внезапными переменами и непредвидѣннымъ движеніемъ жизни. Послушайте рѣчь въ какомъ нибудь политическомъ собраніи, или хоть только прочитайте Коріолана и Юлія Цезаря Шекспира, — и вы убѣдитесь, что слушатели Ливія чрезъ мѣру податливы, хорошо выдержаны и крайне благоразумны; что они слишкомъ угодливо дозволяютъ оратору навязать имъ его разсужденія въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, и порывъ его страсти. Или, лучше сказать, въ рѣчахъ Ливія нужно различить два лица — са-

воины!“ и т. п. Нѣтъ. „*Tas de canailles, vous serez tous morts demain, car vous êtes trop j... pour prendre un fusil et vous en servir!*“ (Мериме, предисловіе къ сочиненіямъ Стендаля).

мого автора и изображаемое имъ историческое лицо. Изложеніе доводовъ идетъ отъ Ливія; внѣшняя сторона рѣчи—отъ дѣйствующаго лица. Одинъ вноситъ свои идеи, другой—выраженіе, и рѣчь обыкновенно выходитъ какою то смѣсью—не совсѣмъ правдоподобною, но прекрасною.

Дѣйствующія лица французскихъ трагедій даютъ точное, хотя преувеличенное, понятіе объ этомъ недостаткѣ, когда они обращаются къ своимъ наперсникамъ или къ народу. Наперсники или народъ здѣсь существа отвлеченныя и служатъ лишь для того, чтобы дать возможность высказать извѣстныя чувства или аргументы. Они только слушаютъ, и имъ больше нечего дѣлать. Рѣчь обращена ко всѣмъ вообще также точно, какъ къ нимъ. Слушатели—люди вообще; поэтому дѣйствующее лицо говоритъ, какъ книга, и обращеніе его, прекрасное само по себѣ,—въ ту минуту, когда произносится, лишено естественности и правды.

Наконецъ, я осмѣливаюсь сказать, что у Ливія иногда проявляется недостатокъ вкуса. Рожденный ораторомъ, онъ на самомъ дѣлѣ велъ жизнь литератора. Когда приходится говорить рѣчи на публичной площади, или высказывать мнѣніе въ собраніяхъ, ваша мысль исключительно направлена на пріисканіе убѣдительныхъ доводовъ; а когда вы сочиняете рѣчь у себя въ кабинетѣ, вы предаетесь обработкѣ слога. Васъ не поддерживает болѣе необходимость извѣстной минуты завладѣть убѣжденіемъ слушателей; вы заботитесь только объ изяществѣ языка, вы привыкаете къ ритори-

ческимъ фигурамъ, сентенціямъ, ко всѣмъ ухищреніямъ слова. Находили смѣшной слѣдующую антитезу Ла-Мотта: ¹⁾

Tout le camp s'écriait dans une joie extrême:
Que ne vaincra-t-il pas? il s'est vaincu lui même ²⁾.

Есть и у Ливія мѣста чуть-ли не такія же слабыя. Когда Виргиній появляется окровавленный убійствомъ дочери, римское войско кричитъ ему слѣдующую симметрично расположенную фразу, неумѣстную стройность которой трудно передать въ переводѣ: „Nec illius dolori, nec suae libertati se defuturos“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, удерживая солдатъ, которые бѣгутъ передъ факелами непріятеля, полководецъ говоритъ: „Истребите Фидены ихъ собственнымъ огнемъ, если вы не смогли склонить ихъ своими благодѣяніями“ ⁴⁾.— Юный Перола, уступая просьбамъ отца, отказывается убить Ганнибала. Какая изысканность въ его словахъ:

„Я съ своей стороны, долгъ преданности по отношенію къ отечеству выплачу отцу. Сожалѣю о тебѣ, которому приходится нести обвиненіе въ тройной измѣнѣ отечеству: въ первый разъ, когда

¹⁾ Къ числу послѣдователей и подражателей Расина принадлежит Lamotte de Houdard (1672—1731). Его произведенія вообще холодны и прозаичны, но одна изъ его драмъ— *Inès*—выдается своимъ патетическимъ содержаніемъ.

Прим. ред.

²⁾ Весь лагерь восклицалъ съ великой радостью: „Кого онъ не побѣдитъ?—Онъ самъ себя побѣдилъ!“

³⁾ Они съумѣютъ отомстить за его обиду и постоятъ за свою свободу. Титъ Ливій, III, 49.

⁴⁾ Титъ Ливій, IV, 33.

ты посовѣтовалъ отпасть отъ римлянъ, во второй—заключить миръ съ Ганнибаломъ, въ третій—сегодня, когда служишь задержкой и препятствіемъ къ возвращенію Капуи римлянамъ. Ты, отечество, прими мой мечъ, которымъ вооружившись на твою защиту, я вступилъ въ эту крѣпость, ибо отецъ вырываетъ его у меня!“¹⁾—Какая натяжка въ этомъ обращеніи! Далѣе, когда Камиллъ принимаетъ школьнаго учителя²⁾ фалисковъ, естественно-ли въ его рѣчи эта? трескотня антитезъ? „Не къ подобному тебѣ народу или полководцу ты пришелъ сюда, самъ преступный, съ преступнымъ даромъ. Того союза, который устанавливается по человѣческому договору—у насъ съ фалисками нѣтъ; но тотъ, который свойственъ отъ природы обоимъ, и есть и будетъ. У войны, какъ и у мира, есть свои права; столь же добросовѣстно, какъ и мужественно, мы научились соблюдать ихъ. Оружіе мы держимъ не противъ того возраста, который щадятъ даже при взятіи городовъ, но противъ вооруженныхъ и тѣхъ самыхъ, кто, не будучи ни обиженъ, ни раздраженъ нами, осадилъ римскій лагерь подъ Веями. Ты, по-скольку это было въ

1) Титъ Ливій, 23, 9.

2) Во время осады города Фалерій, тамошній школьный учитель обманомъ вывелъ изъ города отданныхъ ему на воспитаніе дѣтей знатныхъ фалисковъ и привелъ ихъ въ римскій лагерь къ Камиллу, который приказалъ связать ему руки, а пришедшимъ съ нимъ мальчикамъ вручить розги съ тѣмъ, чтобы они ими гнали своего педагога назадъ въ городъ. Эта честность и справедливость со стороны римскаго полководца побудила фалисковъ сдаться римлянамъ.

твоихъ силахъ, превзошелъ ихъ новымъ преступленіемъ. Я одолѣю ихъ, какъ и Вей — римскими средствами — доблестью, осадными работами, оружіемъ“¹⁾. — Бѣдный педагогъ нашелъ себѣ наставника; онъ выслушиваетъ урокъ риторики прежде, чѣмъ его отведутъ въ городъ, извѣстно какимъ способомъ.

У Ливія уже появляются сентенціи, этотъ бичъ драматическаго слога. Уже Камилль прибѣгаетъ къ нимъ въ своемъ назидательномъ выговорѣ, а врагъ его, Манлій, возбуждая народъ къ возстанію, начинаетъ рѣчь философскимъ положеніемъ: „До какихъ же поръ вы не будете вѣдать своихъ силъ, когда природа не оставила даже животныхъ въ невѣдѣніи ихъ силы?“ — Видно, Ливій присутствовалъ при чтеніяхъ своего зятя, ритора; онъ былъ воспитанъ въ школахъ декламации, которыя испортили Сенеку и другихъ талантливыхъ людей того времени. Но, право, становится совѣстно настаивать на этой мелочной критикѣ; Ливій рѣдко ее заслуживаетъ и вознаграждаетъ насъ многими красотами. Теперь станемъ хвалить его вдоволь и какъ онъ того достоинъ; матеріала у насъ для этого достаточно.

II. Въ самомъ дѣлѣ, никто другой, даже и самъ Цицеронъ, не обладалъ въ такой степени, какъ Ливій, двумя свойствами ораторскаго таланта, искусствомъ развивать идею и умѣньемъ управлять страстями. Ибо, такъ какъ краснорѣчіе

1) Титъ Ливій, V, 27.

имѣеть цѣлью убѣждать, то лучшій ораторъ тотъ, кто въ данномъ содержаніи съумѣеть найти наибольше средствъ убѣдить; такими средствами служатъ доказательства; а развить идею — значитъ доказать ее съ помощью второстепенныхъ идей; эти послѣднія—съ помощью другихъ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока разсужденіе не окажется непреодолимымъ доказательствомъ; пока всѣ возраженія не будутъ предусмотрѣны, пока всѣ аргументы не будутъ истощены, пока не установится совершенная ясность и безусловная вѣра. Какое высокое наслажденіе для разума обнимать это множество идей, свободно переходить отъ одной къ другой, постигать взаимное ихъ сцѣпленіе, чувствовать, что всѣ онѣ основательны сами по себѣ и подкрѣплены одна другой; опираться на нихъ, зная, что онѣ не уступятъ и не поколеблются; сознавать, что всѣ онѣ вмѣстѣ образуютъ зданіе, предназначенное для того, чтобы служить основаніемъ для одного ораторскаго тезиса. Этимъ искусствомъ одинаково обладаютъ Цицеронъ и Ливій. Но Ливій, принужденный содержаніемъ своего труда сокращать свои доводы, никогда не впадаетъ въ излишнія распространенія. Читая Цицерона, иногда пропустишь фразу, и даже цѣлую страницу ¹⁾. Читая Тацита, иногда возвращаешься два, три раза къ одной строкѣ. А у Ливія читаешь все подрядъ, но читаешь одинъ разъ, такъ хорошо онъ соблюдаетъ мѣру, избѣгая какъ излишняго многословія, которое пресыщаетъ, такъ и крайней

¹⁾ Напримѣръ въ Катилинаріяхъ.

сжатости, которая утомительна. Съ Ливіемъ-же умъ читателя подвигается впередъ равнымъ съ нимъ шагомъ. Но лучше станемъ прямо приводить его слова, чѣмъ описывать; примѣръ доказываетъ больше, чѣмъ поясненіе; и я не смогу сказать о его послѣдовательности и обиліи мыслей болѣе того, что само собою ясно и ощутительно въ приводимой ниже рѣчи. — Трибуны возставали въ своихъ рѣчахъ противъ Сената, который только что установилъ жалованье за военную службу и въ первый разъ удерживалъ солдатъ зимой у стѣнъ города Вей. Аппій Клавдій, отъ природы одаренный краснорѣчіемъ и къ тому же имѣвшій привычку говорить публично, произнесъ тогда слѣдующую рѣчь:

„Если было когда сомнѣніе, Квириты, что ради ли васъ, или ради самихъ себя народные трибуны всегда становились виновниками несогласій, то я увѣренъ, что нынѣшній годъ перестали въ этомъ сомнѣваться. И какъ я радуюсь, что наступилъ для васъ конецъ продолжительному заблужденію, такъ и поздравляю васъ, а вмѣстѣ съ вами и государство, потому что къ счастью вашему это заблужденіе разсѣено. Развѣ кто нибудь теперь можетъ сомнѣваться, что никакія обиды съ вашей стороны, — еслибы какія случайно и были причинены, — никогда въ той степени не оскорбляли и не приводили народныхъ трибуновъ въ волненіе, какъ льготы, оказанныя сенаторами простонародью, когда они установили жалованье для несущихъ военную службу. Чего другого, по вашему мнѣнію, боялись трибуны прежде, или что другое они нынѣ хотятъ разстроить, какъ не согласіе сословій, которое, какъ они по-

лагаютъ, всего болѣе ведетъ къ ослабленію власти трибунской? Такимъ образомъ, клянусь Геракломъ, словно безчестные шарлатаны, они ищутъ себѣ работы, желая, чтобы постоянно государство страдало какимъ нибудь недугомъ, для исцѣленія котораго вы должны были бы къ нимъ прибѣгать.

И такъ, скажите же, трибуны, защищаете ли вы, или нападаете на простой людъ? Противники ли вы несущихъ военную службу, или держите ихъ сторону? Или же вамъ приходится говорить слѣдующее: „Что-бы ни дѣлали сенаторы, будь-то за простонародье, будь-то противъ него, намъ все не нравится“. И какъ хозяева постороннимъ запрещаютъ имѣть какое либо дѣло съ рабами своими, считая должнымъ, чтобы по отношенію къ нимъ воздерживались равно отъ милости, какъ и отъ обиды, — такъ и вы запрещаете сенаторамъ сношеніе съ простымъ народомъ, чтобы ни мы нашими ласками и щедростью не увлекали простого люда, ни простой людъ не слушалъ и не повиновался нашему слову. Еслибы, напротивъ, въ васъ было какое либо, — не говорю, гражданское, но просто человѣческое чувство, то вамъ слѣдовало бы скорѣе способствовать и, сколько отъ васъ зависитъ, потворствовать предупредительности сенаторовъ и послушанію простого люда! Еслибы это согласіе было вѣчнымъ, кто не рѣшился бы поручиться торжественно, что вскорѣ эта держава стала бы величайшею среди сосѣдей?

Однако, я съ своей стороны разовью въ послѣдствіи, насколько это рѣшеніе моихъ товарищей, — въ силу котораго они не хотѣли, не добившись

успѣха, отвести войско отъ Вей,—было не только полезно, но даже необходимо; теперь же мнѣ хочется поговорить о самомъ положеніи несущихъ военную службу. Эта рѣчь моя, еслибы она была сказана не только передъ вами, но даже въ лагерь, хотя бы само войско было судьей,—могла бы, думаю, показаться справедливою. Для составленія этой рѣчи во всякомъ случаѣ съ меня было бы достаточно рѣчей противниковъ, еслибы мнѣ самому могло и не прійти на умъ, что сказать. Они недавно отвергали, что слѣдуетъ дать жалованье солдатамъ, потому что прежде оно никогда не давалось. Какимъ же образомъ могутъ они теперь негодовать за то, что на тѣхъ, кому доставлена какая нибудь новая выгода, возлагается въ равной мѣрѣ также и новый трудъ? Ни усилій безъ выгоды, ни выгоды безъ потраченныхъ усилій обыкновенно нигдѣ не бываетъ. Трудъ и удовольствіе, противоположные по своей природѣ, связаны между собою какими то естественными узами. Съ неудовольствіемъ терпѣлъ прежде солдатъ то, что на собственномъ иждивеніи предоставлялъ на войнѣ свой трудъ государству; но съ другой стороны онъ и радовался тому, что часть года обрабатывалъ свое поле и въ мирѣ добывалъ средства чтобы на войнѣ содержать себя и своихъ. Теперь онъ радуется тому, что государство доставляетъ ему прибыль, и весело получаетъ жалованье; такъ пусть-же онъ съ покорностью переноситъ и то, что онъ немного долѣе находится въ отлучкѣ изъ дому и отъ хозяйства, которое не несетъ тяжелой затраты. Или же, еслибы государство позвало его къ расчету, не-

справедливо было бы сказать: „Годовымъ жалованьемъ ты пользуешься, такъ годовой трудъ и предоставляй; неужели ты считаешь справедливымъ за полугодичную службу получать полное жалованье?

Противъ воли, Квириты, я медлю на этой части своей рѣчи; ибо такъ должны поступать тѣ, кто пользуется наемнымъ солдатомъ: мы хотимъ поступать съ ними, какъ съ согражданами, и считаемъ справедливымъ, чтобы и съ нами поступали, какъ съ отечествомъ. Или не слѣдовало-бы вовсе предпринимать войны, или слѣдуетъ вести ее сообразно съ достоинствомъ римскаго народа и окончить, какъ можно скорѣе. Окончена же она будетъ, если мы стѣснимъ осажденныхъ, если не раньше уйдемъ, какъ взявши Вей, когда добьемся осуществленія нашей надежды. Клянусь Геракломъ, если уже ничто другое, такъ самое униженіе должно бы заставить насъ упорствовать. Десять лѣтъ осаждался нѣкогда городъ изъ-за одной женщины цѣлой Греціей, и притомъ такъ далеко отъ родины, на сколько земель, на сколько морей отстоя отъ нея! А намъ, не доходя до двадцатаго камня ¹⁾, почти въ виду нашего города, тяжело выдержать годовую осаду! Ужъ не оттого-ли, что причина войны

¹⁾ Камни, служившіе для обозначенія разстояній, ставились римлянами черезъ каждые 1000 шаговъ—оттуда и названіе мили. Римская миля=1 верстѣ съ третью. Впрочемъ Вей отстояли отъ Рима на 12 римскихъ миль и трудно объяснить, почему здѣсь сказано 20, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ не въ интересахъ было увеличивать разстояніе.

пустышная, а нанесенныя намъ обиды не достаточны, чтобы оправдать нашу настойчивость въ войнѣ? Но вѣдь семь разъ возобновляли веентинцы войну, мира никогда добросовѣстно не соблюдали, поля наши тысячу разъ опустошали, Фиденатовъ принудили отпасть отъ насъ, убили тамъ поселенцевъ нашихъ, были виновниками противнаго праву нечестиваго убійства нашихъ пословъ. Этрурію всю хотѣли поднять противъ насъ и теперь то-же замышляютъ; пословъ нашихъ, требовавшихъ удовлетворенія, чуть-чуть не оскорбили. Съ такими-ли людьми вяло и съ отсрочками вести войну?

Если на насъ нисколько не дѣйствуетъ такая справедливая злоба, неужели, спрошу я васъ, не подѣйствуетъ и то, что городъ оцѣпленъ громадными сооруженіями, которыя сдерживаютъ врага внутри стѣнъ; полей онъ не обработалъ, а обработанныя опустошены войной. Если мы отведемъ войско назадъ, кто сомнѣвается, что враги не только изъ жажды мщенія, но также по навязанной имъ необходимости добывать себѣ продовольствіе у чужихъ, — послѣ того, какъ они лишились своего, — нападутъ на наши поля? — Такимъ образомъ мы не отсрочимъ войны этимъ рѣшеніемъ, но перенесемъ ее въ свои предѣлы.

Ну, а въ какомъ положеніи то, что уже прямо касается солдатъ, у которыхъ добрые трибуны народа хотѣли отнять жалованье, а теперь неожиданно о нихъ-же хотятъ позаботиться? — Они провели валъ и ровъ, на большое пространство, и то и другое съ громадными усиліями устроили крѣпосцы — сначала немногія, затѣмъ, когда войско

увеличилось, очень частыя, возвели укрѣпленія, направленныя не только противъ города, но и противъ Этруріи, на случай, если оттуда придетъ какая нибудь помощь; а что и говорить о башняхъ, объ оборонительныхъ кровляхъ и щитахъ и о другихъ приспособленіяхъ къ осадѣ городовъ?— Когда столько труда уже поглощено и конецъ сооруженія теперь достигнутъ, думаете-ли вы, что все это слѣдуетъ бросить, дабы къ лѣту опять съ напряженіемъ тратился новый трудъ на устройство всего съизнова? На сколько меньше требуется усилія, чтобы охранять сдѣланное, отстоять его, поупорствовать и поскорѣе свалить съ себя заботу! Ибо во всякомъ случаѣ дѣло будетъ спорое, если однимъ приступомъ оно доведется до конца и если мы сами этими перерывами и проводочками не сдѣлаемъ болѣе мѣшкотнымъ исполненіе нашей надежды.

Я говорю о потерѣ труда и времени!— Какъ! А объ опасности, которой мы подвергаемся, откладывая войну, неужели дозволяютъ забыть намъ эти частыя сборища въ Этруріи для посылки въ Веи помощи? При теперешнемъ положеніи дѣла этрусски разгнѣваны, полны злобы, и отказываются посылать помощь; насколько отъ нихъ зависитъ, овладѣть Веями теперь еще возможно. Но кто поручится, если отложить войну, что настроеніе этрусковъ останется тѣмъ-же впоследствии? Вѣдь, если отсрочить осаду, то изъ Веи туда станутъ отправлять посольства и болѣе важныя и болѣе частыя; вѣдь то, что теперь оскорбляетъ этрусковъ,—провозглашеніе царя въ Веяхъ, можетъ

быть отмѣнено въ извѣстный промежутокъ, — съ согласія гражданъ, чтобы этимъ примирить этрусковъ, или по волѣ самого царя, который не захочетъ, чтобы его царствованіе препятствовало спасенію гражданъ.

Смотрите, сколько послѣдствій, и какихъ невыгодныхъ повлечетъ за собою это рѣшеніе: потерю сооруженій, возведенныхъ съ такимъ трудомъ, грозящее нашей области опустошеніе, войну съ этрусками, вызванную на мѣсто веентинской. Вотъ, трибуны, ваши намѣренія; они подобны тому, какъ если-бы больному, который, мужественно подвергнувшись лѣченію, тотчасъ могъ-бы выздороветь, — причинить продолжительную и, быть можетъ, неизлѣчимую болѣзнь, изъ-за того, чтобы немедленно дать ему съѣсть или выпить.

Ей Богу, если для этой войны и безразлично, то для военной дисциплины во всякомъ случаѣ очень важно, чтобы солдатъ нашъ привыкъ не только наслаждаться добытой побѣдой, но и переносить досаду, если дѣло идетъ слишкомъ вяло, ожидая хотя-бы и поздняго осуществленія надежды, и, если война не кончится лѣтомъ, то выдержать зиму, а не какъ лѣтнія пгицы, осенью тотчасъ искать крова и убѣжища. Скажите на милость: вѣдь ревностная страсть къ охотѣ увлекаетъ-же людей по снѣгамъ и инею въ горы и лѣса; неужели къ necessностямъ войны мы не приложимъ той-же выдержки, какую обыкновенно у насъ выманиваютъ забавы и удовольствія? — Неужели тѣла солдатъ нашихъ мы считаемъ настолько расслабленными, настолько изнѣженными ихъ души, что они

одной зимы не могут пробыть въ лагерѣ, провести внѣ дома; что не могут выносить ни жары, ни холода, словно на морѣ они ведутъ войну, выжидая погоду и соблюдая время года?—Они безъ сомнѣнія сгорѣли-бы отъ стыда, если-бы кто имъ поставилъ это на видъ, и стали-бы спорить, что и въ душѣ, и въ тѣлѣ у нихъ мужеская выносливость: что они могутъ подрядъ и зиму и лѣто вести войну, что не защиту лѣни и нѣги поручили они трибунамъ и помнятъ, что не подъ сѣнью и не подъ кровомъ предки ихъ создали эту самую власть.

Но вотъ что достойно доблести вашихъ солдатъ, вотъ что достойно римскаго имени—не о Веяхъ только думать и не объ этой войнѣ, которая виситъ надъ нами, но искать славы и для другихъ войнъ и среди остальныхъ народовъ на будущее время. Неужели, думаете вы, только незначительная разница во взглядахъ произойдетъ изъ того, будутъ-ли сосѣди о римскомъ народѣ такого мнѣнія, что если какой нибудь городъ выдержитъ первое и самое непродолжительное нападеніе римлянъ, то затѣмъ уже можетъ не бояться ихъ; или-же страхъ передъ нашимъ именемъ будетъ таковъ, что ни тягость продолжительной осады, ни сила зимы, не могутъ удалить римское войско отъ города, разъ уже осажденнаго, что никакого другого исхода, кромѣ побѣды, оно не знаетъ, и не столько напоромъ, сколько выдержкой ведетъ войны? Выдержка, правда, необходима во всѣхъ родахъ военной службы, но всего болѣе при осадѣ городовъ, изъ которыхъ очень многіе, недо-

ступные по укрѣпленіямъ и по природному положенію, побѣждаетъ само время и беретъ голодомъ и жаждой, какъ оно возьметъ и Вей, если только на помощь врагамъ не явятся народные трибуны, и если въ Римѣ не найдутъ веентинцы защиты, которой напрасно ищутъ въ Этруріи. Неужели можетъ случиться для веентинцевъ, что-либо болѣе желанное, какъ если-бы мятежами наполнился сначала городъ Римъ, затѣмъ, словно отъ заразы, и лагерь? А между тѣмъ у враговъ господствуетъ такое спокойное самообладаніе, что ни тягость осады, ни даже тягость царской власти ничего у нихъ не измѣнила, а отказъ помощи изъ Этруріи не удручаетъ ихъ духа; ибо немедленно умереть у нихъ тотъ, кто будетъ виновникомъ мятежа, и никому не будетъ дозволено говорить того, что у васъ говорится безнаказанно. Смерти подъ ударами палача подвергается тотъ, кто покидаетъ знамена или уходитъ съ караула: совѣты-же, обращенные не къ тому или другому солдату, а ко всему войску—покинуть знамена и оставить лагерь—спокойно выслушиваются въ собраніи! Такъ привыкли вы съ одобреніемъ слушать все, что-бы ни говорилъ народный трибунъ, хотя бы оно клонилось къ предательству отечества и гибели государства, и прельщенные сладостью этой власти, вы позволяете скрываться подъ ней какимъ угодно преступленіямъ. Остается только, чтобы то-же самое, что провозглашается здѣсь, они развивали въ лагерьъ и передъ солдатами, развращали войско, и не допускали повинovenія вождямъ; такова вѣдь именно свобода въ Римѣ,

что не уважается болѣе ни Сенать, ни власти, ни законы, ни обычаи предковъ, ни учрежденія отцовъ, ни военная дисциплина“¹⁾).

Рѣчь о зимнихъ стоянкахъ превратилась у патриція въ обвинительную рѣчь противъ трибуновъ; онъ говоритъ въ пользу своей партіи, защищая республику; можно сказать, что никогда страсть не пользовалась разсудкомъ съ большимъ искусствомъ.

Но такъ какъ люди не отвлеченные духи, то ихъ нужно не только убѣдить, но и тронуть; краснорѣчіе питается чувствами столько-же, сколько разсужденіями, и часто приходится для лучшаго доказательства изобразить картину: ибо одни только осязательные факты возбуждаютъ чувства, и для того, чтобы доказательство оказало дѣйствіе, необходимо, чтобы слушателю казалось, будто онъ видитъ самые факты, чтобы осаждаемый и подавленный цѣлой массой захватывающихъ образовъ, онъ былъ противъ воли увлеченъ своими чувствами. У Ливія на каждомъ шагу разсужденіе переходитъ въ картину: „Развѣ смотрѣть пришли мы сюда, говоритъ Минуцій, на избіеніе союзниковъ и на пожары, какъ на зрѣлище, отрадное для глазъ? Мы, которые въ негодованіи на осаду Сагунта только-что взывали не только къ людямъ, но и къ договорамъ съ союзниками, и къ самимъ богамъ, — теперь спокойно смотримъ, какъ Ганнибалъ взбирается на стѣны римской колоніи! Дымъ отъ пожаровъ мызъ и полей достигаетъ нашихъ глазъ и лица; раз-

¹⁾ Титъ Ливій, V, 3—6.

даются въ ушахъ крики рыдающихъ союзниковъ, призывающихъ на помощь чаще насъ, чѣмъ боговъ.—А мы здѣсь, скрытые въ облакахъ и лѣсахъ, ведемъ войско, словно скотину лѣтомъ, по лѣсистымъ высотамъ и извилистымъ тропинкамъ.¹⁾

Воображеніе порождаетъ страсти; чѣмъ оно живѣе, тѣмъ стремительнѣе страсти; чѣмъ яснѣе человѣкъ видитъ горестное или недостойное зрѣлище, тѣмъ болѣе онъ склоненъ испытывать негодованіе или жалость. Почему заключеніе рѣчи въ пользу Милона такъ трогательно?—Потому, что Цицеронъ выводитъ на сцену своего кліента, заставляя судей присутствовать при разговорахъ подсудимаго, показываетъ слезы и жалобы. То-же самое и съ посланными изъ Капуи: „Дайте, отцы сенаторы, ваше согласіе; даруйте ваше непобѣдимое могущество кампанцамъ и прикажите надѣяться, что невредимой останется Капуя. Подумайте, въ сопутствіи какой многочисленной и разнообразной толпы отправились мы оттуда? Какъ полонъ былъ весь городъ обѣтовъ и слезъ? Въ какомъ теперь ожиданіи Сенатъ и народъ кампанскій, жены и дѣти наши?—Я увѣренъ, что вся толпа стоитъ у воротъ, глядя впередъ на дорогу, ведущую отсюда! Что-же, отцы сенаторы, прикажете вы возвѣстить имъ, встревоженнымъ въ душѣ неизвѣстностью?“²⁾

Отличительное свойство страсти—преувеличеніе образовъ, потому-что она сама порождается обра-

1) Титъ Ливій, XXII, 14.

2) Титъ Ливій, VII, 30.

зомъ: „Что же и какія важныя перемѣны замышляетъ К. Канулей?—Произвести смѣшеніе родовъ, разстройство аугурій общественныхъ и частныхъ, дабы не оставалось болѣе ничего чистаго, ничего безпорочнаго, дабы, по уничтоженіи всякаго различія, никто не зналъ ни себя, ни своихъ. Ибо какое-же иное значеніе имѣютъ эти смѣшанные браки, кромѣ того, чтобы, чуть не по обычаю дикихъ звѣрей, безъ разбора соединялись плебеи и патриціи“¹⁾?

Сопсіопес²⁾ школьниковъ — собраніе всѣхъ человѣческихъ страстей. Что можетъ быть болѣе гибко, чѣмъ этого рода краснорѣчіе? Оно легко примѣнимо къ защитѣ всякаго дѣла; Ливій отстаиваетъ въ своихъ рѣчахъ интересы всѣхъ партій: плебеевъ, патриціевъ, римлянъ, самнитовъ, грековъ, карфагенянъ,—не вслѣдствіе размышленія и не съ усиленіемъ, но совершенно естественно и безъ всякаго труда, до такой степени мысли его и чувства сами собой превращаются въ рѣчи! Каждая изъ его рѣчей представляетъ собою развитіе извѣстной страсти, разнообразныя проявленія которой сливаются въ одно, какъ волны въ общемъ потокѣ. Вскорѣ вы перестаете судить мысли, вы прислушиваетесь къ голосу живого человѣка. Въ каждой фразѣ звучитъ особенная интонація; это разнообразнѣйшіе переливы самаго естественнаго голоса; нигдѣ

1) Титъ Ливій, IV, 2.

2) Сборникъ рѣчей, родъ хрестоматіи, составленной изъ рѣчей заимствованныхъ у древнихъ писателей. *Прим. ред.*

у Ливія вась не утомить монотонность слога, какъ у Саллюстія. У Ливія не всегда ораторы стараются отличиться блескомъ, сжатостью, глубиной; у однихъ это есть, у другихъ нѣтъ. Свободное многообразіе чувствъ и способностей человѣческихъ развертывается въ нихъ безъ всякаго принужденія, и авторъ не сдерживаетъ его узкими правилами какого-нибудь опредѣленнаго рода краснорѣчія. Никакая выступающая передъ другими сторона таланта, никакая субъективная склонность не порабощаютъ и не искажаютъ этого краснорѣчія. Напротивъ, умъ, воображеніе, наука, діалектика, — все у Ливія подчинено ораторскому духу. Онъ употребляетъ самые противоположные приемы и всегда съ совершенствомъ. Послушайте въ рѣчи консула Валерія, какая сила и стремительность, какое негодованіе, изумленіе, какой религіозный энтузіазмъ! Тутъ всѣ страсти, самыя крайнія: „Что это значитъ трибуны? ¹⁾ Подъ пред-

¹⁾ Въ 460 г. до Р. Х., во время трибунскихъ агитацій, толпа изъ 4500 римскихъ изгнанниковъ и рабовъ, подъ предводительствомъ сабинянина Аппія Гердонія, ночью неожиданно заняла Капитолій. На другое утро большое смущеніе овладѣло римлянами, тѣмъ болѣе, что Гердоній призывалъ къ оружію и свободѣ рабовъ въ Римѣ. Однако не смотря на это народные трибуны, увлеченные борьбой противъ патриціанскаго Сената, стали увѣрять народъ, что опасность грозившая Риму, мнимая; что Капитолій занятъ друзьями и кліентами патриціевъ для того, чтобы отвлечь вниманіе плебеевъ отъ трибунскихъ предложеній и, что если народъ приметъ эти предложенія, прислужники патриціевъ уйдутъ съ Капитолія незамѣтно, чѣмъ они туда взошли.

водительствомъ и руководствомъ Ап. Гердонія вы намѣреваетесь низвергнуть государство? Неужели такъ посчастливилось въ развращеніи васъ тому подстрекателю, который не могъ поднять рабовъ? Когда враги у насъ надъ головою, вамъ угодно бросить оружіе и проводить законы? — Затѣмъ, обратившись съ рѣчью къ толпѣ, онъ сказалъ: „Если васъ не трогаетъ, Квириты, никакая забота ни о городѣ, ни о васъ самихъ, такъ имѣйте уваженіе хоть къ богамъ вашимъ, захваченнымъ врагами. Юпитеръ всесовершенный, всемогущій, Юнона царица, Минерва, другіе боги и богини подвергаются осадѣ; ставши лагеремъ, рабы держатъ въ своихъ рукахъ вашихъ государственныхъ пенатовъ. Это-ли кажется вамъ положеніемъ здороваго государства? Множество враговъ не только внутри стѣнъ, но въ самой крѣпости, — надъ форумомъ и куріей, а между тѣмъ народъ собрался на форумъ, Сенатъ — въ куріи. Словно среди полного спокойствія, сенаторы подають мнѣніе, другіе Квириты приступаютъ къ голосованію. Развѣ не слѣдовало-бы, сколько ни на есть сенаторовъ и плебеевъ, консуловъ, трибуновъ, боговъ и людей, — всѣмъ, вооружившись, идти на помощь, бѣжать къ Капитолію, освободить боговъ и дать покой священной храминѣ Юпитера всесовершеннаго, всемогущаго? Ромуль-отецъ, духъ твой, которымъ нѣкогда у этихъ самыхъ сабинянь ¹⁾ ты взялъ на-

¹⁾ Валерій намекаетъ на взятіе Капитолія сабинянами при Ромуль въслѣдствіе измѣны Тарпеи, дочери Сп. Тарпея, командовавшаго тогда на Капитоліѣ. См. Титъ Ливій I. гл. 11.

задъ крѣпость, купленную за золото, — внуши и теперь племени твоему! Веди намъ ступить на тотъ путь, на который ступилъ ты, вождь, и твое войско! И вотъ я, консуль, первымъ послѣдую, — на сколько смертный можетъ слѣдовать за богомъ — за тобой и по твоимъ слѣдамъ“. — Последнимъ словомъ его рѣчи было, что онъ „берется за оружіе и призываетъ къ оружію всѣхъ Квиритовъ. Если кто воспрепятствуетъ, то уже забывши о консульской власти, о власти трибуновъ и священныхъ законахъ, кто-бы онъ ни былъ, гдѣ-бы онъ ни былъ, въ Капитоліѣ-ли или на форумѣ, — онъ сочтетъ того за врага. Пусть призываютъ трибуны поднять оружіе на консула Валерія, такъ-какъ они вѣдь запрещаютъ поднять его на Ап. Гердонія. Онъ осмѣлится по отношенію къ трибунамъ на то, на что глава его рода осмѣлился по отношенію къ царямъ“¹⁾.

Но такіе неудержимые порывы страсти смягчаются, когда нужно, на примѣръ, когда послѣ рѣчи Катона противъ закона Оппія, трибунъ Валерій беретъ не себя защиту женщинъ. Пріятно видѣть, съ какой сдержанностью и какимъ приличіемъ онъ выставляетъ на видъ ихъ доводы, съ какимъ тактомъ и съ какой ловкостью онъ переходитъ отъ доказательства къ доказательству; какое уваженіе онъ выказываетъ къ суровости консула, съ какой почтительностью опровергаетъ его ожесточенныя нападки, при чемъ, однако, съ легкой ироніей намекаетъ на крайнее излишество

1) Титъ Ливій, III, 17.

его добродѣтели; Валерій тѣмъ болѣе сдержень, что женщины обвиняются въ распущенности, и приемы ихъ адвоката должны доказать ихъ скромность. Противъ закона является масса аргументовъ, ясныхъ, убѣдительныхъ, но безъ шума и треска, спокойно подкапывающихъ и ниспровергающихъ его передъ судьями, которые не могутъ жаловаться на насиліе и не имѣютъ ни малѣйшаго предлога къ раздраженію или сопротивленію. Мало по малу суровое убѣжденіе, внушенное умамъ слушателей обвиненіемъ Катона, смягчается; оно какъ будто таетъ, и вы напрасно пытаетесь удержать его, — вы уже его не находите въ себѣ; какая-то невѣдомая сила вкралась къ вамъ въ душу; новое убѣжденіе проникло въ нее незамѣтно для васъ самихъ; вотъ оно завладѣло вами; вы не можете, вы уже не хотите гнать его отъ себя; и вы почти благодарны увлекательному оратору, который нечувствительно для васъ одержалъ побѣду, внушилъ вамъ противоположное мнѣніе и завоевалъ ваше одобреніе.

Есть еще одна рѣчь, гдѣ искусство убѣждать и талантъ дѣйствовать на чувство такъ тѣсно связаны и такъ ярко выступаютъ, что въ ней вполне отражается духъ Ливія. Капуя скоро должна сдать; нѣсколько сенаторовъ предлагаютъ отправить пословъ къ римлянамъ, чтобы просить у нихъ пощады; Вибій Вирій противится этому. Послушаемъ человѣка, который рѣшился умереть не въ порывѣ гнѣва, но послѣ долгаго и глубокаго размышленія, — человѣка, тѣмъ болѣе отчаяннаго въ душѣ, что онъ проницателенъ; у

котораго разсудскъ питаеть страсть, который съ помощью неопровержимаго логическаго разсужденія закрываетъ людямъ боязливымъ два возможныхъ выхода, — подлость и надежду, — и съ мрачной рѣшимостью ведетъ ихъ къ костру, который воздвигъ себѣ. Мы увидимъ въ то-же время, какимъ образомъ искусство писателя содѣйствуетъ краснорѣчію выведеннаго имъ лица; какъ уже первая фраза заключаетъ въ себѣ заранѣе всю массу доказательствъ; какъ простой рассказъ является непреодолимымъ сцѣпленіемъ грозныхъ аргументовъ; какъ поясненіе фактовъ съ каждой минутой становится все болѣе отчаяннымъ и горькимъ, пока, наконецъ, во всей своей убѣдительности обрушивается выводъ, что необходимо умереть.

Вибій Вирій утверждаетъ, что „тѣ, кто говоритъ о послахъ, о мирѣ и сдачѣ, забываютъ и то, что сдѣлали-бы сами, если-бы имѣли римлянъ въ своей власти, и то, что имъ самимъ придется вытерпѣть. Неужели вы думаете, что сдача будетъ такова, какъ нѣкогда была, когда мы сдали римлянамъ себя и все свое, чтобы добиться помощи противъ самнитовъ?—Уже-ли исчезло изъ нашей памяти, въ какую опасную и несчастную минуту мы отпали отъ римскаго народа? Уже-ли забыто, какъ при отпаденіи мы умертвили, съ мученіями и поруганіемъ, гарнизонъ, который можно было отпустить на волю?—сколько разъ и съ какимъ ожесточеніемъ дѣлали вылазки противъ осаждающихъ, сами осаждали лагерь, призывали Ганнибала для ихъ уничтоженія?—Забыто и то, что еще совершенно свѣжо по времени, какъ послали его от-

сюда для осады Рима?—Теперь припомните, наоборотъ, все враждебное, что предприняли римляне противъ насъ, дабы изъ этого заключить, на что намъ надѣяться. Когда чужеземный врагъ былъ въ Итали и этимъ врагомъ былъ Ганнибалъ, когда страна пылала отъ войны,—бросивши все, бросивши Ганнибала, они послали для осады Капуи обоихъ консуловъ и оба консульскія войска. Второю годъ изнуряютъ они насъ голодомъ, окруженныхъ и запертыхъ валомъ, выдерживая вмѣстѣ съ нами крайнюю опасность и тяжелые труды, часто избиваемые вокругъ вала и рвовъ, въ концѣ концовъ чуть не лишившись лагеря. Но я опускаю это: старая и обычная вещь—выносить опасности и труды при осадѣ непріятельскаго города. Однако, вотъ, что служитъ признакомъ гнѣва и ненависти непримиримой и достойной проклятiя: Ганнибалъ съ огромнымъ войскомъ пѣхоты и конницы осадилъ лагерь и отчасти занялъ его; такая опасность нисколько не отвлекла ихъ отъ осады. Двинувшись за Вултурнъ, онъ сталъ выжигать область города Калесъ; это бѣдствiе союзниковъ отнюдь не отозвало ихъ. Ганнибалъ велѣлъ двинуть враждебныя знамена къ самому Риму; но и этой грозившей имъ бурей они также пренебрегли. Перейдя рѣку Анію, онъ расположилъ лагерь въ трехъ тысячахъ шагахъ отъ города, въ довершеніе всего подошелъ къ самымъ стѣнамъ и воротамъ, показавъ, что отниметъ у нихъ Римъ, если они не бросятъ Капуи; но они не бросили. Дикихъ звѣрей, гонимыхъ слѣпой страстью и бѣшенствомъ, если направиться къ ихъ логовищу и дѣтенышамъ, можно отвлечь на

защиту своихъ; а римлянъ ни обложеніе Рима, ни жены ихъ и дѣти, чьи рыданья были почти слышны отсюда, ни алтари и очаги, ни святыни боговъ и гробницы предковъ, оскверненные и обезчещенныя, — ничто не отвратило отъ Капуи. Такъ велика ихъ алчность насладиться нашимъ мученіемъ, такова ихъ жажда упиться нашей кровью. Можетъ быть, это вполнѣ справедливо, и мы сдѣлали бы то-же самое, если-бы счастье намъ выпало на долю. Но такъ какъ безсмертные боги судили иное, мнѣ не приходится даже отъ смерти отказываться; однако я могу — пока свободенъ, пока владѣю собой, — смертью, не только почетной, но даже легкой, — избѣжать мукъ и оскорбленій, на которыя надѣется врагъ. Я не увижу Ап. Клавдія и Кв. Фульвія, гордящихся необыкновенной побѣдой и, связанный, не потащусь по городу Риму, представляя собой зрѣлище во время тріумфа, чтобы затѣмъ въ тюрьмѣ, или привязаннымъ къ колу, со спиной, истерзанной лозами, подставить затылокъ подъ римскій топоръ. И не увижу я отечества, преданнаго разрушенію и огню, ни матерей, ни дѣвушекъ Кампаніи, ни дѣтей свободныхъ гражданъ, влекомыхъ на позоръ. Альбу, откуда они сами родомъ, они сокрушили до основанія, чтобы не осталось и памяти о ихъ родѣ и происхожденіи; тѣмъ менѣе надежды, что они пощадятъ Капую, которую ненавидятъ сильнѣе Карфагена. И такъ, кто изъ васъ намѣренъ покориться судьбѣ раньше, чѣмъ придется увидѣть это горестное зрѣлище, для тѣхъ у меня сегодня устроенъ и готовъ пиръ. Насыщенныхъ ѣдой и виномъ обойдетъ кругомъ тотъ-же кубокъ, который подадутъ мнѣ:

этотъ напитокъ освободить тѣло отъ муки, душу отъ обиды, глаза, уши — отъ необходимости видѣть и слышать все то горькое и унижительное, что ожидаетъ побѣжденныхъ. Будутъ готовы люди, чтобы положить бездыханныя тѣла на большой костеръ, зажженный во дворѣ дома. Вотъ единственный путь къ смерти и честный, и свободный. И сами враги подивятся нашей доблести, а Ганнибалъ узнаетъ, что онъ покинулъ и предалъ храбрыхъ союзниковъ¹⁾.

Благодаря этимъ рѣчамъ и этому повѣствованію, намъ теперь извѣстно, какого свойства воображеніе, умъ и страсть оратора вообще и самого Ливія.

Воображеніе это имѣетъ предметомъ не тѣлесныя формы, но движенія человѣческой души, и изображаетъ не такъ хорошо осязательные факты, какъ борьбу чувствъ. Умъ этотъ богатъ идеями; онъ ровень въ своей дѣятельности, строень въ своемъ произведеніи; онъ болѣе способенъ убѣждать и развивать идею, чѣмъ рассказывать или живописать. Эта страсть разнообразна, порывиста, подкрѣплена разсужденіемъ и гармонично проявляется во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ; она болѣе у мѣста въ длинныхъ рѣчахъ, чѣмъ въ краткихъ выраженіяхъ, при защитѣ какого-нибудь дѣла, чѣмъ при вопляхъ сердца, въ уединенномъ кабинетѣ ученаго, чѣмъ на площади. Определить эти качества оратора — значитъ указать недостатки и достоинства, вытекающіе изъ нихъ; а определить значеніе оратора — это значитъ изобразить и оцѣнить Тита Ливія.

1) Титъ Ливій, XXVI, 13.

ГЛАВА IV.

Слогъ у Тита Ливіа.

Эффекты краснорѣчія.—Употребленіе простыхъ терминовъ и обще-принятаго языка.—Періодъ.—Слогъ Тита Ливіа въ сравненіи съ Саллюстіемъ и Тацитомъ.

Подбирать слова, складывать фразы—не великое, кажется, искусство и болѣе достойное грамматика, чѣмъ писателя; между тѣмъ безъ этого дара всѣ остальные ни къ чему не служатъ. Создайте характеры по самому опредѣленному и сильному замыслу, прослѣдите умственно всѣ дѣйствія созданнаго вами лица, его рѣчи, интонацію его голоса,—произведеніе ваше все еще остается заключеннымъ въ васъ самихъ. Только слова и фразы заставляютъ лица, такимъ образомъ возсозданныя, выйдти наружу, и предстать передъ людьми на свѣтъ Божій. Онѣ подобны тѣлу, которое, получивши душу живую, дѣлаетъ ее осязательной, проявляетъ ее въ опредѣленной формѣ и краскѣ. Когда эта форма и эта краска невѣрны, онѣ искажаютъ и

уродуютъ задуманное лицо, какъ плохо организованное тѣло дѣлаетъ слабой и немощной душу, обитающую въ немъ. Жизнь, столь нѣжная, столь неустойчивая, блекнетъ подъ этой грубой оболочкой; такъ и самыя счастливыя мысли, достойныя лучшаго слога, жалкимъ образомъ гибнутъ отъ плохого слога, съ которымъ они связаны:

Mortua quinetiam jungebat corpora vivis,
Tormenti genus! Et longa sic morte necabat ¹⁾.

Слѣдовательно, не бесполезно будетъ обратить вниманіе на складъ рѣчи и подборъ словъ у Ливія.

Есть у него поразительныя выраженія, истинные проблески геніальности, которые озаряютъ внезапнымъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ цѣлый рой мыслей. До крайности возбужденная страсть, которая при этомъ овладѣваетъ душой, минуя переходныя ступени, переносится однимъ взмахомъ черезъ цѣлый рядъ идей, открываетъ поразительные просвѣты и увлекаетъ за собой слушателя, ошеломленнаго этимъ захватывающимъ духъ полетомъ и неожиданнымъ зрѣлищемъ. Такъ Ганнибалъ, при переходѣ черезъ Альпы, кричитъ своимъ солдатамъ: „Вы всходите на стѣны Рима!“ Такъ консулы, каждый годъ осуждаемые народомъ ²⁾, гово-

¹⁾ Эти два стиха приведены Тэнномъ изъ Энеиды (VIII, 485—489), при чемъ сокращены изъ четырехъ стиховъ. Эвандръ рассказываетъ въ этомъ мѣстѣ о жестокостяхъ этрускаго царя Мезенція, который связывалъ съ живыми людьми тѣла покойниковъ, „руки съ руками и лицомъ къ лицу“, чтобы уморить ихъ мучительной и медленной смертью. *Прим. ред.*

²⁾ Во время борьбы плебеевъ съ патриціями трибуны часто

рять молодымъ патриціямъ, что „консульскіе фасцы, тога претекста, курульное сѣдалище—не болѣе, какъ пышное похоронное убранство. Эти почетные знаки отличія, подобно жертвенной повязкѣ, обрекаютъ ихъ на смерть“ ¹⁾. Когда Ганнибалъ осадилъ Сагунтъ, Ганнонъ восклицаетъ: „На Карѳагенъ направляетъ Ганнибалъ свои осадныя кровли и башни; у Карѳагена потрясаетъ стѣны своими таранами. На наши головы падутъ развалины Сагунта“ ²⁾. Такого рода воображеніе уничтожаетъ пространство и насилуетъ природу; оно часто порождаетъ у Ливія ту изящную фальшь, которая кажется столь естественной и производитъ такое сильное впечатлѣніе.—У Полибія Сципіонъ просто говоритъ, что карѳагеняне, „истощенные усталостью по переходѣ черезъ Альпы, были неспособны дѣйствовать“; У Ливія-же это „какіе-то призраки, тѣни людей, изнеможенные, уничтоженные голодомъ, холодомъ, неопрятностью; разбитые и изувѣченныя посреди скалъ; съ отмороженными суставами, окоченѣвшими отъ снѣга мускулами, съ членами, пораженными холодомъ, съ испорченнымъ и изломаннымъ оружіемъ, съ ослабѣвшими и хромыми лошадьми“. Самое лучшее

привлекали къ народному суду консуловъ, по истеченіи срока ихъ консульства, если они противодѣйствовали трибунскимъ предложеніямъ. Такимъ образомъ были обвинены трибунами въ 473 г. до Р. Х. консулы Л. Фурій и К. Манлій, которымъ и приписываются приведенныя въ текстѣ слова.

Прим. ред.

1) Титъ Ливій, II, 54.

2) Титъ Ливій, XXI, 10.

орудіе ораторскаго преувеличенія—это метафора, потому что, сливая двѣ мысли въ одну, она раздуваетъ наиболѣе слабую до размѣровъ сильнѣйшей. Ливій показываетъ намъ народъ „утопающимъ въ долгахъ; ростовщичество, подобно проказѣ, разъѣдаетъ имущество, затѣмъ распространяется на все тѣло“: въ другой разъ „представляетъ защитниковъ народа, которыхъ этотъ народъ откармливаетъ для того, чтобы ихъ умертвить“¹⁾. Въ страсти есть такой избытокъ жизни, что она разливаетъ ее и на неодушевленные предметы,—абстракція становится живымъ лицомъ. „Исходъ войны,—говоритъ Ганнонъ,—какъ праведный судья, указалъ, на чьей сторонѣ право“²⁾. Вслѣдствіе этого избытка силы она нарушаетъ обычныя сочетанія словъ, создаетъ доселѣ неизвѣстныя, пускаетъ въ ходъ самыя смѣлыя стилистическія фигуры; представляетъ, на примѣръ, Цезона „стоящимъ среди патриціевъ, выдерживая на себѣ всѣ нападки трибуновъ и народной бури, какъ будто въ его голосѣ и тѣлесной силѣ заключалась власть всѣхъ диктатуръ и всѣхъ консульствъ“³⁾. Та-же страсть вопрошаетъ: „Не хотятъ-ли уничтожить вмѣстѣ съ закономъ Оппія и самую скромность и цѣломудріе женщинъ?“—Она возвышается наконецъ до поэтическаго вдохновенія, называя Ганнибала — „*furia faxque hujus belli*“⁴⁾.

1) Титъ Ливій, II, 29, VI, 17.

2) Т. Л. XXI, 10.

3) Т. Л. III, 11.

4) Ганнибалъ—фурія и факель этой войны. Титъ Ливій XXI, 10.

Слова эти, заученныя въ школѣ, вѣроятно припомнились Расину и внушили ему слѣдующій стихъ:

Tison de la discorde et fatale furie ¹⁾.

Другого рода талантъ, свойственный всѣмъ хорошимъ писателямъ, и необходимый оратору, заключается въ привычкѣ избѣгать отвлеченныхъ словъ, потому-что они не ясны и умѣстны только въ наукѣ. Когда такія слова являются въ рѣчи или рассказѣ, какъ на примѣръ у Полибія, — читатель останавливается, озадаченный измѣнившимся настроеніемъ автора, который пересталъ чувствовать и воображать; видно, что онъ старается отнести извѣстное дѣяніе въ такую-то часть изслѣдованія о тактикѣ или политикѣ; мы уже были готовы принять участіе въ поступкахъ и чувствахъ дѣйствующихъ лицъ; въ насъ уже пробуждалась страсть, но она гаснетъ, и мы вмѣстѣ съ Полибіемъ хладнокровно начинаемъ рассуждать или размышлять. Ливій остерегается нехотати выказывать себя философомъ, публицистомъ или ученымъ. Онъ всегда выбираетъ простыя выраженія; онъ знаетъ, или лучше сказать, онъ чувствуетъ, что мысли и слова образуютъ собою какъ-бы лѣстницу, — на нижнихъ ступеняхъ ея — легко понятныя, непосредственно возникшіе обороты, которые вызываютъ чувственные образы, еще полные жизни; а выше

¹⁾ „Факель раздора и роковая фурія“. Стихъ этотъ приведенъ Тэномъ изъ трагедіи Расина *Митридатъ*, Актъ V. Сд. I. Прим. ред.

находятся выраженія, съ помощью умственной работы извлеченныя изъ предшествующихъ, — доступныя для размышленія, а не для воображенія, — и которыя подобно цифрамъ, вызываютъ лишь чистыя понятія. Ливій избираетъ первые, потому что они одни пригодны для краснорѣчія, будучи одни способны и возбуждать образы, и волновать чувства. Всѣ эти выраженія прекрасны, потому что всѣ они естественны. Мы ощущаемъ прелесть этого изящнаго слога и особенно наслаждаемся имъ теперь по контрасту, будучи воспитаны среди педантическихъ отвлеченностей, которыя искажаютъ наши писанія и берутъ живую мысль для того, чтобы сложить ее омертвѣлой въ банальныя и сухія формулы.

Такова тираническая власть привычки; обычный языкъ — необходимый намъ служитель; какъ бы онъ ни былъ плохъ, мы принуждены употреблять его. Ливій, жившій въ лучшія времена, былъ счастливѣе насъ.

Для того, чтобы сразу быть понятымъ, ораторъ, ищетъ ясныхъ выраженій, какъ онъ искалъ простыхъ выраженій; онъ избѣгаетъ техническихъ и устарѣлыхъ, такъ же, какъ и отвлеченныхъ терминовъ. Онъ употребляетъ лишь слова, которыя у всѣхъ въ ходу и принадлежатъ его времени. Но это достоинство влечетъ за собой одинъ недостатокъ. Правда, что слогъ отъ этого становится какъ-бы прозрачнѣе; читатель охотно слѣдитъ за рѣчью свѣтскаго человѣка изъ образованнаго общества, чьи слова не отзываются никакимъ ремесломъ, который говоритъ о спеціальному

предметъ общедоступнымъ языкомъ, который не выставляетъ себя ни законовѣдомъ, ни археологомъ, ни экономистомъ, ни географомъ, а только человекомъ, который избавляетъ насъ даже отъ легкой запинки передъ непривычнымъ словомъ. Таковъ слогъ у Юма, Робертсона, у автора Вѣка Людовика XIV и исторіи Карла XII ¹⁾. Однако надо признать, что только надлежащія мѣткія слова рисуютъ вѣрно дѣйствительность и поражаютъ наше воображеніе; и для того, чтобы придать фактамъ точный и ясный отпечатокъ, не нужно бояться терминовъ юридическихъ или церковныхъ, старинныхъ законодательныхъ формулъ, текста договоровъ, грубыхъ и подлинныхъ выраженій варварской эпохи. Одно слово, выписанное у Григорія Турскаго, стоитъ двадцати фразъ Мабли и аббата Дюбо ²⁾. Этотъ недостатокъ еще ощутительнѣе у Ливія оттого, что въ трехъ или четырехъ мѣстахъ въ его гладкомъ разсказѣ выдѣляется какая нибудь старинная религіозная формула подобно тому, какъ каменная глыба, остатокъ

¹⁾ Т. е. Вольтеръ.—Юмъ и Робертсонъ—англійскіе историки XVIII в. Юмъ—извѣстный философъ, прославился также своей „Исторіей Англіи“ (1754), которую довелъ до 1688 года. Изъ историческихъ сочиненій Робертсона особенно была популярна его „Исторія Шотландіи при Маріи Стюартъ и Яковѣ VI“, 1759; его „Исторія царствованія Императора Карла V“ 1769 и его „Исторія Америки“, 1777. *Прим. ред.*

²⁾ Григорій, епископъ Турскій, жившій въ VI в., авторъ историческаго сочиненія, которое представляетъ собой главный источникъ для эпохи Меровинговъ.—Мабли и Дюбо, писатели XVIII вѣка—авторы двухъ извѣстныхъ въ свое время сочиненій объ исторіи Франціи. *Прим. ред.*

первобытной эпохи, неуклюже торчитъ среди стройныхъ памятниковъ новѣйшаго искусства. Хотѣлось бы, чтобы Ливій почаще имѣлъ смѣлость списывать подлинныя выраженія изъ обрядниковъ, изъ Большихъ Анналовъ ¹⁾, изъ древнихъ законовъ, и надгробныхъ словъ; и если-бы среди рѣчи, обычной въ вѣкъ Августа, мы слышали подлинныя слова Аппіевъ, они нисколько не показались-бы намъ странными.

Любимый оборотъ рѣчи оратора — періодъ, т. е. выраженіе законченной идеи, которая выступаетъ въ сопровожденіи многочисленныхъ второстепенныхъ предложеній, въ свою очередь окруженныхъ мно-

1) Тэнъ называетъ большими (Annales Maximi) Анналы, составившіеся въ Римѣ верховнымъ понтифексомъ (Pontifex Maximus). На бѣленой доскѣ, которая публично выставлялась, онъ записывалъ главнѣйшія событія каждаго года; между ними особенно упоминаются солнечныя и лунныя затменія, дороговизна и предзнаменованія (prodigia), требовавшія искупительныхъ жертвъ. Этотъ обычай продолжался до понтифекса Муція около 120 г. до Р. Х. Матерьялъ, сохранившійся въ этихъ Анналахъ, былъ затѣмъ собранъ и распределенъ въ 80 книгахъ. По свидѣтельству римскихъ писателей Анналы велись съ самыхъ древнихъ временъ, хотя и неизвѣстно, съ какихъ именно. Во всякомъ случаѣ древнѣйшія части ихъ погибли отъ пожара во время гальскаго погрома и восстановлены впослѣдствіи по памяти. Судя по одному, впрочемъ испорченному, тексту (у Павла Дьякона), Анналы получили названіе *великихъ* оттого, что ихъ составлялъ *великій* понтифексъ: въ современной наукѣ однако установилось мнѣніе, что это названіе поздняго происхожденія и возникло тогда, когда кромѣ оффиціальныхъ Анналовъ понтифекса явились другіе, менѣе обширные, составленные частными лицами.

гими частными идеями,—подобно стройной армии, согласнымъ движеніемъ подвигающейся къ заранѣ намѣченной цѣли. Публичная рѣчь, которая должна быть торжественно - внушительной, требуетъ этой широкой формы; и для того, чтобы вызвать убѣжденіе, краснорѣчіе должно собрать подъ сѣнью главной преобладающей идеи всѣ второстепенныя идеи, подкрѣпляющія первую и утвердить послѣднія на всѣхъ частныхъ идеяхъ, которыя могутъ ихъ поддержать. Нельзя сказать, чтобы у Ливія былъ недостатокъ въ короткихъ фразахъ; даже ораторское повѣствованіе употребляетъ ихъ; но онъ охотно возвращается къ періоду съ тѣмъ, чтобы развить въ немъ доказательства, поясненія, оговорки, коментаріи, которые могутъ дополнить коренное краткое предложеніе, исправить его, ярче освѣтить и представить въ настоящемъ свѣтѣ. Но этотъ періодъ, столь обширный и столь связный,—выражаетъ-ли вполне правильно факты, которые, по своему существу, слѣдуютъ одинъ послѣ другого, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрывочны? Когда Ливій выводитъ на сцену какое-нибудь событіе, не придаетъ-ли онъ ему слишкомъ многочисленную и слишкомъ стройную свиту?—Вѣдь можно бы, пожалуй, разбить на двѣ, или на три части слѣдующій періодъ, который мы беремъ случайно, на первой-же страницѣ:

„Понадѣявшись на этотъ духъ двухъ народовъ ¹⁾, съ каждымъ днемъ срастающихся все болѣе и болѣе, Эней, — не смотря на то, что Этрурія была

1) Т. е. троянцевъ и туземцевъ, аборигеновъ. *Прим. ред.*

такъ сильна своимъ могуществомъ, что уже не только земли, но и море во всю длину Италиі, отъ Альпъ до сицилійскаго пролива, наполнила славой своего имени, все-таки, хотя-бы могъ отбиться отъ войны, защищаясь за стѣнами,—вывелъ войско въ боевую линію“¹⁾).

Но это изобиліе словъ никогда не доходитъ до излишества или до пустословія. Читатель отдается этому широкому теченію безъ скуки и утомленія до того движеніе его непринужденно и сильно, такъ хорошо чувствуется, что невозможно было-бы ни ускорить, ни замедлить его, не лишивши его силы, плавности или величавости.

Эта торжественность и это изящество слога приличествуютъ оратору, который долженъ привлекать для того, чтобы его слушали, и быть внушительнымъ, чтобы ему вѣрили. Въ этомъ отношеніи Ливій имѣетъ преимущество передъ другими историками. Рѣчь Саллюстія отрывиста, рѣзка и все-таки однообразна. Авторъ спѣшитъ, но при этомъ идетъ все одной и той-же поступью. Каждую минуту онъ проводитъ мимо читателя всѣ отдѣльныя части какой-либо идеи, одну за другой какъ можно скорѣе. Этотъ неестественный пріемъ утомителенъ; наша мысль не любитъ постоянно торопиться и все съ одинаковымъ напряженіемъ. Ливій свободнѣе и разнообразнѣе; съ нимъ идешь быстро, но не такъ, чтобы прерывалось дыханіе.

1) Титъ Ливій, I, 2. Подобныя фразы есть въ *Письмахъ къ Провинціалу* Іезуитовъ Паскаля, въ прозѣ у Корнеля, въ *Разсужденіи о Методѣ* Декарта. Ливій, какъ они, резонёръ и классикъ, и пишетъ также, какъ они.

Послѣ ряда небольшихъ, короткихъ фразъ развертываются широкіе, богатые мыслями періоды, которые сообщаютъ нашему уму свое мѣрное и спокойное движеніе. Вамъ нравится писатель, который не имѣетъ претензіи думать быстрѣе, чѣмъ другіе, не дѣлаетъ надъ собой усилія, чтобы проявить какое-нибудь особенное свойство своего таланта и которой вездѣ ровень, потому-что всегда остается естественнымъ.

Тацитъ не только собираетъ частныя мысли въ краткія, сжатые фразы, какъ Саллюстій, но еще связываетъ ихъ одной главной идеей въ цѣльный періодъ, часто столь-же обширный, какъ и у Тита Ливія; такъ-что читатель, принужденный останавливаться на каждомъ словѣ, чтобы измѣрить всю глубину столькихъ мыслей, скученныхъ въ такомъ маломъ пространствѣ, — читатель еще принужденъ, вслѣдствіе взаимнаго сцѣпленія отдѣльныхъ членовъ каждой фразы, совокупить это множество мыслей въ одно послѣдовательное разсужденіе. По прочтеніи нѣсколькихъ страницъ, является крайнее утомленіе; ибо поставить въ періодѣ идею на второстепенномъ мѣстѣ — это значитъ предполагать, что она настолько обычна для нашего ума, что можетъ быть узнана мимоходомъ, съ одного взгляда и можетъ сейчасъ-же освѣтить намъ заключеніе. Придаточныя-же фразы у Тацита, изъ коихъ каждая требуетъ внимательнаго размышленія, заставляютъ терять изъ вида главную мысль, которую намъ необходимо уловить, — подобно тому; какъ слишкомъ высокіе холмы скрываютъ отъ странника цѣль, въ которой онъ стремится. Ливій не расто-

чителенъ на слова, но онъ и не скупъ на нихъ; онъ предоставляетъ мысли свободу и свойственный ей просторъ. Послѣ чтенія Ливія нѣтъ надобности отдыхать; у него подобныя мысли, сразу понятныя, ведутъ безъ всякаго усилія къ главной идеѣ. Онъ совершенно понятенъ, его нечего разгадывать; онъ не имѣетъ претензіи мыслить болѣе глубоко, чѣмъ другіе; у него нѣтъ ни одного блестящаго недостатка. А что-же такое совершенство слога, какъ не талантъ избѣгать красивыхъ преувеличеній, какъ не искусство держать въ равновѣсіи противоположныя качества ума и способность сохранять середину, гдѣ царствуетъ разумъ и истина.

Ясные, естественные, разнообразныя обороты, иногда слишкомъ пространныя; простыя и жизненные слова, не отвлеченныя, не техническія и не устарѣлыя, — всѣ взятыя изъ обычнаго современнаго языка, всѣмъ понятныя, но которыя отчасти лишаютъ рассказъ рельефности; пышныя, блестящія и смѣлыя выраженія, увлекательно-краснорѣчивыя — таковъ слогъ Ливія и — оратора. Можетъ быть не безъинтересно было отыскать въ его словарѣ и грамматикѣ отличительныя признаки того-же самаго таланта, который мы наблюдали въ его жизни, въ его философіи, критикѣ, въ его воспроизведеніи характеровъ, въ его повѣствованіи и въ его рѣчахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 1. Разборъ таланта Тита Ливія.—Какимъ образомъ ораторскій талантъ преобразуетъ и вызываетъ талантъ историка.

Такъ какъ геніальность человѣка—явленіе, не поддающееся анализу, то неудобно разлагать ее на части; какъ скоро она перестаетъ быть единой и цѣльной, она лишается жизни; поэтому и Ливія можно хорошо узнать только тогда, когда мы соберемъ воедино разсѣяныя его черты. Онѣ образуютъ стройное цѣлое; онѣ являются слѣдствіемъ одного и того-же свойства. Онѣ доказываютъ славнымъ примѣромъ, что нравственный міръ, какъ и физическій, подчиненъ непреложнымъ законамъ; что душа человѣческая имѣетъ свое строеніе, какъ и растеніе, что она можетъ служить предметомъ науки, и что, какъ скоро намъ станетъ извѣстна сила, лежащая въ ея основаніи, можно, не подвергая анализу ея проявленій, воспроизвести ее посредствомъ чистаго размышленія.

Ораторскій талантъ Ливіа, соотвѣтствующій его характеру гражданина и честнаго человѣка, — чисто римскій, какъ и его характеръ, — объясняетъ все остальное. Посмотримъ, какъ этотъ талантъ преобразуетъ одну за другой всѣ стороны его исторіи.

Начнемъ съ критики. По свойственной ему совѣстливости Ливій подкрѣпляетъ каждый фактъ доказательствомъ, ссылается на памятники, наиболее достойные довѣрія; иногда онъ осуждаетъ свое отечество, сознается въ своихъ сомнѣніяхъ, прилагаетъ разумныя правила при выборѣ свидѣтельствъ и, когда его источники точны, очень вѣрно изображаетъ нравы. По склонности къ краснорѣчію и изъ любви къ Риму онъ сохраняетъ ораторскую поэзію древнихъ преданій и выставляетъ величіе римскаго характера. Но оттого, что онъ любитъ Римъ, у него является невольное пристрастіе къ своимъ; оттого, что онъ только ораторъ, ему не достаетъ чутья и страсти въ критикѣ; онъ пренебрегаетъ подлинными памятниками, плохо провѣряетъ анналистовъ, къ которымъ обращается за справками, рассказываетъ лишь поддающіеся краснорѣчію факты и сглаживаетъ грубость первобытнаго варварства подъ однообразіемъ слишкомъ совершеннаго слога.

Ораторскій духъ Ливіа, коснувшись философіи исторіи, перекладываетъ ее въ рѣчи, которыя объясняютъ и передаютъ сущность переворотовъ и войнъ; обращаясь къ этикѣ, онъ порицаетъ испорченность нравовъ и раскрываетъ главный законъ римской исторіи. Но онъ группируетъ не

всѣ факты, съ помощью общихъ идей, въ стройную научную систему; онъ опускаетъ множество законовъ, скрываетъ другіе въ формѣ ораторскихъ темъ и предоставляетъ событіямъ строиться, годъ за годъ, въ такомъ порядкѣ, котораго истинная наука не допускаетъ.

Эти рѣчи оратора, дышашія страстью, обрисовываютъ характеры. Это рѣчи оратора и вмѣстѣ съ тѣмъ достойнѣйшаго человѣка и истаго римлянина, и онѣ выражаютъ все, что есть высокаго и героическаго въ характерѣ Рима и его великихъ дѣятелей. Но преобладающая страсть, живой источникъ краснорѣчія, еще не составляетъ цѣлаго характера. Дѣйствующія лица Ливія, которыя всѣ говорятъ убѣдительныя рѣчи однимъ и тѣмъ же изящнымъ слогомъ,—всѣ между собой схожи; и изъ любви къ Риму ораторъ сглаживаетъ все, что было мелочнаго и грубаго въ римскомъ умѣ.

Ораторское повѣствованіе иногда приближается къ общему мѣсту, стараясь увеличить и украсить свой предметъ; рѣдко показываетъ намъ реальную форму и доступную чувствамъ окраску предметовъ; но оно изображаетъ съ большой силой и жизненной правдой драматическую игру страстей и своею стройностью уподобляется рѣчи оратора. Самыя рѣчи у Ливія часто слишкомъ искусны, потому что правильность обработанной рѣчи не вяжется съ внезапнымъ ощущеніемъ, съ народными смутами, съ непосредственной и своевольной импровизаціей. Но находясь здѣсь въ своей области, краснорѣчіе широко развертывается передъ нами въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ и худо-

жественныхъ проявленій и, прибѣгая къ взаимодействию разсудка и страсти, оно ставитъ Ливіа, какъ оратора, почти наравнѣ съ Цицерономъ.

Наконецъ, краснорѣчіе овладѣваетъ слогомъ; если оно устраняетъ иные выразительные термины, полезные для исторіи; если оно иногда черезъчуръ расширяетъ періодъ,—за то оно подбираетъ такіа мѣткія, такіа изящныя и живыя слова, складывая ихъ въ такіе разнообразныя и ясныя обороты,—что оно нравится намъ своимъ благородствомъ; а когда набѣгаетъ потокъ страсти, оно покрываетъ слогъ блестящими и пышными выраженіями, подобно алмазнымъ украшеніямъ на пурпуровой мантии.

Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ подвигаясь далѣе въ исторіи, краснорѣчіе находитъ все болѣе подходящій для себя матеріаль, произведеніе его становится все совершеннѣе; и послѣднее чувство, которое оно оставляетъ въ насъ—это восторженное удивленіе. Таково-же было чувство, которое вызывалъ въ тѣ времена Римъ Августа. Въ этомъ нагроможденіи памятниковъ, покрывавшихъ форумъ, чувствовалась могучая рука властвующаго города; но при видѣ этихъ драгоценныхъ мраморовъ, этихъ колоннъ Капитолія, похищенныхъ у Юпитера Олимпійскаго, этихъ листовъ золоченой бронзы, горѣвшихъ при солнцѣ на кровлѣ храмовъ,—становилось ясно, что здѣсь искусство и великолѣпіе побѣжденныхъ украшаютъ силу побѣдителей. Подобно этому и въ могучемъ вѣяніи, которое проходитъ между обломками этой колоссальной исторіи, въ этихъ исполненныхъ величія

характерахъ и въ этой эпопеѣ вѣчной войны, живетъ римскій духъ. Но свободное обиліе рѣчи, выдержанное изящество и гармонія разсказа указываютъ, что греческое искусство направляло и умѣряло римское вдохновеніе, и что къ величію присоединилась красота.

Титъ Ливій между другими древними историками.

§ 2. Геродотъ.—Ксенофонтъ.—Цезарь.—Саллюстій.—Тацитъ.—
Фукидидъ.

Теперь можно ввести Ливія въ общество ему подобныхъ. Онъ займетъ въ немъ не послѣднее мѣсто.

I. Квинтиліанъ сравнивалъ съ нимъ Геродота. Но это все равно, что сопоставить Фруассара ¹⁾, подобно Геродоту любознательнаго, странствующаго путешественника, съ какимъ-нибудь историкомъ прошлаго вѣка. Геродотъ, одинъ изъ первыхъ у грековъ, писавшихъ въ прозѣ—второй Гомеръ; если онъ при

¹⁾ Фруассаръ — французскій поэтъ и хроникёръ XIV в. (род. 1337 въ Валансіенѣ, умеръ въ 1401 въ санѣ каноника). Онъ провелъ многіе годы своей жизни въ путешествіяхъ по Франціи, Англійи и Италиіи, и при разныхъ королевскихъ и феодалныхъ дворахъ того времени; и на основаніи того, что самъ видѣлъ или слышалъ отъ современниковъ, въ особенности отъ рыцарей, участвовавшихъ въ долготѣней войнѣ между Франціей и Англійей—онъ составилъ свою обширную, поучительную и поэтическую хронику. *Прим. ред.*

началъ и не взываетъ къ музѣ, то каждая изъ его книгъ носитъ въ видѣ заглавія имя одной изъ музъ, и произведеніе его настоящая эпопея, сборникъ всѣхъ свѣдѣній и всѣхъ преданій того времени. Онъ находитъ такое наслажденіе въ сказаніяхъ, что, подобно Нестору, охотно провелъ бы „пять или шесть лѣтъ“, рассказывая или слушая ихъ. Не то, чтобы онъ твердо вѣрилъ имъ; вмѣстѣ съ прозой уже началась и критика. Но приводя басни въ видѣ преданій, онъ останавливается на нихъ очень долго и съ такой-же охотой, какъ-бы на дѣйствительныхъ фактахъ. Воображеніе у него, — какъ вообще у грековъ, которыхъ его исторія въ Олимпіи приводила въ восторгъ — такое, какъ бываетъ у отрока, переходящаго къ возмужалости, на половину еще легковѣрнаго, но уже любящаго истину, который возмущается грубой ложью, но все еще полонъ изящныхъ и баснословныхъ образовъ, впервые очаровавшихъ его непочатую душу. Геродотъ охотно прерываетъ описаніе войнъ и учрежденій для того, чтобы рассказать про сонъ Манданы, приключеніе Гигеса, про дочь Рампсинита, про чудовищную богиню, мать первыхъ скифовъ; его скоро начинаетъ тяготить строгій видъ истины, и онъ снова обращаетъ взоры къ усладительнымъ и веселымъ, хотя лживымъ баснямъ, которыми онъ такъ долго забавлялся. У него нѣтъ никакой предвзятой мысли. А если у него и есть какой-нибудь планъ, то какъ у Гомера, не столько задуманный, сколько подсказанный чутьемъ или счастливой случайностью. Здѣсь онъ останавливается, чтобы объяснить

обычай, тамъ, чтобы привести анекдотъ, повторить какое-нибудь поразившее его слово, надпись, изреченіе оракула, — привлекаемый всѣмъ, что блещитъ. „Я расскажу подробнѣе о Египтѣ, говоритъ онъ, потому что эта страна заключаетъ въ себѣ болѣе удивительнаго, чѣмъ всякая иная, и представляетъ болѣе всѣхъ другихъ странъ произведенія, превосходящія всякія слова. Поэтому-то я буду рассказывать о ней побольше“¹⁾.

Не ищите у него ни сознательнаго выбора общихъ фактовъ, ни правильнаго расположенія, ни руководящей мысли. Онъ не философъ, не политикъ, не географъ, не моралистъ, а просто любознательный наблюдатель, который съ одинаковой охотой рассказываетъ о способѣ египтянъ выдѣлывать масло, о раздѣленіи народа на касты, какъ и о завоеваніяхъ Камбиза. Но если онъ походитъ на Гомера, какъ рассказчикъ, то не имѣетъ его художественнаго творчества. Онъ лѣтописецъ, а не поэтъ; у него нѣтъ ни одного ясно обрисованнаго характера; никакого ораторскаго одушевленія въ его рѣчахъ, ни увлекательной быстроты въ его повѣствованіи; обороты его всегда легки, рассказъ обстоятеленъ, мысли и событія отражаются въ его ясномъ до прозрачности воображеніи, не волнуя и не смущая его. Слушая его, припоминаешь юношу съ дѣвой, о которыхъ говоритъ Гомеръ, что ввечеру долго бесѣдуютъ подъ сѣнью дубовъ, при журчаніи ручья. Геродотъ излагаетъ Мараѳонскую битву

¹⁾ Геродотъ, II, 35.

также просто и спокойно, какъ какую-нибудь сказку, приплетая множество баснословныхъ и мелкихъ анекдотическихъ эпизодовъ, которые не хватаетъ духа назвать ребяческими, до того они милы. Мысли его несутся безъ шума непрерывной вереницей, „подобно хлопьямъ снѣга, покрывающимъ въ одну ночь всю равнину“. Его слогъ— вѣрное подобіе его ума. Проза его, не вполне выпутавшаяся изъ пелень поэзіи, еще похожа на лепетъ; отдѣльныя фразы у него не умѣютъ еще соединяться въ связный періодъ; никакого усилія, чтобы выставить извѣстное слово на видъ, или привлечь слухъ и мысль симметричнымъ построениемъ. Онъ повторяетъ то-же выраженіе два или три раза къ ряду, бросаетъ начатый оборотъ, когда онъ его стѣсняетъ. Непринужденность эта прелестна. Фразы слѣдуютъ одна за другой такъ, что вы и не думаете отличать ихъ; вы подвигаетесь впередъ такъ тихо, что сами того не замѣчаете; эта упругость и гладкость походитъ на зеркальную поверхность водъ. Прибавимъ еще, пожалуй, что рядомъ съ такою безыскусственною прелестью у Геродота есть своего рода величіе; что идея неумолимаго рока грозной тучей тяготѣетъ надъ этимъ міромъ, который сіяетъ юностью; что хоть и слабая, но непрерывная нить связуетъ у него всѣ разсѣянные событія. Тѣмъ не менѣе Геродотъ остается у порога исторіи, и греческаго разскащика невозможно сравнивать съ римскимъ историкомъ.

II. Ксенофонтъ—представитель аттического духа, который состоитъ въ доведенномъ до совер-

шенства чувствѣ мѣры; въ которомъ болѣе изящества, чѣмъ величія, какъ и въ архитектурѣ Атики. У Ксенофонта болѣе аттического духа, чѣмъ у Фукидида,—какъ у Ливія его больше, чѣмъ у Демосѣена. Сочиненіе его, походъ „Десяти тысячъ“¹⁾, незначительное по объему, представляетъ нераздѣльное цѣлое, которое выдѣляется въ общемъ теченіи исторіи блестящимъ и законченнымъ эпизодомъ, какъ мраморный храмъ на мысѣ Суніумъ. Разсказъ его не украшенъ орнаментами и не возбужденъ ораторскими страстями; онъ не переходитъ въ похвальное слово и не сочиненъ для внушенія нравственнаго назиданія. Изящный вкусъ заключается въ умѣнью сохранить каждую литературную форму въ чистотѣ, и вполне совершенное повѣствованіе не должно быть ни аргументаціей, ни рѣчью, ни поэтическимъ произведеніемъ. Ничто не можетъ быть яснѣе, проще, воздержаннѣе этого разсказа Ксенофонта. Авторъ совершенно ступшевывается; вы забываете, что имѣете передъ собою книгу; вы видите самые предметы; прозрачное повѣствованіе ничего не отнимаетъ и не прибавляетъ къ ихъ окраскѣ.

Подобно ему и другіе писатели, какъ Геродотъ и Фукидидъ, стараются только о томъ, чтобы передать осязательные факты; но при одинаковой цѣли они не обладаютъ той же мѣрой. Ксенофонтъ выбираетъ только важные факты, но собираетъ ихъ всѣ, избѣгая длиннотъ любознательнаго Геродота и сжатости строго-сдержаннаго Фукидида. Вы

¹⁾ Исторія его не болѣе, какъ дополненіе къ Фукидиду.

не желали бы ни прибавить, ни выпустить ни одной его мысли; у него нѣтъ избытка ни въ силѣ, ни въ легкости; но онѣ взаимно умѣряются; ни одна сторона его таланта не преобладаетъ и не порабощаетъ себѣ другія; онѣ всѣ равны; для него не находишь никакой особенной похвалы, потому что онѣ заслуживаетъ всякихъ похвалъ и всѣхъ въ одинаковой степени; его можно характеризовать тѣми-же краткими словами, которыя у него сказаны о двухъ молодыхъ военачальникахъ ¹⁾, умерщвленныхъ Артаксерскомъ: онѣ безукоризненъ.

Обратите вниманіе на характеры его дѣйствующихъ лицъ: изображая лишенныхъ жизни полководцевъ, онѣ не думаетъ ни хвалить, ни порицать ихъ, а старается, чтобы мы ихъ узнали. У него нѣтъ недостатка въ способности, необходимой для изображенія живого лица; воображеніе его воспримчиво къ чувственнымъ явленіямъ и онѣ подмѣчаетъ грубый голосъ и суровый видъ Клеарха. Онѣ ясно видитъ отчетливые факты и живо изображаетъ намъ Клеарха описаніемъ его чисто военной жизни и вѣчныхъ походовъ. Онѣ умѣетъ вмѣстить цѣлую картину въ одномъ мѣткомъ сравненіи: солдаты повиновались Клеарху, какъ дѣти своему наставнику. Но замѣтите, что изображеніе здѣсь имѣетъ форму разсужденія и что подробности приведены въ подтвержденіе главнаго

¹⁾ Тэнъ имѣетъ въ виду слова Ксенофонта объ аркадійцѣ Агіѣ и ахейцѣ Сократѣ, убитыхъ съ другими греческими начальниками, измѣннически захвачеными вмѣстѣ съ Клеархомъ. Анаб. I. II сар. VI, 30.

качества; аттический вкусъ въ неприкосновенности сохраняетъ порядокъ мыслей, не расточаетъ красокъ, отстраняетъ ослѣпительныя причуды описательнаго воображенія и не считаетъ, что языкъ долженъ служить для живописи. Также точно и въ рѣчахъ онъ скрываетъ страсть за обиліемъ тѣснящихся мыслей; онъ хочетъ, чтобы она сама родилась изъ простаго сочетанія доводовъ и фактовъ; для возбужденія ея онъ не имѣетъ нужды прибѣгать къ эпитетамъ и другимъ ораторскимъ средствамъ; онъ думаетъ, что совершенство рѣчи заключается въ томъ, что она является рѣшительнымъ для дѣла доказательствомъ: онъ увѣщеваетъ грековъ не сдаваться и надѣяться на себя съ ясностью убѣжденія и трезвостью выраженій истинно изумительной; аттический духъ—это самъ свѣтъ, до того чистый, что страстная или образная рѣчь могла-бы только помрачить его.

Отсюда-же и этотъ слогъ гладкій, безъ всякихъ метафоръ, фигуръ или блестящихъ выраженій,—простой покровъ мысли, легкой и плотно прилегающей, обрисовывающей ея форму и вполне совершенный, потому-что его даже не замѣчаешь. Обороты фразъ у Ксенофонта лучше составлены и болѣе округлены, чѣмъ у Геродота, но не имѣютъ преднамѣренной формы періода. Они не обнаруживаютъ ни небрежности, ни усилія; части предложенія хорошо связаны, не будучи симметричны; незамѣтно никакой выдающейся особенности. Слогъ полонъ мѣры, потому-что онъ исполненъ совершенства. Вамъ кажется, что эта мысль родилась вполне выраженной, что слова

нераздѣльны съ нею, до того они подходятъ къ ней, до того они составляютъ часть ея самой. Если послѣ всего этого мы станемъ сравнивать Ксенофонта съ Ливіемъ, то нужно имѣть въ виду, что Ксенофонту для его книги не была нужна ни критика, ни ученость, ни философія, а только одна память; что самое высокое изящество все-же не можетъ сравниться съ геніальностью, что величіе лучше даже самой красоты и что какой-нибудь маленькій аѳинскій храмъ, какъ-бы онъ ни былъ совершененъ въ своей законченности, не сравнится ни съ Колизеемъ, ни съ Пантеономъ.

III. Изъ всѣхъ римскихъ писателей Цезарь наиболѣе приближается къ аттическому духу. Онъ былъ знатокъ грамматики и стариннаго языка и такой любитель точности и ясности, что входилъ въ мельчайшія тонкости лексикологіи. Крайняя утонченность вкуса требуетъ нескончаемаго изученія формы; есть-же эскизы Рафаэля, которые художникъ начиналъ съизнова до семнадцати разъ. Но этотъ щепетильный пуристъ былъ прежде всего человѣкъ дѣйствія, что и отличаетъ его отъ Ксенофонта. Комментаріи Цезаря не болѣе, какъ записки, матеріалы для исторіи, собранные имъ, по словамъ Цицерона, для того, чтобы сохранить память о фактахъ, а не для того, чтобы рассказывать ихъ. Цезарь не думаетъ изображать лица; мы не замѣчаемъ у него исканія оригинальныхъ, отличительныхъ чертъ, которыя такъ любятъ философы и художники. Если онъ описываетъ Галлію, то уже почти совсѣмъ къ концу; и дѣлаетъ онъ это, какъ политическій дѣятель, излагая

на нѣсколькихъ страницахъ сущность учрежденій, права разныхъ сословій, ихъ раздоры, не говоря о галлахъ болѣе, чѣмъ нужно было знать для того, чтобы побѣдить ихъ; этимъ онъ совершенно отличается отъ историка, который описываетъ характеръ, какъ ученый, или изображаетъ его, какъ живописецъ. Отсюда происходитъ, что рѣчи у Цезаря представляютъ просто перечисленіе доводовъ, безъ страсти и безъ всякихъ порывовъ краснорѣчія. Онъ слишкомъ занятъ фактами и интересами, чтобы развлекаться ощущеніями или выраженіемъ чувствъ; это предводитель войска, который въ смятеніи битвы совершенно ясно видитъ затрудненія и разныя возможности удачи; усматриваетъ въ людяхъ только извѣстное количество силъ и самъ всецѣло преданъ мысли и дѣйствию. Такова разница между повѣствованіемъ Цезаря и Ксенофонта. Какъ ни воздерженъ греческій писатель, при случаѣ онъ даетъ мѣсто взрыву чувства. „Издали слыша громкій крикъ передового отряда съ горы Техесъ ¹⁾, Ксенофонтъ ²⁾ приближается; шумъ увеличивается, передніе солдаты бросаются бѣжать. „Море! море!“ И самый аррьергардъ, всадники, обозъ, всѣ спѣшатъ. Достигнувши вершины, солдаты обнимаются и обнимаютъ своихъ начальниковъ со слезами; они тотчасъ-же сносятъ

1) Теперь—Текіе, на юго востокѣ отъ Трапезунта .

Прим. ред.

2) Ксенофонтъ, какъ и Цезарь, говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ въ своемъ описаніи *Похода десяти тысячъ* (Анабазисъ. IV, 7).

Прим. ред.

камни, складываютъ ихъ грудой и воздвигаютъ памятникъ.“

У Цезаря описаны только тѣ факты, которые рѣшаютъ исходъ битвы или войны; они одни заслуживаютъ вниманіе ума, привыкшаго покорять и управлять. Онъ излагаетъ ходъ дѣлъ— и ничего болѣе — съ изумительной быстротой, также, какъ онъ совершалъ ихъ. Его рассказъ походитъ на быстрый бѣгъ, до того событія тѣснятся одно за другимъ, всѣ существенныя, всѣ между собою связанныя; а между тѣмъ это все таки разсужденіе, ибо здѣсь объяснены всѣ дѣйствія, изложены затрудненія, указаны средства, какъ ихъ преодолѣть, отмѣчены причины успѣха ¹⁾. Рассказъ обремененъ доводами, и однако легокъ, — какъ римскій солдатъ, который быстро бѣжитъ въ полномъ вооруженіи, затрудняясь имъ не болѣе, чѣмъ своими собственными руками.

Слогъ Цезаря также правиленъ, также ясенъ и простъ, какъ у Ксенофонта. Цезарь беретъ первоначальный смыслъ словъ ²⁾, возстановляя его, когда онъ измѣненъ обычаемъ; наблюдаетъ силу окончаній, добавленнаго предлога и, какъ ученый знатокъ грамматики, доводитъ тонкость вкуса до щепетильности. Множество доводовъ, расположенныхъ согласно съ ихъ взаимной зависимостью, расширяютъ его предложеніе въ періодъ, который сохраняетъ быстроту, потому что всѣ его части

1) Цезарь, Война въ Галліи, II, 20; битва съ нервійцами.

2) Цезарь, Война въ Галліи, II, 20. „*Succesus hostium, telum adjici* и т. д.

ясны и существенны. Поэтому мы должны признать достойными похвалы его последовательность, его правильность и легкость, знание дѣла, и сказать, что ничего совершеннѣе этихъ записокъ не могло выйдти изъ подъ пера писателя-политика. Но мы сознаемся вмѣстѣ съ Цезаремъ, что это только записки, и оставимъ его, — такъ-какъ онъ самъ отказался писать исторію, — на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ занялъ, т. е. ниже нашего историка.

IV. Саллюстій пишетъ для того, чтобы выказать свой талантъ болѣе, чѣмъ для ознакомленія съ фактами. Онъ эксплуатируетъ исторію въ свою пользу, какъ эксплуатировалъ африканскую провинцію; онъ эгоистъ и художникъ по натурѣ, — менѣе озабоченный поученіемъ читателя, чѣмъ складной рѣчью и тѣмъ, чтобы заслужить похвалу. Поэтому въ многочисленныхъ матеріалахъ, собранныхъ для него Аттеемъ, онъ подбираетъ ¹⁾, лишь выдающіеся факты, которые могутъ быть украшены рассказомъ и вызывать удивленіе, какъ война съ Югуртой или заговоръ Катилины ²⁾. Онъ не преминетъ привлечь къ началу своихъ сочиненій какой-нибудь блестящій обрывокъ философскаго разсужденія, который можетъ ему составить славу глубокаго мыслителя и строгаго моралиста: порицаніе сладострастія, прославленіе доб-

¹⁾ Саллюстій, Катилина, гл. 4: „Statui res gestas populi romani, ut quaeque memoria digna videbantur, scriptim perscribere“.

²⁾ Его большая исторія обнимала эпоху со смерти Суллы до заговора Катилины.

родителей, ума, души, славы и, под конец, истории. Чтобы объяснить себѣ строгія правила и внушительный тонъ Саллюстія, нужно припомнить, что онъ былъ изгнанъ изъ Сената за безнравственность. — Всегда ли онъ безпристрастенъ? Это сомнительно, когда видишь, съ какимъ искусствомъ онъ укрываетъ славу Цицерона, своего врага. Изображая какое-нибудь лицо, онъ не стремится запечатлѣть въ нашемъ умѣ ясный и опредѣленный образъ человека, котораго онъ намъ описываетъ ¹⁾. Онъ наслаждается отыскиваніемъ удачныхъ противоположеній, симметрическихъ оборотовъ, тонкихъ аналогій; онъ останавливается въ ту минуту, когда заговорщики должны быть преданы смерти, чтобы сравнить Катона съ Цезаремъ, противопоставляя качества каждаго изъ нихъ одно другому съ полной правдивостью, а параллельно съ этимъ и самые періоды, членъ за членомъ, съ изумительной точностью; какъ писатель, онъ былъ-бы вполне достоинъ удивленія и похвалы, если-бы самъ менѣе старался свискать ихъ. Его портреты писаны на показъ, какъ и его предисловія. Что касается повѣствованія, — то оно чрезвычайно живо; состоя все изъ коротенькихъ фразъ, оно идетъ столь-же быстро, какъ и самыя событія; мысли его проносятся передъ нами каждая отдѣльно, не сомкнутыми рядами, какъ у Ливія и Цезаря, но по-одиночкѣ. Каждую минуту передъ вами зрѣлище мѣняется; умъ вашъ будто сколь-

¹⁾ Саллюстій, Катилина, гл. 54; изображеніе Катона и Цезаря.

зить по наклонной плоскости, не будучи въ состоянїи удерживаться и размышлять, всецѣло отдавшись дѣйствию и движенію, сообщенному ему. Но вы чувствуете, что Саллюстій такъ пишетъ съ намѣреніемъ; ибо прїемъ его всегда одинъ и тотъ-же; какъ скоро встрѣчается осада, сраженіе, походъ, какое-бы то ни было дѣйствіе, онъ сыплетъ градомъ мелкія, сжатая фразы, всѣ одинаково построенныя. Васъ наконецъ утомляютъ эти вѣчныя неокончательныя наклоненія въ его повѣствованіи; вы уже предвидите заранѣе, какъ скоро встрѣтятся новый фактъ, что передъ вами сейчасъ пройдутъ въ обычномъ порядкѣ глаголь за глаголомъ, прилагательное за прилагательнымъ. Нельзя не пожалѣть, что такой значительный писатель подчиняетъ однообразному правилу неравномѣрный ходъ столь разнообразныхъ фактовъ, выискиваетъ, чѣмъ-бы поразить вашъ умъ, намѣренно оставляетъ естественность, которая и есть совершенство. Кажется благодаря этому желанію блистать, онъ еще иногда пренебрегаетъ связностью и соразмѣрностью языка. Предисловія его плохо задуманы и слишкомъ длинны; въ нихъ съ трудомъ можно услѣдить за связью мыслей; дочитавши до конца, вы тщетно ищете въ своемъ умѣ опредѣленнаго заключенія. Это еще замѣтнѣе, если сравнить рѣчи Саллюстія съ рѣчами у Ливія, столь стройными, гдѣ всѣ доводы такъ хорошо расположены и которыя оставляютъ по себѣ вполне ясное убѣжденіе. Саллюстій ухватился за одну мысль и выражаетъ ее на разные лады, всегда въ блестящихъ, энергическихъ словахъ; но онъ не такъ старается

привести свою мысль, съ помощью доказательствъ, къ извѣстному заключенію, какъ выказать себя великимъ ораторомъ. Если, черезъ страницу, онъ снова вернется къ той-же мысли ¹⁾ онъ ее вторично развиваетъ, хотя-бы и въ ущербъ другой, которую выскажетъ впослѣдствіи. А иногда онъ даже затрудняется, какъ закончить и выпутывается изъ этого какимъ-нибудь изреченіемъ ²⁾. Относительно языка онъ не подражаемъ; онъ выступаетъ съ какой-то горделивой непринужденностью художника и аристократа. Его слогъ такъ-же сжатъ, какъ слогъ Тацита, но менѣе труденъ; такъ-же богатъ, какъ слогъ Ливія, но болѣе сдерженъ. Иногда въ концѣ фразы читатель внезапно пораженъ и это захватившее его впечатлѣніе вызвано двумя простыми словами въ новомъ сочетаніи: самыя обыкновенныя какія-нибудь два слова, благодаря новому сочетанію вдругъ получили неожиданный смыслъ. Отважная метафора, скрывающаяся въ одномъ какомъ-нибудь глаголѣ, озаряетъ всю мысль. Это такіе-же проблески геніальности, какіе встрѣчаемъ въ „Размышленіяхъ“ Паскаля: иногда у него въ предѣлахъ одного слова заключается цѣлая рѣчь или глубокая и необузданная страсть; такая-же смѣсь простодушія, поэзіи, краснорѣчія, а что выше всего, тотъ даръ самобытнаго творчества и тѣ внезапные могучіе порывы генія, которые привлекательнѣе однообразнаго совершенства. Но слогъ еще не весь человѣкъ. Историкъ, который

1) Саллюстій, Югурта, гл. 21, рѣчь трибуна Меммія.

2) Тамъ-же.

потворствуя своимъ враждебнымъ чувствамъ укрываетъ истину и не безукоризненно составляетъ свои рѣчи, который утомляетъ васъ однообразіемъ своего повѣствованія, ослѣпляетъ антитезами въ описаніи лицъ и который оставитъ по себѣ два или три блестящихъ отрывка,—такой писатель, какъ бы онъ ни былъ замѣчательнъ, не превосходитъ того, кто написалъ громадную исторію Рима, и чей разумъ, сердце и краснорѣчіе достойны его отечества.

V. Но вотъ наконецъ передъ нами замѣчательная исторія, которая можетъ равняться съ исторіей Ливія; авторъ ея имѣетъ недостатки своего времени, но за то обладаетъ тѣмъ божественнымъ даромъ, котораго не достаетъ Ливію—Тацитъ поэтъ. Воображеніе поэта есть своего рода философское наитіе, проливающее внезапный свѣтъ и проникающее въ истину такъ-же глубоко, какъ и самый разумъ. Ибо поэтическое вдохновеніе не заключается только въ очаровательномъ безуміи, или въ мечтательной экзальтаціи, которыя уносятъ человека за предѣлы дѣйствительнаго міра, заставляя его блуждать въ области фантазіи;—это могучая способность создавать или воспроизводить существа столь-же истинныя и живыя, какъ и тѣ, которыя мы можемъ видѣть и осязать. Дѣйствующія лица у французскихъ классиковъ, какъ напримѣръ Агриппина у Расина, походять на лица у Ливія. Но сравните Агриппину Расина и Тацита; вы тотчасъ почувствуете, какая разница между историкомъ и ораторомъ. У Тацита вы найдете рѣзкія краски, захватывающія черты, порывистую силу

истины, которыя заставляютъ васъ понять не только человѣческую душу вообще, но то многообразное и извилистое, глубокое, сложное и безконечное нѣчто, которое и составляетъ индивидуальную душу.

Все то, что лишь при помощи продолжительнаго анализа ученому удастся уловить, и то съ большимъ трудомъ и далеко не полно, — поэтъ выражаетъ въ одномъ словѣ, въ одномъ движеніи, потому что воображеніе, затронутое съ извѣстной стороны, внезапно и непосредственно порождаетъ точный и полный образъ, подобно тому, какъ въ цвѣткѣ, едва только одна пылинка попала на подготовленный органъ, какъ пробуждается жизнь и образуется новое тѣло. Тацитъ непременно долженъ быть и колористомъ, потому что онъ поэтъ. И вотъ съ нимъ мы очутились наконецъ въ дѣйствительномъ мірѣ; мы живемъ среди людей, облеченныхъ плотью; мы видимъ ихъ душу, но сквозь осязательные факты; и мы видимъ ихъ явственнѣе, ибо наше воображеніе такъ создано, что для осязанія душевныхъ страстей, мы должны представить себѣ матеріальныя формы, такъ-же, какъ въ природѣ неосвязаемыя силы дѣйствуютъ только посредствомъ тѣлесныхъ движеній. Если цѣль исторіи заключается въ томъ, чтобы воскресить прошлое, ни одинъ историкъ не можетъ сравниться съ Тацитомъ.

Послѣ этого мы можемъ сознаться, что, по обычаю своего времени, Тацитъ не довольствуется тѣмъ, что онъ великій писатель, но старается имъ быть; онъ доводитъ сжатость до крайности; вездѣ у него замѣтно напряженіе и усиліе; онъ обременяетъ фразу столькими мыслями, что, подавленная

этимъ богатствомъ, она лишена свободы и легкости движенія; желая сжать и собрать свои мысли въ маломъ пространствѣ, онъ душитъ или затемняетъ ихъ. Справедливо сказать и то, что онъ доводитъ глубокомысліе до аффектаціи и иногда до смѣшного; что онъ гоняется за оригинальностью до фальши, до претензіи и до вычурности; однимъ словомъ, избѣгая посредственности, онъ часто удаляется отъ естественности и разумности.

Надо еще сознаться, что нерѣдко рѣчи его — простая декламація, болѣе непріятная, чѣмъ у Ливія; что онъ въ нихъ не только ищетъ повода выказать свое краснорѣчіе, но еще и случая искусно выразиться; что и у него излишнее изящество, изысканныя антитезы, изумительнѣйшія утонченности языка украшаютъ рѣчи варваровъ; не даромъ онъ былъ другомъ Плинія младшаго. Но для того, чтобы найти эти недостатки у Тацита, нужно вдуматься; да ихъ скоро забудешь, когда прислушаешься къ его сдержанному скорбному голосу. Наглядѣвшись при Домиціанѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, до какой крайней степени можетъ дойти порабощеніе, вынужденный молчать, онъ извѣдалъ до послѣдней глубины скорбь и раздумье. Его энергія и сжатость происходятъ не оттого только, что онъ желаетъ хорошо писать, но оттого, что его негодование долго было для него предметомъ глубокой думы. Подобный блескъ слога, воспламененнаго и омраченнаго поэзіей, ненавистью, изученіемъ, одинъ только разъ встрѣчается въ исторіи, и чтобы его создать нужна была именно

такая душа, какъ у Тацита, такая цивилизація и такое паденіе общества, какъ было тогда въ Римѣ.

VI. Еще выше, можетъ быть, чѣмъ Тацитъ, стоитъ Фукидидъ, самый удивительный изъ историковъ. Никакая другая книга не производитъ такого страннаго и подавляющаго впечатлѣнія, какъ его исторія; вамъ кажется, будто передъ вами предстала бронзовая статуя. Особенность таланта Фукидида—это безусловная любовь къ чистой истинѣ. Среди народа повѣствователей и поэтовъ, онъ создалъ критику и науку; онъ основалъ, какъ самъ говорить, нѣчто вѣчное¹⁾; изъ всѣхъ изслѣдованныхъ имъ фактовъ онъ выбираетъ тѣ событія, которыя составляютъ сущность исторіи; онъ представляетъ ихъ, какъ они есть, въ ихъ первоначальной наготѣ, не объясняя ихъ, какъ Цезарь, не убѣждая читателя за или противъ нихъ, какъ дѣлаетъ Ливій, не окрашивая ихъ, какъ Тацитъ. Факты являются передъ нами одни, и сами по себѣ—такъ, какъ будто за ними вовсе нѣтъ историка. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этого хладнокровія историка, совершенно естественнаго; онъ проходитъ мимо убійствъ, возстаній, моровой язвы, какъ человекъ, отрѣшенный отъ всего человѣчества, который, устремивши взоры на истину, не можетъ снизойти до гнѣва или жалости. Смерть, жизнь, прекрасные и дурные поступки,—все безразлично для науки: добро и зло, преступленія и доблести—все это въ его глазахъ не болѣе, какъ факты и причины. Фукидидъ не поддается даже теченію событій: его

¹⁾ *Κτήμα εἰς αἰεί*. Слова Фукидида.

разсказъ не увлекаетъ васъ; онъ недоступенъ ни для какой страсти; если у него есть муза, то она похожа на суровую Діану Таврическую, которая со спокойствіемъ на челѣ умерщвляла людей и погружала свои дѣвственныя руки въ человѣческую кровь. Привыкшіе смущаться, испускать крики при всякомъ неожиданномъ событіи, мы не постигаемъ, какъ этотъ человѣкъ, свидѣтель кровопролитной войны, который самъ сражался и произносилъ рѣчи на публичной площади, — какъ могъ онъ сохранить эту несокрушимую невозмутимость духа! Когда греческій геній творить въ какой нибудь области, въ которой возможно совершенство, онъ доводитъ его до послѣдняго предѣла съ изумительною неустрашимостью разума. Постигши сущность истины, Фукидидъ все остальное презираетъ. И оттого что онъ находится въ полной гармоніи самъ съ собой, онъ ни на одно мгновенье не поддается чувству.

И онъ такой-же мыслитель и ораторъ, какъ повѣствователь и критикъ. Его философія вся въ его рѣчахъ, какъ у всѣхъ древнихъ писателей. Но она не походитъ на философію Ливія и другихъ. Новѣйшій писатель могъ-бы прямо выписать у него изображеніе аѳинянъ и лакедемонянъ, картину политики и нравовъ Аѳинъ, какъ рисуетъ ихъ Перикль, или рѣчи, въ которыхъ выставляются силы обѣихъ партій. Здѣсь мысли не разукрашены и не прикрыты ораторскимъ покровомъ, но предстаютъ передъ нами въ своей чистотѣ и наготѣ, какъ сами факты; и рѣчи здѣсь не болѣе, какъ краткое изложеніе доводовъ. Фукидидъ знаетъ причины, какъ Тацитъ знаетъ людей; философская мысль одного

столь-же точна, какъ яркія картины другого; можно сказать, что противоположными путями, — одинъ воображеніемъ, другой разумомъ, — оба они достигли совершенной истины. Отъ этого избытка мыслей происходитъ единственный недостатокъ Фукидида: повѣствованіе его также изящно и ясно, какъ у Ксенофонта, но слогъ его рѣчей тяжелъ. Онѣ исполнены отвлеченныхъ мыслей, неясныхъ вслѣдствіе ихъ сжатости, и антитезъ, тщетно сисящихся внести въ нихъ свѣтъ. Обороты его, сто разъ перевернутые и перестроенные напряженнымъ размышленіемъ, представляются какъ-то чуждыми для того, кто встрѣчается съ ними въ первый разъ. Слова, стиснутыя этой могучей рукой, почти искаженные, иногда отклоняются отъ обычнаго употребленія. Конструкція страдаетъ отъ преобладанія мысли; и весь слогъ сжать и неестественно натянуть отъ излишка энергіи. Этотъ необыкновенный человѣкъ страдаетъ лишь отъ избытка собственной силы; только одно изъ орудій историка надламывается въ его рукахъ, — но благодаря тому, что онъ слишкомъ мощно обнимаетъ истину.

Какъ видимъ, Ливій находится здѣсь въ достойномъ обществѣ и, какъ Дантъ въ Елисейскихъ поляхъ, среди людей, которыхъ побѣдить — великая честь, но которымъ безъ стыда можно уступить. Стоя выше Геродота, Ксенофонта, Саллюстія, Цезаря, онъ уступаетъ Тациту и Фукидиду. Однако, прежде чѣмъ поставить кого-либо выше его, надо замѣтить, что Фукидидъ и Тацитъ, — анналисты, какъ и Ливій, не съумѣли лучше его расположить факты согласно съ общими идеями; что задача ихъ

была легче, потому-что они писали современную исторію; что утрачены лучшія книги Тита Ливія, такъ какъ по оставшимся видно, что, приближаясь къ современности, рассказъ его становился полнѣе и правдивѣе. Теперь, кажется, всѣ три историка стоятъ довольно близко другъ къ другу; да и лучше всего будетъ имъ всѣмъ вмѣстѣ воздать дань удивленія, чѣмъ назначать имъ мѣста по степени ихъ заслугъ.

Титъ Ливій передъ новѣйшими историками.

§ 3. Успѣхи критики, знанія и философіи.—Исторія стала менѣе оживленной и болѣе безсвязной; она стала менѣе достовѣрной и болѣе анекдотичной.—Истинная исторія—это исторія страстей, а ея естественное выраженіе—краснорѣчіе.—Что мы выиграли и что потеряли.—Что мы забыли и чему можемъ научиться.

Новѣйшіе писатели обновили исторію, какъ и все остальное; но каждый страдаетъ отъ обратной стороны своихъ достоинствъ; и какъ наши историки критикуютъ Ливія, такъ и онъ въ свою очередь поучаетъ послѣднихъ. Мы могли-бы многому научить его; и многому можетъ онъ поучить насъ.

Мы имѣемъ о наукѣ болѣе точное понятіе, чѣмъ Ливій. Прежде всего мы требуемъ отъ нея бѣльшей положительности; наученные методомъ естественныхъ наукъ, мы лучше провѣряемъ факты: критика, которую лишь случайно мы встрѣтили у Полибія и Эукидида,—сдѣлалась теперь сводомъ

правиль и образцовъ, всѣми признаваемыхъ, достояніемъ всякаго историка. Мы требуемъ еще отъ науки бѣльшей полноты. Исторія обнимаетъ теперь многіе разряды фактовъ, которые доселѣ не входили въ нее: механическія ремесла, промышленность, торговля, бывшія въ презрѣніи у древнихъ, какъ занятія рабовъ, нынѣ возстановлены въ чести, потому-что находятся въ рукахъ свободныхъ людей; домашніе нравы, нѣкогда забываемые ради политическихъ событій, нынѣ изучаются, потому-что семья также близко интересуется человѣкомъ, какъ и государство; религія, литература, науки, искусства, которыя въ то время представлялись дѣломъ нѣсколькихъ личностей, — нынѣ считаются произведеніемъ всего народа. Расширенная область исторіи включила наконецъ въ свои предѣлы всю человѣческую природу.

И сверхъ всего этого захотѣли еще вложить въ нее философскій смыслъ: когда, благодаря успѣхамъ естественныхъ наукъ, открыли, что измѣненія въ тѣлахъ совершаются по опредѣленнымъ законамъ, — стали предполагать, что опредѣленные-же законы управляютъ и развитіемъ человѣческаго духа. Прибавившіяся къ памяти о прошломъ двѣ тысячи лѣтъ, расширили кругозоръ и, дали возможность усмотрѣть эту связь; и множество разнаго рода исторій, въ дополненіе къ политической исторіи, помогли охватить мыслью, взаимную зависимость различнаго порядка фактовъ, составляющихъ жизнь человѣческую. Гдѣ прежде видѣли рядъ событій, тамъ стали усматривать группы фактовъ; эти группы приводились въ стройную

систему; общій смыслъ всего этого выражался въ сокращенныхъ формулахъ, и установилось мнѣніе, что всеобщая исторія должна объяснить и связать однимъ общимъ закономъ всѣ дѣянія и мысли чело-вѣческаго рода.

Такое пониманіе исторіи прекрасно; но не ста-немъ сводить исторію на степень простой науки. Многіе изъ нашихъ историковъ могли-бы поучить-ся у Тита Ливія, какъ не слѣдуетъ перемѣшивать разсужденія съ разсказомъ, или сопровождать фактъ цѣлымъ рядомъ обсужденій, предположеній и раз-мышленій, его устанавливающихъ. Это тоже, какъ если-бы оставить на зданіи лѣса, служившіе при его постройкѣ. Разсказъ становится вялъ, какъ ско-ро послѣдовательность событій прервана сравне-ніемъ текстовъ и критикой свидѣтельствъ. Для того, чтобы произведеніе, подобно природѣ, имѣло жизненность, нужно, чтобы оно, какъ природа, заключало въ себѣ лишь событія и дѣйствія. Сочиненіе Нибура—только матерьялъ для исторіи; а сколько найдется другихъ, менѣе поражающихъ этимъ недостаткомъ, гдѣ однако цѣлыя главы ничто иное, какъ ученныя разсужденія! Съ трудомъ можно найти настоящую исторію древнихъ событій,—такъ-какъ ихъ теперь возстановляютъ съ помощью пред-положеній,—или же настоящую исторію недавнихъ событій, которыя всѣ истолковываются страстью; въ нихъ разсказъ исчезаетъ за полемикой, а кри-тика лишаетъ его жизни. Съ другой стороны, уче-ность нарушаетъ единство. Какъ размѣстить раз-наго рода исторіи, которыя вмѣстѣ образуютъ исторію народа? Въ какомъ порядкѣ расположить

ихъ, чтобы воспроизвести въ разсказѣ единое и непрерывное движеніе, котораго онѣ составляютъ отдѣльныя части? Какъ изъ этихъ разсѣянныхъ сценъ возстановить недѣлимую драму? То, что называлось въ XVIII вѣкѣ философской исторіей— есть раздробленная исторія. Въ Исторіи Англіи Юма, въ Вѣкѣ Людовика XIV Вольтера встрѣчаемъ—здѣсь политику, тамъ религію, далѣе искусство, литературу или торговлю,—каждый разрядъ фактовъ въ особомъ мѣстѣ, какъ въ анатомическомъ кабинетѣ разрозненные органы тѣла.

Хотя Ливій не нашелъ еще настоящаго плана, но при передачѣ фактовъ онъ держится гораздо ближе къ естественному распредѣленію ихъ. Онъ намъ представляетъ вмѣстѣ тѣ факты, которые совершились въ одно время; онъ хочетъ, чтобы они шли рядомъ въ исторіи, такъ-же, какъ они идутъ рядомъ во времени. Онъ не возвращается три, четыре раза по своимъ слѣдамъ, чтобы подобрать рядъ событій, оставленныхъ имъ на пути и составить армію изъ этихъ разсѣянныхъ отрядовъ; разсказъ его лучше расположенъ, потому что въ немъ менѣе учености. Наконецъ, мы научаемся у него, что философская мысль должна слиться съ самымъ разсказомъ; она не можетъ быть отъ него отдѣлена, ибо составляетъ какъ-бы его душу и должна быть замѣтной только по связи, которую вноситъ въ него; тотъ, кто каждую минуту останавливается, чтобы разсуждать о причинахъ и слѣдствіяхъ, уже не художникъ, а ученый. Не слѣдуетъ забывать, что исторія есть главнымъ образомъ повѣствованіе, что Ливій луч-

ше показалъ намъ постепенное развращеніе Рима, перечисляя въ каждомъ году преступленія полководцевъ, чѣмъ сдѣлалъ-бы то посредствомъ какой-нибудь отдѣльной сухой формулы; и обративши теоріи въ рѣчи, онъ превратилъ ихъ въ факты. Въ историкѣ есть критикъ, который провѣряетъ факты; ученый, который собираетъ ихъ и философъ, который ихъ поясняетъ; но всѣ они должны быть скрытыми за художникомъ, который повѣствуетъ. Они должны только подсказывать ему всѣ его слова, но не говорить сами. Исторія не должна сохранять слѣдовъ ни препирательствъ критика, ни компиляцій ученаго, ни отвлеченностей философа. Отвлеченности, компиляціи, препирательства должны слиться въ одно произведеніе искусства, подъ наитіемъ художественнаго воображенія, подобно тому, какъ въ формѣ итальянскаго скульптора серебро, олово, мѣдь и драгоценные сосуды расплавились, чтобы превратиться въ статую божества.

Въ наше время проложены новые пути въ искусствѣ, какъ и въ наукѣ, — и измѣнилась не только манера писать исторію, но и самый способъ ее воспроизводить. Вотъ уже около пятидесяти лѣтъ, какъ поэты и художники поняли, что ни одинъ человекъ не представляетъ собою какую-нибудь идею или страсть вообще, что каждый отдѣльный характеръ носить на себѣ свой личный, оригинальный отпечатокъ и для того, чтобы изобразить народъ или личность, необходимо обрисовать его отличительныя индивидуальныя черты. Приложение этого правила къ дѣлу скоро вновь населило всю

область прошедшаго. Отчетливые образы возстали въ полномъ свѣтѣ, цѣлою толпою, въ безконечномъ многообразіи тамъ, гдѣ прежде какія-то призрачныя тѣни, всѣ сходныя между собой, усыпляли вниманіе и путали наши воспоминанія. Грекъ, римлянинъ, испанецъ, египтянинъ, нумидіецъ, вошли въ исторію, каждый съ свойственной ему фізіономіей; и искусство, подобно наукѣ, приблизилось къ истинѣ.

Но это преслѣдованіе своеобразныхъ чертъ приводитъ къ тому, что исторія превращается въ рядъ анекдотовъ. Иной историкъ, вмѣсто того, чтобы изобразить человѣка крупными чертами, — какъ дѣлаетъ Ливій, — подробно описываетъ его занятія въ дѣтствѣ, характеръ его родителей, видъ его комнаты, цвѣтъ его одежды; гоняясь за характерными подробностями, легко вдатся въ безконечныя біографическія изслѣдованія, и рассказъ политическаго переворота превратитъ въ бытовой романъ.

Другой писатель для того, чтобы объяснить крушеніе престола, откапываетъ какое-нибудь уголовное дѣло или параграфъ изъ богословскаго трактата ¹⁾; въ какомъ-нибудь одномъ жестѣ или словѣ, или простомъ случаѣ, мы уже готовы видѣть девизъ цѣлаго характера, вѣка или народа. Иногда вдохновенное чутье, смѣлое и поэтическое, открываетъ истины, но оставляетъ ихъ безъ доказательствъ

¹⁾ Здѣсь Тэнъ очевидно имѣетъ въ виду извѣстныхъ историковъ французской революціи, Луи-Блана и Мишле, сочиненія которыхъ начали выходить за нѣсколько лѣтъ до этого изслѣдованія Тэна. Луи-Бланъ въ своемъ введеніи слишкомъ долго останавливается на уголовномъ процессѣ кардинала де-Рогана, приписывая „исторіи съ ожерельемъ“ чрезмѣрное

и окружаетъ заблужденіями. Но мы должны понять, по примѣру Ливія, что за римляниномъ, грекомъ, варваромъ, всегда скрывается человѣкъ, что общія мѣста—вѣчныя истины, что великіе перевороты имѣютъ источникомъ всѣмъ общія страсти, и что они были вызваны въ Римѣ, какъ и у насъ, нищетою и угнетеніями. Голодъ, страданія, различіе вѣры и расы, потребность пользоваться жизнью и дѣйствовать,—вездѣ являются побудительными причинами въ исторіи, какъ тяготѣніе и теплота вездѣ служатъ двигательными силами природы.

Чтобы обнять полную истину, нужно подражать не однимъ только новымъ историкамъ, но и Титу Ливію; и если мы заставляемъ дѣйствовать лицо или народъ, то нужно, подъ индивидуальнымъ расположеніемъ показать общія наклонности.

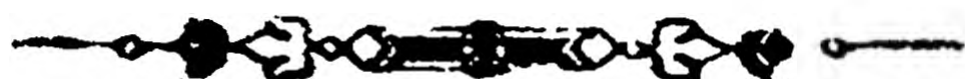
Новые историки даютъ слишкомъ много мѣста наукѣ и частнымъ подробностямъ; Ливій—искусству и общимъ чертамъ. Но въ этомъ взаимномъ обмѣнѣ поученій главное поученіе со стороны Ливія заключается въ его краснорѣчіи. Ибо особенное свойство краснорѣчія состоитъ въ воспроизведеніи человѣческихъ страстей посредствомъ слога, доведеннаго до совершенства. А вѣдь страсти, будучи главными причинами событій, составляютъ самую сущность исторіи. Мы слишкомъ

вліяніе на революцію. А Мишле въ своемъ вступленіи пускается въ обстоятельную и патетическую полемику противъ христіанскаго догмата о благодати, желая доказать, что революція замѣнила этотъ догматъ другимъ, болѣе справедливымъ принципомъ, и такимъ образомъ явилась какимъ-то новымъ Евангеліемъ.

Прим. ред.

забываемъ это въ наше время: вопросы финансовъ, тактики, политики, администраціи, догмата, философіи, искусства, науки, — всѣ стороны должны входить въ картину человѣческой жизни, но для того только, чтобы способствовать изображенію человѣческихъ страстей, ибо истинный предметъ исторіи — человѣческая душа. Однако-же безъ изящнаго выраженія, изображеніе страстей невѣрно и холодно. Слѣдовательно, для того, чтобы быть историкомъ, надо быть великимъ писателемъ. Правда, мы теперь думаемъ и чувствуемъ сильно и въ нашей исторіи больше науки и жизни, чѣмъ въ исторіи древнихъ. Но искусство писать исказилось. Мы вдыхаемъ заразу вмѣстѣ съ воздухомъ помимо нашей воли; всякій языкъ портится отъ употребленія; нашъ французскій языкъ обремененъ метафорами, отвлеченными терминами, готовыми выраженіями, которые внесены размышленіемъ, философіей, поэзіей, трудами литераторовъ и мыслителей. Большая часть современныхъ писателей пишутъ, какъ въ четвертомъ вѣкѣ, съ такою-же неправильностью и изысканностью, какъ бл. Августинъ. Мы перестали понимать то, что говоримъ, и хотимъ сказать болѣе, чѣмъ думаемъ. Мы заботимся о томъ, чтобы казаться выше, а не о томъ, чтобы понимать другъ друга. Для того, чтобы исправить свой слогъ, бл. Августинъ изучалъ точный и простой языкъ древнихъ авторовъ. Мы страдаемъ тѣмъ-же недугомъ и должны обратиться къ тому-же средству. Никто въ такой степени не достоинъ оказать намъ эту помощь, какъ Титъ Ливій. Въ наши дни расширен-

ное критикой, знаніемъ и философіей, историческое повѣствованіе стало обширнѣе, правильнѣе и глубже; но направляемое Титомъ Ливіемъ, его теченіе было чище, оно быстрѣе и прямѣе несло къ цѣли.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Замѣтка по вопросу о достовѣрности древней римской исторіи.

Критикуя Бофора, Тэнъ на стр. 106 — 116 высказываетъ свой взглядъ на достовѣрность древнѣйшей римской исторіи. Хотя онъ и очень высоко ставитъ авторитетъ Нибура, Тэнъ однако въ вопросѣ о достовѣрности римской исторіи ближе примыкаетъ къ традиціонной французской точкѣ зрѣнія и склоненъ преувеличивать степень достовѣрности римской исторіи. Нужно при этомъ имѣть въ виду еще и то, что книга Тэна о Ливіи вышла за годъ до появленія въ свѣтъ исторіи Рима Момсена, окончательно установившаго въ общихъ чертахъ мѣру ея достовѣрности и далеко превзошедшаго въ скептицизмѣ Нибура. Если Нибуръ признавалъ римскую исторію достовѣрной т.-е., основанной на современныхъ анналистическихъ извѣстіяхъ съ начала *республики*, то Момсень указывалъ на слабость и сбивчивость анналистической основы даже для эпохи самнитскихъ войнъ.

Довѣріе Тэна къ древней римской исторіи опирается преимущественно на значеніи, которое онъ придаетъ такъ называемымъ „Великимъ Анналамъ“, составявшимся „Великимъ (Верховнымъ) Понтифексомъ“.

Въ примѣчаніяхъ на стр. 107 и 349 приведены скудныя свѣдѣнія, сообщенныя намъ древними писателями объ этихъ анналахъ. Если бы дѣйствительно эти анналы или „ежегодники“ велись въ Римѣ *искони*, по выраженію Цицерона, если бы дѣйствительно въ нихъ ежегодно записывалось все, что случалось важнаго въ теченіи года, римскій народъ обладалъ бы лѣтописнымъ памятникомъ, которому могли бы позавидовать другіе народы и римская исторія отличалась бы передъ другими своею достовѣрностью. Но какъ самый матеріаль этого памятника, такъ и судьба его заставляютъ насъ сомнѣваться въ значеніи „великихъ анналь“ какъ источника, изъ котораго историки послѣднихъ двухъ вѣковъ могли черпать достовѣрныя свѣдѣнія о первыхъ вѣкахъ республики, не говоря уже о царской эпохѣ. Трудно допустить, чтобы деревянные доски могли сохраниться за 400 лѣтъ въ такой неприкосновенности, чтобы можно было ими пользоваться, особенно послѣ сожженія Рима галлами. Самъ Цицеронъ сообщаетъ, что древнѣйшее солнечное затменіе, записанное въ анналахъ, случилось въ 350 году отъ построенія Рима, болѣе же раннія затмененія, упоминаемая въ римской исторіи высчитаны астрономически. Къ этимъ вычисленіямъ было бы не нужно прибѣгать при существованіи „великихъ анналь“ за древнѣйшій

періодъ. Затѣмъ, хотя историкъ Діонисій, грекъ, жившій въ Римѣ въ эпоху Августа, и упоминаетъ о *священныхъ доскахъ*, которыми пользовались римскіе историки, самъ онъ ихъ не видалъ и въ его время онъ едва ли существовали. Дѣло въ томъ, что великій понтифексъ Муцій Сцевола, современникъ Кая Гракха, велѣлъ переписать содержаніе досокъ въ книги и такихъ книгъ составилось 80, а затѣмъ прекратилъ обычай выставленія новыхъ досокъ. Если бы „великіе анналы“, заключали въ себѣ богатые историческія данныя, сводъ ихъ содержанія, сдѣланный по распоряженію Муція Сцеволы, былъ бы легко доступнымъ и драгоценнѣйшимъ источникомъ для историковъ, жившихъ послѣ того, Валерія, Лицинія, самого Ливія и Діонисія. А между тѣмъ дошедшіе до насъ Ливій и Діонисій ни одного раза не ссылаются на авторитетъ „великихъ анналь“, никогда не приводятъ ни одного свидѣтельства ихъ. Это заставляетъ думать, что содержаніе „великихъ анналь“ не представляло для нихъ интереса. Дѣйствительно единственный отрывокъ, приведенный изъ этихъ анналь — Авломъ Гелліемъ — не историческаго содержанія, а касается жреческихъ обрядовъ. Съ этимъ согласенъ и пренебрежительный отзывъ объ этихъ анналахъ со стороны Катона, одного изъ древнѣйшихъ римскихъ историковъ послѣ Фабія. Катонъ говоритъ, что ему „не охота писать о томъ, что есть въ анналахъ понтифекса, о случаяхъ дороговизны хлѣба (неурожаяхъ), о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, и т. п.“.

Все это побудило изслѣдователей послѣдняго

времени отнестись критически къ традиціонному мнѣнію, что „великіе анналы“ представляютъ собою, какъ можно заключить по имени ихъ, *лѣтописный* памятникъ, составившійся съ цѣлью сохранить для потомства точныя свѣдѣнія о давно минувшихъ дняхъ. Не даромъ же эти анналы составлялись жрецами-понтифексами!

Одной изъ главныхъ обязанностей понтификовъ было веденіе календаря. Это было дѣло чрезвычайно сложное, такъ какъ римскій годъ не имѣлъ опредѣленнаго числа дней, и дѣло чрезвычайно отвѣтственное — вслѣдствіе суевѣрности римлянъ и политическаго значенія римскихъ религіозныхъ обрядовъ. Поэтому естественно напрашивается мысль, что веденіе понтификами анналь обусловливалось ихъ *календарной* дѣятельностью.

Въ виду этого историкъ Зеекъ ¹⁾, высказалъ чрезвычайно правдоподобное предположеніе, что *доска* выставившаяся понтификами представляла собою на самомъ дѣлѣ *календарь*, съ отмѣченными въ немъ судебными (*fasti*), не судебными (*nefasti* — неблагопріятными) и пр. днями. На этомъ календарѣ понтифики стали помѣчать при отдѣльныхъ дняхъ то, что случилось въ нихъ достопримѣчательнаго. Дѣлали же они свои помѣтки не для того, чтобы готовить матеріаль для будущихъ историковъ, но для практическихъ удобствъ римскаго населенія. Этому предположенію другой

¹⁾ Въ сочиненіи: *Die Kalendertafel der Pontifices*. См. объ этомъ статью В. П. Герье: „Научное движеніе въ области древнѣйшей римской исторіи“ въ Сборникѣ изд. Историческимъ Обществомъ при Моск. унив. Томъ II-ой.

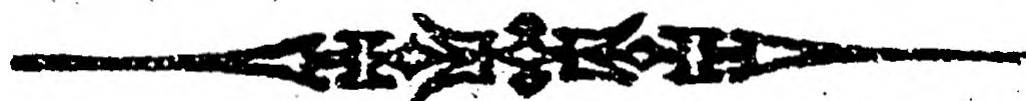
ислѣдователь — Цикоріусъ — придалъ своей поправкой бѣольшую правдоподобность, и болѣе серьезное значеніе. Онъ объяснилъ иначе и лучше поводъ, который имѣли понтифики для того, чтобы дѣлать свои помѣтки на календарѣ. Коллегія понтификовъ принимала офиціальное участіе почти во всемъ, что въ государствѣ происходило важнаго. Это участіе выражалось въ жертвоприношеніяхъ и искупительныхъ обрядахъ, сопровождавшихъ знаменія, преступленія и казни — въ торжественныхъ процессіяхъ по городу въ случаѣ засухи, чумы или иного бѣдствія, въ освященіи храмовъ и въ надзорѣ за общественными празднествами. Каждое такое происшествіе имѣло по этому особое значеніе для коллегіи понтификовъ, вслѣдствіе совершенныхъ ею по этому поводу обрядовъ — и вотъ почему понтифики и сочли нужнымъ закрѣплять въ своей памяти день, когда они совершали извѣстный обрядъ или моленіе по случаю засухи, неурожая, чумы, затменія, знаменія, празднества по случаю побѣды, освященія храма и т. п.

Этимъ предположеніемъ удовлетворительно объясняется и то, что доски понтификовъ могли съ теченіемъ времени заключать въ себѣ нѣкоторый хронологическій и историческій матеріалъ — на доскахъ годъ былъ во всякомъ случаѣ помѣченъ именами консуловъ, — и то, что этотъ матеріалъ былъ скуденъ и мало интересенъ для позднѣйшихъ римскихъ анналистовъ. Объясняется этимъ и громадность свода, составленнаго Муціемъ Сцеволою — 80 книгъ: это былъ сухой календарный матеріалъ за всѣ старые годы; становится понятнымъ и то, что ни

Ливій и Діонисій при всѣхъ своимъ критическимъ сомнѣніяхъ никогда не обращались за разъясненіемъ къ „великимъ анналамъ“.

Но если это такъ, то предъ нами исчезаетъ главная опора, которою Тэнъ считалъ возможнымъ подкрѣпить вѣру въ достовѣрность традиціоннаго разсказа о римской исторіи до пунійскихъ войнъ.

В. Герье.

О г л а в л е н і е.

В В Е Д Е Н І Е.

Б ю г р а ф і я Т и т а Л и в і я.

Стр.

§ 1. Его родина.— Семья.— Дѣтство.— Зрѣлый возраст.— Другъ Августа.— Республиканецъ.— Философъ.— Историкъ.— Все содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать изъ него оратора 1

§ 2. Свобода и литература при Августѣ.— Интересъ къ отечественной исторіи.— Императоръ еще допускаетъ ее.— Ни малѣйшаго понятія о грубости древнихъ временъ.— Ученые того времени не болѣе, какъ компиляторы.— Нелѣпости у Діонисія.— Философія не вошла еще въ исторію.— Римское воображеніе.— Риторскія упражненія въ школахъ.— Великія преданія краснорѣчія.— Обаятельное величіе Рима и Имперіи 12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія какъ наука.

ГЛАВА I.

К р и т и к а .

	<i>Стр.</i>
Критикъ разбираетъ—потомъ собираетъ—сомнѣвает- ся—приводитъ доводы—доказываетъ свои доводы.	32

ГЛАВА II.

Критика у Тита Ливія.

§ 1. Его введеніе.	38
§ 2. Титъ Ливій ничего не утверждаетъ иначе, какъ на основаніи авторитетовъ—и многочисленныхъ авто- ритетовъ.—Его признанія; его чувство справедливости; его искренность; его сомнѣніе.—Благородство души даетъ критическое чутье.—Безтолковость Діонисія.— Точность есть даръ критика.—Возрастающая достовѣр- ность послѣднихъ книгъ Тита Ливія	41
§ 3. Титъ Ливій вовсе не прибѣгаетъ къ древнимъ источникамъ, ни къ первоначальнымъ сказаніямъ, ни къ географіи.—Геродотъ и Египетъ.—Полибій.—Польза нѣкоторыхъ кухонныхъ подробностей.—Титъ Ливій— римлянинъ и патрицій.—Критика его не полна.—Ана- хронизмы нравовъ въ его исторіи.—Недостаточность его свѣдѣній	68

ГЛАВА III.

Критика новаго времени.

	<i>Стр.</i>
§ 1. Бофоръ. — Французскій ученый XVIII в. — Разсужденіе его противъ памятниковъ римской исторіи, противъ самыхъ событій римской исторіи. — Критика критики. — Авторитетность Большихъ Анналовъ. — Оффиціальныя документы. — Авторитетность первыхъ историковъ. — Въ исторіи вѣроятное представляетъ собой истинное	95
§ 2. Нибуръ. — Нѣмецкій ученый XIX в. — Исторія начинается эпопеей. — Вѣроятная исторія Рима. — Борьба сословій въ Римѣ есть борьба націй. — Открытія въ исторіи учрежденій и законовъ. — Излишнія изысканія подробностей. — Воображеніе ясновидца. — Въ исторіи частныя истины служатъ лишь для установленія истинъ общихъ.	116

ГЛАВА IV.

Философія исторіи.

Она разъискиваетъ законъ явленій и общій законъ частныхъ законовъ. — Связь явленій указываетъ на ихъ законъ. — Сила эпитета. — Поэзія есть своего рода философія	136
--	-----

ГЛАВА V.

Философія исторіи у Тита Ливія.

	<i>Стр</i>
§ 1. Характеръ и слабости Галловъ, Самнитовъ, Кар- еагенянъ, Аѳинянъ, Филиппа, Антиоха.—Борьба плебе- евъ съ патриціями.—Причины паденія римскаго наро- да.—Польза ораторской страсти и логики.	144
§ 2. Хронологическій порядокъ не совпадаетъ съ по- рядкомъ идей.—Неясности у Тита Ливія въ изложеніи хода войнъ и политики.—Многихъ законовъ не доста- етъ. — Ненужныя подробности. — Крупные факты смѣ- шаны съ мелкими.—Ораторскій духъ не то же, что фи- лософскій смыслъ.	170

ГЛАВА VI.

Философія римской исторіи у новыхъ писателей.

§ 1. Макіавелли.—Политическій писатель XVI в.—Со- чиненіе его ничто иное, какъ собраніе практическихъ правилъ.—Духъ хирургіи въ политикѣ.—Истинные за- коны, встрѣчаемые случайно и благодаря точности мы- сли.—Руководство для государственныхъ людей не есть еще философія исторіи	178
§ 2. Монтескьё.—Его слогъ.—Причины могущества Рима.—Заблужденія насчетъ внутренней его исторіи.— Юридическій духъ.—Рядъ размышленій не есть еще система законовъ.—Построеніе римской исторіи, свой- ственное новому времени.—Духъ римскаго народа и характеръ его созданія.	186

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія съ точки зрѣнія искусства.

ГЛАВА I.

Объ искусствѣ въ исторіи.

Искусство есть завершеніе науки.—Пониманіе характеровъ даетъ живые образы.—Знаніе законовъ даетъ систему.—Знаніе фактовъ, характеровъ и законовъ создаетъ слогъ 207

ГЛАВА II.

Характеры у Тита Ливія.

Изображеніе народовъ.—Римскій народъ.—Другіе народы.—Изображеніе лицъ.—Ганнибалъ.—Фабій Максимъ.—Сципіонъ.—Катонъ.—Павль Эмилиій.—Различіе и сходство между художникомъ и ораторомъ 212

ГЛАВА III.

Повѣствованіе и рѣчи у Тита Ливія.

§ 1. Повѣствованіе.—Повторенія.—Общія мѣста.—Восхваляютъ еще не значитъ повѣствовать.—Стремительность и связность разсказа.—Фабій и Папирій.—Сила ораторскаго повѣствованія.—Кавдинскія ущелья.—Разсказъ о смерти Лукреціи у Тита Ливія и у Діонисія.—Разсказъ о переходѣ черезъ Альпы у Полибія и у Тита Ливія. 274

§ 2. Стилистическое развитіе мысли некстати.—Рѣчи на полѣ битвы.—Симметрическія фразы.—Полководецъ —моралистъ и академикъ.—Искусство развивать и доказывать мысль.—Рѣчь Аппія о зимнихъ стоянкахъ.—Искусство дѣйствовать на чувства и увлекать слушателей.—Рѣчь Валерія.—Рѣчь Вибія Вирія. 312

ГЛАВА IV.

Слогъ Тита Ливія.

Эффекты краснорѣчія. — Употребленіе простыхъ терминовъ и общепринятаго языка. — Періодъ. — Слогъ Тита Ливія въ сравненіи съ Саллюстіемъ и Тацитомъ. 342

З а к л ю ч е н і е.

§ 1. Разборъ таланта Тита Ливія.—Какимъ образомъ ораторскій талантъ преобразуетъ и производитъ талантъ историка. 354

§ 2. Титъ Ливій среди другихъ древнихъ историковъ.—Геродотъ.—Ксенофонтъ.—Цезарь.—Саллюстій.—Тацитъ.—Фукидидъ 358

§ 3. Титъ Ливій передъ новѣйшими историками.—Успѣхи критики, знанія и философіи. — Исторія стала менѣе оживленной и болѣе безсвязной; она стала менѣе достовѣрной и болѣе анекдотичной.—Истинная исторія—это исторія страстей, а ея естественное выраженіе—краснорѣчіе.—Что мы выиграли и что потеряли.—Что мы забыли и чему можемъ научиться. 378
